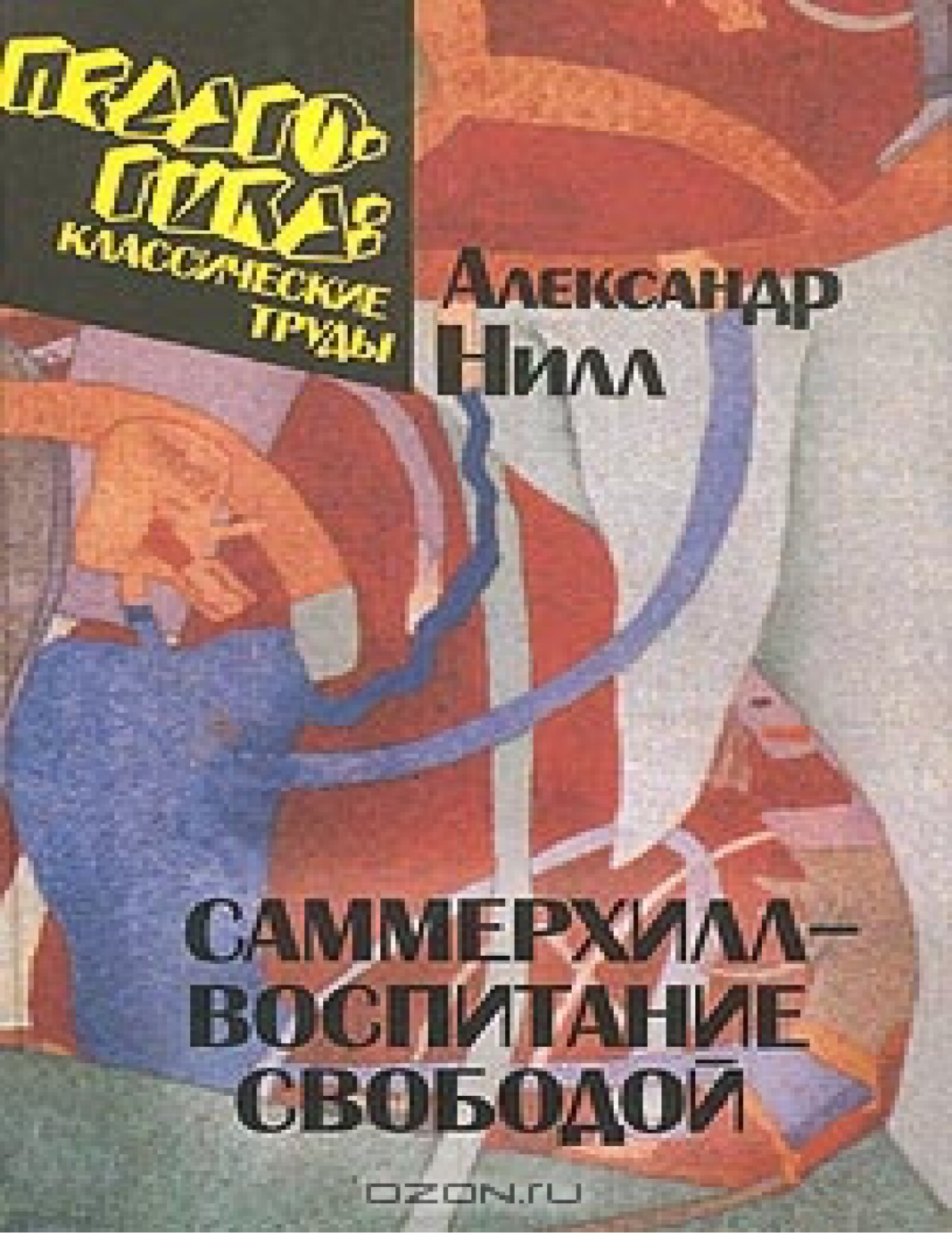
ПЕДАГОГИКА
КЛАССИЧЕСКИЕ ТРУДЫ
Александр Нилл
САММЕРХИЛЛ–
ВОСПИТАНИЕ
СВОБОДОЙ
OZON.RU

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Выдающийся английский педагог XX в. Александр Сазерленд Нилл на страницах этой книги говорит со взрослыми — педагогами, родителями, вообще всеми, кто имеет дело с детьми, — о том, как и почему наши дети становятся «трудными» и несчастными, и о том, что мы, взрослые, обязаны сделать, чтобы этого не происходило.

Книга будет особенно полезна будущим родителям и будущим педагогам — она может помочь им избежать многих трагических ошибок.

- Александр С. Нилл
  - Предисловие
  - Вступительное слово
  - Часть 1. ШКОЛА САММЕРХИЛЛ
    - Идея Саммерхилла
    - Взгляд на Саммерхилл
    - Образование в Саммерхилле по сравнению со стандартным образованием
    - Судьбы выпускников Саммерхилла
    - Личные уроки в Саммерхилле
    - Самоуправление
    - Совместное обучение
    - Труд
    - Игра
    - Театр
    - Танцы и музыка
    - Спорт и игры
    - Доклад инспекторов британского правительства
    - Заметки на полях доклада инспекторов Ее Величества
    - Будущее Саммерхилла
  - Часть 2. ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ
    - Несвободный ребенок
    - Свободный ребенок
    - Любовь и приятие
    - Страх
    - Чувство неполноценности и фантазии
    - Разрушители
    - Ложь
    - Ответственность
    - Послушание и дисциплина

- Поощрения и наказания
- Дефекация и воспитание чистоплотности
- Питание
- Здоровье и сон
- Аккуратность и одежда
- Игрушки
- Шум
- Манеры
- Деньги
- Юмор

○ Часть 3. СЕКС
- Отношение людей к сексу
- Половое воспитание
- Мастурбация
- Нагота
- Порнография
- Гомосексуализм
- Неразборчивость в связях, внебрачные дети, аборты

○ Часть 4. РЕЛИГИЯ И МОРАЛЬ
- Религия
- Нравственное воспитание
- Воспитательное влияние
- Сквернословие
- Цензура

○ Часть 5. ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕЙ
- Жестокость и садизм
- Истоки правонарушений
- Воровство
- Правонарушители
- Лечение ребенка
- Путь к счастью

○ Часть 6. ПРОБЛЕМЫ РОДИТЕЛЕЙ
- Любовь и ненависть
- Испорченные дети
- Власть и могущество
- Ревность и зависть
- Развод
- Родительская тревожность
- Родительское понимание

○ Часть 7. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ
- Общие вопросы
- О Саммерхилле
- О воспитании детей

        - О сексе
        - О религии
        - О психологии
        - Об учебе
    - Педагогика Александра Нилла
        - 1. Философские основы педагогики Александра Нилла
        - 2. Психологические основы педагогики Александра Нилла
        - 3. Педагогические принципы Александра Нилла
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33

- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

Александр С. Нилл
САММЕРХИЛЛ — ВОСПИТАНИЕ СВОБОДОЙ

Предисловие

«Твои дети — это на самом деле вовсе не твои дети. Они — сыновья и дочери жизни, стремящейся длиться. Они приходят в мир от тебя, но не благодаря тебе. И хотя они пока что с тобой, они не принадлежат тебе. Ты можешь дать им свою любовь, но не свои мысли, потому что у них есть собственные мысли. Ты можешь приютить их тела, но тебе не удержать их души, потому что их души обитают в доме завтрашнего дня, куда ты не можешь последовать за ними даже в мечтах. Ты можешь стремиться быть похожим на них, но не пытайся добиться, чтобы они были похожи на тебя, потому что жизнь не идет назад и жить во «вчера» невозможно.

Ты — лук, из которого твои дети, как живые стрелы, посланы вперед, в будущее.

Так изогнись в руке Лучника для радости…»

Калиль Джибран

Эта книга составлена из отрывков, отобранных из четырех моих более ранних книг американским издателем Гарольдом Хартом. Одной из них была книга «Эта кошмарная школа», написанная еще в 1936 г., так что в разделе «Саммерхилл» есть и такие отрывки, которые я сегодня не написал бы, но их не много, потому что в моей философии образования и жизни не произошло никаких существенных изменений. Саммерхилл сегодня в своих главных чертах — тот же, что был при его основании в 1921 г. Самоуправление для учеников и персонала, свобода ходить на уроки или не ходить, свобода играть целыми днями, неделями или даже годами, если необходимо, свобода от навязывания какой-либо идеологии — религиозной, моральной или политической, свобода от целенаправленного формирования характера.

А вот в отношении к психологии я изменился. Когда моя школа находилась в Германии, а затем в Австрии (с 1921 по 1924 г.), я был в гуще нового тогда психоаналитического движения. Как и множеству других молодых глупцов, мне казалось, что Утопия достижима. Сделайте бессознательное осознанным, и мир избавится от злобы, преступлений и войн — психоанализ был ответом на все вопросы. Когда я вернулся в Англию и поселился в доме, называвшемся «Саммерхилл», в Лайм

Риджес, у меня было всего пять учеников. Через три года их число выросло до двадцати семи. Большинство из них были трудные дети, которых отправили ко мне совсем отчаявшиеся родители и учителя, — воры, разрушители, задиры обоих полов. Я полагал, что «лечу» их психоанализом, но обнаружил, что те, кто отказывался посещать мои аналитические сеансы, тоже излечивались, и был вынужден заключить, что излечивала на самом деле свобода, а не анализ. И слава богу, потому что психоанализу не одолеть нездоровье всего человечества.

Мне уже поднадоело говорить о прошлом, но о будущем я говорю с осторожностью. Я вижу некоторые признаки прогресса. Есть несколько превосходных начальных школ. Недавно я побывал в одной такой школе в Лейсетере. Она разительно отличается от начальных школ сорокалетней давности: счастливые лица, нормальный детский галдеж, каждый ребенок занят своим делом. Следующим шагом должно быть распространение таких свободных методов в средней школе — задача, практически не осуществимая при сохранении экзаменационной системы.

Вижу я и признаки стагнации, даже регресса. Более 80 % английских учителей хотели бы сохранить в школе телесные наказания. Скорее всего, в Шотландии число их единомышленников было бы не меньше. Образование все больше и больше стандартизируется, с оглядкой на выпускные экзамены.

Огромная беда состоит в том, что обучение в школе очень мало связано с жизнью за ее пределами. Сколько бывших учеников читают Мильтона, Т. Харди или Шоу? Сколько слушают Бетховена или Баха? Школа игнорирует воспитание чувств ребенка, по крайней мере так построены школьные предметы, поэтому эмоциональная жизнь ребенка протекает под влиянием других факторов: телевидения, популярных групп, бинго, футбола, комиксов, эротических журналов. А поскольку все эти факторы — элементы хорошо налаженной индустрии развлечений, у бедного учителя в соревновании с ними нет никаких шансов. Кто из школьных педагогов способен вызвать такую же бурю аплодисментов, как «Битлз»? Толстопузый учитель математики хотел бы, чтобы вся школа восторгалась иррациональными числами. Это, на мой взгляд, самая насущная задача образования — разрешить противоречие между сложившимся еще в викторианскую эпоху набором школьных дисциплин и стремлением современной молодежи к полноте жизни.

Я бы рад был восторгаться протестом хиппи, детей-цветов, но не могу. То, чему они бросают вызов, не имеет никакого

значения: длина волос, стиль одежды, строй речи. Но они не бросают вызов системе образования, преподаванию религии в нехристианских странах, католическим и протестантским школам, в которых бьют детей, лицемерно соединяя завет этого старого дуралея Соломона с заветами Христа. «Наказывай малого ребенка…» И религиозные родители, и учителя стараются, чтоб уж с наказаниями все было в полном порядке.

Возможно, в США дела обстоят иначе. Я думаю, что хиппи из университета Беркли адресуют свой вызов как раз настоящим и жизненно важным проблемам — во Вьетнаме, расовой нетерпимости, общественному статусу, измеряемому в долларах. Циник сказал бы, что бунты эти, может быть, и прекрасны, но лет через двадцать хиппи, дети-цветы, все равно станут самыми настоящими консерваторами.

Никто не может отрицать ни того, что общество больно, ни того, что оно не хочет расставаться со своими болезнями. Общество борется с любыми человеческими усилиями, направленными на его улучшение. Оно выступало против введения избирательного права для женщин и отмены смертной казни, против реформы наших жестоких законов о разводе и о преследовании гомосексуалистов. В некотором смысле задача педагогов — противостоять массовой — овечьей психологии: когда у всех овец одинаковые шкуры и одинаковое бе-бе-бе-е, когда загоняют в угол паршивую овцу, бунтаря. У наших школ свои пастыри, отнюдь не всегда великодушные. Наши барашки-ученики одеты в миленькую одинаковую форму. Я не хочу излишне развивать эту метафору, но смею предположить, что символический «настриг шерсти» с множества скучающих учеников этому обществу подходит.

Образование призвано готовить детей к жизни в обществе и одновременно помогать им стать независимыми личностями, и самоуправление, без сомнения, делает и то, и другое. В обычной школе добродетелью является послушание, причем доведенное до такой степени, что очень немногие ее выпускники во взрослой жизни способны бросить вызов хоть чему-нибудь. Тысячи студентов в педагогических учебных заведениях полны энтузиазма в отношении будущей профессии. Но уже через год после окончания колледжа они сидят в своих учительских и полагают, что в понятие «образование» входят только учебные предметы и дисциплина. Конечно, они не смеют бунтовать открыто, потому что это грозит потерей работы, но даже в мыслях бунтуют немногие. Человеку нелегко вырваться из пут сформировавшего его жизненного опыта. И вырастает новое поколение, которое навязывает все те же запреты, устаревшие

нравственные правила и педагогические глупости уже следующему поколению, — и замыкается добрый старый порочный круг. Печальный факт: обработанные таким образованием люди принимают пороки своего общества как должное. Напалм? Трудно прийти в негодование по поводу детишек, заживо сожженных где-то в Азии. Расовая нетерпимость? Ну, естественно, не следует смешивать расы. Здесь старик Адольф был прав. Я знаю, что Иисус велел нам любить ближних, но ведь он не говорил, что мы должны любить черных, правда ведь? (Звучит, как у Альфа Гарнетта — английского общественного деятеля 50-х гг., известного своими расистскими взглядами)

Да что мы все о школе и учителях! Почитайте, например, книгу Селби «Последний выход в Бруклин». В Британии она была запрещена законом. Ее запрет — еще одно проявление официального Чванства невежественных пуритан. Книга полна четырехбуквенных слов (а многие английские слова, считающиеся неприличными, состоят из четырех букв), описаний сексуальных извращений и самых низких человеческих проявлений, но я думаю, что многим было бы полезно с ней ознакомиться — она наглядно показывает кое-какие аспекты нашей хваленой культуры. Картина действительно страшная. В книге описана оборотная сторона американской кадиллачной, карьерной, жизнеотрицающей культуры, показано, что делают с человеческими существами трущобы, скверное образование и коммерциализация. Но ведь в той или иной степени все это есть в каждой стране и в каждом городе нашего мира. Все это — естественное следствие нашего благоденствующего общества, привычного «так хорошо еще никогда не было». Подлинной культуры там нет и не было. Мне кажется, что наши телевизионные программы ориентированы на зрителей с эмоциональной зрелостью восьмилетних детей. Что же происходит? Может, во всем виновата большая бомба, которая висит над нами? Давайте есть, пить и веселиться, потому что завтра мы умрем. Или, скорее, это новый вид материализма, полагающего, что единственными источниками удовольствия являются автомобили, электрифицированные кухни, ночные клубы, бинго и прочие инфантильные идиотства? Мы живем на бедной улице, мы — хипповые парни, у нас своя шайка. Пусть дураки работают и копят бабки, чтобы купить «ягуар». Мы всегда можем его угнать, чтобы куда-нибудь свозить своих девчонок.

Я иду на ощупь. Я безуспешно пытаюсь понять, почему человечество творит так много зла. Я не могу поверить во врожденную порочность людей, в существование первородного

греха. Я повидал слишком много злобных детей, которые в условиях свободы и принятия их взрослыми становились хорошими. Но тогда почему изначально доброе человечество создает такой нездоровый, несправедливый и жестокий мир? Из опыта я знаю, что дети, воспитанные на самоуправлении и свободе, никогда не станут ненавидеть евреев или негров, не будут бить своих детей и внушать им понятие греховности секса, никогда не станут запугивать их сказками о карающем Боге. Поспешу добавить, что есть и другие школы, директора которых могли бы подписаться под этими словами. Я задаю себе вопрос: если Саммерхилл может растить людей, не склонных к ненависти, жестокости, милитаризму и предрассудкам, почему весь мир не может иметь школы, дающие подобные результаты? Две тысячи лет назад люди выбрали Варавву и распяли Христа. Сегодня они повторяют тот же выбор. Почему? Хотел бы я знать…

Все великие мира сего — его сократы, христы, фрейды, дарвины, папы и епископы — не смогли разгадать загадку человечности. И мы, малые, тоже не знаем ответа. Диагноз нам известен: разрушьте любовь, и вы получите ненависть. Нам только неизвестно, почему, собственно, мы разрушаем любовь. Фрейд и Райх говорят, что из-за страха перед сексом и ненависти к нему; Адлер говорит, что жажда власти превосходит желание любви. Но так ли уж важно нам знать причины? Фрейдизм ошибочно полагал, что осознание исходной травмы автоматически излечивает комплекс, игнорируя тот факт, что комплексы вызваны длительным и настойчивым подавлением в детстве. В самые трудные дни Саммерхилла малолетние мошенники избавлялись там от своих пороков, так и не осознав корни своего непреодолимого стремления к воровству. Человечество излечилось бы от своих болезней, если бы мы смогли избавиться от тирании в семье, строгих школ, жизнеотрицающей религии. Но как же огромно это «если бы»! И все же либо такое «если», либо человечество погибнет — от атомной бомбы, отравленных почвы и воздуха или отравленных чувств.

Учительница рассказывала классу о Нероне, о том, как он убил свою мать и веселился, когда горел Рим.

Ну, дети, после того, что я вам рассказала, как вы думаете, Нерон был хорошим человеком или плохим? Ты, Билли.

Не знаю, мисс, мне он ничего такого не сделал.

Философия Билли правит современным миром. Наводнения и землетрясения в Индии или Китае? Переверните страницу, и вы узнаете, как сыграли в субботу футболисты «Шеффилд Юнайтед». «Разве я сторож брату моему?» Конечно нет, иначе зачем же мы

избираем членов парламента? Или директоров школ? Или священников? Или армию? Может быть, в конце концов первородный грех и существует… грех неучастия. Если Саммерхиллу и есть что сказать, то следующее: ты не имеешь права на неучастие. Борись с нездоровьем мира, но не лекарствами вроде нравственных поучений и наказаний, а натуральными средствами — принятием, нежностью, терпимостью. Я не осмеливаюсь использовать слово «любовь», потому что оно стало почти неприличным, как и множество других ясных и чистых четырехбуквенных англосаксонских слов.

Александр Нилл

Вступительное слово

Психология — в этой области никто не знает слишком много. Внутренние пружины человеческой жизни по-прежнему в основном скрыты от нас. С тех пор как гений Фрейда вдохнул в нее жизнь, психология продвинулась далеко, но все же она еще остается молодой наукой, только намечающей очертания берегов неизведанного континента. Лет через пятьдесят будущие психологи, наверное, улыбнутся нашему нынешнему невежеству.

С тех пор как я оставил теоретическую педагогику и занялся детской психологией, мне пришлось поработать с самыми разными детьми: поджигателями, ворами, лжецами, теми, кто мочился в постель, и теми, кто страдал приступами ярости. Годы напряженной работы убедили меня, что я довольно мало знаю о движущих силах жизни. Я уверен, однако, что родители, которые имеют дело только с собственными детьми, знают гораздо меньше, чем я. И поскольку я считаю, что трудным ребенка почти всегда делает неправильное обращение с ним дома, я осмеливаюсь обратиться к родителям.

В чем состоит задача психологии? Я предлагаю слово «лечение». Однако я вовсе не хочу быть излеченным от предпочтения оранжевого или черного цвета; от пристрастия к курению, равно как и от моей привязанности к бутылочке пива. Ни один педагог на свете не имеет права лечить ребенка от желания извлекать шум из барабана. Единственное, от чего можно лечить, — это несчастливость.

Трудный ребенок — несчастливый ребенок. Он находится в состоянии войны с самим собой, а следовательно, и со всем миром.

Трудный взрослый сидит в той же лодке. Ни один счастливый человек никогда не нарушал порядок на собрании, не проповедовал войну, не линчевал негра. Ни одна счастливая женщина никогда не придиралась к своему мужу или детям. Ни один счастливый мужчина никогда не убивал и не крал. Ни один счастливый начальник никогда не держал своих подчиненных в страхе.

Все преступления, всю злобу, все войны можно свести к несчастливости. Эта книга — попытка показать, как возникает несчастье, как оно разрушает человеческую жизнь и что можно сделать, чтобы несчастье, по возможности, не возникало. Более того, это книга о конкретном месте — Саммерхилле, где детское несчастье излечивается и, что еще важнее, дети воспитываются в счастье.

Александр Нилл

Часть 1. ШКОЛА САММЕРХИЛЛ

Идея Саммерхилла

Это рассказ об одной современной школе, которая так и называется — Саммерхилл. Школа была основана в 1921 г. Она расположена в городке Лейстон в Саффолке, приблизительно в ста милях от Лондона.

Несколько слов об учениках Саммерхилла. Дети попадают в нашу школу обычно в возрасте 5 лет, но могут прийти и в 15. Заканчивают школу в 16 лет. Как правило, у нас около 25 мальчиков и 20 девочек.

Дети разделены на три возрастные группы: младшие — от 5 до 7 лет, средние — от 8 до 10 и старшие — от 11 до 15. У нас учится довольно много детей из других стран. В данный момент, в 1968 г., среди наших учеников два скандинава и 44 американца.

Дети размещаются в школе по своим возрастным группам, в каждой есть домоправительница. Спальни детей среднего возраста находятся в каменном здании, старшие спят в летних домиках. Только один или двое старших учеников имеют отдельные комнаты. Комнаты как мальчиков, так и девочек рассчитаны на два-три-четыре человека. Никто не проверяет комнаты, и никто за детьми не прибирает. Их оставляют в покое. Никто не говорит им, что надевать: они носят что хотят.

Школу с таким порядком газеты называют школой «делай-что-хочешь», журналисты считают, что у нас тут сборище примитивных дикарей, не признающих никаких правил и не умеющих себя вести. Поэтому мне придется рассказать о Саммерхилле настолько честно, насколько я вообще могу это сделать. Понятно, что я пристрастен, когда пишу о своей школе, но все-таки я постараюсь показать не только ее заслуги, но и упущения. Заслуга — здоровые и свободные дети, чья жизнь не испорчена страхом и ненавистью.

Очевидно, что школа, которая заставляет детей, активных по своей природе, все время сидеть за партами, изучая по большей части бесполезные предметы, — это плохая школа. Она хороша лишь для тех, кто верит именно в такую школу, для людей, которые лишены творческой жилки, стремящихся и детей привести не к творчеству, а к послушанию, к полному соответствию цивилизации, где единственный критерий успеха — деньги.

Саммерхилл начинался как экспериментальная школа. Теперь это скорее показательная школа, а показывает она, что свобода делает свое дело. Когда мы с моей первой женой создавали эту школу, у нас была одна ведущая идея: школа

должна подходить детям, а не наоборот — дети школе.

Я много лет преподавал в обычных школах. Я хорошо знал другой способ организации школьной жизни и понимал, что он никуда не годится. Не годится потому, что он основывается на представлениях взрослых о том, каким ребенок должен быть и как учиться. Этот другой способ ведет отсчет своего существования с тех времен, когда психология как наука была еще неизвестна.

Так вот, мы взялись создать школу, в которой детям предоставлялась бы свобода быть самими собой. Для этого мы должны были отказаться от всякой дисциплины, всякого управления, всякого внушения, всяких моральных поучений, всякого религиозного наставления. Нас называли храбрецами, но это вовсе не требовало храбрости. Все, что требовалось, — это вера: в ребенка, в то, что он по природе своей существо доброе, а не злое. Более чем за 40 лет вера в добрую природу ребенка ни разу не поколебалась и, скорее, превратилась в окончательную уверенность.

Я полагаю, что ребенок внутренне мудр и реалистичен. Если его оставить в покое, без всяких внушений со стороны взрослых, он сам разовьется настолько, насколько способен развиться. Поэтому Саммерхилл — это такое место, где имеющие способности и желание заниматься наукой станут учеными, а желающие мести улицы будут их мести. Мы, правда, до сих пор не вырастили ни одного дворника. Я пишу это без всякого снобизма, потому что мне приятнее школа, выпускающая счастливых дворников, чем та, из которой выходят ученые-невротики.

Так что же это за школа, Саммерхилл? Во-первых, уроки необязательны. Дети вольны посещать их, если хотят, но могут и игнорировать — годами, если пожелают. Расписание существует, но только для учителей.

Дети обычно ходят на те занятия, которые соответствуют их возрасту, а иногда — интересам. У нас нет новых методов преподавания, потому что мы не считаем преподавание само по себе очень важным. Есть у школы особые способы обучения делению в столбик или их нет — не имеет никакого значения, потому что сам навык деления в столбик важен только для тех, кто хочет его освоить. А ребенок, который действительно хочет научиться делить в столбик, непременно будет уметь это делать независимо от того, каким способом его обучают.

Дети, которые поступили в Саммерхилл в дошкольном возрасте, ходят на уроки с самого начала своего пребывания у нас, но дети, поучившиеся прежде в других школах, заявляют, что

они больше никогда в жизни не пойдут ни на один идиотский урок. Это продолжается порой несколько месяцев. Они играют, катаются на велосипедах, мешают другим, но уроков избегают. Время выздоровления от этой болезни пропорционально ненависти, порожденной у них их прошлой школой. Рекорд поставила одна девочка, пришедшая из монастырской школы. Она пробездельничала три года. Вообще, средний срок выздоровления от отвращения к урокам — три месяца.

Люди, не разделяющие нашей концепции свободы, подумают: что же это должен быть за сумасшедший дом, в котором дети, если хотят, могут играть целыми днями. Одни взрослые говорят: «Если бы меня отправили в такую школу, я бы вообще никогда ничего не делал». Другие говорят: «Такие дети будут чувствовать себя неполноценными, когда им придется состязаться с детьми, которых заставляли учиться».

Я же думаю о Джеке, который ушел от нас, когда ему было семнадцать, чтобы поступить на механический завод. Однажды его вызвал к себе управляющий.

Ты — парень из Саммерхилла, — сказал он. — Вот мне интересно, что ты думаешь об этом обучении теперь, когда ты встретился с ребятами из обычных школ. Если бы сейчас тебе снова пришлось выбирать, ты предпочел бы Итон или Саммерхилл?

Конечно, Саммерхилл, — ответил Джек.

Но что дает эта школа, чего не дают в других?

Джек поскреб затылок.

Не знаю, — ответил он задумчиво, — Я думаю, что она дает чувство полной уверенности в себе.

Да уж, — сухо констатировал управляющий, — я это заметил, когда ты вошел в мой кабинет.

О, боже, — рассмеялся Джек, — жаль, если я произвел на вас такое впечатление.

Мне это понравилось, — сказал управляющий. — Большинство людей, когда я вызываю их к себе в кабинет, ерзают на стуле и смущаются. Ты же вошел как равный. Между прочим, в какой отдел, ты сказал, ты хотел бы перейти?

Эта история показывает, что само по себе учение не так важно, как личность и характер. Джек провалился на экзаменах в университет, потому что ненавидел книжную премудрость. Но недостаток знаний об «Эссе» Лэма[1] или незнание французского языка не сделали его не приспособленным к жизни. Сейчас он успешно работает механиком.

Между прочим, в Саммерхилле довольно много учатся. Возможно, группа наших двенадцатилетних и не сможет

конкурировать с обычным классом такого же возраста в чистописании, орфографии или дробях. Но на экзамене, требующем сообразительности, наши разбили бы их в пух и прах.

У нас в школе нет переводных экзаменов, но иногда интереса ради я вдруг устраиваю нечто вроде экзамена. Однажды, например, были даны такие вопросы:

Где находятся Мадрид, остров Четверг, вчера, любовь, демократия, ненависть, моя карманная отвертка (увы, по поводу последнего не поступило ни одного полезного указания)?

Приведите значения следующих слов (цифра показывает, сколько значений ожидается в каждом случае): hand (3)… только двое сумели правильно привести третье значение — единица измерения роста лошади. Brass (4)… металл, мелкие монеты, высшие армейские чины, оркестровая группа[2].

Переведите монолог Гамлета «Быть или не быть» на саммерхиллский язык.

Совершенно ясно, что эти вопросы несерьезны и дети получают от них огромное удовольствие. Новички, как правило, не поднимаются в ответах до уровня ребят, уже пообвыкшихся в школе. И не из-за слабости интеллекта, а скорее из-за укоренившейся привычки ходить проторенными дорожками, а свобода передвижения их озадачивает.

Мы говорили об игровом аспекте учения, но на всех занятиях проводится и большая работа. Если учитель почему-либо не может провести занятие, назначенное на данный день, то это обычно вызывает у детей большое разочарование.

Дэвида, 9 лет, пришлось изолировать из-за коклюша. Он горько плакал и протестовал: «Я же пропущу урок мисс Роджер по географии». Дэвид находился в школе практически с рождения, и у него были вполне определенные и окончательные представления о необходимости ходить на уроки, которые ему предлагают[3]. Сейчас Дэвид — профессор математики в Лондонском университете.

Несколько лет назад на общем собрании школы (где каждое из Правил для учащихся принимается всей школой, а каждый ученик и каждый сотрудник имеют при этом по одному голосу) кто-то предложил, чтобы определенные проступки наказывались отлучением от уроков на неделю. Дети запротестовали — это чересчур суровое наказание.

И я, и мои сотрудники до глубины души ненавидим экзамены. Для нас университетские экзамены — проклятье. Но мы не можем не учить наших ребят обязательным предметам. Пока экзамены существуют, нам приходится с этим считаться. А следовательно, педагоги Саммерхилла всегда достаточно

квалифицированны, чтобы преподавать в соответствии с установленными стандартами.

Немногие дети хотят сдавать[4] эти экзамены, к ним стремятся лишь те, кто собирается поступать в университет. Они обычно начинают серьезно готовиться к экзаменам лет с 14 и года за три осваивают все необходимое. Конечно, не всегда наши выпускники поступают с первой попытки. Важно, что они пробуют поступать снова.

Саммерхилл, вероятно, самая счастливая школа в мире. У нас нет прогульщиков и редко случается, чтобы дети тосковали по дому. У нас почти никогда не бывает драк — ссоры, конечно, неизбежны, но мне редко доводилось видеть кулачные бои вроде тех, в которых я участвовал мальчиком. Также редко я слышу, чтобы дети кричали, потому что у свободных детей, в отличие от подавленных, нет ненависти, которая требует выражения. Ненависть вскармливается ненавистью, а любовь — любовью. Любовь означает принятие детей, и это существенно для любой школы. Вы не можете быть на стороне детей, если наказываете или браните их. Саммерхилл — это школа, где ребенок знает, что его принимают.

Надо заметить, что нам вовсе не чужды человеческие слабости. Однажды весной я занялся посадкой картофеля, и, когда в июне обнаружил, что восемь кустов выдернуто, я устроил большой скандал. Тем не менее разница между моим скандалом и тем, какой устроил бы авторитарный педагог, была. Мой скандал был по поводу картошки, а скандал, который устроил бы авторитарный педагог, концентрировался бы на нравственной проблеме честности и нечестности. Я не говорил, что воровать картошку нельзя. Я делал акцент на том, что это моя картошка и поэтому воровать ее не следовало. Надеюсь, я понятно объяснил разницу.

Другими словами, я для детей не начальник, которого надо бояться. Мы с ними равны, и шум, который я поднял по поводу моей картошки, имеет для них не большее значение, чем шум, который поднял бы любой из мальчиков по поводу проколотой шины своего велосипеда. Если вы равны, нет ничего страшного в том, что я поднял шум.

Кое-кто скажет: «Это все одни разговоры. Никакого равенства тут не может быть. Нилл — главный, он старше и мудрее». И это правда. Я — главный, и, если бы случился пожар, дети побежали бы ко мне. Они знают, что я старше и опытнее, но, когда я встречаюсь с ними на их территории, на картофельной грядке, так сказать, это не имеет значения.

Когда пятилетний Билли велел мне убираться с его дня

рождения, потому что меня туда не приглашали, я сразу ушел, нимало не колеблясь, — точно так же Билли убирается из моей комнаты, когда я не желаю его общества. Описать такие отношения между педагогами и детьми нелегко, но всякий, кто побывал в Саммерхилле, понимает, что я имею в виду, говоря об идеальных отношениях. Это видно и применительно к персоналу в целом. Мистера Клейна, химика, зовут по имени — Аллан. Другие сотрудники известны детям как Гарри, Ула, Дафна. Меня называют Нилл, а повариху — Эстер.

В Саммерхилле у всех равные права. Никому не позволено бренчать на моем рояле, но и мне не позволено брать без спроса чей-либо велосипед. На общих собраниях школы голос шестилетнего ребенка значит столько же, сколько мой.

Искушенный человек, конечно, скажет, что на практике все решают голоса взрослых. Разве шестилетний ребенок, прежде чем поднять руку, не посмотрит на то, как голосуете вы? Хотел бы я, чтобы он действительно иногда так поступал, а то слишком много моих предложений проваливается. Если дети свободны, на них не так-то легко повлиять, и причина — в отсутствии страха. Что и говорить, отсутствие страха — самое прекрасное, что может быть в жизни ребенка.

Наши дети не боятся наших сотрудников. Одно из школьных правил состоит в том, что после десяти часов вечера в коридоре верхнего этажа должно быть тихо. Однажды вечером, около одиннадцати, разгорелась подушечная баталия, и я поднялся из-за стола, за которым писал, чтобы выразить протест по поводу шума. Когда я поднимался наверх, в коридоре поначалу раздался топот, а затем стало тихо и пусто. И тут я услышал как бы даже разочарованный возглас: «Да это же Нилл», — и веселье возобновилось. Когда я объяснил, что сижу внизу и пытаюсь писать книгу, они проявили сочувствие и сразу согласились прекратить шум. А разбежались они, подумав, что их застукал дежурный, обязанный следить за соблюдением времени отбоя (их ровесник).

Я хочу подчеркнуть важность отсутствия страха перед взрослыми. Девятилетний ребенок, разбив окно мячом, придет и скажет мне об этом. Скажет, потому что не боится, что я разозлюсь и начну читать мораль. Ему, возможно, придется заплатить за окно, но он не опасается нотации или наказания.

Несколько лет назад случилось так, что школьное правительство ушло в отставку и никто не хотел выставлять свою кандидатуру на выборы. Я воспользовался случаем и вывесил объявление: «В отсутствие правительства настоящим объявляю себя Диктатором. Хайль Нилл!» Вскоре начался ропот. В середине

дня ко мне пришел шестилетний Вивьен и сказал: «Нилл, я разбил окно в спортзале». Я отмахнулся от него: «Не приставай ко мне с такими мелочами», — сказал я, и он ушел. Чуть позже Вивьен вернулся и сообщил, что разбил еще два окна. Тут мне стало любопытно, и я спросил, в чем, собственно, состоит его идея.

Я не люблю диктаторов, — ответил мальчик, — и я не люблю оставаться без еды. (Позже я выяснил, что оппозиция диктатуре попыталась отстоять свои права у поварихи, но та быстренько заперла кухню и ушла домой.)

Ну, и что ты собираешься делать дальше? — поинтересовался я.

Бить окна.

Вперед! — поддержал его я, и он отправился.

Когда он снова вернулся, то объявил, что разбил еще семнадцать окон.

Но имей в виду, — слова Вивьена звучали убедительно, — я за них заплачу.

Каким же образом?

Из своих карманных денег. Сколько времени на это понадобится?

Я быстренько прикинул и ответил:

Около десяти лет.

На мгновение он помрачнел; но потом я увидел, как его лицо посветлело.

Ха, — закричал он, — я вообще не должен за них платить.

А как же насчет правила личной собственности? — спросил я. — Окна — это моя личная собственность.

Это я знаю, но теперь ведь нет никакого правила личной собственности. Правительства-то нет, а правила делает правительство.

Возможно, выражение моего лица заставило его добавить:

Но я все равно за них заплачу.

Однако платить за окна ему не пришлось. Вскоре на своей лекции в Лондоне я рассказал эту историю. После выступления ко мне подошел молодой человек и вручил фунтовую банкноту со словами: «В уплату за окна этого дьяволенка». И спустя два года Вивьен продолжал рассказывать разным людям о разбитых окнах и человеке, заплатившем за них: «Он, должно быть, ужасный придурок, он ведь меня даже ни разу не видел».

Дети легче вступают в контакт с незнакомцами, когда им неведом

страх. Английская сдержанность на самом деле — страх; и именно поэтому самые сдержанные люди — у кого больше всего

денег. То, что дети Саммерхилла так исключительно приветливы с гостями, — предмет гордости и для меня, и для моих коллег.

Следует, однако, признать, что большинство наших посетителей сами по себе интересны детям. Наименее желательный для них род гостей — ревностные педагоги, которые непременно хотят посмотреть их рисунки или письменные работы. Самый желанный гость — тот, у кого есть что рассказать — о приключениях или путешествиях, а лучше всего об авиации. Боксер или известный теннисист немедленно попадет в окружение детворы, а тот, кто только разглагольствует, будет безжалостно оставлен в одиночестве.

Чаще всего наши гости отмечают, что невозможно отличить детей от сотрудников. Это правда: чувство единения оказывается очень сильным, когда дети ощущают поддержку. Учитель как таковой ничем не выделяется. Ученики и сотрудники едят одно и то же и подчиняются одинаковым для всех правилам общежития. Дети возмутились бы, если бы персоналу были предоставлены какие-либо привилегии.

Когда я стал проводить с персоналом еженедельные беседы по психологии, поднялся ропот — это показалось несправедливым. Я изменил свой план и сделал беседы открытыми для всех, кто старше 12 лет. И так каждый вторник вечером моя комната набита подростками, которые не только слушают, но и свободно высказывают свои мнения. Вот некоторые темы, которые дети просили меня обсудить: комплекс неполноценности, психология воровства, психология гангстера, психология юмора, почему человек изобрел мораль, мастурбация, психология толпы. Очевидно, что такие дети выйдут в жизнь с довольно широким и ясным представлением о себе и других.

Вопрос, который чаще всего задают посетители Саммерхилла, таков: «Не осудит ли ребенок, оглядываясь назад, школу за то, что она не заставляла его заниматься арифметикой или музыкой?» Ответ состоит в том, что юный Фредди-Бетховен или Томми-Эйнштейн все равно не позволят удержать их в стороне от соответствующих занятий.

Задача ребенка состоит в том, чтобы прожить свою собственную жизнь, а не ту, которую выбрали ему беспокойные родители. Разумеется, и не ту, которая соответствовала бы целям педагога, полагающего, что уж он-то знает, как лучше. Вмешательство и руководство со стороны взрослых превращают детей в роботов.

Вы не можете заставлять ребенка учиться музыке или чему-нибудь еще, не подавляя его волю и тем самым, хотя бы в некоторой степени, не превращая его в безвольного взрослого. Вы

делаете из них людей, безропотно принимающих status quo[5], удобных для общества, которому нужны люди, послушно сидящие за скучными столами, толкущиеся в магазинах, автоматически вскакивающие в пригородную электричку в 8.30, — короче говоря, для общества, сидящего на хилых плечах маленького дрожащего человека — до смерти напуганного конформиста.

Взгляд на Саммерхилл

Опишу типичный день Саммерхилла. С 8.15 до 9 — завтрак. Дети и сотрудники берут себе завтрак на кухне и несут в столовую. Предполагается, что к началу уроков, в 9.30, постели будут застелены.

В начале каждого семестра вывешивается расписание. Так, в лаборатории у Дерека 1-й класс занимается по понедельникам, 2-й класс — по вторникам и т. д.[6]. Похожее расписание у меня по английскому языку и математике, у Мориса — по географии и истории. Младшие дети (7–9 лет) обычно большую часть первой половины дня проводят со своим собственным учителем, но они тоже посещают занятия по естественным наукам или Комнату искусств.

Детей никогда не принуждают присутствовать на уроках. Правда, если Джимми в понедельник придет на английский, а в следующий раз появится только через неделю в пятницу, то остальные вполне справедливо отметят, что он мешает им продвигаться, и могут даже прогнать его за это.

Вообще уроки продолжаются до часу, но у дошколят и младших школьников в 12.30 ланч. Школе приходится кормиться в две смены. У старших детей и персонала ланч в 13.30.

Вторая половина дня у всех совершенно свободна. Чем они занимаются в это время, я даже не знаю. Я садовничаю и редко вижу ребят поблизости. Одни старшие заняты моторами или радио, другие рисуют или пишут красками. В хорошую погоду старшие играют в спортивные игры. Кто-то возится в мастерской, чинит свой велосипед, делает лодку или игрушечный револьвер.

В 16 часов подается чай. В 17 начинаются разные занятия. Младшие любят, чтобы им читали. Средняя группа предпочитает работать в Комнате искусств: рисовать, делать линогравюры, мастерить что-ни- будь из кожи, плести корзины. Обычно довольно многолюдно в гончарной мастерской, это фактически самое любимое место у ребят и утром, и вечером. Самые старшие работают после чая и, бывает, задерживаются допоздна. Мастерская для работы по дереву и металлу всегда полна допоздна.

Вечером в понедельник ребята ходят в местный кинотеатр (за счет родителей). Если репертуар меняется в четверг, те, у кого есть деньги, могут снова пойти в кино.

Вечером во вторник персонал и старшие дети слушают мои беседы по психологии. В это время младшие дети, разделившись на группы, читают. Вечер среды посвящается танцам. Пластинки

для танцев выбираются из огромной стопки. Все дети — хорошие танцоры, и некоторые наши гости говорят, что чувствуют себя не на высоте, танцуя с ними. Для вечера четверга ничего специально не предусмотрено. Старшие отправляются в кино в Лейстон или Альдборо. Вечер пятницы отведен для особых случаев, например репетиций спектаклей.

Вечер субботы — самый важный у нас, потому что это время общего собрания школы. После собрания обычно бывают танцы. В зимние месяцы воскресные вечера отданы самодеятельному театру.

Для занятий ручным трудом расписания нет. Нет и установленных заданий в столярной мастерской. Дети делают что хотят. А хотят они почти всегда игрушечный револьвер, ружье, лодку или змея. Даже старших мальчиков не привлекают сложные столярные работы типа распущенного веером хвоста голубя. Мало кого интересует и мое увлечение — чеканка, ведь медный сосуд дает не слишком много простора для воображения.

В хорошую погоду саммерхиллских гангстеров можно и не заметить. Они разбегаются по дальним уголкам и предаются своим отчаянным приключениям. Но девочки на виду: в доме или около него, но всегда поблизости от взрослых.

Комната искусств часто полна девочек — они рисуют или делают замечательные вещи из ярких тканей. Как мне кажется, маленькие мальчики более изобретательны, чем девочки; по крайней мере я никогда не слышал от мальчика, что ему скучно, что он не знает, чем заняться, а от девочек такое слышать доводилось.

Возможно, однако, что мальчики кажутся мне более изобретательными, чем девочки, поскольку школа лучше оборудована для мальчиков. Девочки лет 10 и старше редко находят себе дело в мастерской, где работают с деревом и металлом. У девочек нет желания возиться с двигателями, их не привлекают электричество и радио. У них есть их художественная работа, которая включает гончарное ремесло, изготовление линогравюр, живопись и шитье, но некоторым этого недостаточно. В кулинарии мальчики не менее ловки, чем девочки. И девочки, и мальчики пишут и ставят свои собственные пьесы, делают костюмы и декорации. В целом актерские способности детей очень высоки, потому что их игра искренна и они не переигрывают.

Химическую лабораторию девочки, похоже, посещают не реже, чем мальчики. Мастерская, по-видимому, единственное место, не привлекающее девочек старше 9 лет.

Девочки принимают менее активное участие в школьных

собраниях, чем мальчики, и я пока не знаю, чем это объяснить.

До недавнего времени девочки обычно поздно поступали в Саммерхилл; у многих из них не удалась учеба в монастырских и женских школах. Я никогда не считаю таких детей хорошим материалом для воспитания в условиях свободы. Девочки, поздно поступавшие к нам, были, как правило, детьми родителей, не умевших ценить свободу, ибо, если бы они ее действительно ценили, их дочери не стали бы «трудными»[7]. А после того как такая девочка в Саммерхилле оправлялась от своей неудачи, родители быстренько переводили ее в «хорошую школу, где ей дадут образование».

В последние годы к нам стали поступать девочки из семей, верящих в Саммерхилл. Это замечательные дети, полные жизнелюбия, оригинальности и инициативы.

Иногда мы теряли девочек по финансовым причинам, в частности из-за того, что надо было платить за пребывание их братьев в дорогих частных школах. Старинная традиция считать сына главным в семье умирает трудно. Случалось, мы теряли и девочек, и мальчиков из-за собственнической ревности родителей, боявшихся, что дети отдадут школе ту преданность, которую они обязаны проявлять по отношению к семье.

Саммерхиллу всегда приходилось тем или иным образом бороться іа свое существование. Немногие родители обладают достаточным терпением и верой, чтобы отправить своих детей в школу, где те смогут играть, вместо того чтобы учиться. Родителей дрожь берет при мысли, что к 21 году их ребенок может оказаться не способен зарабатывать себе на жизнь.

Сегодня в Саммерхилле в основном учатся те, чьи родители хотят, чтобы дети выросли без ограничивающей их дисциплины. Это большое счастье, потому что в прежние времена я, бывало, получал сына твердолобого консерватора, отправлявшего его ко мне от отчаяния. Таких родителей вовсе не интересовала свобода для их детей, и в душе они, должно быть, считали нас кучкой помешанных чудаков. Таким консерваторам было очень трудно что-нибудь объяснить.

Я вспоминаю одного военного господина, который размышлял, не іа писать ли к нам в ученики своего девятилетнего сына.

— Место вроде подходящее, — говорил он, — но у меня есть одно опасение. Мой мальчик может здесь научиться мастурбации.

Я спросил его, почему он так уж этого боится.

Это ведь ему повредит, — ответил он.

Но ведь это не слишком повредило ни вам, ни мне, не правда ли? — поинтересовался я.

Он поспешил убраться отсюда вместе с сыном.

Потом была еще одна богатая мамаша, которая после часа расспросов повернулась к мужу и сказала:

Я никак не могу решить, отдавать сюда Марджори или нет.

Не трудитесь, — сказал я. — Я решил за вас. Я ее не беру.

Мне пришлось объяснить ей, что я имел в виду.

Вы на самом деле не верите в свободу, — сказал я. — И если бы Марджори поступила сюда, мне пришлось бы потратить полжизни, объясняя вам, что это такое, и в конце концов вы все-таки не были бы удовлетворены. Для психики Марджори результат был бы разрушителен, потому что перед ней постоянно маячил бы ужасный вопрос: кто прав — дом или школа?

Идеальные родители — это те, которые приходят и говорят: «Саммерхилл — это как раз то место, которое необходимо для наших детей; никакая другая школа нам не годится».

Особенно трудно было, когда мы открывали школу. Мы могли принимать детей только из высших и средних слоев населения, поскольку нам нужно было как-то сводить концы с концами. За нами не было никакого богача-мецената. В самом начале один добрый человек, пожелавший сохранить анонимность, помог нам пережить пару трудных моментов; позднее один из родителей сделал щедрый подарок — новую кухню, радиоприемник, новый флигель к нашему дому, новую мастерскую. Это был идеальный спонсор — он не ставил никаких условий и ничего не просил взамен.

Саммерхилл дал моему Джимми то образование, которого я для него хотел, — просто сказал Джеймс Шэнд, потому что по-настоящему верил в необходимость свободы для детей.

Однако мы никогда не могли принимать детей бедняков. И это очень жаль, потому что нам пришлось ограничить свое исследование детьми среднего класса. А природа ребенка порой довольно трудно просматривается за большими деньгами и дорогой одеждой. Когда девочка знает, что к своему двадцать первому дню рождения она станет обладательницей значительного состояния, в ней нелегко обнаружить ее детскую сущность. К счастью, однако, большинство нынешних и прежних учеников Саммерхилла не были испорчены богатством, все они знают, что сами будут зарабатывать себе на жизнь, когда школа останется позади.

В Саммерхилле работают нянечки из городка. Они проводят у нас целый день, а спать уходят домой. Это молодые девушки, которые много и хорошо трудятся. В свободной атмосфере, где ими никто не командует, они работают больше и лучше, чем это делают служанки, которых постоянно контролируют. Они во всех

отношениях прекрасные девушки. Я всегда испытываю стыд за то, что этим девушкам приходится много работать, потому что они родились бедными, в то время как я всю жизнь учу девочек из обеспеченных семей, у которых не хватает энергии застелить собственную постель. Должен, однако, признаться, что сам ненавижу убирать постель. Мои убогие отговорки, что у меня так много других дел, не производят никакого впечатления на детей. Они глумливо хихикают, когда я оправдываюсь тем, что не следует ожидать от генерала, чтобы он убирал мусор.

Я не раз говорил, что взрослые Саммерхилла не образцы добродетели. Мы такие же люди, как и все, и наши человеческие слабости часто входят в конфликт с нашими же теориями. В обычной средней семье, если ребенок разбивает тарелку, отец или мать поднимают шум — тарелка становится важнее ребенка. В Саммерхилле, если ребенок или нянечка роняет стопку тарелок, я ничего не говорю и моя жена никак это не комментирует. Оплошность есть оплошность. Но если ребенок берет у нас книгу и оставляет ее на улице под дождем, моя жена сердится, ибо книги значат для нее очень много. Меня подобные случаи не трогают, потому что книги не имеют для меня особой ценности. В то же время моя жена ужасно удивляется, когда я устраиваю скандал из-за сломанного зубила. В отличие от нее я высоко ценю инструменты.

Для нас жить в Саммерхилле — это постоянно отдавать. Гораздо больше, чем дети, нас утомляют посетители, потому что они тоже ждут от нас некоей отдачи. Возможно, отдавать — более похвально, чем получать, но, безусловно, гораздо утомительнее.

Наши общие собрания по субботам, к сожалению, выявляют некоторое противостояние между детьми и взрослыми. Это естественно, так как в сообществе людей разного возраста взрослые не должны жертвовать всем ради младших, иначе они окончательно испортили бы детей. Взрослые жалуются, что шайка старших школьников не дает им уснуть своим смехом и разговорами, после того как все уже легли. Гарри жаловался, что он потратил целый час, расчерчивая доску для входной двери, сходил на ланч и, вернувшись, обнаружил, что Билли превратил ее в полочку. Я выдвигаю обвинения против мальчиков, которые позаимствовали и не вернули мой паяльный набор. Моя жена поднимает шум из-за того, что три малыша, которые пришли после ужина и заявили, что они голодны, получили по куску хлеба с джемом, а наутро хлеб валялся в холле. Питер печально докладывает, что в гончарной мастерской наши разбойники кидались друг в друга его драгоценной глиной. Вот так она и идет, эта борьба между взрослой точкой зрения и детской

несознательностью. Но борьба никогда не переходит на личности; никто не таит зла по отношению к конкретному человеку. Этот конфликт делает Саммерхилл очень живым. Что-то постоянно происходит, и за целый год не случается ни одного скучного дня.

Персонал, к счастью, не слишком одержим собственностью. Однако я признаю, что мне больно, когда, купив жестянку особой краски по три фунта за галлон[8], вдруг обнаруживаю — одна из девочек взяла этот драгоценный состав, чтобы покрасить старую кровать. Я очень дорожу своим автомобилем, пишущей машинкой и инструментами, но ущемление моего чувства собственности не сказывается на моем отношении к людям. Если для вас это не так, вам не следует быть директором школы.

Большой износ и расход материалов в Саммерхилле вполне понятен, этого можно избежать только держа всех в страхе. Износа и истощения душевных сил избежать невозможно, потому что дети всегда чего-то просят и требования детей должны быть удовлетворены. Дверь моей гостиной открывается по пятьдесят раз в день, и кто-нибудь из детей спрашивает:

Сегодня вечером будет кино?

Почему мне не дают Л.У. (личный урок)?

Ты не видел Пэм?

А где Энн?

Все это обычный рабочий день, и я не чувствую особенного напряжения, хотя у нас, по существу, настоящей личной жизни нет. Возможно, отчасти это связано с тем, что наш дом по своему устройству не слишком пригоден для школы; впрочем, так кажется только взрослым, поскольку дети сидят у нас на шее. Так или иначе, но к концу семестра и я, и жена ужасно устаем.

Стоит отметить, что наши сотрудники очень редко теряют самообладание. Это свидетельствует в пользу не только персонала, но и детей. В самом деле, жизнь с этими детьми восхитительна, и поводы выйти из себя чрезвычайно редки. Если ребенок свободен и принимает самого себя таким, какой он есть, он обычно не злится и не находит никакого удовольствия в том, чтобы вывести из себя взрослого.

Однажды у нас чересчур чувствительную к критике в свой адрес учительницу задразнили девчонки. Никого другого из персонала они не стали бы дразнить, потому что никто бы так не реагировал. Обычно дразнят только того, кто слишком много о себе воображает.

Проявляют ли ученики Саммерхилла агрессивность, обычную для детей? Что ж, каждому ребенку нужна некоторая агрессивность, чтобы проложить себе дорогу в жизни. Чересчур высокая агрессивность, которую мы видим в несвободных детях,

есть утрированный протест против ненависти, направленной на них. В Саммерхилле, где ни один ребенок не чувствует ненависти со стороны взрослых, агрессивность не так необходима. Агрессивные дети, которые у нас есть, — это всегда те, которые не получают в семье ни любви, ни понимания.

Когда я, еще мальчиком, ходил в сельскую школу, разбитые в кровь носы случались по меньшей мере еженедельно. Агрессивность драчливого типа есть ненависть; для выхода нужны драки. Дети, находящиеся в атмосфере, совершенно лишенной ненависти, не проявляют ее.

Я полагаю, что то значение, которое фрейдисты придают агрессивности, вызвано изучением семей и школ — таких, каковы они есть. Нельзя изучить собачью психологию, наблюдая ретривера на цепи. Не стоит и умозрительно теоретизировать по поводу человеческой психологии, когда человечество посажено на строгую цепь, создававшуюся поколениями жизнененавистников. Я утверждаю: в свободной атмосфере Саммерхилла проявления агрессивности совершенно непохожи на те, что характерны для школ со строгой дисциплиной.

Однако свобода в Саммерхилле отнюдь не означает пренебрежения здравым смыслом. Мы принимаем все меры предосторожности, чтобы обеспечить безопасность учеников. Например, дети могут купаться, только если на месте находятся спасатели — по одному на шестерых детей; ни один ребенок младше 11 лет не может в одиночку ездить на велосипеде по улице. Эти правила исходят от самих детей, они утверждены голосованием на общем собрании школы.

Лазанье по деревьям никаким законом не регламентировано. Лазанье по деревьям — часть жизненного образования; запретить вообще рискованные предприятия значит сделать ребенка трусом. Мы запрещаем лазанье по крышам, пневматические ружья и другое оружие, которое может поранить. Я неизменно беспокоюсь, когда все как сумасшедшие дерутся на деревянных мечах, и настаиваю на том, чтобы их концы были обмотаны резиной или тканью, но и при соблюдении этих условий я счастлив, когда сумасшествие идет на убыль. Трудно провести границу между разумной осторожностью и излишней мнительностью.

У меня никогда не было любимчиков в школе. Конечно, какие-то дети нравятся мне больше, но я научился не показывать этого. Возможно, успех Саммерхилла отчасти объясняется тем, что дети чувствуют: к ним ко всем относятся одинаково и уважительно. Я всегда боюсь сентиментального отношения к детям в любой школе; ведь так легко воображать своих гусят

лебедями и видеть Пикассо в ребенке, способном заляпать краской лист бумаги.

В большинстве школ, где мне пришлось преподавать, учительская была маленьким адом, полным интриг, ненависти и зависти. Наша учительская — счастливое место. Здесь нет злобы. В условиях свободы взрослые, как и дети, обретают счастье и доброжелательность. Бывает, что кто-то из новых членов нашего коллектива поначалу реагирует на свободу почти так же, как дети: он может ходить небритым, подолгу валяться в постели утром, даже нарушать законы школы. К счастью, у взрослых изживание комплексов обычно происходит быстрее, чем у детей.

Через воскресенье по вечерам я рассказываю младшим детям истории их собственных приключений. Я делаю это годами; они побывали в глубинах Африки, на дне океанов и за облаками. Некоторое время назад я рассказал им, что случилось после моей смерти. Саммерхилл перешел под начало сурового человека по имени Маггинс. Он сделал уроки обязательными. Если кто-то произносил всего лишь «черт!», его наказывали розгой. Я живописно изобразил, как все они кротко подчинились его приказам.

Детвора — от 3 до 8 лет — пришла в ярость: «Мы не подчинились. Мы все убежали. Мы его убили молотком. Думаешь, мы бы стали терпеть такого человека?»

В конце концов я понял, что смогу успокоить их, только ожив и вышвырнув господина Маггинса за порог. Это были самые младшие дети, никогда не знавшие строгой школы, и их ярость была спонтанна и естественна. Детям было противно даже подумать о мире, в котором директор школы не на их стороне, благодаря их опыту жизни не только в Саммерхилле, но и дома, где мама и папа тоже всегда за них.

Один американский гость, профессор психологии, критиковал нашу школу за то, что она — остров, чье население не участвует в окружающей жизни и не является органической частью более крупной социальной общности. Я в ответ поинтересовался: а что произошло бы, если, создавая школу в маленьком городке, я попытался бы подстроить ее под вкусы местного населения? Сколько человек — в расчете на сотню родителей — одобрили бы свободу выбора в отношении посещения уроков? Сколько человек согласились бы с правом ребенка мастурбировать? С самого первого слова я вынужден был бы приносить в жертву компромиссам то, в истинность чего я верю.

Да, Саммерхилл — остров. Он и должен быть островом, потому что родители его учеников живут за много миль от него и

даже в других странах. Раз невозможно собрать всех родителей вместе в городке Лейстон, графство Саффолк, Саммерхилл не может быть частью культурной, экономической и общественной жизни Лейстона.

Добавлю, что школа все же не в полном смысле слова является островом по отношению к Лейстону. У нас множество контактов с местными жителями, и отношение друг к другу обеих сторон вполне дружеское. Тем не менее мы, конечно же, не стали частью местного сообщества. Мне никогда в голову не пришло бы попросить издателя местной газеты напечатать рассказ об успехах моих бывших учеников.

Мы играем с городскими детьми в спортивные игры, но в отношении образования наши цели слишком сильно расходятся. Не принадлежа ни к какой религии, мы не поддерживаем связи ни с одной религиозной организацией города. Будь Саммерхилл интегрирован в городскую жизнь, нас бы вынудили давать ученикам религиозное образование.

Я уверен, что мой американский друг сам не понимал смысла своей критики. Думаю, он имел в виду следующее: Нилл — просто бунтарь, его система не может ничего предложить, чтобы сплотить общество в гармоничном единстве, не преодолевает пропасть между детской психологией и общественным невежеством в этой области, между жизнью и антижизныо, между школой и домом. Мой ответ состоит в том, что я не проповедник, активно стремящийся обратить общество в свою веру; я могу лишь убеждать в необходимости избавления от ненависти, наказаний и мистики. Хотя я пишу и говорю открыто все, что я думаю об этом самом обществе, но, попытайся я на деле изменить его, оно уничтожило бы меня как существо общественно опасное.

Если бы, например, я попытался создать общество, в котором подростки имели свободу естественным образом вести свою интимную жизнь, я был бы по меньшей мере разорен, если вообще не посажен в тюрьму как безнравственный растлитель юношества. При всей ненависти к компромиссам здесь я должен идти на компромисс, понимая, что моя главная цель — не реформировать общество, а принести счастье в жизнь хотя бы нескольких детей.

Образование в Саммерхилле по сравнению со стандартным образованием

Я полагаю, что цель жизни состоит в том, чтобы найти свое счастье и, следовательно, найти свой интерес в жизни. Образование должно бы стать подготовкой к жизни. Наша культура, однако, не слишком в этом преуспела: наши образование, политика и экономика ведут к войнам. Наши лекарства не в силах справиться с болезнями. Наша религия не может победить ростовщичество и грабеж. Наш хваленый гуманизм до сих пор позволяет общественному мнению одобрительно относиться к варварскому спорту — охоте. Достижения нашего века сводятся к техническому прогрессу: к изобретению радио и телевидения, электроники, реактивных самолетов. Нам грозят новые мировые войны, поскольку мировое общественное сознание остается примитивным.

Если бы нам захотелось ответить на следующие каверзные вопросы, сделать это было бы нелегко. Почему у людей, похоже, гораздо больше разных болезней, чем у животных? Почему люди ненавидят и убивают друг друга на войне, а животные — нет? Почему люди все чаще болеют раком? Почему так много самоубийств? А сексуальных маньяков? Откуда такой человеконенавистнический антисемитизм? Откуда ненависть к неграм и суд Линча? А клевета и злословие за спиной? Почему секс — это что-то грязное и объект непристойных шуток? Почему незаконнорожденный обречен на общественное презрение? Почему продолжают существовать религии, давно уже утратившие веру в любовь, надежду и милосердие? Почему? Тысячи разных «почему?» вызывает пресловутое превосходство нашей цивилизации!

Я задаю все эти вопросы потому, что я по профессии — учитель, человек, имеющий дело с молодежью. Я задаю эти вопросы потому, что те вопросы, которые обычно задают учителя, — неважные, ибо касаются преимущественно школьных предметов. Я спрашиваю, что существенно важного могут дать дискуссии о французской или древней истории, если сами эти предметы не имеют никакого значения в сравнении с гораздо более важным для жизни вопросом — личного счастья человека.

Сколько в нашем образовании настоящего дела, созидания, подлинного самовыражения? Даже уроки труда чаще всего посвящены изготовлению железного противня под наблюдением специалиста. Даже система Монтессори, широко известная как

система обучающей игры, есть искусственный способ заставить ребенка учиться через действие. Ничего творческого в ней нет.

В семье ребенка тоже постоянно учат. Почти в каждом доме всегда найдется по крайней мере один великовозрастный недоросль, который кинется показывать Томми, как работает его новая машинка. Всегда есть кто-нибудь, готовый поднять малыша на стул, когда тот хочет рассмотреть что-то на стене. Всякий раз, показывая Томми, как работает его новая машинка, мы крадем у ребенка радости жизни: открытия, преодоления трудностей. Хуже того! Мы заставляем ребенка поверить, что он маленький, слабый и зависит от посторонней помощи.

Родители не спешат понять, насколько неважна учебная сторона школы. Дети, как и взрослые, научаются только тому, чему хотят научиться. Все награды, оценки и экзамены лишь отвлекают от подлинного развития личности. И одни лишь доктринеры могут утверждать, что учение по книжкам и есть образование.

Книги — наименее важный инструмент школы. Все, что действительно нужно каждому ребенку, — это чтение, письмо и арифметика; остальное надо предоставить инструментам и глине, спорту и театру, краскам и свободе.

Большая часть школьной учебы, которую выполняют подростки, — простая растрата времени, сил, терпения. Она отбирает у детства право играть, играть и играть; она водружает старческие головы на юные плечи.

Когда я читаю лекции студентам университетов или педагогических колледжей, я всякий раз поражаюсь инфантильности, незрелости этих парней и девушек, набитых бесполезным знанием. Они немало знают, они блистательно рассуждают, они могут процитировать классиков, но в своих взглядах на жизнь многие из них просто младенцы. Потому что их учили знать, но не разрешали чувствовать. Эти студенты приветливы, доброжелательны, энергичны, но чего-то им не хватает: эмоциональности особого рода, способности подчинять мышление чувствам. И я говорю с ними о мире, который они не замечали и продолжают не замечать. Их учебникам нет дела ни до человеческих характеров, ни до любви, ни до свободы, ни до самоопределения. Так система и живет, ориентируясь только на стандарты книжного учения и продолжая разлучать ум и сердце.

Настало время бросить вызов существующим представлениям о работе школы. Считается само собой разумеющимся, что каждый ребенок должен изучать математику, историю, немного естественных наук, чуть-чуть искусства и, уж конечно, литературу. Пришло время понять, что обычный ребенок толком

не интересуется ни одним из этих предметов.

Подтверждение этому я нахожу в каждом новом ученике. Узнав, что учеба — дело добровольное, он кричит: «Ура! Теперь уж никто не застанет меня за арифметикой или еще какой-нибудь скучной ерундой!»

Я вовсе не пытаюсь умалить значение учебы. Однако она по важности должна идти после игры. И не надо эдак аккуратненько перемежать учебу игрой, чтобы сделать ее приятной.

Учеба важна, но не для каждого. Нижинский не мог сдать школьные экзамены в Санкт-Петербурге, а без этого его не могли принять в Государственный балет. Он просто не мог выучить школьные предметы — его мысли были далеко от них. Как рассказывает его биограф, экзаменаторы смошенничали, выдав ему тексты ответов вместе с бумагой для подготовки. Как велика была бы потеря для мира, если бы Нижинскому пришлось сдавать экзамены по-настоящему!

Творческие люди изучают то, что хотят знать, чтобы обрести орудия, которых требуют их индивидуальность и талант. Нам никогда не узнать, сколько творчества убивается в школьных классах из-за того, что школа придает такое значение учебе.

Я знал девочку, которая каждую ночь рыдала над геометрией. Мать хотела, чтобы она поступила в университет, а девочка по всему своему складу была натурой артистической. Я пришел в восторг, когда узнал, что она в седьмой раз провалила вступительные экзамены в колледж. Может быть, теперь мать позволит ей, наконец, уйти на сцену, к чему дочь так долго стремилась.

Некоторое время назад я встретился в Копенгагене с девочкой, проведшей три года в Саммерхилле и прекрасно говорившей по-англий- ски. «Думаю, ты — первая в классе по английскому языку», — сказал я. Она скорчила унылую гримасу и ответила: «Нет, я — последняя в классе, потому что не знаю английской грамматики». Полагаю, это едва ли не лучший пример того, что взрослые считают образованием.

Равнодушные школяры, под нажимом заканчивающие колледж или университет и превратившиеся в лишенных воображения учителей, посредственных врачей и некомпетентных юристов, могли бы стать хорошими механиками, отличными каменщиками или первоклассными полицейскими.

Мы обнаружили, что ребенок, который не может или не хочет учиться читать лет, скажем, до пятнадцати, — это всегда человек с технической жилкой, впоследствии из него получается хороший механик или электрик. Что касается девочек, которые никогда не посещают уроков, особенно по математике и физике, я не стал бы

делать столь же категорических выводов. Такие девочки часто проводят много времени за рукоделием, и некоторые впоследствии становятся портнихами или дизайнерами одежды. Учебный план, который заставляет будущую портниху заниматься квадратными уравнениями или законом Бойля, абсурден.

Колдуэлл Кук написал книгу под названием «Путем игры», в которой рассказал, как он обучал английскому языку игровым методом. Получилась прекрасная, увлекательная книга, полная великолепных находок, тем не менее я полагаю, что это был лишь новый способ поддержать теорию об исключительной важности учения. Кук считал учение настолько важным, что подсластил игрой эту пилюлю. Представление, что, если ребенок не учится непременно чему-нибудь, значит, он теряет время попусту, — какое-то проклятие, пагуба, ослепляющая тысячи учителей и большинство школьных инспекторов. Пятьдесят лет назад звучал лозунг: «Учиться в деле». Сегодня лозунгом стало «Учиться в игре». Игра, таким образом, используется лишь как средство достижения цели, но я, право, не знаю, чем хороша сама цель.

Если учитель, увидев детей, играющих в грязи, немедленно использует этот прекрасный момент, чтобы порассуждать об эрозии речных берегов, какую, собственно, цель он преследует? Какое ребенку дело до этой эрозии? Многие так называемые педагоги полагают: совершенно неважно, чему ребенок учится, лишь бы ему что-нибудь преподавали. И конечно, что еще может делать учитель в школе — такой, как она есть, т. е. на фабрике массового производства, кроме как преподавать хоть что-нибудь и научиться верить в первоочередное значение преподавания самого по себе?

Читая лекции учителям, я заранее предупреждаю, что не собираюсь говорить ни о школьных предметах, ни о дисциплине, ни об уроках. С час моя аудитория слушает в глубоком и восхищенном внимании, и после искренних аплодисментов председательствующий объявляет, что я готов ответить на вопросы. По крайней мере три четверти вопросов касаются школьных предметов.

Я говорю об этом без всякого осуждения. Я говорю об этом с сожалением, чтобы показать, что стены классов и зданий тюремного типа суживают взгляд учителя и не дают ему увидеть подлинно существенные стороны образования. Его работа направлена исключительно на ту часть ребенка, что находится выше шеи, а следовательно, эмоциональная, т. е. самая жизненно важная, сторона ребенка для него закрыта.

Я был бы рад увидеть более широкое сопротивление этому со стороны наших молодых учителей. Но высшее образование и

университетские степени нисколько не помогают бороться с пороками общества. Образованный невротик ничем не отличается от необразованного.

Во всех странах — капиталистических, социалистических или коммунистических — строятся тщательно продуманные школы для образования молодежи. Но все эти прекрасные лаборатории и мастерские не делают ничего, чтобы помочь Джону, Петеру или Ивану пережить эмоциональный урон и преодолеть социальные пороки, развившиеся в нем в результате давления со стороны родителей и школьных учителей, всей нашей принудительной по своему характеру цивилизации.

Судьбы выпускников Саммерхилла

Страх родителей перед будущим часто заставляет их действовать в ущерб здоровью своих детей. Страх этот, как ни странно, проявляется в желании родителя, чтобы ребенок научился большему, чем он сам. Такой родитель не в состоянии ждать, чтобы его Вилли научился читать, когда сам того захочет, он нервничает и боится, что Вилли вообще ничего не добьется в жизни, если его не подталкивать. Такому родителю не хватает терпения, чтобы позволить ребенку двигаться со своей собственной скоростью. Они спрашивают: «Если мой сын не умеет читать в 12 лет, какие у него шансы добиться успеха в жизни? Если в 18 он не сможет сдать вступительные экзамены в колледж, что ему останется, кроме неквалифицированного труда?» Но я научился ждать, наблюдая, как ребенок продвигается понемногу или не продвигается вовсе. Я не сомневаюсь, что в конце концов, если не приставать к нему и не вредить ему, он добьется успеха в жизни.

Конечно, обыватель может сказать: «Хм, по-вашему, значит, стать водителем грузовика — успех в жизни!» Мой собственный критерий успеха — способность радостно работать и уверенно жить. При таком определении большинство учеников Саммерхилла преуспели в жизни.

Том поступил в Саммерхилл в 5 лет. Он ушел от нас в 17, так и не посетив ни одного урока. Он проводил большую часть времени в мастерской, делая самые разные вещи. Его отец и мать не могли без содрогания подумать о будущем сына. Он никогда не проявлял ни малейшего желания научиться читать. Но однажды вечером (ему тогда было 9 лет) я обнаружил его в постели за чтением «Давида Копперфильда».

Привет, — сказал я, — кто научил тебя читать?

Я сам научился.

Еще через несколько лет он пришел ко мне, чтобы спросить: «Как сложить половину и две пятых?» Я объяснил и спросил, не хочет ли он узнать что-нибудь еще. «Нет, спасибо», — ответил он.

Позднее он получил место ассистента оператора на киностудии. Когда он еще только осваивал эту работу, я случайно встретился с его начальником на одном званом обеде и, конечно, спросил, как там Том.

Лучшего парня у нас не было, — ответил его босс. — Он никогда не ходит — он бегает. А в выходные с ним просто беда, потому что он торчит на студии и в субботу, и в воскресенье.

Был еще один мальчик, который не мог научиться читать, —

Джек. Никто не мог его научить. Даже когда он сам попросил, чтобы ему давали уроки чтения, какой-то скрытый психологический изъян мешал ему различать буквы «Ь» и «р». Он покинул нашу школу в 17 лет, не умея читать.

Сейчас Джек — прекрасный токарь-инструментальщик. Он обожает разговоры о работе с металлом. Теперь он умеет читать, но, насколько я знаю, читает он главным образом статьи по технике и иногда кое-что по психологии. Не думаю, чтобы он когда-нибудь прочел хоть один роман, тем не менее он абсолютно грамотно говорит по-английски и его общий интеллектуальный уровень замечателен. Один американский посетитель, ничего не зная об его истории, сказал мне: «Что за умница этот Джек!»

Диана, славная девочка, посещала уроки без особого удовольствия. У нее был совершенно неакадемический склад ума. Я долго не мог себе представить, чем бы она могла заняться в жизни. Когда она в 16 лет уходила от нас, любой школьный инспектор признал бы ее образование плохим. Сегодня Диана занимается в Лондоне рекламой кулинарных изделий. Она чрезвычайно умелый работник, и — что гораздо важнее — она нашла счастье в работе.

Однажды некая фирма потребовала, чтобы все ее служащие имели по крайней мере сданные вступительные экзамены в колледж. Я написал главе этой фирмы по поводу Роберта: «Этот парень никогда не сдавал никаких экзаменов, потому что у него неакадемическая голова. Но у него сильный характер». Роберт получил работу.

Уинифрид, 13 лет, новая ученица, заявила мне, что ненавидит все школьные предметы, и завопила от радости, когда я сказал ей, что она вольна делать только то, что хочет. «Ты не должна даже приходить в класс, если не хочешь», — сказал я.

Она решила наслаждаться вольной жизнью и делала это в течение нескольких недель. Потом я заметил, что она заскучала.

Поучи меня чему-нибудь, — попросила она меня однажды, — мне скучно так болтаться.

Здорово! Чему ты хочешь научиться?

Не знаю, — ответила она.

А я тоже не знаю, — сказал я и ушел от нее.

Шли месяцы. Потом она пришла ко мне снова. «Я собираюсь сдавать вступительные экзамены в-колледж и хочу, чтобы ты давал мне уроки».

Каждое утро она занималась со мной и с другими учителями, и занималась хорошо. Она признавала, что предметы ее не слишком интересовали, но у нее появилась цель. Уинифрид нашла себя, когда ей позволили быть собой.

Интересно отметить, что свободные дети берутся за математику. Они получают удовольствие от географии и истории. Свободные дети отбирают из предлагаемых предметов только те, что им интересны. Свободные дети посвящают большую часть времени другим интересным занятиям — работе по дереву или металлу, рисованию, чтению художественной литературы, занятиям в любительском или импровизационном театре, слушанию джазовых пластинок.

Том — ему было 8 лет — имел обыкновение заглядывать ко мне и спрашивать: «Слушай, чем бы мне заняться?» Никто не советовал, что ему делать.

Шесть месяцев спустя Тома всегда можно было найти в его комнате — среди разложенных на полулистов бумаги. Он часами чертил географические карты. Однажды в Саммерхилл приехал профессор из Венского университета. Он случайно столкнулся с Томом и задал ему кучу вопросов. Позже этот профессор пришел ко мне и сказал: «Я попробовал проэкзаменовать этого паренька по географии, и он говорил о таких местах, о которых я никогда не слышал». Но я должен упомянуть и о неудачах. Шведка Барбель, 15 лет, пробыла с нами около года. За все это время она не нашла никакого занятия, которое бы ее заинтересовало. Она поступила в Саммерхилл слишком поздно. На протяжении целых 10 лет ее жизни за нее все решали учителя. К тому времени, когда она приехала в Саммерхилл, она уже потеряла всякую инициативу. Ей было скучно. К счастью, она была богата и ее ждала жизнь светской дамы.

Еще у меня жили сестры из Югославии, 11 и 14 лет. Школа не сумела их заинтересовать. Большую часть времени они проводили, обмениваясь по-хорватски грубыми замечаниями в мой адрес. Один недобрый друг постоянно мне их переводил. Успех в данном случае был бы чудом, поскольку нас соединяли только искусство и музыка. Я был рад, когда мать приехала забрать их.

С годами мы убедились, что мальчики, которые увлекаются техникой, вовсе не беспокоятся о сдаче вступительных экзаменов в вузы. Они идут непосредственно в центры практического обучения. Нередко они склонны сначала посмотреть мир, только потом заняться университетской учебой. Один, например, совершил кругосветное плавание в качестве корабельного стюарда. Двое других отправились в Кению — сушить кофе. Третий поехал в Австралию, а четвертый — в далекую Британскую Гвиану.

Деррек Бойд — типичный пример страсти к приключениям, вдохновленной свободным образованием. Он поступил в

Саммерхилл в 8 лет и ушел от нас, сдав вступительные университетские экзамены, в 18 лет. Он хотел стать врачом, но отец в то время не мог оплатить его учебу в университете. Деррек решил использовать время ожидания, чтобы посмотреть мир. Он отправился в лондонский порт и провел там пару дней, пытаясь найти работу. Ему сказали, что многие настоящие моряки сидят без работы, и он, расстроенный, вернулся домой.

Вскоре школьный товарищ рассказал ему, что некая английская дама в Испании ищет шофера. Деррек ухватился за эту возможность, отправился в Испанию, там он то ли построил этой даме дом, то ли расширил уже существовавший, провез ее по всей Европе, а затем поступил в университет. Дама решила помочь ему с оплатой учебы. Через 2 года она предложила Дерреку взять годичный отпуск, отвезти ее в Кению и там построить ей дом. Деррек закончил свою учебу на врача в Кейптауне.

Ларри, который пришел к нам, когда ему было около 12 лет, сдал экзамены в университет в 16 и отправился на Таити выращивать фрукты. Решив, что за это платят слишком мало, он взялся водить такси. Потом он перебрался в Новую Зеландию, где, как я понимаю, делал всякую работу, в том числе снова водил такси. Потом он поступил в Брисбейнский университет. Некоторое время назад у меня был посетитель — декан этого университета, — который восторженно отозвался о Ларри. «Когда у нас были каникулы и студенты разъехались по домам, — сказал он, — Ларри пошел рабочим на лесопилку». Сейчас Ларри — практикующий врач в Эссексе.

Конечно, не все прежние ученики проявили подобную предприимчивость. По очевидным причинам я не могу их здесь описывать. Все наши успехи связаны с детьми из хороших семей. И у Деррека, и у Джека, и у Ларри родители полностью доверяли школе, так что перед мальчиками никогда не вставал ужасный вопрос: кто прав, родители или школа?

Вырастил ли Саммерхилл хоть одного гения? Нет, до сих пор гениев не отмечено, может быть, несколько творческих личностей, пока еще не добившихся известности, несколько ярких художников, несколько способных музыкантов, ни одного — насколько мне известно — успешного писателя, один прекрасный дизайнер мебели и интерьеров, несколько актеров и актрис, несколько ученых и математиков, которые еще могут сказать свое слово в науке. Думаю, что при нашем числе учеников — около 45 человек каждый год — немало тех, кто занимается какой-либо творческой или оригинальной работой.

Я, однако, не раз говорил, что одно поколение свободных

детей не слишком убедительно для доказательств. Даже в Саммерхилле отдельные дети ругают себя за то, что не научились всему, чему могли бы. Иначе и не может быть в мире, где экзамены служат пропуском в некоторые профессии. И уж, конечно, всегда рядом найдется какая-нибудь тетя Мэри, которая воскликнет: «Тебе уже 11, а ты читать как следует не умеешь!» И ребенок ясно ощущает, что весь окружающий мир против игры и за работу.

Если обобщить, то метод свободы срабатывает практически наверняка с детьми до 12 лет, но детям постарше нужно слишком много времени, чтобы оправиться от кормления знаниями с ложечки.

Личные уроки в Саммерхилле

Раньше я считал своей основной работой не преподавание, а личные уроки. Психологическое внимание необходимо большинству детей, но среди наших всегда находились только что пришедшие из других школ, и личные уроки были направлены на то, чтобы ускорить их адаптацию к свободе. Если ребенок весь внутренне зажат, он не может сам приспособиться к состоянию свободы.

Личные уроки — это неформальные разговоры у камина. Я усаживался у огня с трубкой в зубах, и ребенок, если хотел, тоже мог курить. Сигарета часто помогала сломать лед между нами.

Однажды я попросил четырнадцатилетнего мальчика зайти ко мне поговорить. Он только что перешел в Саммерхилл из вполне типичной закрытой частной школы. Я заметил, что его пальцы желты от никотина, поэтому достал свои сигареты и предложил ему закурить.

Спасибо, — пробурчал он, — я не курю, сэр.

Бери, бери, чертов враль, — сказал я, улыбаясь, и он взял.

Я одним махом убивал двух зайцев. В глазах этого мальчика директор школы — неумолимый моралист и блюститель дисциплины, которого надо постоянно обманывать. Предлагая ему сигарету, я показывал, что ничего не имею против его курения. Назвав его чертовым вралем, я заговорил с ним на его языке. В то же время я наносил удар по его представлению о людях, наделенных властью, показывая, что директор вполне может легко и весело выругаться. Ох, как бы мне хотелось сфотографировать его лицо во время этого первого интервью!

Из прежней школы его исключили за воровство.

Я слышал, ты — ловкий жулик, — сказал я. — Как лучше всего надуть железнодорожную компанию?

Я никогда не пытался их обманывать, сэр.

Э-э, так не годится. Ты должен попробовать. Я знаю массу способов, — и рассказал ему о нескольких.

Он разинул рот. Он попал в сумасшедший дом, это точно. Директор школы рассказывает ему, как половчее смошенничать. Годы спустя он признался мне, что этот разговор был самым большим потрясением в его жизни.

Каким детям нужны личные уроки? Лучшим ответом станут несколько примеров.

Люси, воспитательница дошкольной группы, сообщает мне, что Пегги выглядит очень несчастной и всех сторонится. Я предлагаю: «Ладно, скажи ей, пусть придет ко мне на личный

урок». Пегги заявляется ко мне в гостиную.

Я не хочу никакого личного урока, — говорит она, садясь. — Это глупость одна.

Конечно, — соглашаюсь я. — Потеря времени. Мы не будем этого делать.

Она задумывается.

Ладно, — медленно соглашается Пегги, — я не против, только чтобы один и совсем маленький.

К этому моменту она уже устроилась у меня на коленях. Я расспрашиваю ее о папе и маме, а особенно о маленьком братике. Она говорит, что он глупый как осел.

Наверное, — соглашаюсь я. — Думаешь, мама любит его больше, чем тебя?

Она любит нас одинаково, — быстро отвечает она и добавляет: — По крайней мере мама так говорит.

Иногда ощущение несчастья возникает из-за ссоры с другим ребенком. Но чаще всего причиной беды становится письмо из дома, в котором, например, говорится, что у брата или сестры появилась новая кукла или велосипед. Личный урок кончается тем, что Пегги уходит вполне счастливой.

С новичками бывает труднее. Как-то к нам поступил одиннадцатилетний мальчик, которому рассказали, что детей приносит доктор. Потребовалось много труда, чтобы освободить мальчика от лжи и страхов, потому что, естественно, он испытывал чувство вины в связи с мастурбацией. Это чувство должно быть нейтрализовано, если мы хотим, чтобы ребенок обрел счастье.

Большинству маленьких детей регулярные личные уроки не нужны. Идеальное условие для их проведения — желание самого ребенка. На личных уроках иногда настаивают некоторые старшие дети, реже такое случается с младшими.

Шестнадцатилетний Чарли чувствовал себя неполноценным по сравнению с другими ребятами своего возраста. Я поинтересовался, в каких ситуациях он чувствует это особенно сильно, и Чарли ответил: ко время купания, потому что его пенис гораздо меньше, чем у всех остальных. Я объяснил ему происхождение его беспокойства. Он рос младшим ребенком в семье, где было шесть дочерей, все гораздо старше. Между ним и самой младшей из сестер разрыв составлял десять лет. Семья была совершенно женская. Отец умер, и всем заправляли сестры. Чарли, естественно, идентифицировал себя с женщинами, что давало ему надежду в будущем тоже обрести власть над другими.

Примерно после десяти личных уроков Чарли перестал приходить ко мне. Я спросил его почему. «Они мне больше не

нужны, — весело ответил он. — У меня теперь такой же большой прибор, как у Берта».

Однако наш краткий курс психотерапии вместил гораздо большее. Чарли внушили, что мастурбация сделает его импотентом, когда он станет взрослым, и страх импотенции повлиял на него физически. В его выздоровление внесли свой вклад и уничтожение комплекса вины, и разрушение дурацкой лжи об импотенции. Чарли покинул Саммерхилл год или два спустя. Сейчас это прекрасный, здоровый, счастливый мужчина, который непременно преуспеет в жизни.

У Сильвии строгий отец, который никогда ее не хвалит. Наоборот, он готов целыми днями придираться к ней. Единственным желанием девочки было добиться отцовской любви. Рассказывая свою историю, она горько плакала. В этом случае помочь труднее. Психоанализ дочери ведь не изменит отца. Сильвия не видела другого пути, кроме как дожидаться, когда она станет достаточно взрослой, чтобы уйти из родительского дома. Я предупредил ее об опасности выскочить замуж не за того человека, чтобы только сбежать от отца.

Что значит «не за того»? — спросила она.

За такого же, как твой отец, то есть за человека, который будет тебя мучить, как садист, — ответил я.

Случай Сильвии печален. В Саммерхилле она была дружелюбной, общительной девочкой, которая никогда никого не обижала. Но дома, как рассказывали, она становилась сущей мегерой. Не оставалось сомнений, что в психоанализе нуждается отец, а не дочь.

Другой неразрешимый случай — маленькая Флоренс. Она была незаконнорожденной и не знала об этом. Мой опыт позволяет утверждать, что всякий незаконнорожденный ребенок подсознательно знает об этом. Флоренс несомненно понимала, что за ней стоит какая-то тайна. Я сказал ее матери, что единственный способ излечить ее дочь — сказать правду.

Нет, Нилл, я не посмею. Для меня-то это ничего не изменит. Но если я скажу правду Флоренс, она не сохранит ее в тайне, и мать вычеркнет мою дочь из завещания.

Ну-ну, значит, нам придется подождать бабушкиной смерти, прежде чем мы начнем помогать Флоренс. Вы ничего не сможете сделать, если вам приходится скрывать какую-то жизненно важную правду.

Один наш бывший ученик — ему было тогда уже 20 лет — приехал в Саммерхилл погостить и попросил меня о нескольких личных уроках.

Но у нас с тобой их были десятки, когда ты жил здесь, —

сказал я.

Да, я помню, — сказал он печально. — Их были десятки, и я не слишком-то серьезно к ним относился, но сегодня я на самом деле чувствую, что они мне нужны.

Сейчас я уже не занимаюсь психотерапией регулярно. Обычно, когда ты прояснил для ребенка проблемы рождения и мастурбации и показал, как семейная ситуация породила его неприязнь, зависть и страхи, тебе больше ничего не надо делать. Чтобы излечить детский невроз, надо высвободить чувства ребенка, а изложение разных психиатрических концепций или рассказ о его комплексах нисколько не помогают лечению.

Я вспоминаю одного пятнадцатилетнего мальчика, которому я пытался помочь. Неделями он молча сидел на наших личных уроках, отделываясь односложными ответами. Я решил использовать сильнодействующее средство и во время следующего урока огорошил его:

Что я думал о тебе сегодня утром? Ты — ленивый, упрямый, тщеславный, злобный придурок.

Значит, так, да? — он аж покраснел от злости. — А ты-то сам тогда кто?

С этого момента он начал говорить — легко и по делу.

Потом был одиннадцатилетний Джордж. Его отец занимался мелкой торговлей в деревне близ Глазго. Мальчика направил ко мне врач. Проблема Джорджа заключалась в ужасном страхе. Он боялся находиться вне дома, даже если речь шла о деревенской школе. Когда ему надо было уйти из дома, он рыдал от ужаса. С огромным трудом отец сумел привезти его в Саммерхилл. Он плакал и цеплялся за отца так, что тот не мог уехать домой. Я предложил отцу побыть у нас несколько дней.

Я уже знал историю мальчика от его доктора, чьи комментарии, на мой взгляд, были и точны, и очень полезны. Вопрос о возвращении отца домой становился все более актуальным. Я попытался поговорить с Джорджем, но он плакал и скулил, что хочет домой. «Это просто тюрьма», — всхлипывал он. Я продолжал, игнорируя его слезы.

Когда тебе было четыре года, — сказал я, — твоего маленького брата увезли в больницу и привезли обратно в гробу. (Всхлипывания усилились.) Ты боишься быть вдали от дома, потому что думаешь, что то же самое может случиться с тобой — ты вернешься домой в гробу. (Громкое рыдание.) Но не в этом дело, Джордж, дружище, главное — не в этом: ведь это ты убил своего брата!

Тут он резко запротестовал и пригрозил ударить меня.

Ты не на самом деле убил его, Джордж, ты думал, что мама

любит его больше, чем тебя, и порой тебе хотелось, чтобы он умер. А когда он и вправду умер, ты почувствовал себя ужасно виноватым, потому что решил, что это твои желания убили его и бог покарает тебя в наказание за твою вину, если ты уйдешь из дома.

Рыдания прекратились. На следующий день он все же дал отцу уехать домой, хотя и устроил на вокзале сцену.

Еще какое-то время Джордж не мог справиться со своей тоской по дому. Однако через полтора года он настоял на том, что сам поедет домой на каникулы — один, совершенно самостоятельно, с пересадками, через весь Лондон. Он проделал то же самое, возвращаясь после каникул в Саммерхилл.

Я все больше убеждаюсь в том, что, если дети имеют возможность изжить свои комплексы в условиях свободы, в терапии нет необходимости. Но в таких случаях, как с Джорджем, одной свободы оказывается недостаточно.

Мне не раз приходилось давать личные уроки ворам, и я видел, как они исправлялись, но были у меня и воришки, которые отказывались от этих уроков. Тем не менее через три года свободы исправлялись и эти мальчики.

Исправляют и излечивают в Саммерхилле любовь, приятие и свобода быть самим собой. Очень небольшая часть из наших 45 детей нуждается в личных уроках. Я все сильнее верю в терапевтическое действие творческой работы. Я бы хотел, чтобы дети побольше мастерили, танцевали, играли в театр.

Я давал личные уроки только для того, чтобы освободить чувства, — хотелось бы, чтобы это было вполне ясно понято. Если ребенок чувствовал себя несчастным, я давал ему личный урок. Но если он не мог научиться читать или ненавидел математику, я не пытался излечить его с помощью психоанализа. Иногда по ходу личных уроков обнаруживалось, что неспособность научиться читать выросла из постоянных маминых напоминаний, что надо быть «хорошим, умным мальчиком, таким, как твой братик», или что ненависть к математике происходит из неприязни к предыдущему учителю математики.

Естественно, что для всех детей я являюсь символом отца, а моя жена — символом матери. В смысле общения моей жене живется хуже, чем мне, потому что ей достается вся неосознанная ненависть девочек к матерям — они переносят эту ненависть на нее, в то время как я пользуюсь их любовью. Мальчики переносят на мою жену свою любовь к матерям, а на меня — свою подсознательную ненависть к отцам. Мальчики не так открыто выражают чувства, как девочки. Полагаю, причина в том, что им гораздо легче взаимодействовать с разными неодушевленными

предметами, чем с людьми. Рассерженный мальчик бьет по мячу, тогда как девочка хлещет злыми словами символ матери.

Справедливости ради я должен заметить, что девочки злы и тяжелы в общежитии только в определенный период — в предподростковый и в самом начале подросткового. И кроме того, не обязательно все девочки проходят эту стадию. Многое зависит от предыдущей школы и еще большее — от степени властности матери.

Во время личных уроков я всегда показывал ребенку, как связаны его реакции на семью и на школу. Всякую критику в мой адрес я интерпретировал как критику отца, любое обвинение, брошенное моей жене, — как направленное против матери. Я старался сохранять объективность анализа; вторжение в глубины субъективного было бы нечестно по отношению к детям.

Случалось, конечно, что субъективное объяснение оказывалось необходимым, как, например, в случае с тринадцатилетней Джейн. Она бродила по школе и сообщала разным детям, что Нилл хочет их видеть.

Ко мне валом валил народ: «Джейн передала, что я тебе нужен». Тогда я сказал Джейн, что, когда она посылает ко мне других, это означает, что она сама хочет прийти.

Какова методика личных уроков? В общем, никакого стандартного вопросника у меня не было. Иногда я начинал так: «Когда ты смотришь в зеркало, тебе нравится твое лицо?» Ответ всегда был отрицательный.

— Какую часть своего лица ты больше всего ненавидишь?

Неизбежно раздавалось: «Нос»!

Взрослые дают такой же ответ. Лицо — это и есть человек, на взгляд внешнего мира. Мы думаем о лицах, когда думаем о людях, и смотрим в лица, когда говорим с людьми. Так что лицо становится внешним отражением нашей внутренней сущности. Когда ребенок говорит, что ему не нравится его лицо, это значит — он сам себе не нравится. Мой следующий шаг — перейти от лица к личности.

Что ты больше всего ненавидишь в себе? — спрашивал я.

Ответ, как правило, указывал на физические недостатки: «У меня

слишком большие ноги. Я слишком толстый. Я чересчур маленький. Мои волосы».

Я никогда не высказывал никакого мнения, т. е. не соглашался, что он толстый или она тощая. И ни на что не напирал. Если ребенка интересовало тело, мы говорили об этом до тех пор, пока тема не исчерпывалась. А затем переходили к личности.

Частенько я как бы проводил экзамен. «Я сейчас напишу тут кое-что, а потом проэкзаменую тебя по этим пунктам, — говорил я. — Поставь себе по каждому из них оценку, которую, на твой взгляд, ты заслуживаешь. Например, я тебя спрошу, сколько процентов из ста ты бы себе дал, скажем, за участие в играх или за храбрость, и т. д.». И экзамен начинался.

Вот, например, как он проходил с одним четырнадцатилетним мальчиком.

Хорошая внешность. — Ну, нет, не такая уж хорошая. Процентов 45.

Мозги. — Хм, ну, 60.

Храбрость. — 25.

Верность. — Я не предаю своих друзей. 80.

Музыкальность. — Ноль.

Ручной труд. — (Бормочет что-то невнятное.)

Ненависть. — Это очень трудно. Нет, на это я не могу ответить.

Игры. — 66.

Общительность. — 90.

Идиотизм. — Ха, процентов 190.

Естественно, ответы ребенка открывали возможность для обсуждения. Я считал, что лучше всего начинать с Я, если это вызывает интерес[9]. Когда мы переходили к семье, ребенок разговаривал легко и с интересом.

С маленькими детьми методика бывала более спонтанной. Я шел вслед за ребенком. Вот пример типичного первого личного урока — с шестилетней Маргарет. Она заходит ко мне и говорит:

Я хочу личный урок.

Хорошо, — соглашаюсь я.

Она усаживается в удобное кресло.

А что такое личный урок?

Вообще-то это не то, что едят, — объясняю я, — но где-то в этом кармане у меня была карамелька. А, вот она, — и я протягиваю ей конфетку.

Почему ты хочешь личный урок? — спрашиваю я.

А у Эвелин он уже был, и я тоже хочу.

Ладно. Начинай ты. О чем ты хочешь поговорить?

У меня есть кукла. (Пауза.) Где ты взял эту штуку на каминной доске? (Ей совершенно не нужен ответ.) Кто жил в этом доме до тебя?

Ее вопросы указывали на желание узнать какую-то жизненно важную правду, и я заподозрил, что это правда о том, откуда берутся дети.

Откуда берутся дети? — спрашиваю я неожиданно.

Маргарет встает и шагает к двери.

Ненавижу личные уроки, — объявляет она и выходит.

Однако спустя несколько дней она снова просит дать ей личный

урок — и так мы продвигаемся.

Шестилетний малыш Томми тоже ничего не имел против личных уроков до тех пор, пока я воздерживался от упоминания о «грязных» вещах. С трех первых уроков он уходил возмущенный, и я знал почему. Я знал, что на самом-то деле только «грязные» вещи его и интересовали. Он был одной из жертв запрета на мастурбацию.

Многие дети никогда не бывали на личных уроках. Они не хотели. Этих детей воспитывали правильно, без лжи и нотаций родителей.

Психотерапия вылечивает не сразу. Какое-то время — обычно около года — изменений почти не видно. Поэтому я никогда не испытывал пессимизма по отношению к старшим ученикам, которые уходили из школы в состоянии, так сказать, психологически полуготовом.

Тома отправили к нам, потому что в своей прежней школе он потерпел неудачу. Целый год я интенсивно давал ему личные уроки, но никаких видимых результатов не было. Когда Том уходил из Саммерхилла, то выглядел так, как будто он обречен быть неудачником. Но еще через год его родители написали мне, что Том внезапно решил стать врачом и усердно учится в университете.

Положение Билла казалось еще более безнадежным. Его личные уроки продолжались три года. Когда Билл уходил из школы, то выглядел как человек 18 лет, не нашедший пока цели в жизни. Прошло еще чуть больше года. Билл бросал одну работу за другой, пока не решился стать фермером. Все, что я о нем слышал, свидетельствует: он процветает и одержим работой.

Личные уроки — это по сути перевоспитание. Их цель — снять комплексы, созданные нравоучениями и устрашениями.

Свободная школа типа Саммерхилла может существовать и без личных уроков. Они лишь помогают ускорить процесс перевоспитания, они как хорошая весенняя генеральная уборка перед вступлением в лето свободы.

Самоуправление

Саммерхилл — самоуправляющаяся школа, демократическая по форме. Все вопросы, связанные с общественной жизнью школы, включая наказания за нарушения установленных правил, решаются голосованием на общих собраниях школы в субботу вечером.

Каждый член педагогического коллектива и каждый ученик — независимо от возраста — имеют по одному голосу. Мой голос значит столько же, сколько голос семилетнего ребенка.

Здесь кто-нибудь улыбнется и скажет: «Но ваш голос все же имеет большее значение, ведь правда?» Что ж, давайте посмотрим. Однажды на собрании я внес предложение, чтобы никому из учеников моложе 16 лет не было позволено курить. Я аргументировал свое предложение так: курение — прием ядовитого наркотика, на самом деле никакой привлекательности для детей это занятие не имеет, просто они пытаются казаться более взрослыми. В меня полетели контраргументы. Провели голосование. Мое предложение было провалено подавляющим большинством голосов.

Стоит рассказать и о том, что за этим последовало. После моего поражения один из шестнадцатилетних учеников предложил, чтобы курение было запрещено всем, кто младше 12 лет. Он отстоял свое предложение. Однако через неделю на следующем собрании двенадцатилетний мальчик предложил отменить новое правило, пояснив: «Мы все сидим по туалетам и курим втихомолку, как это делает малышня в строгих школах. Я считаю, что это противоречит самой идее Саммерхилла». Его речь была встречена аплодисментами, и собрание отменило правило. Надеюсь, я ясно показал, что мой голос отнюдь не всегда весомее голоса ребенка.

Однажды я решительно выступил против нарушений правил отбоя, шума в спальнях после установленного часа и, как следствие, сонных физиономий повсюду на следующее утро. Я предложил, чтобы нарушителям назначался штраф в размере всех их карманных денег за каждый такой случай. Один четырнадцатилетний мальчик предложил выплачивать награду в размере 1 пенс за каждый час, проведенный не в постели после времени отбоя. В этот раз я получил всего несколько голосов, а он — подавляющее большинство.

Самоуправлению в Саммерхилле чужд бюрократизм. Председатель на каждом собрании — новый, его назначает предыдущий, а обязанности секретаря выполняют добровольцы.

Дежурные по отбою редко тянут эту лямку дольше нескольких недель.

Наша демократия создает законы, среди которых немало хороших. Например, запрещается купаться в море в отсутствие спасателей, функции которых всегда исполняют педагоги. Запрещается лазить по крышам. Отбой должен соблюдаться, а нарушители неукоснительно штрафуются. Следует или не следует отменять уроки в четверг или в пятницу накануне праздника, решается голосованием на общем собрании школы.

Успех собрания в большой мере зависит от того, кто председательствует — волевой или слабовольный, потому что удерживать порядок на собрании, в котором участвуют 45 энергичных ребят, — нелегкая задача. Председатель имеет право штрафовать особенно расшумевшихся граждан. Чем слабее председатель, тем чаще штрафы.

Персонал, конечно, тоже участвует в обсуждениях. Принимаю в них участие и я, хотя встречаются ситуации, в которых я должен сохранять нейтралитет. Так, однажды парень, обвиненный в некоем нарушении, был полностью оправдан собранием на основании представленного им алиби, хотя до того он по секрету признался мне в том, что совершил это нарушение. В подобных случаях я обязан быть на стороне ребенка.

Я, конечно, участвую в собраниях наравне со всеми, когда дело касается голосования по какому-либо вопросу или моих собственных предложений. Вот типичный пример. Однажды я поставил вопрос о том, следует ли играть в футбол в холле. Холл находится под моим кабинетом, и я объяснил, что мне не нравится, когда шум игры мешает мне работать. Я предложил запретить футбол в помещении. Меня поддержали несколько девочек, несколько старших мальчиков и большинство сотрудников. Однако мое предложение не прошло, и это означало, что я должен был и дальше терпеть шумное шарканье под моим кабинетом. Наконец, после широкого обсуждения на нескольких собраниях я добился одобренного большинством голосов запрета на игру в футбол в холле. И это обычный способ, которым меньшинство в нашей школьной демократии добивается своих прав, — оно настойчиво их требует. Это касается малышей в такой же мере, как и взрослых.

Однако на некоторые аспекты школьной жизни самоуправление не распространяется. Моя жена принимает все решения по устройству спален, составляет меню, рассылает и оплачивает счета. Я нанимаю учителей или прошу их покинуть нас, если считаю, что они почему-либо не подходят.

В задачи самоуправления в Саммерхилле входит не только

принятие законов, но и обсуждение различных социальных аспектов жизни сообщества. В начале каждого семестра голосованием принимаются правила отхода ко сну. Каждый отправляется в постель согласно своему возрасту. Затем решаются всякие общие вопросы. Должны быть выбраны спортивные комитеты, комитет по подготовке танцевального вечера к окончанию семестра, театральный комитет, дежурные по отбою и дежурные по прогулкам в город, которые обязаны докладывать о всех случаях неподобающего поведения за пределами школьной территории.

Самый захватывающий из всех обсуждаемых — вопрос о еде. Не раз мне удавалось разбудить заскучавшее собрание, предложив, например, отменить вторые блюда. Малейшие признаки «кухонного фаворитизма» сурово пресекаются. Но когда кухня ставит вопрос о пище, пропадающей попусту, собрание не проявляет особого интереса. У детей отношение к еде очень личное и эгоистическое.

На общих собраниях не допускаются никакие теоретические дискуссии. Дети поразительно практичны, и теории им скучны. Конкретность им гораздо больше по душе, чем абстракции. Я однажды предложил ввести закон, запрещающий сквернословие, и представил свои соображения. Я рассказал о женщине с маленьким сыном — потенциальным учеником Саммерхилла. Они стояли в холле, и вдруг сверху прозвучало чрезвычайно крепкое словцо. Мать с негодованием подхватила сына и немедленно уехала. «Почему, — спросил я на собрании, — мои доходы должны страдать из-за какого-то тупицы, который сквернословит на виду у родителей будущих учеников? Это вовсе не нравственный вопрос, а чисто финансовый. Вы бранитесь, а я теряю учеников».

Мне ответил четырнадцатилетний парень. «Нилл мелет вздор, — сказал он. — Очевидно же, что раз эта женщина была шокирована, значит, она не верит в Саммерхилл. Если бы даже она и записала своего парня, она бы его сразу забрала отсюда, как только он приехал домой и сказал «черт!». Собрание согласилось с ним, и мое предложение провалилось.

Общему собранию школы часто приходится разбираться с теми, кто задирается и обижает товарищей. Наше сообщество относится к этому довольно строго, и я даже видел, что кто-то подчеркнул закон школьного правительства о приставаниях, повесив на доске объявлений: «Все предупрежденные будут сурово наказываться». Однако в Саммерхилле приставание не так распространено, как в строгих школах, и причину назвать нетрудно. Под дисциплинирующим давлением взрослых ребенок

становится ненавистником. Поскольку он не может безнаказанно выразить свою ненависть к взрослым, он вымещает ее на тех, кто младше или слабее. Такое редко случается в Саммерхилле. Когда кого-нибудь обвиняют в приставании, часто выясняется, что просто Дженни назвала Пегги ненормальным.

Иногда на общее собрание школы выносится вопрос о воровстве. Воровство никогда не наказывается, но украденное всегда должно быть возмещено. Нередко случается, что дети приходят ко мне и говорят: «Джон стащил несколько монет у Дэвида. Это психологическая проблема или нам выносить ее на собрание?»

Если я считаю случившееся психологической проблемой, требующей индивидуального внимания, я прошу, чтобы дети предоставили мне ее разрешение. Когда виновник нормальный, счастливый ребенок, укравший какую-то ерунду, я разрешаю выдвинуть против него обвинение. Худшее, что может с ним случиться, — его лишат всех карманных денег, пока долг не будет выплачен.

Как проводятся общие собрания школы? В начале каждого семестра выбирается председатель только для одного — первого — собрания. В конце собрания он назначает преемника. Так происходит на протяжении всего семестра. Любой обиженный или желающий выдвинуть обвинение, имеющий предложение или проект нового закона, волен вынести это на обсуждение. Вот типичный пример: Джим взял педали с велосипеда, принадлежащего Джеку, потому что его собственный велосипед был не в порядке, а он хотел в выходные дни поехать покататься вместе с другими мальчиками. После тщательного рассмотрения всех обстоятельств собрание решает, что Джим должен поставить педали на место и что ему запрещается ехать на эту прогулку.

Председатель спрашивает: «Есть ли возражения?»

Джим вскакивает и кричит, что хорошенькое, мол, дельце они придумали! Только он использует прилагательное посильнее. «Это несправедливо, — возмущается он. — Я в жизни не видел, чтобы Джек когда-нибудь ездил на этом битом велосипеде. Он уже сколько дней валяется в кустах. Я не против, я поставлю педали назад, но наказание — несправедливое. Я не согласен, что меня надо лишить этой поездки».

Последовала живая дискуссия. В процессе обсуждения выясняется, что Джим обычно получает из дома деньги на карманные расходы еженедельно, но вот уже 6 недель деньги не приходят и у него нет ни гроша. Собрание голосует за отмену приговора, что и выполняется.

Но как помочь Джиму? В конце концов принимается решение

собрать по подписке деньги, чтобы привести в порядок его велосипед. Школьные друзья помогают Джимми купить педали для своего велосипеда, и, счастливый, он отправляется в желанную поездку.

Обычно нарушитель признает решение школьного собрания. Однако, если приговор для него неприемлем, обвиняемый может его обжаловать, и тогда председатель снова поставит вопрос на обсуждение в конце собрания. В подобных случаях дело рассматривается особенно тщательно, и обычно приговор смягчается ввиду несогласия обвиняемого[10]. Дети понимают: если обвиняемый считает наказание несправедливым, то весьма возможно, что так оно и есть.

Никогда и никто из нарушителей в Саммерхилле не проявлял пренебрежения или неприязни к власти своих товарищей. Я всегда поражаюсь тому пониманию, которое выказывают наши ученики в случае наказания.

В один из семестров четверо старших мальчиков были обвинены перед общим собранием школы в том, что они недопустимо вели себя — продавали разные предметы из своего гардероба. Закон, запрещающий это делать, был принят на том основании, что такое поведение несправедливо по отношению как к родителям, которые покупают одежду, так и к школе: если дети возвращаются домой и каких-то вещей недостает, родители обвиняют школу в недосмотре. Наказанием для нарушителей стали запрет покидать территорию школы в течение 4 дней и обязанность все эти дни отправляться в постель в 8 часов. Они приняли приговор безропотно. В понедельник вечером, когда все отправились в город смотреть фильм, я обнаружил Дика, одного из этой четверки преступников, в постели с книгой.

Ну и дурень же ты, — сказал я. — Все ушли в кино. Почему ты лежишь?

Это совсем не смешно, — ответил он.

Верность учеников Саммерхилла своей демократии поразительна. В ней нет страха и обид. Мне приходилось видеть, как ребята проходят через долгие разбирательства в связи с каким-нибудь антиобщественным поступком и как они ведут себя, выслушав приговор. Нередко мальчик, которому только что вынесен приговор, назначается председателем следующего собрания.

Чувство справедливости, свойственное детям, никогда не переставало меня удивлять. Велики и их административные способности. В педагогическом смысле самоуправление бесконечно ценно.

Определенные виды нарушения автоматически подпадают

под правила о штрафах. Если ты взял без спроса чужой велосипед, штраф составляет 6 пенсов. Нельзя сквернословить в городе (но на территории школы можно браниться сколько влезет), плохо вести себя в кино, лазить по крышам, бросаться едой в столовой — эти нарушения автоматически влекут за собой штрафы.

Наказания — почти всегда штрафы: лишение карманных денег на неделю или пропуск кино.

Наиболее частое возражение, которое приходится слышать по поводу предоставления детям роли судей, — они наказывают слишком строго. Я так не считаю. Напротив, они очень снисходительны. Ни разу в Саммерхилле не было назначено никакого сурового наказания. И наказание всегда имеет определенную связь с проступком.

Три маленькие девочки мешали спать другим. Наказание: они должны отправляться в постель на час раньше остальных в течение недели. Двое мальчиков кидались землей в других. Наказание: они должны натаскать земли, чтобы выровнять хоккейное поле.

Нередко председатель объявляет: «Дело слишком дурацкое, чтобы его обсуждать» — и единолично решает, что по этому поводу ничего делать не следует.

Когда нашего секретаря[11] судили за то, что он взял без спроса велосипед Джинджер, ему и еще двоим сотрудникам, которые тоже проехались на этом велосипеде, было назначено протолкать друг друга на этом самом велосипеде вокруг центральной клумбы по 10 раз.

Четверым малышам, залезшим на лестницу, принадлежавшую рабочим, которые строили новую мастерскую, было назначено лазить по этой лестнице вверх и вниз ровно по 10 минут.

Собрание никогда не ищет совета у взрослых. Я припоминаю лишь один случай, когда это произошло. Три девочки совершили набег на кухонную кладовку. Собрание оштрафовало их на карманные деньги. Они повторили набег в тот же вечер, и собрание лишило их кино. Они сделали это снова, и собрание пришло в растерянность. Председатель пришел ко мне посоветоваться.

Дайте каждой в награду 2 пенса, — предложил я.

Что?! Да ты что, вся школа начнет грабить кладовку, если мы так сделаем.

Не начнет, — сказал я. — Попробуй.

Он попробовал. Две девочки отказались взять деньги, и все три сказали, что больше никогда не полезут в кладовку. И не лазили — месяца два.

Высокомерное, самодовольное поведение на собраниях — редкость. Любое проявление самодовольства встречается неодобрительно. Так, один мальчик, 11 лет, очень любивший быть на виду, повадился подниматься на собраниях и привлекать к себе внимание, делая длинные запутанные замечания, явно не относящиеся к делу. Во всяком случае он пытался их делать, но собрание шикало на него. У юных острейший нюх на неискренность.

Я полагаю, что практика Саммерхилла доказывает работоспособность самоуправления. Действительно, школа, в которой нет самоуправления, не вправе называться прогрессивной. Это лишь компромиссная школа. У вас не может быть свободы, если только дети не чувствуют, что они вполне свободны управлять своей собственно общественной жизнью. Где есть начальник, там нет свободы. И трудно сказать, кто хуже — доброжелательный начальник или авторитарный. Ребенок с характером может восстать против сурового начальника, но мягкий начальник делает ребенка беспомощно-податливым и не уверенным в своих истинных чувствах.

Хорошее самоуправление возможно в школе только тогда, когда в ней есть хотя бы горстка старших учеников, которые предпочитают спокойную жизнь и противостоят пассивности или оппозиции ребят бандитского возраста. Эти старшие часто проигрывают при голосовании, но именно они действительно верят в самоуправление и хотят его. В то же время дети младше, скажем 12 лет, не смогут успешно осуществлять самоуправление, потому что еще не достигли необходимого общественно-ответственного возраста. И все же в Саммерхилле даже семилетки редко пропускают общие собрания школы.

Однажды весной у нас прошла полоса неудач. Несколько серьезных выпускников сдали вступительные экзамены в колледжи и уехали, так что в школе осталось совсем мало старших учеников. Подавляющее большинство составляли ребята, находившиеся в самом бандитском возрасте и на соответствующей стадии социального развития. И хотя на словах они были вполне разумны, им просто не хватало взрослости, чтобы управлять сообществом. Они готовы были принять любые законы, чтобы туг же забыть о них или нарушить. Те немногие старшие ребята, которые оставались в школе, были, так уж случилось, довольно индивидуалистичны и склонны жить своей собственной жизнью в своей собственной группе, так что среди тех, кто выступал против нарушений школьных правил, сотрудники стали фигурировать слишком часто. Дошло до того, что я почувствовал необходимость на общем собрании школы

выступить с обвинениями в адрес старших за их не то чтобы антиобщественное, но асоциальное поведение, нарушение правил отбоя (они засиживались допоздна) и равнодушие к антиобщественному поведению младших.

По правде говоря, младшие дети мало интересуются самоуправлением. Если их предоставить самим себе, то я не знаю, сформировали бы они правительство или нет. Их ценности — не такие, как наши, и их образ жизни тоже другой.

Неукоснительная дисциплина — самый простой способ для взрослых добиться тишины и покоя. Строевым сержантом может быть любой. Я не знаю никакого другого метода обеспечить себе спокойную жизнь. Наш путь проб и ошибок, пройденный в Саммерхилле, безусловно, не предоставил взрослым тихой жизни. Но и жизнь детей он не сделал сверхшумной. Возможно, главный критерий оценки — счастье. Если судить по этому критерию, то Саммерхилл нашел превосходный компромисс в самоуправлении.

Наш закон против опасного оружия тоже компромисс. Пневматические ружья запрещены. Тем немногим мальчикам, которым уж очень хочется иметь пневматические ружья в школе, не нравится этот закон, но в основном они соблюдают его. Когда дети остаются в проигравшем меньшинстве, они, в отличие от взрослых, похоже, не столь сильно это переживают.

В Саммерхилле существует одна вечная проблема, которая и не может быть никогда решена; ее можно сформулировать как противоречие между личностью и сообществом. И сотрудники, и ученики ужасно сердились, когда ватага маленьких девочек, предводительствуемая одной заводилой, докучала всем, брызгалась водой, нарушала правила отбоя, — в общем, превратилась для всех в постоянный источник беспокойства. Общее собрание обрушилось на Джин, предводительницу. Использование ею свободы в качестве лицензии на безобразия было осуждено решительно.

Одна посетительница, психолог, сказала мне: «Это все совершенно неправильно. У девочки такое несчастное лицо, ее никто никогда не любил, и вся эта открытая критика заставляет ее чувствовать, что ее не любят еще сильнее, чем когда-либо прежде. Ей нужна любовь, а не противостояние».

— Милая дама, — возразил я, — мы пробовали изменить ее любовью. На протяжении многих недель мы вознаграждали ее антиобщественное поведение. Мы проявляли по отношению к ней любовь и терпимость, но она никак на это не реагировала. Вернее, она смотрела на нас как на простаков, легкую мишень для ее агрессивности. Мы не можем принести все сообщество в жертву одному человеку.

Окончательный ответ мне неизвестен. Я знаю, что, когда Джин исполнится 15 лет, она будет хорошей, общительной девочкой, а не предводительницей шайки разбойников. Моя уверенность основывается на силе общественного мнения. Ни один ребенок не станет годами жить в нелюбви и суровой критике. Что же касается осуждения на общем собрании, то просто нельзя жертвовать другими детьми ради одного трудного ребенка.

Однажды у нас жил шестилетний мальчик, судьба которого до поступления в Саммерхилл была довольно печальна. Это был жестокий задира и разрушитель, исполненный ненависти. Четырех- и пятилетние дети страдали и плакали. Сообщество должно было что-то сделать, чтобы защитить их, и это «что-то» следовало направить на забияку. Нельзя было позволить, чтобы за ошибки, совершенные родителями, расплачивались другие дети, чьи мамы и папы сумели дать им и любовь, и заботу.

На моей памяти очень немного случаев, когда приходилось отправлять ребенка из Саммерхилла, потому что из-за него школа превращалась в ад для других детей. Я говорю об этих случаях с сожалением, со смутным ощущением провала, но я не сумел найти другого решения.

Изменились ли мои взгляды на самоуправление за эти долгие годы? В целом нет. Я не могу себе представить Саммерхилл без него. Оно всегда имело успех. Это наша визитная карточка для посетителей, что имеет, однако, и свою оборотную сторону — однажды четырнадцатилетняя девочка шепнула мне на собрании: «Я думала поднять вопрос о том, что девочки забивают унитазы, спуская в них гигиенические пакеты, но взгляни на всех этих гостей!» Я посоветовал ей послать гостей к черту и поднять вопрос — что она и сделала.

Невозможно переоценить образовательную ценность такой практической гражданственности. Ученики Саммерхилла будут бороться до конца за свое право самоуправления. На мой взгляд, единственное еженедельное общее собрание школы имеет большую ценность, чем вся недельная порция школьных предметов. Это превосходные подмостки для практики в публичных выступлениях, и большинство детей выступают хорошо и без самолюбования. Я не раз слышал очень толковые речи от детей, не умевших ни читать, ни писать.

Я не вижу альтернативы нашей саммерхиллской демократии. Это более справедливая демократия, чем та, которую создают политики, потому что дети довольно снисходительны друг к другу и не имеют имущественных интересов, которые бы они отстаивали. Кроме того, это и более искренняя демократия,

поскольку законы принимаются на открытых собраниях и у нас нет проблемы делегатов, которые, будучи избраны, становятся недосягаемы для контроля.

В итоге самоуправление так важно, потому что посредством него свободные дети приобретают широту взгляда на мир. Их законы имеют дело с сущностями, а не с видимостями. Законы, регулирующие поведение в городе, например, являются компромиссом с менее свободной цивилизацией. «Город» — внешний мир — растрачивает свои драгоценные силы на беспокойство по пустякам. Как будто по большому счету для жизни хоть какое-то значение имеет, нарядно ли ты одет, чертыхаешься или нет. Саммерхилл, отстраняясь от глупостей внешней жизни, может иметь и имеет сильное сообщество, обогнавшее свое время. Конечно, нехорошо называть автомобиль чертовой тачкой, однако любой шофер вам скажет — если по совести, — что он и есть не что иное, как чертова тачка.

Совместное обучение

В большинстве школ-интернатов существуют определенные способы разделения мальчиков и девочек, особенно это касается спальных помещений. Любовные отношения не поощряются. Не поощряются они и в Саммерхилле, однако и не запрещаются.

В Саммерхилле и девочек, и мальчиков оставляют в покое. И отношения между полами оказываются очень здоровыми. Никто здесь не вырастает с иллюзиями или заблуждениями в отношении другого пола. И дело не в том, что Саммерхилл — это как бы одна большая семья, где одни только милые маленькие мальчики и девочки и все они — братья и сестры. Если бы это было так, я бы немедленно стал яростным противником совместного обучения.

При подлинно совместном обучении, а не таком, при котором мальчики и девочки только сидят вместе за партами в классе, но живут и спят в разных зданиях, практически исчезает нездоровое любопытство друг к другу. В Саммерхилле никто не подглядывает в замочную скважину. Здесь гораздо меньше беспокойства по поводу секса, чем в других школах.

Но время от времени у нас обязательно появляется какой-нибудь взрослый, который спрашивает: «И что, разве они все не спят друг с другом?» А когда я отвечаю, что нет, не спят, он (она) восклицает: «Но почему? В их возрасте я бы чертовски хорошо проводил(а) время!»

Такого типа люди полагают, что, если мальчики и девочки обучаются вместе, они обязательно должны предаваться сексуальным вольностям. Надо сказать, люди подобного склада никогда не признают, что именно эта мысль лежит в основе их возражений против совместного обучения. Они предпочитают рассуждать о том, что мальчики и девочки не должны обучаться вместе, поскольку они различаются по способностям к учебе.

Школьное образование должно быть совместным, потому что жизнь совместна. Однако многие родители и педагоги боятся совместного обучения, потому что боятся беременностей. Я даже слышал про директоров совместных школ, которые не могут уснуть по ночам от страха, что подобное может случиться.

Дети обоих полов, растущие отдельно, часто оказываются не способны любить. Это может порадовать тех, кто боится секса, но для юношества в целом неспособность любить — огромная человеческая трагедия.

Когда я спросил нескольких подростков из одной знаменитой частной школы с совместным обучением, есть ли у них в школе любовные связи, ответ был: нет. Я выразил свое удивление и в

ответ услышал: «Иногда у нас бывает, что мальчик дружит с девочкой, но любовных связей нет». Поскольку я уже заметил на территории школы нескольких красивых парней и хорошеньких девушек, то понял, что школа навязывает своим ученикам идеал антилюбви, а ее высоконравственная атмосфера исключает секс.

Однажды я спросил директора одной прогрессивной школы: «Случаются у вас в школе любовные связи?» — «Нет, — ответил он с важностью, — мы ведь не берем трудных детей».

Противники совместного обучения могут возразить, что оно делает мальчиков женоподобными, а девочек — мужеподобными. За всякими рассуждениями такого рода лежат якобы нравственные соображения, а на самом деле — завистливые страхи. Исполненный любви секс — величайшее наслаждение в мире, и именно поэтому его стараются подавлять. Все остальное — отговорки.

Причина, по которой я не боюсь, что старшие ученики Саммерхилла, живущие здесь с раннего детства, окажутся в любовной связи, проста — я знаю, что имею дело не с теми детьми, чей интерес к сексу подавлялся и, следовательно, приобрел неестественный характер.

Несколько лет назад к нам почти одновременно поступили два ученика: юноша 17 лет из частной мужской школы и девушка 16 лет из частной женской школы. Они влюбились друг в друга и всегда были вместе. Однажды, встретив их поздно ночью, я остановил их. «Я не знаю, чем вы занимаетесь вдвоем, — сказал я, — и в плане морали меня это нисколько не волнует, поскольку это вообще не имеет отношения к морали. Но экономически меня это беспокоит. Если у тебя, Кейт, появится ребенок, моя школа будет разорена. Видите ли, вы оба только что прибыли в Саммерхилл. Для вас это означает свободу делать что хочешь. И естественно, у вас нет никаких особых чувств по отношению к школе. Если бы вы жили здесь лет с 7, мне бы не пришло в голову обсуждать этот вопрос. Вы были бы тогда так сильно привязаны к школе, что обязательно подумали бы сами о последствиях своих действий для Саммерхилла». Это был единственно возможный способ попробовать решить проблему. И к счастью, нам с ними никогда больше не пришлось возвращаться к этой теме.

Труд

Раньше в Саммерхилле действовало правило, в соответствии с которым каждый ученик старше 12 лет и каждый сотрудник должны были еженедельно отрабатывать по 2 часа на огороде. За это полагалась символическая плата — 6 пенсов в час. Если ты не работал, тебя штрафовали на 1 шиллинг[12]. Некоторые, включая и нескольких учителей, с радостью отделывались штрафами. Из тех, кто работал, большинство поминутно смотрели на часы. В работе не было даже тени игры, а следовательно, она у всех вызывала скуку. Закон снова поставили на обсуждение, и дети отменили его почти единогласно.

Несколько лет назад Саммерхиллу понадобился изолятор для больных. Мы решили построить его сами — простое здание из кирпича и цемента. Никто из нас в жизни не положил ни одного кирпича, тем не менее мы взялись за это дело. Несколько учеников помогали вырыть яму под фундамент и разобрали на кирпичи кое-какие старые постройки. Но дети требовали платы. Мы отказались платить. В конце концов изолятор был построен силами сотрудников и посетителей. Работа оказалась слишком скучной для детей, а перспектива попасть на больничную койку была, на их юный взгляд, слишком сомнительной. У них не возникло никакого личного интереса. Но некоторое время спустя, когда им захотелось иметь навес для велосипедов, они построили его совершенно самостоятельно, без помощи взрослых.

Я пишу о детях — не о том, какими они, на наш взрослый взгляд, должны быть, а о том, каковы они в действительности. Их чувство общности — чувство социальной ответственности — не разовьется еще лет до 18 или даже позже. Их интересы сиюминутны, и будущее для них не существует.

Мне никогда еще не приходилось видеть ленивого ребенка. То, что называют ленью, обычно отсутствие либо интереса, либо здоровья. Здоровый ребенок не может пребывать в праздности, ему постоянно нужно чем-нибудь заниматься. Я знал когда-то одного очень здорового парня, которого считали ленивым. Математика его не интересовала, но школьная программа требовала, чтобы он учил математику. Конечно, он не хотел ею заниматься, учитель математики считал его лентяем.

Недавно я где-то прочел, что, если бы парочка, решившая провести вечер вне дома, не пропустила ни одного танца, это было бы все равно что прошагать по двадцать пять миль. Тем не менее парочка не особенно устала бы — ведь они получали удовольствие на протяжении всего вечера, при условии, конечно,

что не наступали друг другу на ноги. То же и с ребенком. Мальчик, который в классе кажется ленивым, может часами играть в футбол.

У меня ушло немало времени, прежде чем я сумел принять как данность то, что семнадцатилетние совершенно не стремятся мне помогать, когда я сажаю картошку или пропалываю лук, они предпочитают часами возиться с двигателями, мыть машины или собирать радиоприемники.

Правда начала проясняться для меня в тот день, когда я вскапывал огород у моего брата в Шотландии. Я не получал удовольствия от работы, и вдруг до меня дошло, в чем тут дело, — я вскапывал огород, который для меня ничего не значил. Так же и мой огород ничего не значит для этих мальчишек, в то время как велосипеды или мотоциклы значат для них очень много. Подлинный альтруизм приходит много позже, но определенная доля эгоизма сохраняется и в нем.

У малышей отношение к труду совершенно иное, чем у подростков. В Саммерхилле младшие — от 3 до 8 лет — могут работать, как негры, размешивая цемент, подвозя на тележках песок или очищая старые кирпичи и вовсе не помышляя о вознаграждении. Они идентифицируют себя со взрослыми, и такая работа для них — как воплощение мечты.

Однако лет с 8 или 9 и вплоть до 19–20 желание заниматься скучным физическим трудом отсутствует начисто. Это справедливо для большинства детей, хотя бывают, конечно, и такие, которые проявляют трудолюбие в самом раннем детстве и сохраняют его на протяжении всей жизни.

В действительности мы, взрослые, слишком часто эксплуатируем детей. «Мэрион, сбегай к почтовому ящику, опусти это письмо!» Дети ненавидят, когда их так используют. Всякому нормальному ребенку кажется, что забота родителей не требует какого-либо усилия с его стороны. Он чувствует, что такая забота — его естественное право, но одновременно понимает: от него ожидают и даже считают, что он обязан выполнять десятки лакейских заданий и множество рутинных действий, от которых сами родители рады уклониться.

Как-то я прочел об одной школе в Америке, которая была построена самими учениками. Мне тогда показалось, что это идеальная ситуация. Теперь я думаю иначе. Если дети построили свою школу, то можете быть уверены, что рядом находился какой-нибудь веселый и доброжелательный, но облеченный властью джентльмен, постоянно и с энтузиазмом их подгонявший. Когда такой власти нет, дети сами не строят школ.

Здоровая цивилизация, на мой взгляд, не должна привлекать

детей к работе по крайней мере до 18 лет. Многие мальчики и девочки переделают немало всякой работы и до того времени, когда им исполнится 18, но эта работа будет для них игрой, с родительской точки зрения вероятнее всего экономически совершенно невыгодной. Я с тоской думаю о гигантском количестве работы, которую приходится выполнять студентам при подготовке к экзаменам. И понимаю, почему в довоенном Будапеште почти у 50 % учащихся после сдачи вступительных экзаменов в университеты наблюдались тяжелые физические или психические нарушения.

Причина, по которой мы здесь, в Саммерхилле, постоянно получаем такие прекрасные отзывы о наших бывших учениках, занявших ответственные посты, состоит в том, что эти мальчики и девочки прожили стадию эгоцентрических фантазий в Саммерхилле. Став молодыми взрослыми, они способны встретиться с реалиями жизни безо всякой неосознанной тяги к детским играм.

Игра

Саммерхилл можно определить как школу, в которой игра имеет первостепенное значение. Я не знаю, почему дети и котята играют. Полагаю, дело в энергии.

Когда я думаю об игре, то имею в виду не спортивные площадки и организованные игры, а проявления фантазии. Организованные игры предполагают мастерство, состязание, взаимодействие; детская игра не требует никакого мастерства, редко включает состязание и еще реже — командное взаимодействие. Малыши обожают играть в разбойников — со стрельбой и сражениями на мечах. Дети играли в них задолго до наступления эры кино. Книги и фильмы иногда привносят какие-то оттенки в некоторые игры, но суть этих игр одна и та же, она живет в душах детей всего мира.

Шестилетки в Саммерхилле играют весь день напролет — играют со своими фантазиями. Для маленького ребенка фантазия и реальность очень близки друг к другу. Когда десятилетний мальчишка вырядился призраком, малыши сначала визжали от восторга: они знали, что это всего лишь Томми, и видели, как он заматывался в простыню. Но когда он напал на них, они все завопили от ужаса.

Маленькие дети живут своими фантазиями и воплощают их в действие. Мальчишки от 8 до 14 лет играют в разбойников и постоянно кого-нибудь «убивают» или «улетают» в небеса на своих деревянных самолетах. Маленькие девочки тоже проходят через эту разбойничью, гангстерскую стадию, только у них она не принимает форму вооруженных столкновений, а разворачивается в сфере личных отношений. Шайка Мэри противостоит шайке Нелли, и между ними происходят постоянные ссоры и обмены грубостями.

Противостоящие шайки мальчишек враждуют только в игре. Поэтому с маленькими мальчиками ладить легче, чем с девочками.

Мне так и не удалось установить, где у них пролегает граница между фантазиями и действительностью. Когда девочка приносит кукле еду на маленькой игрушечной тарелочке, верит ли она, что кукла живая? Игрушечный конь-качалка — это настоящий конь? Когда мальчик кричит: «Огонь!» — и потом стреляет, верит ли он, что ружье у него в руках — настоящее? Я склонен думать, что, когда игра в разгаре, дети и в самом деле воображают, что их игрушки — настоящие вещи, и, только когда вмешивается какой-нибудь бестактный взрослый и тем самым

напоминает, что все происходящее плод их воображения, они с размаху шлепаются обратно на землю. Ни один чуткий родитель никогда не станет разрушать мир детской фантазии.

Мальчики, как правило, не играют с девочками. Они играют в разбойников и в «пятнашки», устраивают себе тайные убежища на деревьях, роют землянки и окопы.

Девочки редко организуют какие-нибудь игры. Освященные веками игры в учительниц и врачей неизвестны свободным детям, потому что они не ощущают необходимости имитировать власть. Младшие девочки играют в куклы, а те, что постарше, похоже, получают большее удовольствие от общения с людьми, нежели с предметами.

У нас часто выходили на поле смешанные хоккейные команды. В карты и другие настольные игры дети обычно тоже играют смешанными группами.

Дети обожают шум и грязь, они топают по лестнице, орут как сумасшедшие, не берегут мебель. Если они играют в салки, то снесут попавшуюся им на пути фарфоровую вазу, даже не заметив этого.

Матери, как правило, недостаточно играют со своими детьми. Они, видимо, полагают, что довольно сунуть в коляску мягкого плюшевого мишку, чтобы как-то занять малыша на час-другой, забывая о главном — детям надо, чтобы их обнимали и тискали.

Если принять, что детство — это жизнь в игре, то хочется спросить: как мы, взрослые, обычно учитываем этот факт? Мы его игнорируем. Мы забываем о нем вовсе, потому что игра кажется нам потерей времени. И поэтому мы возводим громадную городскую школу с множеством комнат и дорогостоящего оборудования для преподавания, в которой чаще всего отводим для игр лишь очень небольшое и строго определенное место.

Можно утверждать — и не без основания, — что пороки цивилизации обязаны своим существованием тому факту, что ни одному ребенку никогда еще не удалось вдоволь наиграться. Или, иначе говоря, каждого ребенка специальными усилиями превращают во взрослого задолго до того, как он достигнет взрослости (подобно тому как растения в теплицах выгоняют в рост до срока).

Отношение взрослых к игре совершенно деспотично. Мы, старшие, составляем для ребенка расписание: учеба с девяти до двенадцати, потом час на ланч, а потом снова уроки до трех. Если бы свободного ребенка попросили сделать для себя расписание, он почти наверняка отдал бы игре много времени, а урокам — мало.

Враждебность взрослых по отношению к детской игре

коренится в страхе. Не одну сотню раз приходилось мне отвечать на беспокойный вопрос: «Но если мой сын будет играть целыми днями, как он научится хоть чему-нибудь, как он будет сдавать экзамены?» И очень редко спрашивающий был готов принять мой ответ: «Если ваш ребенок наиграется досыта, он сможет сдать вступительные экзамены после пары лет интенсивной учебы вместо обычных пяти, шести или семи лет занятий в школе, которая не признает игру важным фактором развития». Но всегда необходимо добавить: «Это в том случае, если он вообще захочет сдавать эти экзамены!» Потому что он может захотеть стать балетным танцовщиком или радиомонтером, а она — портнихой или детской няней.

Да, конечно, именно страх за будущее детей приводит родителей к тому, что они лишают своих чад законного права на игру. Но не только страх. За неодобрительным отношением к игре скрывается еще и некое смутное представление из области морали — представление о том, что быть ребенком, в общем-то, не особенно хорошо, явно звучащее в расхожем увещевании, обращенном к молодым: «Не будь ребенком!»

Родители, которые забыли чаяния собственного детства, т. е. разучились играть и фантазировать, — плохие родители. Когда ребенок утрачивает способность играть, его душа умирает, и он становится опасным для всех детей, которые с ним сталкиваются.

Учителя из Израиля рассказали мне о поразительных общинах, существующих там. Школы, говорили они, — часть общины, а ее основной задачей является тяжелый труд. Как рассказывал один из учителей, десятилетние дети рыдают, если им — в качестве наказания — запрещают копать огород. Если бы мне встретился десятилетний ребенок, который рыдал из-за того, что ему запретили копать картошку, я бы подумал, что он умственно отсталый. Мир детства — это мир игры; и всякая общественная система, игнорирующая данную истину, воспитывает детей неправильно. Израильский метод, о котором шла речь, на мой взгляд, — это принесение молодой жизни в жертву экономическим нуждам, и я бы ни за что не назвал подобную систему идеалом общинной жизни[13].

Было бы очень интересно, хотя, вероятно, и довольно сложно, оценить вред, нанесенный детям, которым не позволили играть столько, сколько им бы хотелось. Мне часто кажется, что огромные толпы, приходящие посмотреть футбольные матчи между профессионалами, состоят из людей, пытающихся изжить свои подавленные игровые потребности, идентифицируясь с игроками и как бы доверяя им играть вместо себя. Большинство выпускников Саммерхилла никогда не ходят на футбольные

матчи, равно как и не интересуются разными другими пышными зрелищами. Полагаю, что мало кто из них отправился бы в дальний путь, чтобы только взглянуть на королевский выезд. Пышность, свойственная такого рода событиям, имеет в себе нечто детское — их яркость, строгий порядок, замедленность движений чем-то напоминают мир игрушек и разряженных кукол.

Именно поэтому, наверное, женщинам такие вещи нравятся больше, чем мужчинам. По мере того как люди становятся старше и мудрее, их, похоже, все меньше и меньше привлекает подобная мишура. Я сильно сомневаюсь, что военные и политики извлекают из разных государственных церемониалов что-нибудь, кроме скуки.

Есть некоторые данные, свидетельствующие о том, что дети, выросшие в условиях свободы и много игравшие, не склонны к стадному мышлению. Среди бывших учеников Саммерхилла единственные, кто готов восторженно вопить в толпе, — это выходцы из семей с прокоммунистическими симпатиями.

Театр

Зимой воскресные вечера в Саммерхилле отданы лицедейству. Спектакли всегда собирают много зрителей. Мне приходилось видеть и по шесть полноценных воскресных представлений подряд, но иногда после волны спектаклей на несколько недель наступает затишье.

Наша аудитория не слишком придирчива. И ведет она себя хорошо — гораздо лучше, чем посетители многих лондонских театров. У нас редко освистывают или затопывают актеров.

Саммерхиллский театр — это переделанный корт для игры в сквош[14], вмещающий около сотни человек. Там есть передвижная сцена, состоящая из ящиков, при помощи которых можно городить лестницы или помосты. Есть и необходимые осветительные средства, включая устройства для регулировки яркости и софиты. Декораций нет — один серый занавес. Когда ремарка гласит: «Входят деревенские жители в проем в заборе», актеры разводят занавес в стороны.

По традиции в театре играются только пьесы, сочиненные в Саммерхилле. Существует и неписаное правило: пьеса, сочиненная учителем, исполняется только в том случае, если дети не написали совсем ничего. Костюмы актеры делают себе сами, и, как правило, они очень хороши. Наши школьные спектакли — это чаще всего комедии и фарсы, но если уж играются трагедии, то делается это по-настоящему хорошо, иногда просто прекрасно.

Девочки пишут пьесы чаще, чем мальчики. Маленькие мальчики иногда сочиняют, но, как правило, в их опусах недостаточно прописаны роли. Впрочем, в этом и нет нужды, потому что лейтмотив каждой роли — это «Руки вверх! Это ограбление». В таких спектаклях занавес всегда опускается над кучей бездыханных тел, потому что маленькие мальчишки по натуре очень основательны и бескомпромиссны.

Тринадцатилетняя Дафна обычно сочиняла для нас пьесы о

Шерлоке Холмсе. Одна мне особенно запомнилась, там речь шла о констебле, убежавшем с женой сержанта. С помощью сыщика и, конечно, «моего дорогого Ватсона» сержант выследил жену и обнаружил ее в доме констебля. Там их глазам предстала поразительная картина. Констебль возлежал на софе, обняв неверную жену за талию, а в середине комнаты стайка дам полусвета извивалась в танце. Констебль был во фраке.

Дафна всегда вносила в свои пьесы элементы светской элегантности.

Лет с 14 девочки пишут свои пьесы в стихах, и часто совсем неплохо. Конечно, далеко не все сотрудники и не все ученики сочиняют пьесы.

Плагиат всегда вызывает сильное отвращение. Однажды, когда какую-то пьесу пришлось снять с постановки в последний момент, я был вынужден срочно написать другую, чтобы заполнить брешь в репертуаре. Ну, я написал нечто на сюжет одного из рассказов У. У. Джейкобса. Так народ кричал: «Жулик! Сдувала!»

Саммерхиллские дети не любят инсценировок. Не терпят они и высокоинтеллектуальных постановок, столь обычных в других школах. Наши никогда не играют Шекспира, но иногда я сочиняю на него пародии, например о Юлии Цезаре среди американских гангстеров, где герои говорят на смеси шекспировского языка и языка журнальных детективов.

Мэри вызвала как-то гром аплодисментов, когда — в роли Клеопатры — она, заколов всех, кто был на сцене, посмотрела на лезвие своего ножа и, громко прочтя надпись на нем: «Нержавеющая сталь!», вонзила его себе в грудь.

Актерские способности детей очень велики. У саммерхиллских актеров нет никакой боязни сцены. Смотреть на малышей — сплошной восторг, они проживают свои роли с полной искренностью. Девочки лицедействуют с большей готовностью, чем мальчики. Мальчики до 10 лет вообще очень редко играют на сцене и если делают это, то лишь в гангстерских пьесах собственного сочинения, а некоторые дети так никогда и не поднимаются на подмостки — просто не желают.

За долгие годы работы мы обнаружили, что худшие актеры — это те, кто лицедействует в жизни. Такому ребенку никуда от себя не деться, и на сцене он занят только собой. Впрочем, занят собой — не слишком точное выражение, на самом деле я имел в виду, что он полагает, будто все остальные должны быть заняты только им.

Участие в театральных постановках — важная часть образования. Обычно это в большой степени самопоказ, но не в Саммерхилле. Если случается, что все дело сводится к самопоказу, такой актер не вызывает восторгов.

Чтобы быть актером, надо иметь ярко выраженную способность идентифицировать себя с другими людьми. У взрослых идентификация всегда осознанна, они понимают, что играют. Я не думаю, что маленькие дети тоже понимают это. Довольно часто ребенок выходит на сцену и в ответ на реплику: «Кто ты?» — говорит: «Я — Питер», — вместо того чтобы сказать: «Я — призрак аббатства».

В одной из пьес, написанных для самых маленьких, была сцена обеда и на столе стояла настоящая еда. Суфлеру потребовалось немало времени и усилий, чтобы подвигнуть актеров перейти к следующей сцене. Дети продолжали есть с полным равнодушием к аудитории.

Актерство — один из способов обретения уверенности в себе. Есть, однако, дети, которые никогда не играют в спектаклях и говорят, что ненавидят эти представления, потому что чувствуют свою неполноценность. Я так и не разобрался, в чем тут дело. Такой ребенок обычно находит другие занятия, в которых он может проявить свое превосходство. Особенно трудный случай представляют девочки, обожающие театр, но не умеющие играть. В Саммерхилле такие девочки очень редко остаются без ролей, что само по себе говорит об атмосфере в школе.

Тринадцати-четырнадцатилетние дети, и мальчики и девочки, как правило, отказываются выступать в ролях, предполагающих любовные отношения, но малыши легко и с радостью соглашаются на любую роль. Старшие, те, кому больше 15, берутся за любовные роли в том случае, когда они комедийные. Лишь один-другой из старших возьмется за серьезную роль любовника. Такую роль нельзя сыграть, пока не переживешь любовь, с горем же дела обстоят иначе: дети, никогда не видевшие горя в реальной жизни, могут прекрасно исполнять трагические роли. Я помню, как Вирджиния теряла самообладание на репетициях и рыдала во время исполнения трагической роли. Это можно объяснить тем, что всякий ребенок испытывал горе в воображении. Смерть, например, очень рано входит в фантазии каждого ребенка.

Пьесы должны соответствовать уровню детей. Неправильно заставлять детей играть классические пьесы, которые чрезвычайно далеки от подлинных детских фантазий. Детские пьесы, как и детское чтение, должны соответствовать их возрасту. Саммерхиллские ученики редко читают Скотта, Диккенса или Теккерея, потому что нынешние дети принадлежат веку кинематографа. Когда ребенок идет в кино, он узнает такую длинную историю, как Вествард Хо[15], за час с четвертью, а чтение этой книги со всеми ее скучными описаниями людей и природы заняло бы у него несколько дней. Поэтому в своих сочинениях дети не хотят ничего похожего на трагедию в замке Эльсинор; они предпочитают привычное им окружение.

Хотя в Саммерхилле и исполняются, как правило, пьесы собственного сочинения, все же по-настоящему прекрасные драматические произведения вызывают у детей самый живой отклик. В одну из зим я еженедельно читал старшим пьесы. Я

прочел им всего Бэрри[16], Ибсена, Стриндберга, Чехова, кое-что из Шоу и Голсуорси и несколько современных пьес вроде «Серебряной нити» и «Водоворота»[17]. Наши лучшие актеры и актрисы предпочли Ибсена.

Старшие проявляют интерес в отношении техники постановки и придерживаются по этому поводу довольно оригинальных взглядов. Например, в драматургии есть освященное веками правило: ни один персонаж никогда не должен покидать сцену без объяснения, почему он это делает. Если драматургу вдруг надо было отделаться от отца, чтобы дать матери и дочери возможность поговорить друг с другом о том, какой же он все-таки осел, старик отец обязательно вставал и, сказав что-нибудь вроде: «Ну что ж, я лучше пойду и посмотрю, высадил ли садовник капусту», убирался прочь. Наши молодые саммерхиллские драматурги пользуются более прямыми предлогами. Как сказала мне одна девочка, в реальной жизни вы выходите из комнаты, ничего не говоря о том, почему вы это делаете. Вы просто выходите — и всё, вот и на сцене Саммерхилла поступают так же.

Саммерхилл специализируется в особой области театрального искусства, которую мы называем спонтанным лицедейством. Я ставлю сценические задачи таким, например, образом: «Надень воображаемое пальто, потом сними его и повесь на крючок. Нарви букет цветов и найди среди них чертополох. Открой телеграмму, в которой говорится, что твой отец (или мать) умер(ла). Перекуси наспех в привокзальном ресторане и сиди там как на иголках, боясь, как бы не пропустить поезд».

Иногда представление носит характер «ток-шоу». Например, я сажусь за стол и объявляю, что я — чиновник иммиграционной службы в Гарвиче[18]. Каждый ребенок должен обзавестись воображаемым паспортом и приготовиться отвечать на мои вопросы. Это проходит очень весело.

Или, например, я становлюсь кинопродюсером, набирающим исполнителей для будущего фильма. Или бизнесменом, подбирающим себе секретаря. Однажды я представлял человека, поместившего в газету объявление, что ему нужен амануэзис[19]. Никто из детей не знал, что означает это слово. Одна из девочек решила, будто это слово значило маникюрша»[20], получилась неплохая комедия.

Спонтанное исполнение — творческая, жизненно важная сторона школьного театра. Наш театр сделал больше для развития творческих способностей детей, чем что-нибудь другое в Саммерхилле. Любой может сыграть в пьесе, но не каждый ее напишет. И дети, вероятно, понимают, пусть и не до конца, что

наша традиция исполнять только оригинальные, так сказать, доморощенные пьесы поощряет и поддерживает именно творчество, а не воспроизведение или имитацию.

Танцы и музыка

Когда люди танцуют, они обычно придерживаются определенных правил. Удивительно, что в танцах, как и вообще в жизни, толпа в целом принимает установленные правила, а отдельные люди, ее составляющие, могут поголовно ненавидеть эти правила.

Для меня лондонский танцевальный зал символизирует Англию. Ганцы, которые должны быть личным и творческим удовольствием, сводятся к прогулке арестантов. Все пары танцуют одинаково. Консерватизм толпы удерживает большинство танцоров от оригинальности. А главное удовольствие от танца — это выдумка, изобретение. Когда изгоняется выдумка, танцы становятся механическими и унылыми. Английские танцы вполне выражают страх англичан перед любыми проявлениями эмоциональности и самобытности.

Если в таком развлечении, как танцы, нет места свободе, откуда шяться надежде отыскать ее в более серьезных аспектах жизни? Ведь если кто-то не осмеливается изобрести свой собственный танцевальный шаг, как можно рассчитывать, что он осмелится осуществить свой собственный религиозный, образовательный или политический выбор!

В Саммерхилле любое представление включает танцевальные номе- ри. Их всегда и ставят, и исполняют девочки, и, надо признать, делают они это хорошо. Они никогда не танцуют под классическую музыку, только под джаз. У нас даже есть балет на музыку Гершвина «Американец в Париже». Сценарий написал я, а девочки поставили танцы. На лондонских подмостках танцуют хуже.

Танцы служат отличной отдушиной для подсознательного сексуального интереса. Я говорю «подсознательного», потому что девочка может быть хороша собой, но, если она плохо танцует, партнеров по пищам у нее найдется немного.

У нас в гостиной почти каждый вечер полно детей. Мы ставим пластинки, и тут нередко возникают разногласия. Дети хотят слушать Дюка Эллингтона или Элвиса Пресли, а я это ненавижу. Я люблю Равеля, Стравинского и Гершвина. Иногда я чувствую, что сыт по горло джазом, и ввожу правило, гласящее, что, пока это моя гостиная, я буду ставить здесь то, что я хочу.

Но я понимаю, что трио из «Кавалера роз» или квинтет из «Мейстерзингера» опустошит комнату. Оно и понятно: мало кто из детей любит классическую музыку или классическую живопись. Мы не делаем попыток поднять их вкусы на более

высокий уровень — что бы это ни значило.

Человек бывает счастлив или несчастлив в жизни независимо от того, любит он Бетховена или горячий джаз. Школы добивались бы гораздо больших успехов, если бы включали в программы джаз, а не Бетховена. В Саммерхилле трое парней впервые взяли в руки музыкальные инструменты, вдохновленные джазовыми оркестрами. Двое из них купили кларнеты, а третий выбрал трубу. После школы они пошли учиться в Королевскую музыкальную академию. Сейчас они играют в оркестрах, которые исполняют исключительно классическую музыку. Мне нравится думать, что такое развитие их музыкальных вкусов корнями уходит в Саммерхилл, где каждый имел возможность слушать то, что хотел: Дюка Эллингтона, Баха или любого другого композитора.

Спорт и игры

В большинстве школ спорт принудителен. Даже присутствовать на соревнованиях обязательно. В Саммерхилле спортивные игры, как и уроки, необязательны.

Один мальчик, пробывший в нашей школе десять лет, ни разу не участвовал ни в одной спортивной игре, и ему никогда не предлагали играть. Но большинство детей любят спортивные игры.

Малыши не участвуют в сложных играх, требующих специальной организации. Они играют в гангстеров или индейцев, строят шалаши и убежища на деревьях, словом, делают все то, что обычно свойственно маленьким детям. Поскольку они еще не достигли той стадии, на которой становится возможным сотрудничество, у них нет сложных игр, и не нужно стараться вовлекать их в такие игры. Организованные и спортивные игры приходят естественным образом в свое время.

В Саммерхилле наши главные игры — хоккей зимой и теннис летом. Интересно, что, когда имеешь дело с детьми, трудно составить хорошую команду для игры в парный теннис. В хоккее они считают командную деятельность само собой разумеющейся, но в теннисе, как правило, в паре игроков каждый действует сам по себе, вместо того чтобы составлять единое целое. Лет с 17 командное взаимодействие получается лучше.

Плавание очень популярно во всех возрастах. Берег у Сайзвелла не очень подходит для детей, там как будто бы всегда прилив. На нашем побережье не найдешь длинных песчаных кос с утесами и заводями, которые так любят дети.

У нас в школе нет специальных занятий гимнастикой, и я не считаю это необходимым. Дети получают все упражнения, которые им нужны, в играх, плавании, танцах и езде на велосипеде. Я сомневаюсь, что свободные дети станут ходить на уроки гимнастики. Обычные игры в помещении — настольный теннис, шахматы, карты.

Для младших детей есть «лягушатник», песочница, качели и карусели. Песочница в теплый день всегда полна чумазыми детьми, и младшие постоянно жалуются, что большие ребята приходят играть в их песочнице. В результате нам пришлось построить отдельную песочницу для старших. Эпоха песка и пирожков из грязи в жизни ребенка длится гораздо дольше, чем мы думаем.

У нас были разногласия и споры по поводу нашей непоследовательности в вопросе о присуждении призов за успехи

в спорте. Непоследовательность состояла в том, что мы решительно отказывались вводить призы или награды за успехи в школьной программе. Аргумент против наград был такой: все, что человек делает, он делает для себя, а вовсе не ради наград, — и это, конечно, чистая правда. Но тогда спрашивается: почему правильно давать призы за теннис и неправильно — за географию? Ответ, я полагаю, состоит в том, что теннис по своей природе соревнователен, он как игра в том и заключается, что ты должен взять верх над другим. А изучение географии — нет. Если я знаю географию, меня ни в какой мере не заботит, что кто-то другой знает ее лучше или хуже, чем я. Я знаю, что дети хотят получать призы за игры и не хотят получать их за школьные предметы, по крайней мере в Саммерхилле. В Саммерхилле мы ни в малейшей степени не превращаем победителей в спорте в героев. То, что Фред — капитан хоккейной команды, не прибавляет веса его голосу на общем собрании школы.

Спорт в Саммерхилле занимает подобающее ему место. Мальчик, который всегда отказывается участвовать в спортивных играх, отнюдь не выглядит униженным и никогда не считается каким-то неполноценным. «Живи и давай жить другим» — девиз, который находит свое идеальное выражение, когда дети вольны быть самими собой. Я не слишком люблю спорт, но меня живо интересует честная спортивная борьба. Если бы учителя Саммерхилла приставали к детям: «Давайте, ребята, выходите на поле!», спорт в Саммерхилле стал бы чем-то уродливым. Только при условии свободы выбора играть или не играть у человека может сформироваться способность к подлинно честному спортивному соперничеству.

Доклад инспекторов британского правительства

Министерство образования.

Доклад инспекторов Ее Величества о школе Саммерхилл, Лейстон, Восточный Саффолк.

Инспекция проводилась 20 и 21 июня 1949 года.

Примечания.

Этот доклад конфиденциален и не может быть опубликован без прямого разрешения школы. При публикации он должен быть воспроизведен полностью.

Все права на публикацию доклада принадлежат руководителю местной Канцелярии Ее Величества. Руководитель не будет возражать против публикации доклада, если все, кого это касается, ясно понимают, что права на этот доклад принадлежат ему.

Следует иметь в виду, что публикация этого доклада ни в коей мере не означает одобрения со стороны министра.

Министерство образования, Керзон-стрит, Лондон

Данная школа широко известна в мире как учреждение, в котором проводится весьма революционный образовательный эксперимент. Широко известны и горячо обсуждаются опубликованные и внедренные в практику теории ее директора. Инспектирование этой школы оказалось делом весьма нелегким в силу больших различий между данной школой и всеми другими, с которыми инспекторы знакомились прежде, но и очень интересным — благодаря предоставившейся возможности оценить, а не просто понаблюдать, какое образование дает эта школа. Все дети живут в школе и платят за содержание 120 фунтов в год. Несмотря на низкую зарплату персонала (о чем будет сказано ниже), директору нелегко содержать школу на этих условиях, но менять их он не хочет, зная финансовые обстоятельства родителей. Хотя указанная плата довольно низка в сравнении с тем, что берут многие другие независимые школы-пансионы, а число сотрудников в расчете на одного ребенка следует признать довольно высоким, инспекторов все же несколько удивили финансовые трудности, на которые жаловался директор. Только тщательное изучение фактических доходов и расходов школы позволит выяснить, можно ли уменьшить затраты на ее содержание без потерь в том или ином отношении, и для осуществления такой работы было бы хорошо пригласить специалистов из какой-либо независимой и имеющей

соответствующий опыт организации. Пока можно сказать, что, какие бы трудности ни испытывала школа, дети в ней чувствуют себя хорошо и питаются обильно.

Принципы, согласно которым живет школа, хорошо известны тем, кто читал книги ее директора. За время, прошедшее с тех пор, когда жги принципы были впервые высказаны, некоторые из них завоевали широкое признание и приобретают все большее влияние в мире, другие вызывают настороженность у большинства учителей и родителей и решительно отвергаются ими. Хотя инспекторы и пытались следовать своему обычному способу инспектирования, т. е. старались быть объективными, все же оказалось совершенно невозможным докладывать об этой школе беспристрастно, не обращаясь к основным принципам и целям, в соответствии с которыми живет школа, независимо от того, принимают сами инспекторы данные принципы или нет.

Главный принцип, которого придерживается школа, — свобода. Свобода эта не вполне безоговорочна, существует ряд законов, свяченных с безопасностью жизни и предотвращением тяжелых травм, составленных и принятых самими детьми, но утверждаемых директором только в том случае, если они сформулированы достаточно ясно и строго. Например, дети не могут купаться иначе, как в присутствии двух членов персонала, выполняющих роль спасателей. Младшие дети не могут выходить с территории школы без сопровождения старших. Эти и подобные правила соблюдаются неукоснительно, для нарушителей существует система штрафов. И все же детям в этой школе предоставлено гораздо больше свободы, чем инспекторам довелось видеть в какой-либо другой школе, и их свобода вполне реальна. Дети, например, не обязаны посещать какие бы то ни было уроки. Как будет показано ниже, большая часть детей тем не менее посещают большинство уроков довольно-таки регулярно, но, действительно, в школе однажды был ученик, который за 13 лет не побывал ни на одном уроке, и теперь он специалист по изготовлению точных инструментов. Этот крайний случай приводится здесь, чтобы показать, что свобода, которая предоставляется детям в этой школе, — подлинная, ее не отбирают даже тогда, когда она приводит к столь странным результатам. Школа, однако, живет вовсе не по анархистским принципам. Здесь существуют законы, разрабатываемые школьным парламентом, который собирается регулярно под председательством одного из детей. На его заседаниях могут присутствовать все желающие из числа детей и персонала. Собрание имеет неограниченные права в отношении обсуждения законов и довольно широкие — в их принятии. В частности,

однажды на таком собрании обсуждалось увольнение учителя, и дети продемонстрировали великолепную обоснованность суждений. Но подобные события редки, обычно парламент рассматривает повседневные проблемы жизни школьного сообщества.

Инспекторы имели возможность посетить одно заседание в первый же день инспекции. Главными предметами обсуждения были соблюдение времени отбоя, установленного парламентом, и контроль за хождением на кухню в неположенное время. Эти проблемы обсуждались очень живо и свободно, разумно и нелицеприятно. Хотя нам и показалось, что немало времени было потрачено на совершенно бесплодные рассуждения, инспекторы все же склонны согласиться с директором, что приобретаемый детьми опыт организации собственной жизни гораздо ценнее, чем подобные потери времени. Очевидно, что большинство родителей и учителей едва ли решились бы предоставить детям полную свободу в вопросах секса. Многие из тех, кто во всем остальном согласен с директором, разошлись бы с ним в этом отношении. Возможно, они легко согласились бы с ним в следующем: дети должны иметь свободный доступ к знаниям о сексе, им надо понимать, что секс и грех — разные вещи, извечные запреты приносят огромный вред, однако родители и учителя все же сочли бы необходимым принять гораздо больше мер предосторожности, особенно когда речь идет о школе с совместным обучением. Понятно, что беспристрастно комментировать результаты отсутствия таких мер чрезвычайно трудно, если сам ты не решился на подобную свободу. Сексуальные чувства неизбежно возникают в любом сообществе молодых людей, и их, конечно, невозможно устранить с помощью разных запретов. Фактически подобные запреты только разжигают интерес к этой сфере. Но все же, как соглашается сам директор, полная свобода выражения сексуальных чувств невозможна, даже если она желательна. Единственное, что можно со всей определенностью сказать по данному поводу: трудно найти более естественное, открытое, без всяких задних мыслей собрание девочек и мальчиков, а крупные неприятности, которых можно было бы ожидать в подобной ситуации, ни разу не случались за все 28 лет существования школы.

Еще одно крайне щекотливое обстоятельство, которого здесь придется коснуться, — это отсутствие в школе какой бы то ни было религиозной жизни или религиозного обучения. Запрета на религию не существует, и, если бы школьный парламент решил ввести ее, она, скорее всего, была бы введена. Аналогичным образом, если бы кто-то хотел этого, никто ему не препятствовал

бы. Все ученики происходят из семей, не признающих ортодоксальных христианских догм, и фактически никто из них никогда не проявлял никакого интереса к религии. Без всякой натяжки можно сказать: многие христианские принципы воплощены в практике этой школы, и там есть немало такого, что одобрил бы всякий христианин. Естественно, за два дня инспекции невозможно оценить последствия полного отсутствия религиозного обучения.

Мы считали необходимым предварить обычное изложение результатов инспекции этим введением о принципах и целях данной школы, потому что именно на фоне свободы как основного принципа и следует рассматривать организацию ее деятельности.

Организация

В школе учатся 70 детей в возрасте от 4 до 16 лет. Они живут в четырех отдельных домиках, которые будут описаны в разделе «Условия проживания». Здесь же будет представлена организация образования детей в конкретном, узком смысле слова.

В школе 6 классов, которые организованы не по возрасту учеников, а с учетом их способностей. Занятия проводятся 5 дней в неделю в первой половине дня по вполне обычному, традиционному расписанию, которое предусматривает 5 сорокаминутных уроков ежедневно. Для занятий отведены определенные места, их проводит определенный учитель. Единственное, чем классы отличаются от аналогичных в обычной школе, — нет ни малейшей гарантии, что на занятия придут все ученики или хоть кто-нибудь один. Инспекторам пришлось приложить немало труда, посещая уроки и наводя справки, чтобы выяснить, что же происходит на самом деле. Похоже, что посещаемость занятий растет, по мере того как дети становятся старше, и, если уж ребенок решил посещать какие-то занятия, обычно он делает это регулярно. Гораздо труднее оказалось выяснить, насколько равномерно распределяют дети свои интересы по школьным предметам. Поскольку многие дети принимают решение сдавать выпускные школьные экзамены, по мере их приближения выбор предметов все больше определяется экзаменационными требованиями, но младшие дети совершенно свободны в своих предпочтениях. В целом результаты, которые дает такая система, не представляются особенно впечатляющими. Дети действительно работают с желанием и интересом, и это

очень приятно наблюдать, но достижения их незначительны. По мнению инспекторов, это не неизбежный результат системы, а скорее свидетельство того, что последняя реализуется не в полную силу. Причинами этого, в частности, являются:

Отсутствие хорошего учителя для учеников среднего школьного возраста, который мог бы направлять и интегрировать все их разнообразные занятия.

Качество преподавания в целом. Обучение самых младших, насколько можно об этом судить, современно и эффективно, есть примеры хорошего преподавания и в старших классах, но бросается в глаза отсутствие хорошего учителя, способного воодушевить и стимулировать 8–9 — 10-летних учеников. В работе с ними используются некоторые поразительно старомодные и формальные методы, так что, когда дети достигают возраста серьезной работы, они оказываются очень плохо подготовленными к ней и создают педагогам серьезные проблемы. Обучение более старших учеников поставлено значительно лучше, а в одном или двух случаях просто очень хорошо.

Детям не хватает руководства. Похвально, что пятнадцатилетняя девочка может сама решить, что она будет изучать французский и немецкий — два языка, которыми она до этого пренебрегала, — но позволять ей пытаться достичь этой цели за 2 часа немецкого и 3 часа французского в неделю, безусловно, несколько безответственно. Прогресс этого ребенка был очень медленным, несмотря на поразительную самоотверженность девочки, и мы думаем, что ей следовало бы предоставить гораздо больше времени. Инспекторы, кроме того, полагают, что полезно было бы организовать нечто вроде тьюторства[21], чтобы помочь детям в планировании их работы.

Недостаток уединения. «Саммерхилл — трудное место для учебы» — слова директора школы. Саммерхилл — это целый улей всякой деятельности, там много такого, что привлекает внимание и интерес. Ни у одного ребенка нет отдельной комнаты, как нет ни одного помещения, специально предназначенного для спокойных занятий и размещенного с этой целью где-нибудь в стороне от общего шума. По-настоящему увлеченный человек, несомненно, всегда найдет себе какой-нибудь уголок для занятий предметом своего интереса, но столь высокая степень увлеченности редко встречается. В данной связи нужно отметить, что немногие дети остаются в школе после того, как им исполнится 16 лет, хотя этому как будто ничто не препятствует. В школе есть и бывали прежде чрезвычайно способные и умные дети, и сомнительно, чтобы в академическом плане Саммерхилл

дал им все, что было необходимо.

В то же время там, где преподавание поставлено хорошо, налицо превосходная работа. Выдающийся образец — занятия искусством. Нам было бы трудно определить, существуют ли какие-нибудь значительные различия между рисунками учеников Саммерхилла и детей из других, более традиционных школ, но эти работы нельзя не признать хорошими по любым меркам. Там можно было увидеть множество замечательных произведений ручного труда. Как раз во время инспекции состоялась установка печи для обжига и сушки гончарных изделий — горшки, ожидавшие первого огня, были великолепны по форме. Установка ткацкого станка с ножным приводом позволит развиваться еще одному ремеслу, которое уже сделало в Саммерхилле первые многообещающие шаги.

Выполняется довольно много творческой литературной работы, здесь в первую очередь имеются в виду выпуск стенной газеты и пьесы, которые пишутся и ставятся каждый семестр. Нам пришлось немало услышать о постановках, но, поскольку здесь не заведено сохранять рукописи вообще и сценарии постановок в частности, мы не могли судить об их качестве. Недавно в маленьком школьном театре состоялось представление «Макбета», весь реквизит для которого был изготовлен собственноручно. Интересно было узнать, что решение о постановке принималось детьми вопреки желанию директора, который предпочитает, чтобы они исполняли пьесы собственного сочинения.

Физическое воспитание тоже осуществляется в соответствии с основными принципами школы. Нет никаких обязательных спортивных игр или физических упражнений. Дети с большим энтузиазмом играют в футбол, крикет и теннис, в футбол они играют, надо сказать, довольно умело, вероятно, благодаря наличию в штате специалиста. Дети организуют матчи с другими школами города. В один из дней, когда мы там были, состоялись соревнования по крикету с соседней школой, причем ученики Саммерхилла решили не выставлять своего лучшего игрока, когла узнали, что у их противников лучший игрок болен.

Ученики Саммерхилла проводят немало времени на свежем воздухе. Дети ведут активный, здоровый образ жизни и соответственно выглядят. Только тщательное и значительно более подробное обследование может установить, теряют ли они что-нибудь из-за отсутствия формального физического воспитания.

Условия проживания

Место, где расположена школа, предоставляет хорошие возможности для отдыха и восстановления сил. В главном здании, которое раньше было частным домом, для школьных целей отведены зал, столовая, устроены изолятор, комната для занятий искусством, небольшая мастерская и спальни для девочек. Самые младшие дети спят в коттедже, и там же находится их классная комната. Спальни для мальчиков и остальные классные комнаты размещаются в домиках в саду, рядом находятся спальни некоторых сотрудников. Двери всех помещений открываются прямо в сад. Классные комнаты небольшие, но удобные для занятий, поскольку обучение ведется в малых группах. Одна из спален представляет собой примечательный результат совместных усилий мальчиков и персонала — они строили изолятор, но в нем, по-видимому, так и не оказалось нужды. Устройство спален — по обычным меркам — довольно примитивно, однако, учитывая, что состояние здоровья учащихся обычно хорошее, его можно считать удовлетворительным. Имеется достаточное число ванных комнат.

Хотя эти садовые постройки и выглядят на первый взгляд непривычно примитивными и чересчур открытыми для посторонних глаз, на самом деле они поразительно хорошо помогают постоянно поддерживать в школе атмосферу, характерную для летних лагерей отдыха. Такая атмосфера — важная черта школы. Кроме того, устройство этих садовых домиков дало возможность увидеть, как дети спокойно занимаются своими делами, нисколько не отвлекаясь на многочисленных посетителей, которые находились в школе в день инспекции.

Персонал

Сотрудники школы получают 8 фунтов в месяц плюс питание и проживание. Найти мужчин и женщин, которые не только твердо верили бы в принципы школы, но к тому же были бы достаточно зрелы и уравновешенны, чтобы жить в одинаковых с детьми условиях, достаточно квалифицированны в своем предмете и умелы в преподавании, и убедить их работать за 8 фунтов в месяц, наверное, не простая задача для директора. Служба в Саммерхилле отнюдь не является хорошей рекомендацией для очень многих руководителей других школ, а

уж необходимое для работы в этой школе сочетание преданности, самоотверженности, характера и способностей вообще большая редкость. Как уже отмечалось, не все сотрудники в равной степени соответствуют требованиям, тем не менее в целом персонал здесь гораздо лучше, чем во многих независимых школах, в которых платят значительно более высокое жалованье. Среди преподавателей есть обладатели ученых степеней: магистр искусств Эдинбургского университета, преподающий английский язык, магистр искусств и бакалавр наук Ливерпульского университета, ранглер Кембриджа[22], бакалавр из Лондона, преподающий французский и немецкий языки, и кембриджский бакалавр по истории. Четверо преподавателей имеют специальную педагогическую подготовку. Кроме перечисленных следует отметить учителей искусств и ремесел, которые имеют иностранные дипломы и относятся к числу лучших педагогов этой школы. Хотя кое-кому из учителей не помешало бы некоторое усовершенствование в том или ином отношении, наличный их состав далеко не слаб. Если бы путем посещения курсов, а также занятий других педагогов они расширили и освежили свой опыт и привели собственный уровень в соответствие с сегодняшним днем, они могли бы стать очень хорошими преподавателями. В то же время вряд ли можно надеяться, что жалованье в 96 фунтов в год сможет и дальше привлекать в эту школу таких педагогов, которые ей необходимы. Представляется совершенно очевидным, что эту трудную проблему придется как-то решать.

Директор школы — человек глубокой убежденности и искренности. Его вера и терпение, должно быть, неистощимы. Он обладает редкой способностью быть сильной личностью и при этом не подавлять других. Невозможно, наблюдая его деятельность в школе, не испытать к нему глубокого уважения, даже если ты не соглашаешься с ним или, более того, не принимаешь некоторых его идей. У него есть чувство юмора, теплая человечность и сильный здравый смысл, что позволило бы ему быть хорошим директором в любой школе, а его счастливая семейная жизнь протекает на глазах детей, для которых этот пример так же важен, как и для всех остальных людей. Он смотрит на образование широко, как на средство научиться полноценно жить, и хотя он и готов принять по крайней мере некоторые замечания этого доклада, но чувствует, что основанием дня оценки его школы должно быть то, какими людьми она дает возможность вырасти своим ученикам, а не то, каким конкретным навыкам и умениям она их обучает. Если принять такие основания для оценки, то можно сказать:

Дети полны горячего интереса к жизни, в них нет и следа скуки или апатии. Всю школу пронизывает атмосфера удовлетворенности жизнью и терпимости всех членов сообщества по отношению друг к другу. В частности, свидетельством успеха работы школы может служить привязанность, которую к ней испытывают ее бывшие ученики. В среднем до 30 бывших учеников приезжают в школу на спектакли и вечера но поводу окончания семестра, очень многие из них выбирают школу в качестве места отдыха во время отпуска.

Здесь, вероятно, стоит отметить, что если вначале в школе учились почти исключительно трудные дети, то в настоящее время в школе учатся дети из вполне обычных семей средних слоев населения.

Повеление детей просто восхитительно. В соблюдении некоторых условностей им, возможно, и недостает каких-то навыков, но дружелюбие, легкость, естественность, полное отсутствие как застенчивости, так и самолюбования делает их очень легкими и приятными в общении людьми.

Система воспитания, действующая в школе, поощряет инициативу, ответственность и сотрудничество, и, насколько о таких вещах вообще можно судить, они здесь действительно развиваются.

Имеющаяся в нашем распоряжении информация не дает оснований считать, что выпускники Саммерхилла оказываются не способными войти в нормальное общество, после того как покидают школу. Приведенные ниже данные, конечно, не исчерпывают историю школы, но показывают, что образование, полученное в Саммерхилле, вовсе не перекрывает дорогу к успеху в мире. Среди выпускников Саммерхилла имеются капитан королевских инженерных войск, командир батареи, летчик — пилот бомбардировщика и командир эскадрильи, старшая медсестра, стюардесса, кларнетист гвардейского оркестра, сотрудник королевского колледжа, танцовщица в известной труппе, радист, корреспондент серьезной национальной ежедневной газеты и специалист по маркетингу в большой фирме. Есть среди них люди, имеющие ученые степени, в частности такие: бакалавр Кембриджа по экономике, бакалавр наук первого класса по физике Лондонского университета, бакалавр искусств Кембриджа по истории, бакалавр искусств первого класса Манчестерского университета по современным языкам.

5. Взгляды директора Саммерхилла на образование делают эту школу исключительно подходящим местом для получения образования того типа, в котором основная учебная работа

определяется интересами детей. Это, в частности, означает, что учеба не регламентируется жестко экзаменационными требованиями. Создать ситуацию, в которой процветало бы академическое образование преимущественно интеллектуального толка, причем самого высокого класса, было бы, конечно, большим достижением, но на самом деле такое образование здесь не процветает, и эта великая возможность оказывается упущенной. При более высоком уровне преподавания на всех этапах, и прежде всего для детей 8 — 10 лет, оно могло бы успешно развернуться, в результате чего этот в высшей степени интересный эксперимент получил бы более полную возможность проявить себя.

У нас остаются некоторые сомнения по поводу как основных принципов, на которых основано воспитание в Саммерхилле, так и конкретных методов преподавания. Более близкое и длительное знакомство со школой могло бы, вероятно, какие-то из них снять, а другие, возможно, усилить. Но не подлежит никакому сомнению то, что здесь осуществляется великолепное и ценное образовательное исследование, с которым было бы полезно познакомиться всем работникам образования.

Заметки на полях доклада инспекторов Ее Величества

Нам действительно повезло, что к нам прислали двух инспекторов таких широких взглядов. Мы сразу отбросили всякие формальности и отказались от официального тона в обращении друг с другом. В течение их двухдневного пребывания у нас случилось всего несколько споров, притом вполне дружеских.

Я чувствовал, что инспекторы привыкли появляться перед классом с учебником французского языка под мышкой и опрашивать детей, чтобы выяснить, насколько хорошо они подготовлены. На мой взгляд, подготовка и опыт такого рода были мало пригодны для определения качества работы школы, в которой учебные занятия отнюдь не входят в число основных приоритетов. Я сказал одному из инспекторов: «Вряд ли вы сможете проинспектировать Саммерхилл, потому что наши критерии — это счастье, искренность, уравновешенность и общительность». Он усмехнулся и заметил, что так или иначе, а им придется попробовать. И надо сказать, оба наши инспектора на редкость удачно приспособились к атмосфере школы — настолько, что очевидным образом получали от этого удовольствие. Их поражали простые веши. Один отметил: «Какое восхитительное потрясение — войти в класс и обнаружить детей, не обращающих на тебя никакого внимания. И это после того, как многие годы целые классы мгновенно вскакивали по стойке «смирно» при твоем появлении». Нет, правда, нам действительно очень повезло с ними обоими.

Но обратимся к самому докладу: «Инспекторов… несколько удивили финансовые трудности, на которые жаловался директор». Мои жалобы были вызваны в основном нашей тяжелой тогдашней задолженностью, но не только ею. В докладе упоминается годовая зарплата в 96 фунтов, но с тех пор мы постарались учесть рост цен на протяжении последних лет, так что средняя годовая зарплата повысилась практически до 250 фунтов. При таких расходах почти ничего не остается на ремонт зданий, покупку новых приборов и т. п. Однако всякого рода разрушения в Саммерхилле гораздо значительнее, чем в обычной строгой школе. Саммерхиллским детям позволено естественно проживать разбойничий период их развития, а следовательно, у нас существенно больше ломается мебели.

В докладе отмечено, что у нас 70 детей. Сегодня их число снизилось до 45 — факт, который некоторым образом

компенсирует малую зарплату.

В докладе говорится также о слабом преподавании для 8 — 10-летних детей. Да, эта трудность была у нас всегда. Даже превосходному учителю с трудом удается наладить обычную для частной школы учебную работу, хотя бы уже потому, что детям предоставлена свобода заниматься другими вещами. Если бы детям в возрасте 10–12 лет в любой частной школе была дана возможность лазать по деревьям или копать землянки, вместо того чтобы ходить на уроки, их результаты были бы такими же, как наши. Но мы просто принимаем тот факт, что у наших мальчиков и девочек настанет период, в течение которого уровень их учебных достижений снизится. Мы принимаем это спокойно, ибо считаем, что в этот период их жизни игра для них важнее, чем учение.

Даже если признать, что дети этого возраста существенно отстают по школьным предметам, остается справедливым, что уже через год те же самые дети, став старше, сдают оксфордские экзамены с очень хорошими результатами. Наши ученики были проэкзаменованы в общей сложности по 39 предметам, т. е. в среднем по шести с половиной предметам на каждого ученика. Результат таков: 24 оценки «очень хорошо», т. е. более 70 %. Из всех 39 экзаменов только один был провален. Несоответствие ученика 8—12 лет в Саммерхилле требованиям обычной школы вовсе не обязательно означает, что он будет так же отставать и тогда, когда перейдет в старшие классы. Что до меня, то мне всегда нравились те, кто не сразу после старта вырывается вперед. Мне приходилось видеть, как одаренные дети, в 4 года декламировавшие Мильтона[23], к 24 годам становились пьяницами и бездельниками. Мне нравится, когда человек лет в 50 с лишком говорит, что он не знает, чем бы ему еще заняться в жизни. У меня есть подозрение, что мальчик, который в 7 лет точно знает, кем он хочет быть, на самом деле чувствует себя неполноценным и впоследствии попытается тем или иным способом спрятаться от жизни.

В докладе говорится: «Создать ситуацию, в которой процветало бы академическое образование преимущественно интеллектуального толка, причем самого высокого класса, было бы, конечно, большим достижением, но на самом деле такое образование здесь не процветает и эта великая возможность оказывается упущенной» — единственный абзац, в котором инспекторы не смогли подняться над своими академическими пристрастиями. Наша система успешно работает, когда ребенок стремится к академическому образованию, и результаты экзаменов показывают это. Но, возможно, здесь инспекторы

имели в виду, что при лучшей постановке обучения для 8 — 12-летних большее число детей «захотело бы» сдавать выпускные и вступительные экзамены.

Не пора ли нам поставить академическое образование на подобающее ему место? Академическое образование слишком часто пытается сделать шелковый кошелек из свиного уха. Не знаю, чем бы могло помочь академическое образование некоторым из бывших учеников Саммерхилла — модельеру, парикмахеру, танцовщику, нескольким музыкантам, нескольким няням для малышей, нескольким механикам, нескольким инженерам и полдюжине актеров.

И все-таки это справедливый доклад, искренний и великодушный. Я публикую его просто потому, что хочу дать читательской аудитории возможность увидеть Саммерхилл не только моими глазами. Заметьте, доклад не содержит никакого официального признания со стороны министерства образования. Лично меня это нисколько не волнует. Тем не менее такое признание было бы желательно по двум причинам: наши учителя в этом случае подпадали бы под государственную систему пенсий по выслуге лет, а у родителей учеников было бы больше шансов получить помощь от местных муниципалитетов.

Я хотел бы также отметить тот факт, что у нас не было никогда никаких трудностей в отношениях с министерством образования. Любой мой запрос или приход в министерство всегда встречался любезно и дружелюбно. Единственный отказ, который я получил, случился сразу после войны — тогда министр отказался разрешить одному скандинавскому родителю беспошлинно ввезти стройматериалы и поставить дом.

Когда я думаю о том властном интересе, с которым относятся к частным школам европейские правительства, я радуюсь, что живу и работаю в стране, предоставляющей такие широкие возможности для частной инициативы. Я проявляю терпимость по отношению к детям, министерство проявляет терпимость по отношению к моей школе. Я доволен.

Будущее Саммерхилла

Теперь, когда мне идет 84-й год, я чувствую, что уже не буду писать следующую книгу об образовании, ибо смогу предложить мало нового. Но кое-что я должен сказать в свою пользу: последние 40 лет я провел не за созданием теорий о детях. Большая часть всего, что я написал, основана на наблюдениях за детьми и на совместной жизни с ними. Вначале я действительно черпал свое вдохновение из Фрейда, Гомера Лейна и других. Но со временем я научился отбрасывать теории, которые не выдерживали проверки реальностью.

Странное занятие — писательство. Как будто выступая по радио, автор отправляет какое-то сообщение людям, которых не видит и даже не может сосчитать. Моя аудитория всегда была особенной. Те, кого можно назвать официальной публикой, не желают меня знать. Работникам Би-Би-Си наверняка никогда не пришло бы в голову пригласить меня на радиопередачу об образовании. Ни один университет, включая мой родной Эдинбургский, никогда бы не подумал предложить мне почетную степень. Когда я читаю лекции студентам Оксфорда или Кембриджа, ни один профессор или доцент не приходит меня послушать. Я полагаю, что могу всем этим гордиться, ибо, когда тебя признают чиновники, это означает, что ты устарел.

Было время, когда я обижался, что «Тайме» ни разу не опубликовал ни одного моего письма; сегодня я воспринимаю отказы газеты как комплимент.

Этим я не хочу сказать, что вполне перерос желание признания. И все же с возрастом происходят определенные изменения, особенно в структуре ценностей. Недавно я читал лекцию 700 шведам, набившимся в шестисотместный зал, и не испытывал от этого ни восторга, ни гордости. Я полагал, что мне это действительно безразлично, пока не задал себе вопрос: «А как бы ты себя чувствовал, если бы в аудитории было всего 10 человек?» Ответом было: «Ужасно бы расстроился!» Так что хотя тщеславия у меня и в самом деле нет, но и разочарований я не хочу.

Амбиции с возрастом умирают, но признание — это другой вопрос. Мне бы не хотелось увидеть книгу с названием, скажем, «История прогрессивных школ», в которой не было бы упомянуто о моей работе. И вообще, до сих пор мне не довелось еще встретить человека, который был бы искренне равнодушен к признанию.

У возраста есть свой комический аспект. Годами я старался

идти в ногу с молодыми — молодыми учениками, молодыми учителями, молодыми родителями, — видя в старости тормоз прогресса. Теперь, когда я состарился и стал одним из тех Стариков, против которых я так долго выступал, я чув. ствую себя иначе. Недавно, когда я беседовал с 300 студентами в Кембридже, я чувствовал себя самым молодым человеком в зале. Это правда. Я сказал им: «Зачем вам нужно, чтобы такой старый человек, как я, приходил и рассказывал вам о свободе?» Теперь я размышляю о жизни не в категориях юности и старости. Мне кажется, что годы мало влияют на образ мыслей человека. Я знаю 20-летних парней, которым 90, и 60-летних мужчин, которым 20. Я думаю о людях, используя понятия свежести восприятия, энтузиазма, отсутствия консерватизма, омертвелости или пессимизма.

Не знаю, смягчился я с годами или нет. Я совсем не так легко, как раньше, переношу дураков, меня гораздо сильнее раздражают скучные разговоры и меньше интересуют личные проблемы разных людей. Но я слишком много их выслушал за последние 30 лет. Меня гораздо меньше интересуют веши, и мне редко хочется что-нибудь купить. Я уже сто лет не заглядывал в витрину магазина одежды. И даже любимые раньше магазины инструментов на Юстон-роуд больше меня не привлекают.

Если я и достиг того этапа, когда детский шум утомляет меня больше, чем раньше, я не могу сказать, что возраст принес с собой нетерпимость. Я по-прежнему могу спокойно смотреть, как ребенок делает всякие глупости, изживая свои старые комплексы, зная, что придет время и этот ребенок станет хорошим гражданином. Старость утишает страхи, но и ослабляет мужество. Раньше, много лет назад, увидев мальчишку, который грозит выпрыгнуть из высокого окна, если не будет сделано то, что он хочет, я бы с легкостью сказал ему: «Вперед, прыгай!» Я не слишком уверен, что сегодня я сделал бы то же самое.

Вопрос, который мне часто задают: «Разве Саммерхилл — это не театр одного актера? Разве он смог бы существовать без вас?» Саммерхилл ни в коем случае не является театром одного актера. Вклад моей жены и других педагогов в повседневную работу школы ничуть не меньше, чем мой. Такой, какая она есть, нашу школу создала идея невмешательства в развитие ребенка и отказ от давления на него.

Известен ли Саммерхилл всему миру? Едва ли. Он известен горстке педагогов. Лучше его знают в Скандинавских странах. На протяжении последних 30 лет у нас были ученики из Норвегии, Швеции, Дании, иной раз до 20 человек одновременно. У нас были также ученики из Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки и Канады. Мои книги переведены на многие языки, в том

числе на японский, иврит, хинди и гуджарати. Саммерхилл имеет некоторое влияние в Японии. Более 30 лет назад у нас в гостях побывал Сейши Шимода, выдающийся педагог. Его переводы моих книг расходились довольно хорошо, и мне рассказывали, что учителя в Токио собираются и обсуждают наши методы. В 1958 г. господин Шимода снова приехал и провел с нами целый месяц. Директор одной суданской школы рассказывал мне, что идеи Саммерхилла очень интересуют тамошних учителей.

Я отмечаю все эти факты — переводы, визиты, сообщения — без всяких иллюзий. Остановите тысячу людей на Оксфорд-стрит и спросите у них, о чем говорит им слово «Саммерхилл». Очень возможно, что ни один из них ничего не ответит. Надо развивать в себе чувство юмора в отношении собственной значимости или ее отсутствия.

Я думаю, что мир не будет долго — если вообще когда-нибудь будет — использовать образовательные методы Саммерхилла. Мир придумает лучший способ. Только пустоголовый дурак может считать свою работу последним словом в какой-либо области, мир просто обязан найти лучший путь. Потому что политика не спасет человечество, она никогда не могла это сделать. Большинство политических газет наполнены ненавистью, всегда одной только ненавистью. Слишком многие становятся социалистами не потому, что любят бедных, а потому, что ненавидят богатых.

Разве могут у нас существовать счастливые семьи, живущие в любви, если родной дом — это маленький уголок родины, сотнями способов повседневно проявляющей ненависть? Я не могу считать, что образование — это экзамены, классы, уроки и учение. Школа не обращает внимания на самое главное: все на свете греческие языки, математики и истории не помогут сделать семью более любящей, детей — свободными от подавления, а родителей — свободными от неврозов.

Будущее Саммерхилла как такового, вероятно, не имеет большого значения, но будущее идеи Саммерхилла имеет огромное значение для человечества. У новых поколений должен быть шанс вырасти в свободе. Подарить свободу — это подарить любовь, а только любовь может спасти мир.

Часть 2. ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Несвободный ребенок

Формируемый, регулируемый, наказываемый, подавляемый, несвободный ребенок, имя которому — Легион, живет в каждом уголке планеты. Он живет и в нашем городе, прямо в доме напротив, он сидит за скучной партой в скучной школе, а потом, когда вырастет, за еще более скучным столом в каком-нибудь учреждении или на скамье у фабричного конвейера. Он тих, готов подчиняться власти, боится критики и почти фанатичен в своем желании быть нормальным, быть правильным, быть «как все». Он принимает все, чему его учили, почти без вопросов и передаст свои комплексы, страхи и фрустрации[24] собственным детям.

Психологи согласны с тем, что самый большой вред психике ребенка наносится в первые 5 лет жизни. Вероятно, правильнее сказать: в первые 5 месяцев, или первые 5 недель, или, может быть, даже в первые 5 минут ребенку может быть причинен вред, который пребудет с ним во всю его жизнь.

Несвобода начинается с рождения. Нет, она начинается задолго до рождения. Если ребенка носит затюканная женщина со скованным телом, знает ли кто-нибудь, как материнская скованность скажется на новорожденном?

Вряд ли будет преувеличением сказать, что все дети в нашей цивилизации появляются на свет в жизнеотрицающей атмосфере. Сторонники кормления по расписанию по своей сути — враги удовольствия. Они требуют дисциплины питания для ребенка, поскольку кормление не по расписанию предполагает оргастическое удовольствие у груди матери. Приводимые при этом аргументы в пользу такого питания не что иное, как рационализация. Глубинный мотив — желание превратить ребенка в дисциплинированное существо, которое ставит долг выше удовольствия.

Рассмотрим жизнь среднего ученика грамматической школы Джона Смита. Его родители сами ходят в церковь лишь время от времени, однако настаивают, чтобы Джон ходил в воскресную школу каждую неделю без исключения. Родители поженились почти наверняка вследствие взаимного сексуального влечения, им пришлось, пожениться, потому что в их среде молодые люди не могли жить вместе, не придав этому респектабельного вида, т. е. не освятив совместную жизнь браком. Как часто бывает, сексуального влечения оказалось недостаточно, и разница темпераментов сделала их дом довольно напряженным местом, где между родителями время от времени происходят объяснения на повышенных тонах. Конечно, нередко бывали и тихие, нежные

моменты, но их маленький Джон принимал как должное, а вот громкие ссоры между родителями били его прямо в солнечное сплетение, он пугался и плакал, а его шлепали за беспричинный плач.

Его жизнь регулировали с самого начала. Большие огорчения приносило ему кормление по расписанию. Когда он был голоден, часы говорили, что до еды остался еще час. Его заворачивали в слишком большое количество пеленок и слишком туго. Он обнаружил, что не может брыкаться так свободно, как ему хотелось бы. Огорчения в связи с кормлением заставили его сосать большой палец, но семейный доктор сказал, что не следует формировать у малыша вредные привычки, и велел маме завязывать ему концы рукавов или намазывать кончики пальцев каким-нибудь скверно пахнущим веществом. Естественные отправления оставляли в покое, пока младенец был в пеленках, но, когда он начал ползать и делать на пол, в доме зазвучали такие слова, как «гадость» и «грязь», и с этого момента его начали безжалостно приучать к чистоплотности.

Но еще раньше всякий раз, когда ручонка касалась гениталий, ее отодвигали, и вскоре запрет на прикосновение к гениталиям связался у него с приобретенным отвращением к экскрементам. В результате многие годы спустя, когда Джон Смит стал разъездным торговым агентом, тематика его анекдотов в основном сводилась к сексу и физиологическим отправлениям.

То, чему его учили, в большой мере зависело от убеждений родственников и соседей. Мать и отец изо всех сил старались воспитывать его правильно, т. е. делать то, что должно; так что, когда приходили родственники или соседи, Джон должен был показывать себя хорошо воспитанным ребенком. Он обязан был говорить «спасибо», когда тетушка давала ему кусок шоколада, он обязан был очень тщательно следить за собой за столом, и, что особенно важно, он обязан был молчать, когда говорили взрослые.

Его противный воскресный костюм был куплен ради соседей. Этой тренировке в респектабельности сопутствовала неизбежная система лжи — система, которую он не осознавал. Ложь вошла в его жизнь рано. Джону говорили, что Бог не любит дрянных мальчишек, которые употребляют слово «черт», и что кондуктор отшлепает его, если он будет бродить по коридору поезда.

Вся его любознательность, касающаяся происхождения жизни, наталкивалась на ложь, неуклюжую, но столь эффективную, что любознательность исчезла. Ложь относительно жизни и рождения детей соединилась со страхом, когда в 5 лет мать застала сына за генитальной игрой с его сестрой 4 лет и

девочкой из соседнего дома. Последовавшая жестокая порка (отец еще добавил, когда пришел домой с работы) заставила Джона запомнить навсегда, что секс порочен и греховен — нечто такое, о чем человек даже думать никогда не должен. Бедному Джону пришлось заглушить свой интерес к сексу вплоть до наступления полового созревания, — ив этом возрасте он мог грубо загоготать в кинотеатре, услышав, как какая-то женщина на экране сказала, что у нее трехмесячная беременность.

В интеллектуальном отношении Джон развивался нормально. Он легко учился и таким образом избегал глумления и наказаний, которые дурак-учитель мог бы ему устроить. Он вышел из школы с грудой по большей части бесполезного знания и культурными потребностями, которые легко удовлетворялись дешевыми бульварными изданиями, банальными фильмами и детективным чтивом. Имя Мильтона ассоциировалось у Джона только с зубной пастой, а Бетховен и Бах были занудами, чья музыка так и лезет, когда пытаешься настроить приемник на Элвиса Пресли или джаз Бейдербека.

Богатый кузен Джона Смита Реджинальд Уортингтон посещал частную школу, но развитие его в основных чертах шло, как и у бедного Джона. Кузен также принимал в жизни все второсортное, также был порабощен существующим положением вещей, также отрицал любовь и радость.

Не являются ли эти портреты Джона и Реджинальда односторонними и карикатурными? Нет, это не совсем карикатуры, хотя, конечно, представленная картина неполна. Осталась не упомянутой их теплая человечность, которая выживает даже под самым тяжелым и злобным давлением на характер. В жизни и Смиты, и Уортингтоны в целом — милые, дружелюбные люди, полные детских веры и суеверий, доверчивости и привязанностей. Они и их друзья — это те самые простые граждане, которые составляют законы и требуют гуманности. Это они — те люди, которые заявляют: животных надо убивать гуманно, о домашних животных необходимо как следует заботиться, но они отступают, когда речь идет о негуманном отношении человека к человеку. Они, не задумываясь, принимают жестокие, антихристианские уголовные законы и считают убийство других людей на войне естественным явлением.

И Джон, и его богатый кузен как к должному относятся к дурацким, злым и полным ненависти законам о браке. Они согласны с тем, что должен существовать один закон для мужчин и другой для женщин — в том, что касается любви. Они оба требуют, чтобы девушки, на которых они женятся, были

девственны. Если их спросить, девственны ли они сами, они нахмурятся и ответят: мужчина — это другое дело.

Они оба — верные сторонники патриархального социального устройства, даже если никогда не слышали этих слов. Их сформировали как людей, которые необходимы патриархальному государству для поддержания своего существования. Их эмоции — это чаще настроения толпы, чем переживания отдельных людей.

Через много лет после окончания школы, которую ненавидели мальчиками, они воскликнут: «В школе меня лупили, и это принесло мне большую пользу», — а затем засунут своих сыновей в ту же самую или точно такую же школу. Говоря на языке психологии, они принимают отца без конструктивного бунта против него, и таким образом традиция отцовской власти передается из поколения в поколение[25].

Завершая портрет Джона Смита, я хотел бы дать краткий очерк жизни его сестры Мэри. Краткий, поскольку в общем и целом ее и ее брата подавляла одна и та же среда. У нее, однако, есть особые ущербные черты, которых нет у Джона. В патриархальном обществе она определенно считается существом второго сорта, и ее приучили помнить об этом. Девочка была обязана заниматься всякими рутинными домашними делами, в то время как ее брат читал или играл. Мэри рано узнала, что, когда она найдет себе работу, ей будут платить меньше, чем мужчинам.

Как правило, Мэри не протестует против своего униженного положения в обществе, устроенном для мужчин. Мужчина следит за тем, чтобы у нее была какая-то компенсация, как правило, в виде дешевых безделушек и побрякушек. Именно ей предназначены его хорошие манеры. Ее оберегают. Мужчина будет стоять в ее присутствии, если она не сидит. Мужчина спросит ее, будет ли она так великодушна, чтобы выйти за него замуж. Мэри твердо знает, что выглядеть как можно привлекательнее — одна из ее главных функций, в результате чего в мире гораздо больше миллионов тратится на тряпки и косметику, чем на книги или образование.

В сексуальной сфере Мэри также невежественна и задавлена, как ее брат. В патриархальном обществе мужчины установили, что их женщины должны быть чисты, девственны, невинны, и Мэри искренне верит в то, что у женщин помыслы чище, чем у мужчин. Каким-то почти мистическим образом мужчины сумели заставить Мэри думать и чувствовать, что ее функция в жизни — только воспроизводство, а сексуальное удовольствие — прерогатива мужчин.

Что касается бабушки Мэри, а вероятно, и ее матери, то не

допускалось и мысли о том, что у них могла быть какая-то сексуальная связь, пока не появится подходящий человек и не разбудит спящую красавицу. От такого положения Мэри все-таки ушла, но отнюдь не столь далеко, как нам хотелось бы думать. Ее любовной жизнью управляет страх беременности, поскольку она понимает, что незаконнорожденный ребенок почти наверняка лишит ее всяких шансов заполучить мужа.

Исследование подавленной сексуальной энергии и ее связи с человеческими болезнями — одна из важных задач сегодняшнего и завтрашнего дня. Наш Джон Смит может умереть от болезни почек, а Мэри Смит — от рака, и никому из них в голову не придет, что ограниченная и подавленная эмоциональная жизнь хоть как-то связана с их заболеваниями. Когда-нибудь человечество, возможно, исследует все свои несчастья, ненависть и болезни и обнаружит их корни в созданной им цивилизации, которая по своей сути — жизнеотрицающая. Если жесткое формирование характера делает ригидным и человеческое тело — зажатым, несвободным, скованным, а не живым и гибким, логично заключить, что эта жесткость будет препятствовать нормальному функционированию любого человеческого органа, необходимого для жизни.

Короче говоря, я убежден, что результатом несвободного воспитания является несвободная жизнь, которая не может быть прожита полноценно. Несвободное воспитание почти полностью игнорирует эмоциональную сторону жизни, а поскольку эмоции очень динамичны, невозможность их естественного выражения должна приводить и на деле приводит к дешевке, пакости и злобности. Все образование направлено на интеллект, но если бы эмоциям была предоставлена истинная свобода, то интеллект сам позаботился бы о себе.

Трагедия человека состоит в том, что его характер, как и характер собаки, поддается формированию. Вам не дано сформировать характер кошки — животного, которое выше собаки. Вы можете заставить пса устыдиться своего плохого поступка, но взывать к совести кота — бессмысленное занятие. Тем не менее большинство людей предпочитают собак, потому что готовность последних подчиняться и льстиво вилять хвостом служит наглядным подтверждением превосходства и значимости хозяина.

Воспитание младенцев и собак очень похоже. Поротый ребенок, как и поротый щенок, превращается в послушного униженного взрослого. И подобно тому, как мы натаскиваем собак для своих целей, мы поступаем с нашими детьми. На этой псарне — в детской — человеческие щенки должны быть

чистыми. Они обязаны не слишком много лаять, подчиняться свистку, есть только тогда, когда нам удобно их покормить.

Я видел, как сотни тысяч послушных, лебезящих собак виляли хвостами в Темпл-хоффе в Берлине, когда в 1935-м великий кинолог Гитлер подавал им свистком свои команды.

Хочется процитировать кое-что из «Инструкций для будущих матерей», изданных несколько лет назад больницей при женском медицинском колледже в Пенсильвании: «Привычка сосать пальцы может быть предотвращена путем помещения рук младенца в трубки из плотного картона так, чтобы у него не было возможности согнуть руки в локтях. Необходимо особенно тщательно следить за чистотой интимных мест, чтобы предотвратить дискомфорт, заболевания и образование вредных привычек» (выделено А. Ниллом).

Вину за неправильное воспитание детей я в большой мере возлагаю на представителей медицинской профессии. Врачи, как правило, совершенно не имеют подготовки в вопросах воспитания, тем не менее для большинства женщин слово доктора — это глас божий. Бедная мать не знает, что слова врача о необходимости бить ребенка по рукам за мастурбацию — это вопль его собственного комплекса вины, а вовсе не научные представления о природе ребенка. Я возлагаю на докторов вину за назначение дурацкого кормления по расписанию, за запугивание в связи с сосанием пальцев, за идиотское запрещение нежной возни с ребенком и за лишение его возможности идти собственным путем.

Трудный ребенок — это ребенок, задавленный требованиями чистоплотности и подавлением[26] сексуальности. Взрослые считают само собой разумеющимся, что ребенка надо научить вести себя так, чтобы жизнь взрослых была как можно более спокойной. Отсюда и значение, придаваемое послушанию, хорошим манерам, любезности.

На днях я видел, как мать выпустила гулять мальчугана лет 3 во двор собственного дома. Его наряд был безупречен. Он начал возиться с глиной и слегка испачкал одежду. Мамаша вылетела из дома, отшлепала его, потащила внутрь и чуть позже снова отослала его во двор, плачущего, но в новой чистой одежде. Через 10 минут он испачкал и этот костюмчик, и все повторилось сначала. Я подумал было сказать этой женщине, что ее сын будет ненавидеть ее всю жизнь и, хуже того, ненавидеть жизнь как таковую. Но я понимал: что бы я ни сказал, она меня не услышит.

Чуть ли не каждый раз, когда мне приходится бывать в городе, я наблюдаю, как какой-нибудь малыш лет 3 спотыкается и падает, и содрогаюсь, видя, как мать шлепает малыша за падение.

Чуть ли не каждый раз, когда мне приходится ехать куда-нибудь поездом, я слышу, как какая-нибудь мать говорит: «Если ты снова выйдешь в коридор, Вилли, кондуктор тебя арестует». Так большинство детей воспитываются на смеси лжи и невежественных запретов.

Многие матери, которые дома хорошо обращаются со своими детьми, на людях начинают кричать на них или шлепать из страха перед мнением соседей. Ребенка с самого начала принуждают соответствовать нашему душевнобольному обществу. Однажды, когда я читал лекцию в небольшом городке на побережье Англии, я спросил: «Понимаете ли вы, матери, что всякий раз, когда вы бьете ребенка, вы демонстрируете свою ненависть к нему?» Реакция была ужасна. Женщины кричали на меня, как мегеры. Когда позднее вечером я высказывал свое мнение по вопросу о том, как мы можем улучшить нравственную и религиозную атмосферу в семье, аудитория с большим удовольствием освистала меня. Это стало для меня потрясением: я обычно читаю лекции тем, кто верит в те же идеалы, что и я. Но тут аудитория состояла из представительниц рабочего и среднего классов, в жизни ничего не слышавших о детской психологии. Именно эта встреча убедила меня в поразительной сплоченности подавляющего большинства родителей против свободы для детей и для себя тоже.

Наша цивилизация нездорова и несчастлива, и я утверждаю, что корни этого — в несвободной семье. Силы реакции и ненависти умерщвляют детей с самых первых дней их жизни. Дети научаются говорить жизни «нет», потому что вся их юная жизнь одно сплошное «нет»: не шуми, не мастурбируй, не лги, не бери чужого. Они научаются говорить «да» всему, что есть в жизни плохого: старость — уважай, религию — уважай, уважай учителей, соблюдай закон отцов, не задавай вопросов — просто подчиняйся.

Нет никакой добродетели в уважении к тому, кто его недостоин. Нет никакой добродетели в жизни в законном грехе с мужчиной или женщиной, если любовь ушла. Нет добродетели и в любви к богу, которого ты на самом деле просто боишься.

Трагедия состоит в том, что мужчина, который держит свою семью в узде, сам неизбежно раб, потому что в тюрьме тюремщик тоже несвободен. Рабство мужчины — в его подчинении закону ненависти: он подавляет свою семью и, делая это, подавляет собственную жизнь. Мужчине приходится создавать суды и тюрьмы для наказания жертв подавления. Порабощенная женщина должна отдавать своего сына на войну, которую мужчина называет «освободительной, отечественной, войной во

имя демократии, войной за прекращение войн».

Нет трудных детей, есть только трудные родители. Лучше сказать, что существует просто трудное человечество. Вот почему так зловеща атомная бомба — она находится в руках людей, которые против жизни, потому что какой же человек, чьи руки с колыбели были связаны, не против жизни.

Человечеству не чужда теплота дружбы и любви; я твердо верю, что новые поколения людей, которых не пеленали намертво во младенчестве, будут жить в мире друг с другом, если, конечно, нынешние ненавистники не уничтожат его, прежде чем наступит время новым поколениям прийти к власти.

Эта борьба неравная, потому что ненавистники контролируют образование, религию, право, армию, гнусные тюрьмы, и лишь горстка педагогов стремится позволить тому доброму, что есть во всех детях, взрастать в свободе. Огромное большинство детей по-прежнему воспитываются сторонниками жизнеотрицания со всей их исполненной ненависти системой наказаний. В некоторых монастырских школах девочки обязаны мыться одетыми, чтобы они, не дай бог, не увидели собственного тела. Мальчикам учителя и родители продолжают рассказывать, что мастурбация — грех, ведущий к сумасшествию и разным другим ужасным последствиям. Недавно я видел, как женщина ударила малыша месяцев 10 за то, что он хотел пить и поэтому плакал.

Идет борьба между верующими в жизнь и верующими в мертвечину, и никто не смеет оставаться в стороне — это будет означать победу смерти. Мы должны принять либо одну сторону, либо другую. Мертвая сторона обеспечивает нам трудного ребенка, живая сторона способна дать здорового.

Свободный ребенок

На свете так мало саморегулирующихся[27] детей, что всякая попытка описывать их должна быть очень осторожной. То, что нам удалось наблюдать до сих пор, указывает на возникновение новой цивилизации, несущей гораздо более глубокие изменения, чем любое общество, когда-либо обещанное какой бы то ни было политической партией. Саморегуляция предполагает веру в то, что человек по своей природе хорош, а природа не была и не может быть изначально греховна.

Никто и никогда не видел ребенка, вполне способного к саморегуляции. Каждый живущий ребенок уже подвергся формированию со стороны родителей, учителей и общества. Когда моей дочери Зое[28] было 2 года, журнал «Пикчер пост» опубликовал о ней статью с фотографиями, в которой говорилось, что из всех британских детей у нее самые лучшие шансы вырасти свободной. Это было не вполне справедливо, поскольку она жила и теперь живет в школе, среди многих других детей, которые отнюдь не являются саморегулирующимися. Эти дети так или иначе, в той или иной степени подверглись процедуре формирования характера, а поскольку она обязательно ведет к страху и злобности, Зоя оказалась в контакте с детьми, уже настроенными против жизни.

Она воспитывалась без страха перед животными, тем не менее однажды, когда я остановил машину около фермы и предложил: «Пойдем посмотрим на коров, послушаем, как они мычат», она вдруг испугалась и возразила: «Нет, нет, эти коровы съедят тебя». Так сказал ей один семилетний ребенок, который вырос не в условиях саморегуляции. Но, должен заметить, страх у Зои продержался всего пару недель. Последовавшая история с тиграми, которые прячутся в кустах, сказывалась тоже непродолжительное время. Похоже, что саморегулирующийся ребенок способен преодолевать влияние несвободных детей сравнительно быстро. Приобретенные Зоей страхи и подавленные интересы никогда не тянулись долго, однако, конечно, никто не может сказать, не нанесли ли эти страхи какого-то устойчивого ущерба ее характеру.

Посетители со всего света говорили о Зое: вот что-то совершенно новое — легкий, уравновешенный и счастливый ребенок, находящийся в мире, а не в войне со своим окружением. Это правда, она, насколько вообще возможно в невротизированном обществе, естественное существо, которое, похоже, автоматически находит границу между свободой и

вседозволенностью.

Одна из опасностей в жизни саморегулирующегося ребенка состоит в том, что взрослые проявляют к нему слишком большой интерес и он постоянно чересчур на виду. Вероятно, в сообществе саморегулирующихся детей, естественных и свободных, ни один ребенок не будет выглядеть белой вороной, никого из них не будут поощрять, когда он выставляет себя напоказ; и тогда исчезнет ревность, проявляемая другими детьми при встрече со свободным ребенком, не имеющим их запретов.

Маленькой Зоя была гораздо более гибкой и легкой в движениях, чем ее друг Тед. Когда ее поднимешь, то ее тело было расслаблено, как у котенка, а бедный Тед повисал на руках, как мешок картошки. Он не мог расслабиться, все его реакции были реакциями защиты и сопротивления. Он рос во всех отношениях жизнеотрицающим существом.

Я утверждаю, что саморегулирующиеся дети не проходят через эту неприятную стадию сопротивления, просто потому что им она не нужна. Поскольку у них с младенчества не осталось ощущения давления и ограничения со стороны родителей, то я не вижу причин и для восстания против последних. Даже в наполовину свободных семьях нередко достигается достаточно высокая степень равенства между детьми и родителями, и бунт, направленный на освобождение от родителей, не возникает.

Саморегуляция означает право ребенка жить свободно, без внешнего давления — физического или психологического. Следовательно, ребенок ест, когда голоден, приобретает привычки чистоплотности, когда захочет, на него никогда не кричат и не поднимают руки, он всегда любим и защищен. Сказанное звучит легко, естественно и прекрасно, однако поразительно, как много молодых родителей, ревностно отстаивающих эту идею, умудряются понимать ее превратно. Например, четырехлетний Томми лупит по клавишам соседского пианино деревянным молотком. Любящие родители оглядываются с торжествующей улыбкой, которая означает: разве не удивительна саморегуляция этого ребенка?

Другие родители считают, что их полуторагодовалого ребенка никогда не следует укладывать спать, поскольку это было бы насилием над природой. Пусть он бодрствует, сколько хочет, а когда рухнет, мать отнесет его в постель. На самом деле ребенок все больше устает и возбуждается. Он не может сказать, что хочет спать, ибо еще не умеет выражать свою потребность словами. В конце концов усталая и разочарованная мать хватает его на руки и тащит плачущего в постель. Одна молодая пара, считающая себя адептом моего учения, пришла ко мне с вопросом, хорошо

ли будет, если они установят в детской пожарную сигнализацию. Приведенные примеры показывают, что любая идея, будь она старой или новой, опасна, если не сочетается со здравым смыслом.

Только полный идиот, если ему поручить маленьких детей, позволит оставить незарешеченными окна в спальне или открытым огонь в детской. И все же довольно часто молодые поборники саморегуляции, посещая мою школу, возмущаются недостаточной свободой у нас, потому что мы запираем ядовитые вещества в шкафах или запрещаем игры с огнем. Все движение за свободу детей омрачается и дискредитируется тем, что слишком многие поборники свободы витают в облаках.

Один такой адепт выразил мне недавно свое возмущение тем, что я накричал на трудного семилетнего мальчика, который стучал по двери моего кабинета. По мнению возмущавшегося, я должен улыбаться и терпеть шум, пока ребенок не изживет свое желание барабанить по дверям. Я действительно провел немало лет, терпеливо снося деструктивное поведение трудных детей, но делал это в качестве их психотерапевта, а не просто человека.

Если молодая мать считает, что ее трехлетнему ребенку следует позволить разрисовать входную дверь красными чернилами на том основании, что таким образом он свободно самовыражается, значит, она не способна ухватить самый смысл саморегуляции. Помню, мы с другом были в театре Ковент-Гарден. Во время первого отделения девочка, сидевшая перед нами, громко говорила что-то отцу. В антракте я нашел другие места. Друг спросил меня: «А что бы ты сделал, если бы так вел себя один из учеников Саммерхилла?» — «Велел бы ему заткнуться», — ответил я. «Тебе не пришлось бы этого делать, — сказал мой друг, — потому что они не стали бы так себя вести». И я думаю, что никто из них действительно не повел бы себя так.

Как-то одна женщина привела ко мне свою семилетнюю дочь. «Мистер Нилл, — сказала она, — я прочла каждую написанную вами строку, и еще до того, как Дафна родилась, я решила вырастить ее в точности по вашим идеям». Я взглянул на Дафну, которая стояла на моем рояле в грязных ботинках. Оттуда она совершила прыжок на софу и чуть не пробила ее насквозь. «Вы видите, как она естественна, — восхищенно прокомментировала мать. — Настоящий ребенок, воспитанный по Ниллу». Боюсь, я покраснел.

Именно различие между свободой и вседозволенностью и не могут ухватить многие родители. В строгой, суровой семье у детей нет никаких прав, в испорченной семье у них есть права на всё. Хороша та семья, в которой у детей и взрослых равные права.

Это справедливо и для школы. Еще и еще раз следует подчеркнуть, что предоставить ребенку свободу и портить ребенка — разные вещи. Если трехлетний ребенок хочет пройтись по обеденному столу, вы просто говорите ему, что он не должен этого делать. Он обязан подчиниться, это верно, но и вам следует подчиниться ему, когда это необходимо. Я ухожу из комнат малышей, если меня об этом просят.

Для того чтобы дети могли жить в согласии со своей внутренней природой, от взрослых требуется определенное самопожертвование. Здравые родители находят какой-то компромисс. Вздорные родители либо лютуют, либо портят детей, отдавая им все права.

На практике расхождение интересов между родителями и детьми может быть смягчено, если не вполне разрешено, честным обменом. Зоя уважала мой стол и не проявляла никаких поползновений поиграть с моей пишущей машинкой или бумагами. В ответ я уважал ее детскую и игрушки.

Дети очень мудры и рано принимают социальные правила. Их не следует эксплуатировать, как это часто делается, когда один из родителей кричит: «Джимми, принеси мне стакан воды!» — в тот момент, когда ребенок находится в самом разгаре увлекательной игры. Непослушание в большой мере связано с тем, что родители сами неправильно обращаются с детьми. Зоя, когда ей было чуть больше года, прошла через период огромного интереса к моим очкам — она постоянно стаскивала их с моего носа, чтобы посмотреть, что это такое. Я не возражал, ни взглядом, ни голосом не показывал никакого беспокойства. Вскоре она потеряла всякий интерес к моим очкам и больше никогда их не трогала. Несомненно, прикажи я не трогать очки или, еще хуже, ударь по маленькой ручонке, ее интерес к очкам сохранился бы, смешавшись со страхом передо мной и протестом против меня.

Моя жена позволяла брать свои хрупкие украшения. Девочка играла с ними осторожно и редко что-нибудь. ломала. Она постепенно сама выясняла, как следует обращаться с вещами. Конечно, саморегуляция имеет пределы. Мы не можем позволить шестимесячному ребенку обнаружить на собственном опыте, что горящая сигарета больно жжется. Не нужно и предупреждающе кричать в подобном случае. Здраво — без шума устранить опасность.

Умственно полноценный ребенок рано обнаруживает то, что его интересует. Свободный от восторженных восклицаний и сердитых окриков, он проявляет поразительную чувствительность в обращении с самыми разными предметами. Но встревоженная мать, стоящая у газовой плиты и испытывающая ужас при мысли

о том, что в этот момент делают ее дети, — вот кто никогда не доверяет им, чем бы они ни занимались. «Пойди посмотри, что он там делает, и скажи, чтобы немедленно прекратил» — эта фраза и сегодня нередко звучит во многих семьях. Когда мать спрашивает меня в письме, что ей делать с детьми, которые переворачивают вверх дном весь дом, пока она занята приготовлением обеда, мой единственный ответ: вероятно, именно она их так воспитала.

Одна семейная пара прочитала некоторые из моих книг, и этих родителей замучила совесть, когда они поняли, какой вред успели нанести своим детям, воспитывая их. Они собрали семейный совет и решили: «Мы воспитывали вас совершенно неправильно. С этого момента вы свободны делать все, что пожелаете». Я уже забыл — они писали мне об этом, каков был счет за поломки, но хорошо помню, что им пришлось собрать второй семейный совет и отменить решение предыдущего.

Обычный аргумент против свободы для детей таков: жизнь сурова, и мы обязаны так воспитать детей, чтобы они впоследствии к ней приспособились, — стало быть, должны их вышколить. Если мы позволим им де- лать все, что они хотят, как же дети когда-нибудь смогут работать под чьим-то началом? По силам ли им будет конкуренция с теми, кто приучен к дисциплине, в состоянии ли они когда-нибудь выработать самодисциплину?

Возражающие против предоставления детям свободы используют этот аргумент и не понимают, что исходят из ничем не обоснованного и никак не доказанного допущения: что ребенок не будет ни расти, ни развиваться, если только не заставлять его это делать. В то же время все 39 лет моего опыта в Саммерхилле опровергают данное допущение.

Возьмем — из сотни других примеров — случай Мервина. Он пробыл в Саммерхилле 10 лет — с 7 до 17. За эти годы он не посетил ни единого урока. В 17 лет он едва-едва мог читать. Однако, когда Мер- вин покинул школу и решил стать токарем-инструментальщиком, он очень быстро сам научился читать и за короткое время путем самообразования освоил все необходимые ему технические знания. Посредством своих собственных усилий он подготовил себя к испытательному сроку. Сегодня этот парень глубоко образован, хорошо зарабатывает и стал явным лидером в своем кругу. Что касается самодисциплины, то Мервин своими руками построил большую часть своего дома, у него чудесная семья с тремя сыновьями, которую ему по силам содержать.

Точно так же каждый год в Саммерхилле мальчики и девочки, которые до этого едва ли вообще чему-нибудь учились, по собственной воле начинают долгую и томительную подготовку к вступительным экзаменам, когда они сами принимают решение

поступать в колледжи. Почему так происходит?

Распространенное представление, что хорошие привычки, если они не были в нас вколочены в раннем детстве, уже никогда не разовьются. Все мы воспитаны согласно этому постулату и принимаем его как должное просто потому, что никому не пришло в голову засомневаться, — так вот я это представление отвергаю.

Свобода необходима ребенку потому, что только тогда он может расти естественным образом, т. е. хорошо. Я вижу плоды несвободы и подавления в тех новых учениках, которых ко мне переводят из приготовительных и монастырских школ. Эти дети — смесь неискренности с невероятной вежливостью и фальшивыми манерами.

Их реакция на свободу стремительна и предсказуема. Первую пару недель они открывают дверь перед учителями, обращаются ко мне «сэр» и тщательно умываются. Они смотрят на меня с «уважением», в котором легко прочитывается страх. Через несколько недель свободы они показывают себя истинных: становятся грубыми, неумытыми и утрачивают все свои манеры. Они делают все то, что раньше им запрещали: сквернословят, курят, ломают вещи, при этом сохраняют неискреннюю вежливость в глазах и в голосе.

На то, чтобы расстаться с неискренностью, у них уходит по крайней мере полгода. По истечении этого срока они утрачивают и притворную почтительность обращения к тем, кого считали властью. Всего через 6 месяцев они становятся естественными здоровыми детьми, которые говорят то, что думают, без смущения или грубости. Когда ребенок достаточно рано обретает свободу, ему не приходится проживать эту стадию неискренности или притворства. Именно абсолютная искренность учеников больше всего поражает посетителей Саммерхилла.

Быть искренним в жизни и по отношению к жизни — именно это является самым важным в ней. Если вы искренни, остальное придет само. Все понимают важность искренности, скажем, в актерской игре. Мы ожидаем искренности от политиков (человечество так оптимистично!), судей, учителей и врачей. И тем не менее мы воспитываем своих детей так, чтобы они не осмеливались быть искренними.

Возможно, самое большое открытие, которое мы сделали в Саммерхилле, — ребенок рождается искренним существом. Мы решили у себя в школе предоставить детей самим себе, чтобы узнать, каковы они на самом деле, — это единственно возможный способ обращения с детьми. Новаторская школа будущего должна будет двигаться именно таким путем, если захочет внести свой

вклад в знание о детях и, что гораздо важнее, в счастье детей.

Цель жизни — счастье. Зло жизни — все, что ограничивает или разрушает счастье. Счастье всегда означает добро. Несчастье в своих крайних проявлениях — антисемитизм, геноцид, война.

Я понимаю и принимаю как должное, что искренность порой создает неловкие ситуации. Например, недавно трехлетняя девчушка, посмотрев на нашего бородатого посетителя, сказала: «Что-то мне не нравится твое лицо». Посетитель оказался на высоте. «А мне твое нравится», — отпарировал он, и Мэри улыбнулась.

Я не стану агитировать за предоставление свободы детям. Полчаса, проведенные со свободным ребенком, убеждают лучше, чем целая книга аргументов. Увидеть значит поверить.

Дать ребенку свободу нелегко: его нельзя учить религии, политике или классовому сознанию. Ребенок не может быть по-настоящему свободным, если слышит, как отец мечет громы и молнии в адрес каких-то политических групп, а мать кричит на служанок. Сделать так, чтобы дети не восприняли наше отношение к жизни, почти невозможно. Вероятность того, что сын мясника станет проповедовать вегетарианство, ничтожна, если, конечно, страх перед властью отца не приведет его к такой форме бунта.

Сама природа общества враждебна свободе. Общество консервативно и злобно по отношению к новым идеям, как и всякая толпа. Нелюбовь толпы к свободе воплощена в моде. Толпа требует единообразия. В городе я буду выглядеть странно, если выйду на улицу в сандалиях, в деревне меня примут за чудака, если надену цилиндр. Очень немногие осмеливаются отклоняться от правильного.

В Англии закон — закон толпы — одно время запрещал продажу сигарет по вечерам после определенного часа. Я не знаю ни одного человека, который лично одобрял бы этот закон, но все вместе мы безропотно принимаем дурацкие установления толпы.

Очень немногие люди решились бы взять на себя ответственность и повесить убийцу или приговорить преступника к смерти при жизни, которую мы называем тюремным заключением, но толпа может сохранять такие варварские обычаи, как смертная казнь или наша тюремная система, потому что у толпы нет совести. Толпа не способна думать, она может только чувствовать. Для толпы преступник — это опасность. Самый простой способ защититься от опасности — уничтожить ее или запереть. Наше обветшалое уголовное право основано главным образом на страхе, и наша репрессивная система образования тоже построена на страхе — страхе перед новым

поколением. Сэр Мартин Конвей в своей прекрасной книге «Толпа на войне и в мирное время» показывает, что толпе нравятся старики. Во время войны она предпочитает старых генералов, во время мира — старых докторов. Толпа приникает к старым, потому что боится молодых.

Инстинкт самосохранения заставляет толпу видеть в новом поколении опасность появления новой толпы-соперника, т. е. такой, которая может в какой-то момент уничтожить старую. В самой маленькой толпе — семье — молодым отказывают в свободе по той же причине. Взрослые держатся за старые эмоциональные ценности. Нет никаких логических оснований для того, чтобы отец запрещал своей двадцатилетней дочери курить. Запрет имеет эмоциональные, охранительные корни. За ним лежит страх: а каков будет ее следующий шаг? Толпа — страж нравственности. Взрослый не желает предоставить молодому свободу, ибо боится, что молодой сможет совершить все то, что он, взрослый, когда-то хотел сделать. Навязывать детям взрослые представления и ценности — величайший грех против детства.

Дать свободу значит позволить ребенку жить своей собственной жизнью. Только и всего! Но убийственная привычка поучать, формировать, читать нотации и попрекать лишает нас способности осознать простоту истинной свободы.

Как ребенок реагирует на свободу? И смышленые, и не слишком сообразительные дети приобретают кое-что почти неуловимое, чего у них не было прежде. Это выражается в том, что они становятся все более искренними и доброжелательными и все менее агрессивными. Когда отсутствует давление страха и дисциплины, дети не проявляют агрессии. Лишь один раз за 39 лет я видел в Саммерхилле драку, завершившуюся разбитыми носами. А ведь у нас всегда есть какой-ни- будь маленький задира, потому что, какой бы свободной ни была школа, она не в силах полностью преодолеть влияние плохой семьи. Характер, приобретенный в первые месяцы или годы жизни, способен смягчиться в условиях свободы, но он никогда не изменится на противоположный. Главный враг свободы — страх. Если мы расскажем детям о сексе, не вырастут ли они распущенными? Если мы не будем подвергать пьесы цензуре, не восторжествует ли безнравственность?

Взрослые, которые боятся, что дети станут испорченными, на самом деле испорчены сами, аналогично тому, что именно люди с грязными мыслями требуют закрытых купальных костюмов. Если человека что-нибудь постоянно шокирует, то именно оно больше всего его интересует. Ханжа — это распутник, не имеющий мужества посмотреть в лицо своей обнаженной душе.

Но свобода означает и победу над невежеством. Свободным людям не понадобится цензура ни в пьесах, ни в одежде. Свободные люди не интересуются шокирующими вещами, ибо их ничто не может шокировать. Учеников Саммерхилла нельзя шокировать не потому, что они погрязли в грехе. Они изжили свой интерес к шокирующим вещам и больше не нуждаются в них ни как в предметах для разговора, ни как в поводах для юмора.

Мне всегда говорят: «Ну, и как же смогут ваши свободные дети адаптироваться к тяжелой, нудной работе жизни, к рутине?» Я надеюсь, что эти свободные дети станут первопроходцами в уничтожении самой рутины.

Мы должны позволить детям быть эгоистичными — свободно следовать своим собственным детским интересам на протяжении всего детства. Когда сталкиваются индивидуальные и общественные интересы ребенка, предпочтение должно отдаваться индивидуальным. Вся идея Саммерхилла состоит в освобождении: разрешить ребенку следовать своим естественным интересам.

Школа должна делать жизнь ребенка игрой. Я не имею в виду, что путь ребенка непременно должен быть усыпан розами, полное уничтожение трудностей разрушило бы его характер. Но жизнь сама по себе преподносит столько подлинных трудностей, что нет никакой необходимости в тех искусственных, которые мы создаем специально.

Я считаю, что приказывать ребенку что-либо сделать — неправильно. Ребенок не обязан ничем заниматься, пока не придет к мнению — своему собственному, — что это должно быть сделано. Проклятие человечества — внешнее принуждение, исходит ли оно от папы, государства, учителя или родителей. Всякое принуждение — фашизм.

Большинство людей взыскует бога, да и как может быть иначе, когда семьей правят оловянные боги обоих полов, требующие полной правды и нравственного поведения. Свобода означает право делать все, что ты хочешь, если только этим не нарушается свобода других. Результат ее — самодисциплина.

В образовательной политике мы как нация отказываем человеку в праве жить. Для нас убеждать значит устрашать. Но между запрещением бросаться камнями и принуждением изучать латынь — большая разница. Бросание камней затрагивает интересы других людей, требование изучать латынь относится только к самому ученику. Сообщество имеет право ограничить антиобщественное поведение ребенка, если он нарушает права других, но оно не вправе принуждать ребенка изучать латынь, потому что последнее — дело личного выбора. Заставлять

ребенка учить что бы то ни было аналогично принуждению человека принять ту или иную религию по постановлению парламента. И то и другое одинаково глупо.

Мальчиком я изучал латынь, вернее, мне давали латинские книжки, по которым я должен был учиться. Я тогда по ним ничего не мог выучить, потому что все мои интересы были совершенно в другом. В 21 год я обнаружил, что не могу поступить в университет без знания латыни. Менее чем за год я достаточно освоил латынь, чтобы сдать вступительные экзамены, личный интерес побудил меня ее выучить.

Каждый ребенок имеет право одеваться так, чтобы не имело никакого значения, в порядке одежда или нет, если он ее перепачкает. Каждый ребенок имеет право на свободу высказывания. Годы и годы мне приходилось слышать, как подростки выпускают на волю тех чертей и проклятья, которые им запрещалось произносить в детской.

При том что миллионы людей воспитаны в ненависти к сексу и страхе перед ним, удивляет то, что мир не более невротичен, чем он есть. Для меня это означает, что в человеческой природе достаточно внутренних ресурсов, чтобы в конце концов преодолеть то зло, которое ей навязывалось. Продвижение к свободе — сексуальной или любой другой — происходит очень медленно. В моем детстве женщины купались в море в чулках и длинных платьях. Сегодня они открыли ноги и тело. С каждым новым поколением детям предоставляется больше свободы. В наши дни только сумасшедший намажет пальчик ребенка кайенским перцем, чтобы отучить его сосать пальцы. Сегодня лишь в нескольких странах мира детей продолжают бить в школах.

Свобода работает медленно. Ребенку может понадобиться несколько лет, чтобы понять ее значение. Всякий, кто ожидает быстрых результатов, — неисправимый оптимист. Свобода работает лучше со смышлеными детьми. Я был бы рад сказать, что, поскольку свобода затрагивает прежде всего эмоции, на нее одинаково реагируют все дети — и одаренные, и не очень способные. Я не могу этого сказать. Различия хорошо видны на примере учебной работы. В условиях свободы каждый ребенок годами большую часть времени играет. Но когда приходит время, одаренные садятся и делают работу, необходимую, чтобы справиться с вступительными экзаменами в вуз. И за 2 с небольшим года мальчик или девочка выполняет работу, на которую в условиях строгой дисциплины у детей уходит 8 лет. Ортодоксальные учителя утверждают, что экзамены можно сдать только в том случае, если дисциплина заставляет ребенка долго и

упорно трудиться. Наши результаты доказывают, что в отношении одаренных детей это полная ерунда. В условиях свободы только одаренные дети концентрируются на интенсивной работе, что довольно трудно сделать в сообществе, в котором происходит так много увлекательного и отвлекающего.

Я знаю, что под гнетом жесткой дисциплины сдают экзамены и довольно слабые ученики, только мне неизвестно, что из них потом получается в жизни. Если бы все школы были свободными, а уроки выбирались ребенком, я уверен, что любой нашел бы себе то, что соответствует его уровню. Я слышу, как какая-то беспокойная мать, занятая приготовлением обеда, в то время как ее малыш ползает вокруг и переворачивает все вверх дном, спрашивает раздраженно: «И что же такое в конце концов эта самая ваша саморегуляция? Может, это и хорошо для богатых женщин с нянями, а для таких, как я, это одни только слова и неразбериха».

А другая вопрошает: «Я бы рада так сделать, но с чего начать? Что мне почитать?»

Мой ответ таков: нет книг, нет оракулов, нет авторитетов. Все, что есть, — очень небольшая группа, ничтожное меньшинство родителей, врачей и педагогов, верящих в возможности личности и организма того, кого мы называем ребенком, и преданных идее не делать ничего, что могло бы неверным вмешательством изуродовать эту личность, сковать, закрепостить тело. Мы не облеченные властью искатели правды о человечности, и все, что мы можем предложить, — это отчет о наших наблюдениях за маленькими детьми, воспитанными в свободе.

Любовь и приятие

Счастье и благополучие детей зависят от степени любви и поддержки, которые они от нас получают. Мы обязаны быть на стороне ребенка. А это значит: давать ему свою любовь, но не собственническую и не сентиментальную. Следует вести себя по отношению к ребенку так, чтобы он чувствовал: вы любите и одобряете его. Это возможно. Я знаю множество родителей, принявших сторону своих детей, ничего не требующих взамен и в результате получающих очень многое. Они понимают, что дети — это не маленькие взрослые. Когда десятилетний сын пишет домой: «Дорогая мамочка! Пожалуйста, пришли мне десять шиллингов. Надеюсь, что у вас все хорошо, привет папе», — родители улыбаются, понимая, что именно такими словами изъясняется десятилетний ребенок, если он искренен и не боится быть откровенным. Родители другого типа, неправильные, вздыхают над подобным письмом и думают: эгоистичное создание, вечно чего-то просит.

Правильные родители моих учеников никогда не спрашивают у меня, как дела у их детей, они все видят сами. Неправильные без конца засыпают меня нетерпеливыми вопросами: «Он уже научился читать? Когда, наконец, он станет аккуратным? Она хоть когда-нибудь ходит на уроки?»

Все упирается в веру в ребенка. У некоторых она есть, у большинства — нет. И если у вас нет такой веры, дети это чувствуют. Они чувствуют, что ваша любовь не слишком глубока, потому что иначе вы доверяли бы им больше. Если вы принимаете детей, вы можете говорить с ними о чем угодно и обо всем, потому что сам факт приятия снимает большинство запретов.

Однако встает вопрос: возможно ли принимать детей, не принимая самих себя? Если вы не осознаете себя, то вообще не можете принимать себя или не принимать; иначе говоря, чем глубже вы понимаете себя и свои мотивы, тем более вероятно, что вы сумеете себя принять.

Я искренне надеюсь, что более глубокое знание себя и природы ребенка поможет родителям уберечь своих детей от неврозов. Я повторяю: родители разрушают жизнь своих детей, навязывая им устаревшие представления, манеры, нравственные правила. Они приносят ребенка в жертву прошлому. Сказанное особенно справедливо в отношении тех родителей, которые авторитарно навязывают своим детям религию — точно так же, как когда-то ее навязали им.

Мне хорошо известно, как трудно отрекаться от того, что казалось нам важным, но только через отречение мы приходим к жизни, к прогрессу, к счастью. Родители обязаны отрекаться. Им необходимо отвергнуть ненависть, прячущуюся под личиной авторитета и критики. Они должны отречься от нетерпимости, которая порождена страхом. Им придется отречься от старой морали и расхожих истин.

Проще говоря, родитель должен стать личностью. Он обязан знать, на чем он стоит. Это нелегко, потому что человек в мире не один, он сложным образом сочетает в себе ценности всех людей, которых ког- да-либо встречал. Родители действуют как бы от имени собственных родителей, потому что каждый мужчина несет в себе своего отца и каждая женщина — свою мать. И именно навязывание этой жесткой власти вскармливает ненависть, тем самым создавая трудных детей. Все это прямо противоположно тому, что позволяет принимать ребенка, одобрять и поддерживать его.

Сколько раз я слышал от девочек: «Что бы я ни делала, мама никогда не бывает довольна. У нее все получается лучше, чем у меня, и она просто свирепеет, когда я ошибаюсь в шитье или вязании».

Обучение нужно детям гораздо меньше, чем любовь и понимание. Чтобы быть естественным образом хорошими, им нужны поддержка и свобода. И только сильный и любящий родитель способен дать ребенку свободу быть хорошим.

Мир страдает, мягко говоря, от избытка осуждения, а в действительности — от избытка ненависти. Именно ненависть, накопленная родителями, делает ребенка трудным, точно так же, как ненависть, разлитая в обществе, создает проблему правонарушителей. Спасение — в любви, но беда в том, что никого нельзя принудить любить.

Родители трудного ребенка должны сесть и задать себе такие вопросы: поддерживал ли я по-настоящему моего ребенка? Доверял ли ему? Проявлял ли я понимание? Я не теоретизирую. Я знаю, что трудный ребенок может прийти в мою школу и стать нормальным и счастливым, а также что основные ингредиенты процесса лечения — проявления приятия, доверия, понимания.

Нормальному ребенку поддержка необходима не меньше, чем трудному. Вот единственное указание, которому обязан следовать каждый родитель и педагог: «Ты должен быть на стороне ребенка». Именно подчинение этому указанию и делает Саммерхилл успешной школой, потому что мы самым определенным образом стоим на стороне ребенка и ребенок пусть неосознанно, но понимает это.

Я вовсе не хочу сказать, что мы все — ангелы. Случается, что мы, взрослые, устраиваем скандалы. Если бы я красил дверь, а Роберт пришел и бросил глиной в свежую краску, то я в сердцах наорал бы на него и выругался, потому что он с нами уже очень давно и не имеет никакого значения, какие именно слова вырвутся у меня. Но, предположим, Роберт только что перешел к нам из школы, полной ненависти, и бросание грязью — попытка бороться с властью, с авторитарностью. В этом случае я бы присоединился к нему и мы вместе с ним бросали бы глину, потому что его спасение важнее, чем свежевыкрашенная дверь. Я знаю, что я должен оставаться на его стороне, пока Роберт не изживет свою ненависть, чтобы он смог опять стать доступным для нормального общения. Это нелегко. Однажды я стоял и смотрел, как мальчишка уродует мой драгоценный токарный станок. Я знал, попробуй я запротестовать, мальчик немедленно идентифицирует меня со своим строгим отцом, который всегда угрожал отлупить его, если

Роберт тронет его инструменты. Странно, но вы можете оставаться на стороне ребенка, даже позволяя себе время от времени обругать его. Если вы на стороне ребенка, он это понимает. Мелкие несогласия, которые иногда возникают у вас по поводу картофельной грядки или поцарапанного инструмента, не затрагивают основу отношений. Если вы не тащите во взаимодействие с ребенком свой авторитет и нравственные правила, ребенок чувствует, что вы на его стороне. В прежней жизни ребенка авторитет и мораль были чем-то вроде полицейского, который всегда ограничивал его действия.

Когда восьмилетняя девочка, проходя мимо меня, говорит: «Нилл — дурацкий дурак», я знаю, что ее слова — негативистский способ выразить любовь, сообщить мне, что у нее все хорошо. Дети не так сильно любят, как сильно хотят быть любимыми. Для всякого ребенка одобрение взрослого означает любовь, а неодобрение — ненависть. В Саммерхилле отношение детей к персоналу, к другим сотрудникам — точно такое же, как и ко мне. Дети чувствуют, что персонал — на их стороне. Всегда.

Я уже говорил об искренности свободных детей. Эта искренность — результат того, что их принимают. У них нет никаких искусственных стандартов поведения, которым они должны соответствовать. У них нет ни искусственных стандартов, ни каких-либо ограничивающих табу, ни необходимости жить во лжи.

Новые ученики, приходящие из школ, где они должны были подчиняться авторитетам, обращаясь ко мне, говорят «мистер». И только обнаружив, что я — никакая не власть, они отбрасывают

этого «мистера» и зовут меня просто «Нилл». Дети никогда не стремятся добиться моего личного одобрения — только одобрения всего школьного сообщества. Но в дни моего директорства в сельской школе в Шотландии всякий ребенок с радостью задержался бы после уроков, чтобы помочь мне прибраться в классе или выставить за дверь ежа, добиваясь — неискренне — моего одобрения, поскольку я был начальником. Ни один ребенок в Саммерхилле никогда не сделает ничего, чтобы добиться моего личного одобрения, хотя некоторые посетители могли бы прийти к иному выводу, наблюдая, как отдельные мальчики и девочки помогают мне пропалывать грядки. Мотивы их действий не имеют никакого отношения ко мне лично. В этом конкретном случае дети занимались прополкой потому, что постановление общего собрания, принятое самими учениками, предписывало всем, кто старше 12 лет, отрабатывать каждую неделю 2 часа на огороде. Позднее это правило было отменено.

В любом обществе, однако, существует естественное желание одобрения. Преступник — это тот, кто утратил желание получить одобрение со стороны большей части общества, или, точнее, преступник — это тот, кого вынудили сменить желание одобрения на его противоположность, на презрение к обществу. Преступник — всегда первостатейный эгоист: дайте мне быстро обогатиться, и к черту ваше общество. Тюремное заключение только укрепляет его эгоизм. Тюремный срок просто делает преступника волком-одиночкой, плюющим и на себя самого, и на скверное общество, которое его наказывает. Наказание и тюремное заключение не могут изменить преступника, потому что для него они лишь доказательство ненависти общества к нему. Общество таким образом уничтожает для преступника всякую возможность стать его, общества, нормальным членом и снискать одобрение других. Эта неправедная, негуманная тюремная система не приносит никакой пользы, потому что не затрагивает в заключенном ничего психологически значимого.

Таким образом, я утверждаю, что важнейшая составляющая всякой исправительной школы — возможность общественного признания. До тех пор пока мальчики должны приветствовать надсмотрщиков, стоять в военном строю и вскакивать при появлении директора, настоящей свободы нет, а следовательно, нет и возможности общественного признания. Гомер Лейн[29] обнаружил, что, когда в «Маленькое содружество» приходил новый мальчик, он обычно использовал ту же технику, что и прежде у себя в трущобах, чтобы добиться признания у своих новых товарищей. Он хвастался своими неблаговидными

поступками, ловкими кражами из магазинов и шустрыми побегами от полицейских. Обнаружив, что его хвастовство обращено к ребятам, переросшим такую форму искания общественного одобрения, новичок оказывался в затруднительном положении. Часто он презрительно отвергал новых товарищей как маменькиных сынков. Но постепенно естественное стремление к признанию заставляло его все же искать одобрения нового окружения. И без всякого индивидуального психоанализа со стороны Лейна он приспосабливался к своим новым товарищам. Обычно уже через несколько месяцев он был вполне социально адаптирован.

* * *

Давайте теперь взглянем на обычного, симпатичного, приветливого отца семейства, который каждый вечер возвращается домой пятичасовой электричкой.

Я тебя знаю, Джон Браун. Я знаю, что ты хочешь любить своих детей и быть любимым ими в ответ. Я знаю, что, когда твой пятилетний сын просыпается в 2 часа ночи и упорно вопит без всякой видимой причины, ты в этот момент не чувствуешь к нему особой любви. Не сомневайся, у него есть какая-то причина для плача, хотя тебе и не удается ее сразу обнаружить. Если ты рассердился, попробуй не показывать этого. Мужской голос пугает ребенка гораздо сильнее, чем женский, и невозможно знать, какие страхи закрепятся у ребенка на всю жизнь из-за того, что не вовремя прозвучал громкий сердитый голос.

«Не берите ребенка к себе в постель», — говорится в сборнике инструкций для родителей. Забудьте об этом. Дайте малышу столько объятий и тисканья, сколько можете.

Не используйте своих детей как средство для похвальбы, причем равно избегайте восхвалений и обвинений. Не следует хвалить ребенка в его присутствии. «О, да, Мэри очень хорошо продвигается. На прошлой неделе она была первой в своем классе. Такая умница!» Это не значит, что вы вообще никогда не должны хвалить своего ребенка. Очень хорошо сказать: «Ты сделал замечательного змея», но хвалить сына только для того, чтобы произвести впечатление на гостей, — неправильно. Юные гусята, когда вокруг витает восхищение, так легко начинают вытягивать свои шейки, подражая лебедям. В результате представление ребенка о себе становится нереалистичным. Никогда не следует поощрять ребенка к уходу от реальности, к созданию вымышленного образа себя самого. Однако, если ребенок оступается, не упрекайте его. Даже если школьный табель полон плохих оценок, ничего не говорите. И если Билли

приходит домой в слезах, потерпев поражение в драке, не называйте его маменькиным сынком.

Если вы когда-нибудь произносите слова «когдая был в твоем возрасте», вы совершаете ужасную ошибку. Короче говоря, вы должны принимать своего ребенка таким, какой он есть, и воздерживаться от попыток формировать его по своему образу и подобию.

Мой девиз для семьи — и в образовании, и в жизни — ради всего святого, дайте людям жить своей собственной жизнью. Он годится для любой ситуации.

Это единственный подход, который способствует развитию терпимости. Странно, что слово «терпимость» не пришло мне в голову раньше. Это самое правильное слово для свободной школы. Мы ведем детей путем терпимости, проявляя терпимость к ним.

Страх

Я провел немало времени, врачуя раны, которые нанесли детям те, кто заставлял их жить в страхе. Страх может сделать жизнь ребенка совершенно ужасной, и он должен быть устранен полностью — страх перед взрослыми, страх перед наказанием, боязнь неодобрения, страх перед богом. В атмосфере страха способна процветать только ненависть.

Мы столь многого боимся — бедности, насмешек, привидений, грабителей, несчастных случаев, общественного мнения, болезни, смерти. Жизнь человека — история его страхов. Миллионы взрослых боятся гулять в темноте. Тысячи испытывают смутное чувство беспокойства, когда в их дверь звонит полицейский. Большинство путешественников подумывают о том, что их корабль может утонуть, а самолет — разбиться. Тот, кто ездит по железной дороге, старается брать билеты в средние вагоны поезда. Формула «Безопасность прежде всего» выражает главную заботу человека.

В истории были времена, когда боязнь быть убитым заставляла человека убегать и прятаться. С тех пор жизнь стала гораздо безопаснее, и, кажется, нет необходимости так уж о ней беспокоиться, тем Не менее сегодня человечество, похоже, испытывает больше страхов, чем наши предки в каменном веке. Для первобытного человека страшными чудовищами были только огромные звери, у нас же этих чудовищ — множество: поезда, пароходы, самолеты, грабители, автомобили и самое страшное из всех — возможность быть выведенным на чистую воду. Страх нам все же необходим. Страх заставляет нас аккуратно переходить улицу.

В природе страх служит цели сохранения вида. Кролики и лошади выжили благодаря страху, заставлявшему их убегать от опасности. Страх — важный фактор в законах дикой природы.

Страх всегда эгоистичен: мы боимся за собственную шкуру или за тех, кого любим, но все-таки прежде всего и больше всего — за свою шкуру. Когда я был мальчиком, я всегда боялся вечером в темноте ходить на ферму за молоком. Однако, когда со мной шла сестра, я никогда не боялся, что ее убьют по дороге. Страх должен быть эгоистичен, потому что всякий страх — это страх смерти.

Герой способен превратить свой страх в положительную энергию, он оседлывает свой страх. Страх страха, страх испугаться — самый тяжелый страх для солдата. Трус не способен превратить свой страх в позитивное действие. Трусость — гораздо

более распространенное качество, чем храбрость.

Все мы — трусы. Одни умудряются скрывать свою трусость, другие выдают ее. Трусость всегда относительна — вы можете быть героем в одной ситуации и трусом в других. Я вспоминаю себя новобранцем и свой первый урок по гранатометанию. Один из нас не сумел забросить гранату в яму. Она взорвалась и свалила с ног несколько человек. К счастью, никого не убило. В тот день занятия прекратили, но на следующий день нас снова отвели строем на площадку для метания. Когда я взял в руки свою первую гранату, они тряслись. Сержант презрительно посмотрел на меня и сказал, что я — паршивый трус. Я согласился. Сержант, человек, совершивший подвиги, достойные Креста Виктории, не знал физического страха, но вскоре после этого происшествия он признался мне: «Нилл, я ненавижу гонять роту, когда ты в строю, я все время смертельно боюсь». Пораженный, я спросил почему. «Потому что у тебя диплом магистра искусств, — ответил он, — а я коверкаю слова».

Психология не помогает нам понять, почему один ребенок с рождения наделен мужеством, а другой — дрожащей душой. Возможно, значительную роль здесь играют условия внутриутробного развития. Если это нежеланный ребенок, то вполне возможно, что мать к моменту его рождения каким-то образом передает ему свое беспокойство. Допускаю, что нежеланный ребенок рождается с робкой душой, с характером человека, который боится жизни и стремится остаться в чреве.

Мы, конечно, не в силах изменить пренатальные[30] условия, но многих детей — и я утверждаю вполне определенно — делает трусами воспитание в раннем детстве. Трусость такого рода можно предотвратить.

Один известный психоаналитик рассказывал мне такой случай из своей практики. Его пациент, молодой человек, в 6 лет был пойман отцом за проявлением живого сексуального интереса к семилетней девочке. Отец его жестоко выпорол. Порка сделала мальчика трусом навсегда. На протяжении всей жизни он испытывал непреодолимое стремление повторять этот ранний опыт. Он как бы снова и снова искал порки, наказания в той или иной форме. Так, он мог влюбиться только в «запретный плод» — в уже помолвленную или замужнюю женщину и постоянно пребывал в ужасном страхе, что муж (или жених) его поймает и отколотит. Этот страх распространялся на все. Душа этого человека была несчастной, робкой, всегда приниженной, он постоянно ожидал опасности. Его робость проявлялась в каждой мелочи. В яркий солнечный день, если ему надо было пройти полмили, он брал с собой плащ и зонтик. Он говорил жизни нет.

Наказывать ребенка за детский сексуальный интерес — надежный способ сделать его трусом. Другой надежный способ — грозить ему адским пламенем.

Фрейдисты много говорят о комплексе кастрации. Такой комплекс, безусловно, есть. В Саммерхилле был однажды маленький мальчик, которому внушили, что, если он будет трогать свой пенис, тот отвалится. Этот страх одинаков у мальчиков и девочек. И имеет ужасные последствия, потому что страх и желание никогда не ходят врозь. Страх кастрации — часто желание кастрации как наказания за мастурбацию или средства освободиться от искушения.

Для запуганного ребенка секс — это вообще всё! Да-да, ребенок использует секс в качестве козла отпущения, на которого можно повесить все свои страхи. Ему ведь сказали, что секс — это грех. Ребенок с ночными кошмарами — часто тот, кто боится своих мыслей о сексе. Может ведь прийти дьявол и забрать его в ад — ведь разве он не порочный мальчик, который заслуживает наказания?! Злой дух, призрак и гоблин — разные обличья дьявола. Страх коренится в нечистой совести, а нечистую совесть ребенку создает невежество родителей.

Одна из распространенных форм страха у детей связана с тем, что дети и родители спят в одной комнате. Четырехлетний малыш может увидеть и услышать то, что он не способен понять. Отец становится для него плохим человеком, который мучает маму. Из раннего непонимания и страхов иногда вырастают садистские наклонности. Мальчик, идентифицируя себя с отцом, становится юношей, у которого представления о сексе связаны с причинением страдания. Из страха оказаться не на высоте он может сделать со своей партнершей то, что, как ему кажется, его отец делал с матерью.

Попробуем различить страх и ужас. Страх перед тигром — естественный и здоровый страх. Страх сесть в машину, которую ведет неумелый шофер, тоже естествен и здрав. Если бы у нас не было такого страха, нас бы всех давно переехало автобусами. Но страх перед пауком, мышью или призраком отнюдь не является естественным и здоровым. Такого рода страх как раз и есть ужас. Это фобия[31], а фобия — иррациональная, преувеличенная тревога по какому-нибудь поводу. При фобиях ужас вызывается предметами сравнительно безопасными. Предметы эти просто символы, хотя тревога, которую они вызывают, вполне реальна.

В Австралии страх перед пауком вполне разумен, потому что там его укус может быть смертелен, но в Англии или США боязнь пауков иррациональна и, следовательно, является фобией. Паук в данном случае — символ чего-то другого, чего человек на самом

деле боится в глубине души. Так, боязнь призраков у ребенка — это фобия. Призраки символизируют что-то, чего ребенок боится на самом деле. Возможно, смерти, если его воспитывали в страхе божием, или собственных сексуальных импульсов, если семья научила ребенка бояться и подавлять их как греховные.

Меня однажды попросили посмотреть школьницу, у которой была фобия дождевых червей. Я попросил ее изобразить червя, и она нарисовала пенис. Потом она рассказала мне о солдате-эксгибиционисте[32], которого она часто встречала по дороге в школу. Это ее напугало. Страх был перенесен на червей, но задолго до того, как фобия сформировалась, девочка уже испытывала чрезмерный, невротический интерес к источнику фобии. Невротический интерес — результат ее воспитания (или отсутствия такового) в вопросах пола. Таинственность и секретность, которыми окружали такие вопросы взрослые, вызвали в ней ненормальный интерес к ним. Конечно, лучше бы ей вообще никогда не встречаться с этим солдатом, но, получи она правильное воспитание в вопросах пола, оно помогло бы ей пройти испытание без невротической реакции, без закрепившейся тревоги по поводу мужского полового органа.

Довольно часто фобии возникают у совсем маленьких детей. У сына строгого отца может развиться фобия лошадей, львов или полицейских. Фобия связана с этими или какими-нибудь другими очевидными символами отца. И снова мы видим ужасную опасность внедрения в жизнь ребенка страха перед властью.

Самый мощный источник страхов у ребенка — идея вечного проклятия.

Нередко на улице приходится слышать, как мать говорит сыну. «Прекрати это, Томми, вон идет полицейский». Наименее значительные последствия подобных высказываний состоят в том, что ребенок рано обнаруживает: его мать — лгунья. Главное и самое скверное последствие — полицейский становится для ребенка дьяволом, человеком, который может забрать и запереть в темноте. Ребенок всегда связывает страх с худшими своими прегрешениями. Так, ребенок, который занимается мастурбацией, может вдруг проявить нездоровый ужас перед полицейским, когда тот застанет его за бросанием камней. На самом деле он страшится наказующего бога и наказующего дьявола.

Немало страхов возникает и из мыслей о наших прошлых проступках. Мы все когда-то убивали людей в своих фантазиях. Я допускаю, что пятилетний ребенок убивает меня в своих мечтах, когда я мешаю исполнению его желаний.

Как часто мои ученики радостно наставляют на меня водяные пистолеты с криком: «Руки вверх, ты убит!», таким

символическим образом лишая жизни человека, олицетворяющего власть, и высвобождая свои страхи. Я иногда нарочно по утрам веду себя авторитарно, чтобы посмотреть, как это повлияет на частоту стрельбы в течение дня, — и действительно, в таких случаях меня убивают гораздо чаще. Но на смену фантазиям приходит страх: а если вдруг Нилл вправду умрет, виноват буду я, ведь я хотел этого.

Одна из наших учениц приходила в восторг, затягивая других ребят под воду во время купания. Позднее у нее развилась фобия в отношении воды. Хотя она хорошо плавала, она никогда не заходила в воду там, где глубина превышала ее рост. А произошло вот что: она столько раз в фантазиях топила своих соперников, что теперь боялась возмездия — в наказание за мои мысли я утону. Маленький Альберт обычно приходил в ужас, когда наблюдал с берега за тем, как плавал его отец. Альберт боялся, потому что часто желал отцу смерти. Это страх нечистой совести. Понимание того, что ребенок в своих фантазиях убивает людей, не столь шокирует, если мы осознаем: для ребенка смерть — просто удаление с его пути человека, которого он боится.

Мне приходилось видеть взрослых, бессознательно убежденных в своей ответственности за смерть отца или матери. Страхов такого рода было бы меньше, если бы родители воздержались от возбуждения в ребенке ненависти — криками и битьем — и вытекающего из нее чувства вины. Так что сотни школ, в которых до сих пор применяются телесные или другие суровые наказания, наносят детям непоправимый вред.

Многие люди в глубине души уверены, что если детям нечего бояться, то они не станут хорошими. Но хорошие качества, вызванные боязнью ада, полицейского или наказания, вовсе не достоинство, а просто трусость. Достоинства, которые проявляются лишь в надежде на вознаграждение, похвалу или рай, — род взяточничества. Современная мораль делает детей трусами, заставляя их бояться жизни. Именно этот страх лежит в основе хорошего поведения дисциплинированных учеников. Тысячи учителей прекрасно делают свою работу без всякой необходимости устрашать учеников наказанием. Остальные — некомпетентные люди, неумехи, которых надо гнать из профессии.

Случается, дети принимают наши ценности только потому, что боятся нас. И что же это за ценности у нас, у взрослых! На этой неделе я купил за три фунта собаку, за десять фунтов инструменты для моего токарного станка и табаку на пять гиней. И хотя я много размышляю о пороках нашего общества и осуждаю их, мне не пришло в голову отдать свои деньги бедным. Поэтому

я и не внушаю детям, что трущобы — мерзость мира. Раньше я это делал, пока не осознал, какую чушь несу.

Самые счастливые из известных мне семей — те, в которых родители честны и откровенны с детьми и не морализируют. В таких семьях детям неведом страх. Отец и сын там друзья, и такая атмосфера благотворна для любви. В других семьях любовь убивают страхом. Надутая важность одних и принужденная уважительность других не пускают любовь в семью. Навязанное уважение всегда связано со страхом.

У нас в Саммерхилле дети, которые боятся своих родителей, вечно толкутся в учительской. Дети действительно свободных родителей никогда к нам не пристают. Запуганные дети все время пытаются вывести нас на чистую воду. Один мальчик 11 лет, сын очень строгого отца, открывает мою дверь по 20 раз на дню. Заглядывает, ничего не говорит и закрывает снова. Иногда я ему кричу: «Нет, я еще не умер!» Мальчик отдал мне любовь, которую его отец не способен принять, и боится, что его идеальный новый отец может исчезнуть. В действительности за этим страхом прячется желание, чтобы его настоящий отец, совсем не похожий на идеал, куда-нибудь исчез.

С детьми, которые вас боятся, жить гораздо легче, чем с теми, которые вас любят, — в том смысле, что с первыми жизнь течет гораздо спокойнее. Это происходит потому, что когда дети боятся, то стараются обходить вас стороной. В Саммерхилле дети любят нас с женой и всех преподавателей, потому что мы их принимаем, а это все, что им нужно. Они знают, что мы их никогда не осуждаем, и именно поэтому наслаждаются близостью к нам.

У наших малышей мне почти никогда не приходилось наблюдать страха перед грозой. Они спокойно спят в маленьких палаточках в самые суровые бури. Точно так же не обнаруживаю я и страха темноты. Порой восьмилетний мальчишка расставляет свою палатку на дальнем конце поля и спит там один много ночей подряд. Свобода порождает бесстрашие. Сколько раз я видел, как маленькие робкие мальчишки вырастают стойкими бесстрашными юношами. Однако не следует все обобщать, потому что есть интровертированные[33] дети, которые никогда не становятся храбрыми. Призраки некоторых людей сохраняются на всю жизнь.

Если ребенок воспитывался без внешнего запугивания, но, несмотря на это, страхи у него все-таки есть, можно предположить, что он принес свои страхи в мир вместе с собой. Главная трудность в отношении таких страхов заключается в нашем незнании пренатальных условий. Никому не ведомо,

может или нет беременная женщина передать еще не рожденному ребенку свои страхи.

В то же время ребенок почти неизбежно приобретает какие-то страхи из окружающего мира. Сегодня даже маленьких детей невозможно уберечь от разговоров о грядущих войнах со всеми их атомными ужасами. Испытывать страх перед такими вещами более чем естественно. Но если вполне естественный страх перед реальными бомбами не усугубляется неосознаваемым страхом секса или ада, то он примет нормальные формы и не превратится в фобию или навязчивый ужас. Здоровые свободные дети не боятся будущего, они смотрят вперед с радостью. В свою очередь, их дети тоже встретят жизнь без болезненного страха перед завтрашним днем.

В свое время Вильгельм Райх[34] указал: при внезапном испуге мы все на мгновение задерживаем дыхание, а ребенок, который живет в страхе, как бы задержал дыхание и так и остался в этом состоянии на всю жизнь. Признаком правильного роста и воспитания ребенка является его свободное, ненарушенное дыхание, оно показывает, что он не боится жизни.

Я должен сказать кое-что важное отцу, который хотел бы вырастить свое дитя свободным от страхов, рожденных ненавистью или недоверием:

Никогда не становись для своих детей начальником, цензором или людоедом, которым пытается выставить тебя жена, когда говорит ребенку: «Вот подожди, придет папа!» Не допускай этого! Иначе тебе достанется вся ненависть, которая в тот момент была бы направлена на твою жену. И не возноси себя на пьедестал. Если сыновья спросят тебя когда-нибудь, мочил ли ты постель или мастурбировал, скажи им правду — мужественно и искренне. Если ты — начальник, ты приобретешь их уважение, но совсем не того типа, какой нужен, — уважение, смешанное со страхом. Если же ты встанешь на один уровень с ними и расскажешь им, каким трусливым мальчишкой был в школе, ты приобретешь их истинное уважение, состоящее из любви, понимания и полного отсутствия страха.

В общем-то родителям сравнительно нетрудно вырастить ребенка, не нагружая его комплексами. Ребенка никогда не следует пугать, у него никогда не следует создавать чувство вины. Никто не в силах избавиться вообще от всех страхов: человек может испугаться, если вдруг громко хлопнет дверь. Но в нашей власти уничтожить нездоровый страх, который навязывается детям: страх наказания, страх перед сердитым богом, страх перед сердитыми родителями.

Чувство неполноценности и фантазии

Почему у ребенка возникает ощущение неполноценности? Потому что он видит, как взрослые делают то, что ему запрещено или недоступно.

Большую роль в возникновении комплекса неполноценности играет все, связанное с пенисом. Маленькие мальчики часто стыдятся размеров своего пениса, у девочек нередко возникает чувство неполноценности из-за его отсутствия. Я склонен думать, что значение пениса как символа силы в основном связано с теми таинственностью и запретами, которыми он окружен в процессе воспитания. Подавленные мысли о пенисе находят выход в фантазиях. Этот таинственный объект, который с такой тщательностью охраняется матерью и няней, приобретает преувеличенное значение. Сказанное подтверждается сказками о волшебной силе фаллоса. Например, Аладдин потрет лампу — мастурбация — и все удовольствия мира являются ему. Аналогичным образом у детей возникают фантазии, в которых огромное значение придается экскрементам.

Фантазии всегда эгоистичны. Это мечты, в которых мечтатель выступает в роли героя или героини, это сказки о мире, каким ему следовало бы быть. Мир, в который нас, взрослых, уносит порция виски, страницы увлекательного романа или кинофильм, — это тот самый мир, в который ребенок входит с помощью фантазии. Фантазия — всегда побег от реальности, побег в мир исполнения желаний без границ и ограничений. Туда в поисках развлечений отправляется безумец, но и у нормальных детей фантазии вполне обычны. Мир фантазии привлекательнее, чем сны, ведь в фантазиях мы сохраняем определенный контроль над ситуацией и мечтаем только о том, что приятно нашему Я[35].

Джим, мальчик, у которого случаются приступы ярости, рассказывает мне фантазии о мочеиспускании и дефекации. Для него секс — это власть.

Другой мальчик, 9 лет, сплетает длинные фантазии о поездах. Он всегда — машинист, а пассажирами у него обычно король и королева (отец и мать).

Маленький Чарли воображает, что у него есть эскадрилья самолетов и целый парк автомобилей.

Джим рассказывает о подарке богатого дяди — маленьком роллс-ройсе, этот автомобиль ездит на бензине, как настоящий. Джим говорит, что ему не нужны права, чтобы водить новую машину. Однажды я обнаруживаю, что четверо мальчишек во главе с Джимом собираются отправиться на железнодорожную

станцию в 4 милях от школы. Им было сказано, что дядя Джима переслал машину на эту станцию, а оттуда они должны ее пригнать своим ходом. Я подумал о горьком разочаровании, которое ждет их, когда, пройдя 4 мили по грязи, они обнаружат, что автомобиль существовал только в воображении Джима, и решил попытаться предотвратить экспедицию. Я обратил их внимание на то, что они могут пропустить ланч. Джим, который явно чувствовал себя не в своей тарелке, закричал: «Нет, мы вовсе не хотим пропустить ланч». Их домоправительница быстренько придумала компенсацию и предложила взять мальчиков в кино. Они поспешно сняли плащи. Джим испытал большое облегчение, ведь он-то хорошо знал, что дядя, подаривший ему роллс-ройс, — плод его воображения.

Фантазии Джима не имеют никакого отношения к сексу. С момента своего прибытия в Саммерхилл Джим пытался произвести впечатление на других мальчиков именно таким образом. Как-то раз группа мальчишек несколько дней стояла и наблюдала за подходами к гавани

Лайма — Джим рассказал им о другом своем дяде, который якобы владел двумя океанскими лайнерами. Мальчишки уговорили Джима написать этому дяде и попросить подарить им моторную лодку. Теперь они ожидали, что увидят, как океанский лайнер буксирует их лодку в гавань. Так Джим пытался добиться превосходства. Это был бедный малыш, которым пренебрегали, и он компенсировал свою неполноценность фантазиями.

Уничтожить фантазии вообще значило бы сделать жизнь скучной. Всякому акту созидания предшествует фантазия. Фантазия Рена сотворила собор Святого Павла[36] прежде, чем был положен первый камень.

Мечту, которую можно воплотить в реальность, стоит сохранять. Мечты другого рода, пустые полеты фантазии, по возможности следует разрушать. Такие фантазии, если им предаваться достаточно долго, способны затормозить развитие ребенка. В любой школе есть такие дети, которых считают тупыми, а они просто живут в основном в своих фантазиях. Как может мальчик интересоваться математикой, когда он весь поглощен ожиданием того, что дядя пришлет ему роллс-ройс?

Время от времени у меня случаются ядовитые дискуссии с отцами и матерями по поводу чтения и письма. Какая-нибудь мамаша пишет: «Мой сын должен быть способен войти в общество. Вы должны заставить его научиться читать». Мой ответ приблизительно таков: «Ваш ребенок живет в мире фантазии. Возможно, мне понадобится целый год, чтобы разрушить этот мир. Заставлять его сейчас учиться читать было бы

преступлением против ребенка. Пока он не изживет интерес к миру своих фантазий, у него, видимо, не возникнет даже капелька интереса к чтению».

Конечно, я мог бы привести мальчика к себе в кабинет и строго сказать ему: «Выкинь из головы чепуху с дядями и автомобилями, тебе известно, что это одни выдумки. С завтрашнего дня ты будешь ходить на уроки чтения, а иначе узнаешь, почем фунт лиха». Это было бы преступлением. Разрушить фантазию ребенка прежде, чем у него появится что-то, чем он мог бы ее заменить, неправильно. Самое лучшее — поощрить ребенка к разговору о его фантазиях. В девяти случаях из десяти он постепенно потеряет к ним интерес. Только в особых случаях, когда фантазирование затягивается на годы, можно решиться грубо разрушить мечту.

Я уже сказал: должно быть что-то, чем ребенок мог бы заменить фантазию. Вообще, чтобы быть душевно здоровым, всякий ребенок, да и всякий взрослый, нуждается в превосходстве хотя бы в какой-нибудь одной области. В школе для этого есть всего два способа: быть первым в классе или помыкать самым последним в классе. Второй способ для многих более привлекателен, именно так ребенок-экстраверт[37] находит свое поле для превосходства.

Интровертированный ребенок в поисках превосходства погружается в мир фантазий, поскольку не находит возможности обрести его в реальном мире. Он не умеет драться, не отличается в играх, не умеет играть на сцене, петь или танцевать, а в своих фантазиях может стать чемпионом мира в тяжелом весе. Найти удовлетворение для своего Я жизненно необходимо каждому человеку.

Разрушители

Взрослым очень трудно понять, что у маленьких детей нет уважения к вещам. Они не разрушают их умышленно — они разрушают бессознательно. Как-то я застал нормальную счастливую девочку в нашей учительской за выжиганием дырок в каминной доске орехового дерева с помощью раскаленной докрасна кочерги. Когда я ее окликнул, она вздрогнула и подняла на меня удивленные глаза. «Я это делала, не думая», — сказала она, и это было правдой. Я стал свидетелем какого-то символического действия вне контроля сознания. Дело в том, что у взрослых есть чувство собственности в отношении ценных вещей, а у детей — нет. Так что совместная жизнь детей и взрослых неизбежно приводит к конфликтам по поводу материальных вещей. В Саммерхилле дети могут разжечь камин за 5 минут до того, как пойти спать. Они щедро насыплют туда угля, потому что он для них — только черные камушки, в то время как для меня эти камушки означают расходы в 300 фунтов в год. Дети повсюду оставляют свет включенным, потому что он никак не связывается ими со счетами за электричество.

Мебель для ребенка практически не существует, так что мы покупаем для Саммерхилла старые автомобильные и автобусные сиденья. За месяц-другой они превращаются в щепки. То и дело за едой какой-ни- будь ребенок, коротая время в ожидании второго блюда, скручивает свою вилку практически в узел. Обычно это делается бессознательно, в лучшем случае лишь наполовину осознанно. И не только школьным имуществом пренебрегает ребенок и разрушает его: он через три недели после покупки бросит под дождем и свой новый велосипед.

Склонность ломать и разрушать у детей в возрасте 9 или 10 лет не является ни злостной, ни антиобщественной. Просто у них еще нет представления о вещах как о чьей-то собственности. Когда на детей нападают приступы фантазии, они хватают простыни и одеяла и устраивают из своих комнат пиратские корабли, в результате чего, конечно, простыни становятся черными, а одеяла рвутся. Но какое значение имеет грязная простыня, если ты поднял черный флаг и дал бортовой залп!

По существу, любой человек, который пытается дать детям свободу, должен быть миллионером, ведь так несправедливо, что естественная беззаботность детей постоянно наталкивается на экономические трудности взрослых.

Меня не трогают призывы поборников дисциплины, считающих, что надо заставить детей уважать собственность,

поскольку это означало бы принести детскую игру в жертву имуществу. Я полагаю, что ребенку следует предоставить возможность прийти к пониманию ценности вещей на основании собственного свободного выбора. Когда дети выходят из предподросткового этапа безразличия к имуществу, они приобретают уважение к собственности. Если ребенок естественно прожил период равнодушия к вещам, мало вероятно, чтобы он когда-нибудь стал спекулянтом и эксплуататором.

Девочки обычно не наносят слишком серьезных разрушений, потому что их фантазии не требуют пиратских кораблей и гангстерских разборок. Однако, чтобы быть справедливым к мальчикам, надо признать, что состояние девичьей комнаты довольно-таки скверное. И меня не убеждают их объяснения, что все поломки произошли в результате стычек с приходившими в гости мальчиками.

Несколько лет назад, чтобы утеплить детские спальни, мы покрыли их стены бивербордом[38]. Этот биверборд похож на толстый слой халвы, и маленькому ребенку достаточно один раз взглянуть на него, чтобы тут же начать ковырять в нем дырочки. Стена, покрытая бивербордом в комнате для пинг-понга, напоминала Берлин после бомбардировок. Бивербордный зуд похож на зуд в носу — он обычно вполне бессознателен и, аналогично другим формам детской разрушительности, часто имеет скрытый мотив, причем, как правило, творческий. Если мальчику нужен кусок металла, чтобы сделать киль для лодки, он, конечно, возьмет гвоздь, попадись тот ему на глаза, в противном случае новый корабел, не колеблясь, воспользуется каким-нибудь моим дорогим мелким инструментом, имеющим, на свое несчастье, подходящий размер. Резец, как и гвоздь, для ребенка — просто кусок металла. Один смышленый парень однажды просмолил крышу очень дорогой специальной кистью для побелки.

За многие годы работы мы поняли, что у детей совершенно другие ценности, нежели у взрослых. Если школа пытается развивать детей, развешивая прекрасные классические полотна по стенам и расставляя в комнатах красивую мебель, она берется за дело не с того конца. Дети — дикари и, пока не попросят культуры, должны жить в настолько примитивной и неформальной среде, какую мы только можем им предоставить.

Помню, переехав в наш нынешний дом, мы все прямо умирали, глядя, как мальчишки бросают ножи в прекрасные дубовые двери. Мы спешно добыли два старых железнодорожных вагона и превратили их в бунгало. Там наши дикари могли метать свои ножи сколько влезет. Тем не менее сегодня, 40 лет

спустя, эти вагоны выглядят совсем неплохо. Их населяют мальчишки в возрасте от 12 до 16 лет. Большинство мальчиков уже достигли стадии заботы о комфорте и украшении своего жилища и содержат свои купе в чистоте и порядке. Другие живут в грязи, и обычно это мальчики, недавно перешедшие к нам из закрытых частных школ.

В Самммерхилле вы легко отличите детей, недавно поступивших к нам из таких школ. Они всегда — самые грязные, неумытые и в самой заношенной одежде. Им нужно какое-то время, чтобы изжить свои примитивные стремления, которые прежней школой просто подавлялись, и в условиях свободы естественным образом приобрести социальные навыки.

Самое уязвимое место в свободной школе — мастерская. Поначалу наша мастерская была всегда открыта для детей. В результате инструменты без конца терялись или ломались. Девятилетний ребенок с легкостью использует тонкий резец в качестве отвертки или возьмет плоскогубцы, чтобы починить свой велосипед, и оставит их валяться на дороге.

Тогда я решил завести свою личную мастерскую, отделенную от основной перегородкой и дверью с замком. Но совесть не оставляла меня в покое. Я чувствовал, что веду себя эгоистично и антиобщественно. В конце концов я сломал перегородку. Через полгода там, где была моя личная мастерская, не осталось ни одного хорошего инструмента. Один мальчик извел весь запас проволоки, мастеря шплинты для своего мотоцикла. Другой попробовал вставить резец в привод работающего токарного станка. Полированные отделочные молоточки для работы по меди и серебру использовались для разбивания кирпичей. Инструменты исчезали и уже никогда не обнаруживались. Но что хуже всего, совершенно вымирал интерес к ремеслам. Старшие ребята говорили, что нет смысла ходить в эту мастерскую, поскольку там искорежены все инструменты. И они действительно были искорежены. У рубанков появились зубы, а пилы остались без зубов.

Тогда я предложил на общем собрании школы, чтобы моя мастерская снова запиралась. Предложение приняли. Но, показывая школу посетителям, всякий раз, когда мне приходилось отпирать дверь моей мастерской, я испытывал чувство стыда. Как же так? Свобода — и запертые двери? Это действительно выглядело скверно, и я решил организовать в школе еще одну, дополнительную мастерскую, которая всегда будет открыта. И сделал, оборудовав ее всем необходимым — верстаком, тисками, пилами, зубилами, рубанками, молотками и т. д.

Однажды, месяца 4 спустя, я показывал школу группе гостей. Пока я отпирал дверь моей мастерской, один из них сказал: «Это не очень похоже на свободу, верно?»

«Видите ли, — поспешно ответил я, — у детей есть другая мастерская, которая всегда открыта. Пойдемте, я покажу вам ее». Так вот: там не осталось ничего, кроме верстака. Даже тиски исчезли. В каких темных углах наших 12 акров попрятались все зубила и молотки, я так никогда и не узнал.

Положение дел в мастерской продолжало беспокоить персонал. Больше всего тревожился я, потому что для меня инструменты — немалая ценность. Я пришел к выводу, что ошибка заключалась в совместном пользовании инструментами. А что, если, сказал я себе, ввести элемент собственничества, то есть пусть каждый ребенок, который действительно хочет иметь инструменты, имеет свой собственный набор, тогда ситуация, наверное, изменится.

Я вынес это предложение на собрание. Идея была принята хорошо. В следующем семестре некоторые старшие ребята привезли из дома собственные наборы инструментов. Они содержали их в отличном состоянии и пользовались ими гораздо более аккуратно, чем раньше. Возможно, источник большинства проблем в Саммерхилле — очень уж широкий спектр возрастов, потому что инструменты, безусловно, почти ничего не значат для самых маленьких мальчиков и девочек. Теперь наш учитель ручного труда держит мастерскую закрытой. Я великодушно позволяю нескольким старшим ученикам пользоваться моей мастерской, когда им хочется. Они не наносят ей никакого урона, потому что достигли той стадии, на которой должный уход за инструментами — осознанное условие хорошей работы. К тому же они научились понимать разницу между свободой и вседозволенностью.

Тем не менее в последнее время двери в Саммерхилле стали запираться все чаще. В одну из суббот я вынес этот вопрос на общее собрание. «Мне это не нравится, — сказал я. — Сегодня утром я ходил с посетителями по школе, и мне пришлось отпирать мастерскую, лабораторию, гончарную и театр. Я предлагаю, чтобы в течение дня все общественные помещения были открыты». Последовал шквал возражений. «Лаборатория должна быть заперта, потому что там есть ядовитые вещества, — говорили одни, — а раз гончарная соединена с лабораторией, ее тоже придется держать запертой».

«Мы не будем оставлять мастерскую открытой! Посмотри, что произошло с инструментами в прошлый раз», — вторили другие.

«Хорошо, хорошо, — взмолился я. — Мы можем по крайней

мере оставлять открытым театр, никто ведь не унесет сцену под мышкой».

Тут разом вскочили драматурги, режиссер, актеры, актрисы, осветитель. Слово взял осветитель. «Ты не закрыл театр сегодня утром, а днем какой-то идиот повключал все софиты, да так их и оставил. Три киловатта по шесть пенсов за киловатт». Другой сказал: «Малыши берут наши костюмы и наряжаются в них».

Голосование показало, что мое предложение — оставлять двери незапертыми — поддерживают всего две руки: моя собственная и семилетней девочки. Как я позднее выяснил, она думала, что мы голосуем еще по предыдущему предложению — о том, чтобы семилетним детям разрешили ходить в кино. Дети на своем опыте поняли, что личную собственность следует уважать.

Печальная истина состоит в том, что мы, взрослые, чаще больше озабочены сохранностью своих вещей, чем благополучием детей. Мой рояль, мои столярные инструменты, моя одежда — и тысячи других вещей — стали частью человека. Видеть свой рубанок, который используют не по назначению, вызывает чуть ли не физическую боль. Любовь к своим вещам часто сильнее любви к детям. Всякое «не трогай это!» есть предпочтение вещи ребенку. Ребенок — постоянный источник досады, потому что его желания неизменно конфликтуют с собственническими инстинктами взрослого.

Трое маленьких мальчиков однажды позаимствовали мой дорогой электрический карманный фонарь. Они начали исследовать его устройство и разломали фонарь. Сказать, что я порадовался их исследовательскому порыву, означало бы солгать. Я был раздосадован, несмотря на то что догадывался о психологической подоплеке этого акта разрушения: символически фонарь представлял собой отцовский фаллос.

Иногда я мечтаю заполучить в ученики сына миллионера. В своих фантазиях я позволяю ему пускаться в любые эксперименты — за счет его отца! Ведь дать свободу невротичному ребенку — дело дорогое. Ни один нормальный ребенок не захочет забивать гвозди в телевизор. Мне вспоминается вопрос, который всегда возникает, где бы я ни выступал: «Что бы вы сделали, если бы мальчик принялся забивать гвозди в рояль?» Я уже стал таким специалистом, что часто могу заранее указать человека, который его задает. Обычно это женщина, которая сидит в первом ряду и на протяжении всей лекции время от времени неодобрительно покачивает головой.

Лучший ответ на этот вопрос таков: совершенно неважно, что вы сделаете с этим ребенком, если в целом ваше отношение к нему — правильное. Вы можете даже силой оттащить ребенка от

рояля, это совершенно несущественно, если только не создаете у ребенка ощущения нечистой совести по поводу забивания гвоздей. До тех пор пока вы не начали рассуждать о гвоздях в терминах добра и зла, вы не можете причинить никакого вреда. Вред приносит только использование слов вроде плохой, грязный, безобразный.

Вернемся к юному забивателю гвоздей. Конечно, желательно, чтобы у него были вместо рояля какие-то деревяшки, в которые можно забивать гвозди. Всякий ребенок имеет право на инструменты, с помощью которых он может выразить себя. И эти инструменты должны быть исключительно его собственностью, постарайтесь только не забыть, что он не станет слишком высоко ценить их.

Настойчивая разрушительная активность трудного ребенка отличается от актов разрушения, совершаемых нормальными детьми. У последних они обычно вызваны не ненавистью или страхом, их разрушения — проявление творческой фантазии, в которой нет никакого злого умысла. Подлинная разрушительность — ненависть в действии. Символически она означает убийство. Она свойственна не только трудным детям. Люди, чьи дома в войну были заняты военными, знают, что солдаты гораздо более склонны к разрушению, чем дети. И это естественно, потому что разрушение — это их работа.

Созидание — признак жизни, разрушение означает смерть. Ребе- нок-разрушитель действует против жизни. Склонность к разрушению, которую проявляют трудные дети, многоаспектна. Кто-то завидует брату или сестре, которых, как он чувствует, любят больше, чем его. В другом случае это может быть бунт против всезапрещающей власти. Вполне вероятно и простое любопытство, желание посмотреть, что там внутри. Главное, что должно нас беспокоить, — не разрушение вещи само по себе, а подавленная ненависть, нашедшая в нем выход, которая при соответствующих условиях может сделать ребенка садистом.

Вопрос этот жизненно важен. Он связан с нездоровьем нашего мира, в котором ненависть сопровождает человека от детской до могилы. Конечно, в мире немало и любви. Если бы ее не было, о человечестве пришлось бы только скорбеть. Каждый родитель и каждый педагог должны очень постараться обнаружить в себе эту любовь.

Ложь

Если ребенок лжет, он либо вас боится, либо вас же копирует. У лживых родителей вырастают лживые дети. Если вы хотите слышать от своего ребенка правду, не лгите ему. Это утверждение вовсе не моральная сентенция, потому что мы все время от времени лжем. Иногда мы лжем, чтобы не задеть чьи-нибудь чувства, и, уж конечно, лжем о себе, когда нас обвиняют в эгоизме или в надменности. Вместо того чтобы говорить: «У мамы болит голова, не шуми», гораздо лучше и честнее крикнуть: «Перестань орать!» Но это можно сделать безнаказанно только в том случае, если ваши дети вас не боятся.

Иногда родители лгут, чтобы сохранить достоинство. «Пап, ты мог бы побить шестерых, а?» Нужно определенное мужество, чтобы ответить: «Нет, сынок, с моим пузом и жидкими мускулами я не побил бы и карлика».

Сколько отцов сумеют признаться своим детям, что боятся грозы или полицейских? Едва ли найдется взрослый мужчина, не скрывающий от своих детей, что в школе его звали Сопля.

Семейная ложь имеет два мотива: удерживать ребенка в рамках хорошего поведения и производить на него впечатление родительским совершенством. Сколько отцов и учителей честно ответили бы на детские вопросы: «Ты когда-нибудь напивался? Ты когда-нибудь сквернословил?» Именно страх перед детьми делает взрослых лицемерами.

Маленьким мальчиком я не мог простить своему отцу того, как он перемахнул через изгородь, спасаясь от разъяренного быка. Дети в фантазиях делают из нас героев и рыцарей, а мы пытаемся оправдывать их фантазии. Но нас обязательно выводят на чистую воду. Однажды ребенок осознает, что его родители и учителя — лжецы и обманщики.

Вероятно, в жизни каждого ребенка бывает период, когда он склонен критиковать родителей и презирать их за старомодность. Такое случается, как только ребенок увидит родителей в подлинном свете. Он готов презирать своих настоящих родителей — они не выдерживают сравнения с теми, которых он обрел в своих мечтах, фантазиях. Контраст между прекрасными родителями мечты и отнюдь не выдающимися реальными оказывается слишком силен. Позднее ребенок возвращается к своим родителям с сочувствием и пониманием, но без иллюзий. Однако во всем этом периоде отчуждения не было бы необходимости, если бы родители с самого начала говорили детям правду о себе.

Нам так трудно говорить детям правду потому, что у нас не получается быть честными с самими собой. Мы лжем себе и лжем соседям. Любая когда-либо написанная автобиография — ложь. Мы лжем, потому что нас учили жить по недостижимым стандартам морали. Именно полученное в раннем детстве воспитание дало нам те характерные черты, которые мы с тех пор изо всех сил пытаемся скрывать.

Взрослый, пусть даже косвенно лгущий детям, — это человек, который по-настоящему не понимает их. В результате наша система образования полна всякого рода лжи… Школьная система, например, держится на выдумке, что послушание и исполнительность — главные добродетели, а история и французский язык составляют образование.

Среди моих учеников нет ни одного закоренелого или привычного лжеца. Когда они только приходят в Саммерхилл, они лгут, потому что боятся говорить правду. Как только они обнаруживают, что в этой школе нет полицейских, ложь теряет для них всякий смысл. Детская ложь по большей части продиктована страхом, и, когда страха нет, лжи становится меньше. Я не могу сказать, что она исчезает совершенно. Мальчик, например, скажет вам о разбитом им стекле, но промолчит о том, что лазил в холодильник или стащил инструмент. Надеяться на полное отсутствие лжи чересчур наивно.

Свобода, однако, не уничтожает такой вид вранья, как фантазирование. Родители слишком часто делают слона из этой маленькой и вполне безобидной мыши. Когда Джонни пришел ко мне и сообщил, что папа прислал ему настоящий роллс-бентли, я сказал ему: «Знаю, я видел его у входа. Потрясающая машина». — «Да ладно, — усмехнулся он. — Ты же знаешь, что я на самом деле шучу».

Парадоксально или нелогично, но я различаю ложь и нечестность. Можно быть честным человеком и при этом все-таки лжецом: человек честен в серьезных аспектах жизни, но тем не менее иногда нечестен в незначительных вещах. Многие проявления лжи направлены на то, чтобы оградить другого человека от неприятных переживаний. Правдивость стала бы пороком, если бы вынудила меня написать: «Дорогой сэр, Ваше письмо было таким длинным и скучным, что Вам не следовало заставлять меня читать его» — или побудила вас сказать будущему музыканту: «Большое спасибо за исполнение, но этот этюд ты угробил». Ложь взрослых, как правило, альтруистична, а детская ложь всегда конкретна и направлена лично на себя. Самый надежный способ сделать ребенка лжецом на всю жизнь —

настаивать на том, чтобы он всегда говорил правду, только правду и ничего кроме правды.

Я знаю, что быть всегда правдивым очень трудно, но когда человек принимает решение не лгать ребенку или не лгать в присутствии ребенка, то обнаруживает — сделать это легче, чем он ожидал. Единственная добрая и допустимая ложь — ложь, которую произносят, когда чья-то жизнь находится в опасности (тяжело больному ребенку не говорят о смерти его матери).

В нашем чисто внешнем этикете очень многое — самая настоящая ложь. Мы говорим «спасибо», когда вовсе не чувствуем благодарности, снимаем шляпу перед женщинами, которых не уважаем.

Произнести неправду не очень большое преступление против нравственности, но жить во лжи — истинное бедствие. Родитель, живущий во лжи, по-настоящему опасен. «Я просил сына только об одном — всегда говорить полную правду», — говорит отец шестнадцатилетнего сына-вора. Этот человек ненавидит свою жену, она отвечает ему тем же, хотя данный факт тщательно маскируется всякими «дорогая» и «любимый». Сын смутно чувствовал: в его семье что-то глубоко неладно. Какие шансы имеет сын такого человека не вырасти привычно нечестным, когда вся жизнь его семьи — сплошная ложь? Воровство мальчика было его страстным поиском любви, которой так не хватало дома.

И уж конечно, ребенок будет лгать, подражая лжи родителей. Ребенку невозможно быть правдивым в семье, где отец и мать больше не любят друг друга. Неуклюжие отговорки, которые выдвигает несчастная пара, не могут обмануть ребенка. Они уводят его в нереальный, выдуманный мир, который надо принимать на веру. Помните, что дети чувствуют, даже когда не знают.

Церковь вдалбливает нам ложь о том, что человек рожден в грехе, и требует искупления. Закон поддерживает ложь о том, что человечество можно улучшить ненавистью, которую люди чувствуют после того, как их наказали. Врачи и фармацевты привычно лгут, что здоровье зависит от того, насколько ты набил себя всякими неорганическими препаратами.

В обществе, полном лжи, родителям ужасно трудно быть честными. И родитель говорит сыну: если ты станешь мастурбировать, то сойдешь с ума. Самое поразительное в родительской лжи — они не имеют ни малейшего представления, какой вред наносят детям.

Я утверждаю, что у родителей нет никакой необходимости лгать. Более того, они не имеют права лгать. Многие семьи существуют без лжи, и именно из таких семей выходят

ясноглазые искренние дети. Родители могут ответить правдой на любой и каждый вопрос ребенка, от «Откуда берутся дети?» до «Сколько маме лет?».

За почти 40 лет моей работы я ни разу сознательно не солгал ученикам, да никогда и не испытывал подобного желания. Впрочем, это не вполне верно, потому что однажды я солгал крепко. Девочка, несчастливая история которой была мне известна, украла фунт. Трое мальчиков — школьный комитет по кражам — видели, как она покупала мороженое и сигареты, и устроили ей перекрестный допрос. «Этот фунт мне дал Нилл», — утверждала она. Мальчики привели ее ко мне: «Ты давал Лиз фунт?» Наскоро оценив ситуацию, я непринужденно ответил: «Нуда, давал». Я знал, что, если бы я ее выдал, она уже никогда бы не поверила в меня. Ее символическое воровство любви под видом кражи денег получило бы еще один удар. Я должен был подтвердить, что я до конца на ее стороне. Я уверен, что, если бы ее семья была честной и свободной, такая ситуация никогда бы не возникла. Я солгал умышленно — с лечебной целью, — но ни в каких других обстоятельствах я не смею лгать.

Дети, когда они свободны, не особенно много врут. Однажды ко мне зашел наш местный полицейский. Он был поражен, когда при нем в кабинет вошел мальчик и сказал: «Слушай, Нилл, я разбил окно в вестибюле». Дети лгут в основном, чтобы защитить себя, ложь процветает в тех семьях, где правит страх. Уберите страх, и ложь исчезнет.

Существует, однако, особого рода ложь, которая не основана на страхе. Такая ложь — продукт фантазии. «Мам, я видел собаку, огромную, как корова!» Это из той же серии, что и рассказ рыболова о рыбе, сорвавшейся с крючка. В таких случаях ложь призвана придать особый вес личности лжеца. Очевидный способ реагировать на подобные выдумки — войти в атмосферу игры. Так, например, когда Билли сообщает мне, что у его отца есть роллс-ройс, я откликаюсь: «Я знаю. Красавец, правда? Ты его водишь?» Интересно, существовали бы вообще среди детей романтические выдумки такого рода, если бы они с рождения жили в условиях саморегуляции? Полагаю, что им не понадобилось бы выдумывать возвышенные истории, чтобы компенсировать свое ощущение неполноценности.

Незаконнорожденный ребенок не знает, что он рожден вне брака, тем не менее он чувствует, что он не такой, как другие дети. Это, конечно, не относится к тем случаям, когда он знает правду или растет среди людей, которым все равно, родился он в законном браке или нет. Именно потому, что чувство гораздо важнее, чем знание, невежественные родители наносят детям

такой вред своей ложью и запретами. Травмируется душа ребенка, а не голова, а ведь с повреждением души связано образование неврозов.

Родители не должны скрывать и от приемных детей правду об их усыновлении. Мачеха, которая позволяет ребенку мужа от первого брака верить, что он ее родной сын, ищет беды и в большинстве случаев ее находит. Я был свидетелем нескольких тяжелых пожизненных травм, возникших в подростковом возрасте, когда скрытая правда вышла наружу. Рядом всегда найдется — и не один — «доброхот», который с радостью раскроет юным печальную тайну.

Стоит заранее вооружить своих детей против всех злорадных хлопотунов, любящих вмешиваться в чужие дела, приняв решение никогда не лгать детям — ни вашим собственным, ни чужим. Никакого другого пути, кроме абсолютной правды для ребенка, просто нет. Если отец побывал в тюрьме, сын должен знать об этом. Если мама работала в пивном баре, дочери надо об этом рассказать.

Правда, однако, оказывается неуместной в тех случаях, когда дети спрашивают: «Мам, кого из нас ты больше любишь?» Самый частый и, как правило, нечестный ответ: «Милая, я вас всех люблю одинаково». Каким должен быть ответ на такой вопрос, я не знаю. Возможно, ложь здесь оправданна, потому что прямое: «Я больше всех люблю Томми» — имело бы катастрофические последствия.

Родитель, который честен с ребенком в вопросах пола, не будет врать и о других вещах. В миллионах семей вполне привычны ложь о полицейском, который придет, чтобы наказать непослушного ребенка; ложь о том, что курение останавливает рост; ложь о том, что у мамы болит голова, вместо того чтобы сказать, что у нее месячные.

Недавно одна учительница уехала из Саммерхилла и поступила работать в лондонский детский сад. Маленькие воспитанники спросили у нее, откуда берутся дети. На следующее утро в детский сад явилось полдюжины разъяренных мамаш, которые называли эту учительницу гадиной с грязными мыслями и требовали ее немедленного увольнения.

Ребенок, воспитанный в свободе, не будет сознательно лгать, потому что ему это не нужно. Он не станет лгать, защищая себя, из страха или уклоняясь от возмещения ущерба, но он, конечно, когда-нибудь солжет под напором фантазии — расскажет какую-либо романтическую историю о том, чего никогда не было.

Что касается лжи из страха, я надеюсь, что придет новое поколение, уже не имеющее скелетов, которые надо запирать в

шкаф[39]. Оно будет искренним и честным во всем, в его словаре не будет надобности в слове «ложь». Ложь — всегда трусость, а трусость есть результат невежества.

Ответственность

Во многих семьях Я ребенка подавляется, потому что родители обращаются с ребенком, как с вечным младенцем. Мне приходилось видеть девочек 14 лет, которым родители не доверяли зажечь огонь. С самыми лучшими намерениями родители берегут детей от ответственности.

«Дорогой, ты должен взять свитер, я уверена, что будет дождь. Никогда не ходи около железнодорожных путей. Ты вымыл лицо?» Однажды в Саммерхилл поступила новая ученица. Ее мать сказала мне, что девочка — ужасная грязнуля, что ее по десять раз на день приходится отправлять умываться. С первого дня своего пребывания у нас девочка принимала душ каждое утро и ванну по крайней мере два раза в неделю. И руки, и лицо у нее всегда были чисто вымыты. Ее нечистоплотность дома — если только она не плод материнского воображения — была вызвана тем, что с ней обращались, как с ребенком.

Детям необходимо предоставлять почти неограниченную ответственность. Малыши, обучающиеся по системе Монтессори, переносят бачки, полные горячего супа. Один из наших самых младших учеников, семилетний мальчик, пользуется всеми разнообразными инструментами — сверлами, топорами, пилами, ножами, — и у него пальцы бывают порезаны гораздо реже, чем у меня.

Не следует, однако, путать ответственность и долг. Чувство долга приобретается в жизни гораздо позднее, если приобретается вообще. Слово «долг» вызывает довольно много тяжелых ассоциаций. Я имею в виду, например, женщин, упустивших и жизнь, и любовь, потому что чувство долга заставило их остаться в семье, чтобы ухаживать за стареющими родителями. Я имею в виду супругов, которые давным-давно перестали любить друг друга, но продолжают несчастливо жить вместе из чувства долга. Множество детей в интернатах или летних лагерях ощущают свой долг писать домой как докуку, особенно если ребенок обязан отсылать письмо каждое воскресенье после обеда.

То, что ответственность измеряется возрастом, — заблуждение, и оно отдает жизнь нашего юношества в руки немощных стариков, которых мы называем государственными деятелями, а лучше окрестить их деятелями застоя[40]. Именно это заблуждение заставляет нас считать, что любой член семьи является защитником и руководителем для всех, кто младше его. Родителям нелегко осознать, что их шестилетний сын не

настолько разумен, чтобы понимать логическое построение: «Ты старше, чем Томми, и в твоем возрасте уже следует знать, что ему нельзя разрешать выбегать на дорогу».

От ребенка не следует требовать, чтобы он брал на себя ответственность, к которой еще не готов, его нельзя обременять решениями, которые он еще не способен принимать. Ключевое слово здесь — здравый смысл.

У нас в Саммерхилле пятилетних малышей не спрашивают, надо ли устанавливать оградительную решетку на камин, мы не обсуждаем с шестилетним ребенком, можно ли ему идти гулять, если у него температура. Не спрашиваем мы и уставшего ребенка, не пойти ли ему спать, когда он переутомлен. Ведь никто не спрашивает у ребенка разрешения дать ему назначенное врачом лекарство, когда он болен.

Применение власти — необходимой власти — по отношению к ребенку никак не противоречит идее о том, что ребенку следует предоставить столько ответственности, сколько он способен принять в своем возрасте. Чтобы определить меру ответственности, которую допустимо предоставить ребенку, родителям надо прежде всего заглянуть себе в душу, разобраться со своими мотивами.

Например, родители, которые отказывают своим детям в праве самим выбирать себе одежду, обычно боятся, что ребенок захочет вещи, не соответствующие социальному статусу родителей.

Родители, подвергающие цензуре книги, фильмы и друзей своих детей, вообще говоря, пытаются насильно навязать детям свои представления о жизни, утверждая: им лучше знать, что подходит их детям, но на самом деле глубинный мотив, как правило, состоит в достижении абсолютной власти над детьми.

В общем и целом родителям следует возлагать на ребенка возможно большую ответственность, обеспечивая при этом должным образом его физическую безопасность. Только так можно развить у ребенка уверенность в себе.

Послушание и дисциплина

Возникает кощунственный вопрос: а почему, собственно, ребенок должен слушаться? Я на него отвечаю так: он должен слушаться, чтобы удовлетворить стремление взрослого к власти, зачем бы еще?

Да нет, скажете вы, он ведь может промочить ноги, если не послушается указания надеть ботинки; он может свалиться со скалы, если не подчинится отцовскому окрику. Да, конечно, ребенок должен повиноваться, когда речь идет о жизни и смерти, но часто ли ребенка наказывают за непослушание именно в таких вопросах? Очень редко, если подобное вообще когда-нибудь случается. Обычно его хватают и обнимают с возгласами: «Миленький, слава богу, ты цел!», а наказывают ребенка, как правило, за непослушание в мелочах.

В принципе можно встретить семью, в которой послушания не требуют. Когда я говорю ребенку: «Возьми свои книжки и займись английским», он имеет право отказаться, если английский его не интересует. Неповиновение просто выражает его собственные желания, которые с очевидностью никак не нарушают еще чьи-нибудь интересы и даже не задевают их. Но когда я скажу: «Центральная часть огорода засеяна, никто не должен по ней бегать», все дети примут сказанное так же, как принимают команду Деррека: «Никто не должен брать мой мяч без спроса», потому что подчинение должно быть обоюдным. Время от времени в Саммерхилле случается неподчинение закону, утвержденному общим собранием школы. Тогда дети могут сами принять меры. Однако в целом Саммерхилл живет и развивается без всякого принуждения и подчинения. Каждый человек свободен делать то, что он хочет, пока он не нарушит свободу других. И это вполне достижимая цель в любом сообществе.

При саморегуляции в семье нет начальников. Это значит, что нет громкого голоса, объявляющего: «Я так сказал! Ты должен подчиняться». В реальной жизни начальники, конечно, есть. Их власть можно назвать заботой и ответственностью взрослых. Такая власть иногда требует подчинения, но в какие-то моменты подчиняется сама. Я вправе сказать дочери: «Ты не должна приносить глину и воду в нашу гостиную», и это не больше ее просьбы: «Выйди из моей комнаты, папа, я не хочу, чтобы ты сейчас был тут», — желание, которому я, конечно, подчиняюсь без звука.

Сродни наказанию и родительское требование, чтобы ребенок

не откусывал больше того, что может прожевать. Я говорю об этом в буквальном смысле, потому что глаза ребенка часто голоднее желудка и им (глазам) надо столько еды, сколько он съесть не сможет. Неправильно заставлять ребенка доедать все, что попало к нему на тарелку. Быть хорошим родителем значит уметь встать на место ребенка, понять его мотивы и возможности, не испытывая при этом ни злости, ни обиды.

Мать одной из учениц написала мне, что хочет, чтобы дочь ее слушалась. Я же учу ее дочь слушаться себя самой. Мать считает ее непослушной, а я всегда нахожу ее послушной. Пять минут назад она приходила ко мне в комнату, чтобы поспорить о собаках и их дрессировке. «Вали отсюда, — сказал я, — я занят, пишу». Она ушла без всяких возражений.

Послушание должно быть естественной частью общения. У родителей нет права на безусловное послушание со стороны детей, оно приходит изнутри, а не налагается извне.

Дисциплина — средство достижения цели. Дисциплина в армии помогает быть эффективным во время боя. Такого рода дисциплина всегда подчиняет личность делу. В дисциплинированных странах жизнь стоит дешево.

Существует, однако, и другая дисциплина. В оркестре даже лучший скрипач подчиняется дирижеру, потому что он, так же как и дирижер, стремится к тому, чтобы вещь была хорошо исполнена. Рядовой, который вскакивает по команде, как правило, не особенно заботится об эффективности армии. Любая армия управляется в основном страхом, и солдат знает, что в случае неподчинения будет наказан. Школьная дисциплина может быть похожа на оркестровую, если учителя хороши, однако слишком часто это дисциплина армейского типа. Сказанное справедливо и для семьи. Счастливая семья похожа на оркестр и наслаждается тем же духом единой команды. Несчастливая семья подобна казарме, управляемой злобой и наказаниями.

Странная штука — семьи с дисциплиной в духе единой команды часто мирятся со школой, в которой царит армейская дисциплина. Например, с тем, что учителя в школе бьют тех самых мальчиков, на которых никогда не поднимают руку дома. Посетитель с какой-нибудь более древней и мудрой планеты счел бы родителей этой страны идиотами, если бы ему рассказали, что в некоторых начальных школах и по сей день малышей наказывают за ошибки в сложении или в орфографии. Когда гуманные родители протестуют против палочной дисциплины в школе и обращаются с исками в суд, закон в большинстве случаев принимает сторону наказывающего учителя.

Родители могли бы добиться отмены телесных наказаний

хоть с завтрашнего дня, стоит только захотеть. По-видимому, большинство этого не хочет. Наша система устраивает родителей. Она дисциплинирует их мальчиков и девочек. Ненависть ребенка хитроумно направляется на наказывающего его учителя, а не на родителей, которые наняли его для этой грязной работы. Существующая система подходит родителям, которым самим никогда не было позволено ни жить, ни любить. Их тоже делали рабами групповой дисциплины, и их убогие души не представляют себе свободы.

Конечно, в семье должна быть какая-то дисциплина. Говоря обобщенно, дисциплина, которая обеспечивает соблюдение личных прав каждого из членов семьи. Например, я не разрешаю своей дочери Зое играть с моей пишущей машинкой. Но в счастливой семье дисциплина такого рода обычно сама себя поддерживает. Жизнь подобной семьи — приятный компромисс интересов, а родители и дети — приятели, сотрудники.

В несчастливой семье дисциплина используется как орудие ненависти, а послушание становится добродетелью. Дети — это имущество, предметы собственности, и они должны делать честь своим хозяевам. Я знаю, что родители, которых больше всего беспокоит, научился ли Билли читать и писать, — это те, которые чувствуют себя неудачниками из-за недостатка образования.

Родители, верящие в строгую дисциплину, — это обычно те, которые сами себя не принимают. Записной гуляка с богатым запасом скабрезных анекдотов будет строго осуждать сына за разговоры об экскрементах. Мать-лгунья отшлепает ребенка за вранье. Я видел, как человек порол сына за курение, держа трубку во рту. Я слышал, как мужчина бил своего двенадцатилетнего сына со словами: «Я отучу тебя ругаться, маленький ублюдок». Я указал ему на это, и он ответил не моргнув глазом: «Когда я ругаюсь, это — другое, а он еще ребенок».

Строгая дисциплина в семье — это всегда проекция[41] ненависти к себе. Взрослый хотел добиться совершенства в собственной жизни, потерпел неудачу, не сумел его достичь и теперь пытается найти его в своих детях. И все потому, что не умеет любить и боится удовольствий, как самого дьявола. Наверное, именно поэтому человек и изобрел дьявола — парня, которому все по плечу, который любит жизнь со всеми ее радостями, включая и секс. Цель совершенства — победа над дьяволом, и из этой цели выводятся и мистицизм, и иррационализм, и религия, и аскетизм. Отсюда же и умерщвление плоти путем истязания, сексуальное воздержание и импотенция.

Справедливо будет сказать, что целью строгой домашней

дисциплины является кастрация в самом широком смысле — кастрация жизни как таковой. Никакой послушный ребенок никогда не сможет стать свободным мужчиной или женщиной. Ни один ребенок, которого наказывают за мастурбацию, никогда не сможет достичь полного сексуального удовлетворения.

Я сказал, что родитель хочет сделать своего ребенка тем, кем он сам хотел, но не сумел стать. Но надо добавить: всякий подавленный в свое время родитель в то же время не хочет, чтобы его дитя получило от жизни больше, чем получил он. Родители, которые сами не живут полной жизнью, не позволят и детям быть живыми. И у такого родителя всегда есть преувеличенный страх перед будущим. Он надеется, что детей спасет дисциплина. Отсутствие уверенности в самом себе вынуждает его принимать идею бога, который может заставить человека быть хорошим и честным. Дисциплина, таким образом, ответвление религии.

Главная разница между Саммерхиллом и обычной школой состоит в том, что в Саммерхилле верят в личность ребенка. Мы знаем, что, если Томми хочет стать врачом, он будет сам, по собственной воле заниматься, чтобы сдать вступительные экзамены. А школа, которая построена на жесткой дисциплине, уверена в том, что Томми, если его не бить, не давить на него или не заставлять заниматься в определенные часы, никогда не станет врачом.

Я уверен, что из школы дисциплину в большинстве случаев легче убрать, чем из семьи. В Саммерхилле, когда семилетний ребенок делается источником беспокойства для всех, свое неодобрение выражает сообщество. Поскольку социальное одобрение — это то, чего хочет каждый, ребенок сам научается вести себя хорошо, и никакой особенной внешней дисциплины не требуется.

В семье, где перемешано так много эмоциональных факторов и разных обстоятельств, все не так просто. Раздраженная мать семейства, занятая приготовлением обеда, не может выразить своему разбаловавшемуся ребенку общественное неодобрение. Не может этого сделать и усталый отец, когда обнаруживает свою свежезасаженную грядку затоптанной. Я хочу подчеркнуть: главное состоит в том, что в семье, где ребенок с самого начала растет в условиях саморегуляции, обычные требования дисциплины просто не возникают.

Несколько лет назад я ездил в гости к моему другу Вильгельму Райху в Майн. Его сыну Петеру исполнилось тогда 3 года. У самого крыльца было глубокое озеро. Райх и его жена просто сказали Петеру, что он не должен подходить к воде. Никогда не подвергавшийся злобной дрессировке и поэтому

доверявший родителям Петер и не приближался к воде, а родители знали, что им не о чем беспокоиться. Те родители, которые устанавливают дисциплину в семье страхом и властью, живя на берегу такого озера, находились бы в постоянном напряжении. Дети обычно настолько привыкают к родительской лжи, что, когда мать говорит: «Вода опасна», — они ей просто не верят. У них, наоборот, возникает желание пойти к воде.

Ребенок, которого заставляют подчиняться, будет выражать свою ненависть к власти, нарочно раздражая родителей. И правда, плохое поведение детей по большей части является наглядным доказательством неправильного обращения. Любой нормальный ребенок примет родительское поучение, если в семье есть любовь. Если же в семье живет ненависть, ребенок либо не слышит никаких аргументов, либо воспринимает все негативно: разрушает, лжет и дерзит.

Дети мудры. Они отвечают любовью на любовь и ненавистью на ненависть. Они с готовностью откликаются на дисциплину того типа, который присущ сплоченной команде. Я утверждаю, что человек по своей природе так же не плох, как не плохи по природе кролик или лев. Посадите собаку на цепь, и хорошая собака превратится в плохую. Приучите ребенка к строгой внешней дисциплине — и хороший общительный ребенок превратится в скверное, неискреннее, злое существо. Грустно говорить, но большинство людей уверены, что плохой мальчик — это тот, кто хочет быть плохим. Они полагают, что с помощью бога или большой палки можно вынудить ребенка принять решение быть хорошим, а если он откажется это сделать, тогда уж они позаботятся о том, чтобы он как следует пострадал за свое упрямство.

В некотором смысле в духе старой школы воплощено все то, за что ратует дисциплина. Недавно директор одной большой мужской школы, когда я спросил его, какие у него мальчики, ответил: «Такие, что выходят из школы и без идей, и без идеалов. Они станут пушечным мясом в любой войне, ни разу не остановившись, чтобы подумать, из-за чего идет эта война и почему они принимают в ней участие».

За последние почти 60 лет я ни разу не ударил ребенка. Но, будучи молодым учителем, я с легкостью использовал ремень, ни разу не остановившись, чтобы подумать. Теперь я никогда не бью детей: я осознал опасности битья и полностью отдаю себе отчет в том, что за ним всегда скрывается ненависть.

В Саммерхилле с детьми обращаются, как с равными. В общем и целом мы уважаем личность и индивидуальность ребенка так же, как мы уважали бы личность и индивидуальность

взрослого, зная, однако, что ребенок отличается от взрослого. Мы, взрослые, не требуем, чтобы взрослый дядя Билл доел все со своей тарелки, если ему, скажем, не нравится морковь, или чтобы отец обязательно вымыл руки. Постоянно поправляя детей, мы заставляем их чувствовать свою неполноценность, оскорбляем их естественное достоинство. Все это вопрос о соотношении ценностей. Ради бога, ну что, в самом деле, случится, если Томми сядет за стол с невымытыми руками?

Дети, воспитанные в духе неправильной дисциплины, проживают большую ложь длиною в жизнь. Они никогда не решаются быть самими собой, делаются рабами установленных кем-то бессмысленных обычаев и манер, без вопросов принимают свой глупый воскресный наряд, потому что душа дисциплины — это страх проверки. Наказание со стороны товарищей по играм не вызывает страха, но, когда наказывает взрослый, страх приходит автоматически, поскольку взрослый — большой, сильный и внушающий страх, и, что важнее всего, он — символ родителя, которого ребенок боится.

На протяжении почти 40 лет я наблюдал, как злобные, нахальные, полные ненависти дети вступают в свободную атмосферу Саммерхилла. В каждом случае перемены происходили постепенно. Со временем эти испорченные дети стали счастливыми, общительными и дружелюбными.

Будущее человечества принадлежит молодым родителям. Если они произволом, властностью разрушат жизненные силы в своих детях, то преступления, войны и нищета никогда не исчезнут. Если они пойдут по стопам своих строгих родителей, они утратят любовь собственных детей, потому что никто не может любить то, чего боится.

Невроз начинается с родительского насаждения дисциплины, которое прямо противоположно родительской любви. Человечество не может быть добрым, если подходить к нему с ненавистью, наказанием и подавлением. Единственно возможный путь — это путь любви.

Сама атмосфера любви без всякого принуждения со стороны родителей способна снять многие проблемы детства. Я хочу, чтобы родители это поняли. Если их дети растут в семье, где царит атмосфера любви и приятия, никогда не возникнут злобность, ненависть и страсть к разрушению.

Поощрения и наказания

Обычай вознаграждать ребенка таит в себе меньшую опасность, чем привычка его наказывать, но этот обычай тоже подрывает нравственность ребенка, хотя и более тонким образом. Награды не только не нужны — они приносят вред. Награждать ребенка за что-то им сделанное равносильно признанию, что само по себе это дело не стоило того, чтобы им заниматься.

Ни один художник никогда не работает только за денежное вознаграждение, не меньшей наградой служит для него радость созидания. Кроме того, награды поддерживают самые скверные черты соревновательной системы. Сделать что-то лучше, чем кто-то другой, — скверная цель.

Раздача наград плохо психологически влияет на детей, поскольку порождает зависть. Нелюбовь мальчика к младшему брату часто начинается с материнской реплики: «Твой маленький братик делает это лучше, чем ты». Для ребенка такое материнское высказывание есть награда, выданная его брату за то, что тот лучше его.

Опасность как поощрений, так и наказаний становится понятной, если рассмотреть, как формируется естественный интерес ребенка к чему-либо. И награды, и наказания направлены на то, чтобы заставить ребенка чем-то интересоваться. Но подлинный интерес — это жизненная сила всей личности, и он абсолютно спонтанен. Принудить можно к вниманию, потому что внимание — произвольный акт. Ребенок, интересующийся только пиратами, способен проявить внимание к рисунку на доске. Заставить ребенка проявлять внимание можно, заставить его проявлять интерес — нет. Никто не заставит меня заинтересоваться, скажем, коллекционированием марок; я сам не в силах заинтересовать себя марками. Тем не менее награды и наказания как раз призваны заставить проявлять интерес.

У меня большой огород. Несколько мальчишек и девчонок могли бы оказать мне немалую помощь в сезон прополки. Вполне можно было бы приказать им помочь мне в этой работе, но у этих детей 8 — 10 лет не сформировалось никакого собственного представления о необходимости прополки, они не имеют к этому никакого интереса.

Я однажды подошел к группе маленьких ребят и спросил: «Кто-нибудь хочет помочь мне с прополкой?» Все отказались. Я поинтересовался — почему? Раздались ответы: «Скучно. Пусть себе растут. У меня кроссворд. Ненавижу работать в огороде».

Я, между прочим, тоже нахожу прополку скучной, мне тоже

нравится решать кроссворды, и, если быть совсем справедливым к этим малышам, ну, действительно: какое им дело до прополки? Это мой огород, это я испытываю гордость при виде пробивающихся из почвы ростков. Это я экономлю деньги на счетах за овощи. Короче говоря, огород затрагивает мои эгоистические интересы, я не могу принудительно заинтересовать им детей. Единственно возможным для меня способом было бы нанимать их на работу с почасовой оплатой. Тогда они и я были бы совершенно на равных: я заинтересован в обработке моего огорода, а они — в небольшом приработке.

Интерес в своей основе всегда эгоистичен. Мод, 14 лет, часто помогает мне в саду, хотя и заявляет, что ненавидит работу в огороде. Но она не ненавидит меня. Она занимается прополкой, поскольку хочет побыть со мной. То есть прополка в это время служит ее интересам.

Когда Деррек, который тоже не любит прополку, вызывается помочь мне, я знаю, что он собирается снова попробовать выпросить мой перочинный нож, которого он давно домогается, и его единственный интерес состоит именно в этом.

Вознаграждением в большинстве случаев должно быть чисто субъективное удовлетворение от выполненной работы. Тут на ум приходят разные неблагодарные занятия, которые существуют в мире: добыча угля, наворачивание шайбы номер 51 на болт номер 51, копание канав, складывание цифр. Мир полон занятий, которые не вызывают никакого интереса и не приносят ни малейшего удовольствия. Похоже, мы пытаемся приспособить наши школы к той скуке, которой наполнена жизнь. Заставляя учеников заниматься предметами, заведомо неинтересными им, мы, по сути дела, приучаем детей выполнять работу, от которой они не будут получать удовольствия.

Если Мэри учится читать или считать, это должно происходить вследствие ее интереса, а не потому, что за хорошие оценки она получит новый велосипед, и не ради маминого удовольствия.

Одна мать сказала сыну, что, если он перестанет сосать большой палец, она подарит ему радиоприемник. Как это несправедливо — создавать такой конфликт у ребенка! Сосание пальца — бессознательное действие, не контролируемое волей. Ребенок может мужественно предпринять усилие, чтобы избавиться от этого, но, так же как и привычный мастурбатор, он снова и снова будет терпеть неудачу, тем самым все увеличивая тяжесть вины и несчастья.

Родительский страх перед будущим становится опасен, когда находит выражение в предложениях, похожих на подкуп: «Когда

ты научишься читать, мой дорогой, папочка купит тебе самокат». Этот путь ведет к тому, чтобы ребенок научился с готовностью принимать нашу жадную, ищущую только выгоды цивилизацию. Я рад сообщить, что не раз видел детей, предпочитавших неграмотность сверкающему новому велосипеду.

Другим вариантом этой формы подкупа являются высказывания, обращенные к чувствам ребенка: «Мама почувствует себя очень несчастной, если ты все время будешь последним в классе». Обе эти формы подкупа игнорируют природные интересы ребенка.

Не менее резкое отношение вызывают у меня и попытки заставить детей делать нашу работу. Если мы хотим, чтобы ребенок работал на нас, то должны платить ему в соответствии с его способностями. Никто из детей не пожелает таскать для меня кирпичи просто потому, что я решил перестроить разрушенную стену. Но если я предложу по три пенса за тачку, любой мальчик охотно мне поможет, потому что в этом случае я учитываю его собственный интерес. Однако мне не нравится, когда ребенка заставляют выполнять какую-нибудь нудную работу ради так необходимых ему карманных денег. Родители должны давать, не ожидая и не требуя ничего взамен.

Наказание не бывает справедливым, потому что никакой человек не может быть справедливым. Справедливость предполагает полное понимание другого человека, судьи же отнюдь не более нравственны и свободны от предрассудков, чем уборщики мусора. Если судья — убежденный консерватор и милитарист, ему очень трудно быть справедливым к антимилитаристу, арестованному за крики: «Долой армию!»

Осознанно или бессознательно, но учитель, жестоко наказывающий ребенка, совершившего сексуальный проступок, почти наверняка имеет скрытое чувство вины в отношении секса. В суде же судья с неосознанными гомосексуальными стремлениями скорее всего будет очень суров, вынося приговор подсудимому, обвиняемому в гомосексуальных действиях.

Мы не можем быть справедливыми просто потому, что не знаем себя и не признаем наших собственных подавленных стремлений. Это трагически несправедливо по отношению к детям. Взрослый в процессе воспитания ребенка никогда не сможет подняться над собственными комплексами. Если мы сами связаны нашими подавленными страхами, то не можем сделать наших детей свободными. Мы нагружаем детей собственными комплексами и не можем поступать иначе.

Если мы постараемся понять себя, нам станет трудно наказывать ребенка, поскольку ясно, что мы пытаемся выместить

на нем злость, относящуюся к чему-то другому. Давным-давно я колотил учеников всякий раз, когда бывал в скверном настроении — то инспектор пришел, то я поссорился с приятелем. Любой повод годился, и я срывал злость на учениках, вместо того чтобы попробовать понять себя, осознать, почему я сержусь на самом деле. Теперь я на собственном опыте убедился, что в наказаниях нет необходимости. Я никогда не наказываю детей, у меня даже не возникает подобного намерения.

Недавно я сказал одному новому ученику, мальчику, который вел себя вызывающе: «Ты выделываешь все эти дурацкие трюки просто для того, чтобы вынудить меня ударить тебя, потому что всю твою жизнь тебя постоянно лупили. Но зря теряешь время, я не стану тебя наказывать, что бы ты ни сделал». И он перестал крушить все вокруг себя — ему больше не надо было испытывать ненависть.

Наказание всегда представляет собой акт ненависти. В акте наказания учитель или родитель ненавидит ребенка — и ребенок понимает это. Явное раскаяние или нежная любовь, которую проявляет к родителю отшлепанный ребенок, — не настоящие. Что действительно чувствует побитый ребенок, так это ненависть, которую он должен скрывать, чтобы не испытывать чувства вины, потому что ребенок, которого бьют, мечтает в этот момент, например, вот о чем: «Яхочу, чтобы мой отец упал и умер». Подобная фантазия немедленно вызывает чувство вины — я хотел, чтобы мой отец умер, какой же я злодей! И раскаяние приводит ребенка на колени отца в кажущейся нежности, но под ней уже поселилась ненависть, которая никуда не исчезает.

Что еще хуже, наказание всегда замыкает порочный круг. Битье — вымещенная ненависть, и каждая новая порка вызывает в ребенке все больше и больше ненависти. Нарастающая в нем ненависть выражается во все худшем поведении, за которое его еще больше бьют. Повторные порки приносят дополнительные дивиденды ненависти в ребенке. В результате возникает наглый маленький ненавистник со страстью к разрушению и плохими манерами, для которого наказания настолько вошли в привычку, что он безобразничает уже лишь для того, чтобы вызвать хоть какой-то эмоциональный отклик со стороны родителей, поскольку, когда нет любви, годится даже исполненный ненависти эмоциональный отклик. И снова ребенка бьют, и он раскаивается, и на следующее утро он заново начинает прежний цикл.

Насколько мне довелось наблюдать, саморегулирующийся ребенок не нуждается в наказаниях и не проходит через этот ненавистнический цикл. Его никогда не наказывают, и у него нет

нужды вести себя скверно. Ему не нужны ложь и разрушение вещей. Его тело никогда не называли развратным или грязным, у него не было необходимости восставать против власти родителей или бояться их. Вспышки раздражения у него, безусловно, бывают, но они кратковременны и не ведут к неврозам.

Конечно, решить, что является наказанием, а что — нет, вовсе не так легко. Однажды один ученик позаимствовал мою лучшую пилу. На следующее утро я нашел ее — она валялась под дождем. Я сказал мальчику, что больше никогда не дам ему свою пилу. Это не было наказанием, потому что наказание всегда предполагает вовлечение нравственного аспекта. Оставить пилу под дождем означает причинить ущерб пиле, но это не безнравственный поступок. Для ребенка важно узнать, что нельзя одолжить у кого-нибудь инструменты и испортить их и вообще наносить ущерб чужой собственности или личности. Потому что позволить ребенку делать то, что он хочет, и так, как он хочет, за счет другого — очень скверно для ребенка, это портит его. А испорченный ребенок и есть плохой гражданин.

Некоторое время тому назад к нам пришел маленький мальчик из школы, где он всех измучил, швыряя вещи и угрожая убить. Он попробовал ту же игру и со мной. Я быстро догадался, что он нарочно впадал в ярость, чтобы всех пугать и таким образом обращать на себя внимание.

Однажды, зайдя в игровую комнату, я обнаружил, что все дети сбились в кучу в одном углу. В другом конце комнаты стоял маленький террорист с молотком в руке. Он грозился ударить всякого, кто подойдет к нему.

Кончай это, малыш, — сказал я резко, — мы тебя не боимся.

Он уронил молоток и бросился на меня. Он укусил меня и ударил.

Каждый раз, когда ты ударишь или укусишь меня, — произнес я спокойно, — я ударю тебя в ответ.

Я его не наказывал. Он очень быстро прекратил схватку и бросился вон из комнаты.

Это не было наказанием. Это был необходимый урок: он узнал, что человек не может бесконечно приносить вред другим ради собственного удовольствия.

В большинстве семей наказывают за непослушание. В школах тоже непослушание и дерзость рассматриваются как тяжкие преступления. Когда я был молодым учителем и имел привычку бить детей, как это позволено учителям в Великобритании, я всегда больше всего сердился на тех мальчиков, которые меня не слушались. Мое маленькое достоинство чувствовало себя оскорбленным. Я ведь был оловянным божком класса, так же как

папа — оловянный божок в семье. Наказывать за непослушание значит идентифицировать себя со Всемогущим: ты не должен иметь других богов!

Позднее, когда я преподавал в Германии и Австрии, мне всегда бывало стыдно, когда учителя спрашивали меня, применяются ли телесные наказания в Британии. В Германии учителя, ударившего ученика, судят и обычно наказывают. Битье и порка детей в британских школах — наш величайший позор.

Однажды врач из одного большого города сказал мне: «Директор одной из наших школ — настоящий зверь, он жестоко избивает детей. Ко мне часто приводят детей, доведенных им до нервного срыва, но я ничего не могу сделать, на его стороне закон и общественное мнение».

Не так давно газеты рассказывали о судебном деле, в котором судья сказал двум грешным братьям, что, если бы их почаще пороли, они бы никогда не появились в суде. Как показали свидетели, отец избивал мальчиков почти каждый вечер.

Вред Соломоновой теории розог перевешивает добро всех его притч. Ни один человек, сколько-нибудь способный заглянуть себе в душу, не стал бы бить ребенка, он не мог бы даже захотеть ударить его.

Повторюсь: удар порождает в ребенке страх только в том случае, если удар связан с моральной идеей, с идеей зла. Если бы мальчишка на улице сбил с меня шляпу комком глины, а я поймал бы его и дал затрещину, мальчик посчитал бы мою реакцию совершенно естественной, его душе не было нанесено никакого вреда. Но если бы я отправился к директору его школы и потребовал наказать преступника, страх, связанный с этим наказанием, очень повредил бы ребенку. Дело сразу превратилось бы в вопрос нравственности и наказания. Ребенок чувствовал бы, вероятно, что совершил преступление.

Легко представить себе эту сцену! Я топчусь там со своей заляпанной шляпой. Директор сидит и сверлит мальчика зловещим взглядом. Мальчик стоит с опущенной головой. Он сокрушен достоинством обвинителей. Погнавшись за ним на улице, я был бы ему ровней. После того как с меня сбили шляпу, у меня уже нет достоинства, я просто еще какой-то мужик, а мальчишка получил бы необходимый жизненный урок: если ты ударишь кого-то, он разозлится и даст тебе сдачи.

Наказание не имеет ничего общего с горячим нравом, оно холодно и беспристрастно. Наказание высоконравственно. Наказание объявляет, что оно совершается ради самого преступника. (В случае смертной казни оно совершается для блага общества.) Наказание — акт, в котором человек

отождествляет себя с богом и вершит нравственный суд.

Многие рЬдители живут в соответствии с представлением, что раз бог награждает и наказывает, то и они должны награждать и наказывать своих детей. Эти родители честно пытаются быть справедливыми, и часто им удается убедить себя, что они наказывают ребенка для его же блага. Мне это больнее, чем тебе, — это не столько ложь, сколько благочестивый самообман.

Следует помнить, что религия и мораль делают наказание в каком-то смысле привлекательным институтом, потому что оно облегчает совесть. «Я расплатился», — говорит грешник.

Когда после моих лекций наступает время задавать вопросы, часто встает какой-нибудь приверженец старых порядков и говорит: «Мой отец все время колотил меня туфлей, и я об этом не жалею, сэр. Я бы никогда не стал тем, что я есть сегодня, если бы меня не били». Мне всегда не хватает смелости спросить: «Ну, и чем же вы стали?»

Говорить, что наказание не всегда вызывает психические травмы, значит уходить от вопроса, потому что мы не знаем, какую реакцию вызовет наказание у человека в его более поздние годы. Многие эксгибиционисты, задержанные за бесстыдный самопоказ, — жертвы раннего наказания за детские сексуальные привычки.

Если бы наказание хоть когда-нибудь приводило к успеху, тогда имели бы право на существование хоть какие-то аргументы в его пользу. А вот то, что оно способно раздавить человека страхом, — правда, об этом вам расскажет любой служивший в армии. Если родителя радует, что дух ребенка полностью сломлен страхом, для такого родителя, конечно, наказание приводит к успеху.

Никто не знает, сколько детей, подвергавшихся телесным наказаниям, остаются сломленными духом и кастрированными для жизни, а сколько восстают и становятся еще более антиобщественными. За 50 лет моего преподавания в школах я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из родителей сказал: «Я побил моего ребенка, и теперь это хороший мальчик». Наоборот, сотни раз приходилось мне выслушивать одну и ту же печальную историю: «Я и бил его, и разговаривал с ним, и во всем ему помогал, а он становится все хуже и хуже».

Ребенок, которого наказывают, действительно становится хуже и хуже. Но, что еще хуже, из него вырастает отец или мать, которые наказывают своих детей, и цикл ненависти снова растягивается на долгие годы.

Я часто спрашиваю себя: «Как это может быть, чтобы

родители, которые сами — добрые люди, мирились с жестокими школами для своих детей?» Эти родители, вероятно, озабочены в первую очередь хорошим образованием для своих детей. Но они не понимают, что хотя наказывающий учитель и может вызвать у ребенка интерес, но интерес, возникающий в результате принуждения, — интерес к наказанию, а не к арифметическим примерам на доске. Дело в том, что большинство лучших учащихся в наших школах и колледжах позднее превратятся в посредственности. Интерес к успешной учебе был по большей части вызван давлением родителей, а существо дела их мало интересовало.

Страх перед учителями и перед наказаниями не может не сказаться на отношениях между родителями и ребенком, потому что символически всякий взрослый для ребенка — это отец или мать, и каждый раз, когда учитель наказывает ребенка, он усиливает его страх и ненависть к тем взрослым, которых символизирует, т. е. к отцу или матери. Ужасно, если вдуматься. Дети, как правило, не осознают это чувство, но я однажды слышал, как тринадцатилетний мальчик говорил: «Директор в моей последней школе часто бил меня, и я не могу понять, почему папа и мама держали меня там. Они знали, что он — жестокая скотина, но ничего не делали».

Наказание в форме нотации еще более опаснее, чем порка. Как ужасны бывают такие нотации! «Неужели ты не знал, что поступаешь неправильно?!» Всхлипывающий кивок. «Скажи, что ты сожалеешь о содеянном». Эта форма наказаний не имеет себе равных в качестве тренировки для ханжей и лицемеров. Хуже может быть только вознесение молитв за заблудшую душу ребенка в его присутствии. Последнее вообще непростительно, потому что призвано возбудить в ребенке глубокое чувство вины.

Еще один тип наказания — не физический, но не менее опасный для развития ребенка — постоянные одергивания. Сколько раз приходилось мне слышать, как мать целый день «квохчет» над десятилетней дочерью: «Не ходи по солнцу, дорогая… Дорогая, пожалуйста, держись подальше от этих перил… Нет, любимая, ты не пойдешь сегодня в бассейн, ты можешь ужасно простудиться!» Постоянные придирки, безусловно, не являются знаком любви, они — знак материнского страха, скрывающего бессознательную ненависть.

Мне хотелось бы, чтобы защитники наказаний посмотрели и осмыслили восхитительный французский фильм, рассказывающий историю жизни плута. Когда он был мальчиком, его наказали за какой-то проступок, запретив участвовать в воскресном ужине, который, как впоследствии оказалось, состоял

из ядовитых грибов. Позднее, когда он наблюдал, как выносили из дома гробы с телами членов его семьи, он решил, что быть хорошим нет никакого смысла. Безнравственная история с моралью, которую большинство сторонников наказания не могут разглядеть.

Дефекация и воспитание чистоплотности

Порой мы все производим довольно странное впечатление на посетителей Саммерхилла, потому что время от времени разговариваем о туалете. Я считаю, что это абсолютно необходимо делать. Я нахожу, что каждый ребенок интересуется испражнениями. Об интересе ребенка к его испражнениям и моче написано так много, что я ожидал увидеть немало интересного, наблюдая за своей маленькой дочерью. Однако она не проявляла к своим испражнениям ни интереса, ни отвращения — у нее не возникало желания играть с продуктами ее тела. Но когда Зое было три года, ее подружка — девочка на год старше, которую приучали к чистоплотности, — познакомила нашу дочь с секретной игрой в экскременты, отмеченной таинственным шепотом и стыдливым и виноватым хихиканьем. Для нас эта игра была довольно скучной, но мы ничего не могли поделать, понимая, что вмешиваться опасно, поскольку запреты вообще опасны. К счастью, Зоя вскоре устала от одноколейного интереса этой маленькой девочки, и игра с испражнениями кончилась.

Взрослые редко понимают, что для ребенка нет ничего отталкивающего в испражнениях и соответствующих запахах. Ребенок фиксируется на них лишь потому, что это шокирует взрослых. Я вспоминаю одну одиннадцатилетнюю девочку, приехавшую в Саммерхилл. Туалеты были единственным, что ее интересовало в жизни. Она приходила в восторг только от подглядывания в замочную скважину. Я срочно изменил содержание ее занятий: теперь она могла вместо географии изучать туалеты, что сделало ее очень счастливой. Через десять дней я отпустил ка- кое-то замечание по поводу туалета. «Не желаю об этом слышать, — сказала она устало, — я по горло сыта разговорами о туалетах».

Другой ученик, мальчик, не мог заинтересоваться ни одним уроком, потому что был слишком озабочен экскрементами и тому подобным. Я знал, что, только истощив свой интерес, он перейдет к математике. Так и оказалось.

Работа учителя проста: выясни, в чем состоит интерес ребенка, и помоги изжить его. Только так всегда и бывает. Подавление и замалчивание лишь загоняют интерес в подполье.

Но не приведет ли этот ваш метод к тому, что дети станут грязно мыслить? — спрашивает г-жа Мораль.

Нет, это ваш метод постоянно фиксирует интерес на том, что вы называете грязным. Только изжив какой-нибудь такой интерес, человек получает свободу перехода к чему-то новому.

Так что же, вы сами поощряете детей разговаривать о туалете?

Да, поощряю, когда обнаруживаю, что они этим интересуются, и только в наиболее невротических случаях подобные разговоры занимают больше недели.

Один такой невротический случай произошел несколько лет назад. У нас был маленький мальчик, которого перевели к нам, потому что он все время пачкал штаны. Мать порола сына за это и, отчаявшись, в конце концов заставила его есть собственные экскременты. Можете себе представить, с какой проблемой мы столкнулись. Выяснилось, что у мальчика был младший брат и проблемы начались именно с его рождением. Причины были достаточно очевидны. Мальчик рассудил: он забрал у меня мамину любовь. Если я буду таким, как он: стану пачкать брюки, как он пеленки, то мама снова меня полюбит.

Я давал ему личные уроки, цель которых — открыть ребенку его истинные мотивы, но излечения редко происходят внезапно и драматично. Почти год мальчик пачкал штаны три раза в день. Никто не сказал ему худого слова. Миссис Коркхилл, наша нянечка, выполняла всю неблагодарную работу, не говоря ни слова упрека, но и она воспротивилась, когда я начал вознаграждать его всякий раз, когда он устраивал действительно большую грязь. Награда означала, что я одобряю его поведение.

На протяжении этого времени мальчик вел себя просто как злобный дьяволенок. И неудивительно — у него были проблемы и внутренние конфликты. Но после излечения он стал абсолютно чистоплотным и оставался таким на протяжении еще трех лет, которые провел с нами. Постепенно он превратился в очень симпатичного парня. Мать забрала его из Саммерхилла, потому что хотела устроить сына в такую школу, в которой он чему-нибудь научился бы. Когда после года пребывания в новой школе он приехал нас проведать, это был другой мальчик — неискренний, запуганный и несчастный. Он сказал, что никогда не простит мать за то, что она забрала его из Саммерхилла. И он не простит. Как ни странно, это единственный случай пачканья штанов, с которым мы столкнулись за все годы. Не исключено, что большинство подобных случаев по своему происхождению связано с ненавистью к матери, отнявшей у ребенка свою любовь.

Но ребенка можно сделать чистоплотным, не нагружая его постоянным и подавленным интересом к телесным отправлениям. Ни котенок, ни бычок не имеют ведь никаких комплексов по поводу экскрементов. У ребенка комплексы появляются в связи со способом обучения чистоплотности. Когда мать говорит «бяка», «гадость» или даже только «фу», возникает проблема добра и зла,

вопрос переводится в нравственную плоскость, хотя следовало бы его оставить чисто физическим.

Таким образом, неправильный способ обращения с копрофилией[42] состоит в том, чтобы говорить ребенку, что он — грязный. Правильно — позволить ребенку изжить интерес к экскрементам, обеспечив его грязью или глиной. Так он сможет сублимировать свой интерес без репрессии[43]. Он сможет прожить свой интерес и тем самым уничтожить его.

Однажды в газетной статье я упомянул о праве ребенка делать пирожки из глины. Известный педагог, последователь Марии Монтессори, откликнулся на нее письмом, в котором сообщал, что, как показывает его опыт, ребенок не хочет делать пирожки из глины, если у него есть для занятий что-нибудь получше (курсив мой. — А. Н.). Но не может быть ничего лучше, если интерес сосредоточен именно на грязи. Однако трудному ребенку следует сказать, что, собственно, он делает, ибо можно ведь годами делать пирожки из грязи, не изживая исходного интереса к экскрементам. Я вспоминаю восьмилетнего Джима, у которого были фантазии по поводу экскрементов. Я предложил ему лепить пирожки из грязи. Но всякий раз, когда он этим занимался, я говорил ему, в чем состоял его подлинный интерес. Таким образом я подгонял процесс излечения. Я не говорил ему прямо: ты лепишь пирожки из грязи потому, что они замещают то-то и то-то, я лишь напоминал ему о сходстве между обоими объектами. Слова работали. Ребенку поменьше, скажем лет 5, ничего не надо говорить, потому что он легко изживет свои фантазии просто в процессе изготовления этих пирожков из грязи.

Для ребенка экскременты — очень важный объект изучения. Всякое подавление этого интереса опасно и глупо. Не следует придавать им слишком большого значения, за исключением случаев, когда ребенок гордится своей продукцией, — тогда восхищение вполне уместно. Если ребенок случайно наделает в штаны, к этому следует отнестись спокойно, как к чему-то нормальному.

Дефекация для ребенка не просто дело созидательное (кстати, такова она и для многих взрослых: взрослые нередко находят и удовольствие, и гордость в том факте, что им удалось как следует опростаться) — символически это что-то очень ценное. Грабитель, накладывающий кучу на половике после того, как он ограбил сейф, не имеет намерения добавить к преступлению оскорбление: он символически показывает, что его совесть нечиста, оставляя нечто ценное в возмещение украденного.

Животные не осознают своих естественных функций. Собаки и кошки, автоматически зарывающие свой помет, действуют инстинктивно: когда-то это было необходимо для того, чтобы отделить от чистой пищи. Отношение человека к собственным экскрементам, возможно, в большой степени связано с его неестественным питанием. Экскременты лошадей, овец и кроликов чисты и вовсе не омерзительны. Человеческие экскременты, напротив, отвратительны, потому что его пища — ужасное месиво искусственных продуктов. Я порой думаю, что если бы к человеческим экскрементам было бы так же легко прикоснуться, как к экскрементам животных, у детей повысились бы шансы вырасти эмоционально свободными.

Отвращение, которое взрослые испытывают к человеческим экскрементам, не может не сыграть значительную роль в формировании негативной, жизнеотрицающей части детской души. Поскольку природа разместила экскреторные и половые органы близко друг к другу, ребенок заключает, что и те, и другие — грязные. Поэтому родительское неодобрение в отношении экскрементов почти наверняка заставит ребенка видеть и секс в том же свете. Неприятие секса и экскрементов формирует единое подавление.

Мать не испытывает никакого отвращения, стирая пеленки своего младенца, однако уже через 3 года она заметно раздражается, если ей приходится убрать небольшую кучку с ковра. Мать должна очень осторожно обращаться с ребенком в таких ситуациях, помня, что ее гнев никогда не проходит для ребенка даром. Гнев проникает в душу ребенка, сохраняется и запечатлевается в характере.

Питание

Тоталитаризм всегда начинался и до сих пор начинается в детской. Самое первое вмешательство в природу ребенка есть первое проявление деспотизма. И это первое вмешательство всегда связано с питанием. Оно начинается с принуждения новорожденного младенца есть и пить по расписанию.

Поверхностное объяснение данного явления состоит в том, что кормление по расписанию меньше нарушает повседневный распорядок и удобства взрослых. Но истинный, глубинный мотив — ненависть к новорожденной жизни и ее естественным потребностям. Сказанное подтверждают те равнодушие и спокойствие, с которыми в некоторых семьях относятся к воплям голодного младенца.

Саморегуляция должна начинаться с рождения, с самых первых кормлений. Каждый младенец имеет прирожденное право быть накормленным тогда, когда он хочет есть. Когда ребенок с матерью находятся дома, матери легко следовать его потребностям, но в большинстве родильных домов ребенка забирают при рождении и помещают в детскую палату. Матери не позволяют понянчить его или дать ему бутылочку в течение первых 24 часов. Кто может сказать, какой непоправимый вред наносится этому младенцу?

Сегодня в некоторых клиниках младенцу позволяют постоянно быть вместе с матерью и под ее личной опекой. Записаться в родильное отделение, не проверив, предоставляет ли оно такую возможность, означает принимать существующую систему. Любая мать, собирающаяся создать своему ребенку условия для саморегуляции, должна позаботиться о том, чтобы ни в коем случае не попасть в клинику, которая не предоставляет такой возможности, — иными словами, в клинику, которая не одобряет саморегуляцию для младенцев. Гораздо лучше родить ребенка дома, чем подвергать его подобной жестокости.

Кормление по расписанию, так долго внедрявшееся врачами и нянями, вызвало столько нападок, что многие педиатры отказались от него. Оно очевидно неправильно и опасно. Если ребенок, скажем, в 4 часа кричит от голода, но его не кормят, пока не настанет предписанное схемой время, это означает, что он подвергается тупой, жестокой, жизнеотрицающей дисциплине, бесконечно опасной для его телесного и духовного развития. Младенец должен кормиться тогда, когда он хочет кормиться. Поначалу он будет требовать еду часто, потому что не может поглотить большое количество ее за один раз.

Обычай давать младенцу ночью бутылку с водой плох. В ночное время, если ребенок голоден, его следует накормить, как обычно. За 2–3 месяца ребенок настроит себя на принятие больших количеств пищи, и интервалы между кормлениями увеличатся. К 3 или 4 месяцам ребенок будет хотеть есть, например, между 10 и 11 вечера и, скажем, между 5 и 6 следующего утра, но, конечно, никакого жесткого правила здесь нет.

Одна фундаментальная истина должна быть написана на стене каждой детской: нельзя допускать, чтобы ребенок кричал до изнеможения. Его потребности должны каждый раз удовлетворяться.

При кормлении по расписанию мать всегда находится как бы на несколько шагов впереди ребенка и, как опытный специалист, точно знает, что надо делать дальше. Однако такая мать и воспитает как бы механического, отлитого в жесткую форму ребенка. Такой ребенок, конечно, будет причинять взрослым минимум беспокойства — за счет своего уникального естественного развития. В условиях саморегуляции каждые новые день и минута жизни ребенка означают для матери новое открытие. Потому что мать всегда следует за ребенком и все время учится в процессе непосредственного наблюдения. Так, если ребенок кричит в течение получаса после того, как он хорошо поел, молодой матери придется самой решить эту проблему вне зависимости от того, что по этому поводу говорят сторонники строгого расписания. Ему неудобно? Его мучают газы в животике? Он хочет еще еды? Он просто привлекает внимание, потому что чувствует себя одиноким? Матери следует откликаться на его нужды, естественно руководствуясь своей любовью к ребенку, а не какими-то бездушными правилами из книжки.

Любой ребенок, если ему предоставить такую возможность, создаст свое собственное расписание. Это означает, что ребенок обладает способностью к саморегуляции в отношении не только молочного кормления, но, позднее, и твердой пищи.

Сосание пальца в позднем детстве, которое часто продолжается и в подростковом возрасте, наиболее очевидный результат кормления по расписанию. В сосании сливаются два компонента: желание пищи и чувственное удовольствие от сосания. Когда приходит естественное время кормления и оно начинается, происходит взрыв орального наслаждения, которое удовлетворяется раньше, чем голод. Если ребенок должен плакать и ждать, потому что часы говорят, что ему еще не положено быть голодным, блокируются оба компонента.

Я однажды видел в родильном отделении мать, которая, действуя по инструкции врача, отнимала ребенка от груди, потому что часы говорили ей, что минуты, отведенные на кормление, истекли. Мне сложно представить себе более эффективный способ создать трудного ребенка.

Почти невозможно поверить, что невежественные доктора и родители смеют покушаться на естественные импульсы и поведение ребенка, разрушая удовольствие и непосредственность своими абсурдными идеями руководства и формирования. Именно такие люди порождают всеобщее нездоровье человечества, психическое и телесное. Позднее школа и церковь продолжают процесс дисциплинирующего воспитания, направленного против удовольствия и свободы.

Одна мать писала мне о своем маленьком мальчике, который рос в условиях саморегуляции. Когда ребенок начал есть твердую пищу, она, в частности, предлагала ему на выбор несколько блюд. Необходимый объем пищи он тоже определял сам. Если мальчик отказывался от определенного вида овощей, ему предлагали либо другие овощи, либо десерт. Очень часто бывало, что он съедал те овощи, от которых поначалу отказался, после десерта. Иногда он вообще отказывался есть — надежный знак того, что он не был голоден. В таких случаях в следующий раз он ел особенно хорошо.

Слишком часто матери полагают, что они лучше знают нужды ребенка, чем он сам. Это, однако, вовсе не так. В отношении питания это очень легко проверить. Мать может выставить на стол мороженое, сладости, пшеничный хлеб, помидоры, салат и другую еду, а потом предложить ребенку полную свободу выбора. Нормальный ребенок, если ему не препятствовать, составит себе вполне сбалансированную диету примерно за неделю. Насколько я знаю, этот факт был также подтвержден в контролируемых экспериментах, проведенных в США.

У нас в Саммерхилле даже самым маленьким детям всегда предоставлена полная свобода выбора блюд из дневного меню. Обед неизменно включает выбор из трех основных блюд. Один из результатов этого состоит в том, что в Саммерхилле выбрасывается гораздо меньше еды, чем в большинстве школ. Однако наш мотив заключается вовсе не в этом, мы стремимся спасти ребенка, а не продукты.

Когда дети питаются нормально, сбалансированно, сладости, которые они покупают на свои карманные деньги, не причиняют им никакого вреда. Дети любят сладости, потому что их тела требуют сахара, и они, конечно, должны его получать.

Принуждать ребенка есть бекон и яйца, когда он ненавидит

бекон и яйца, — абсурдно и жестоко. Зое всегда позволялось выбрать то, что ей по вкусу. Когда она простужалась, она ела только фрукты и пила фруктовые соки без каких-либо внушений с нашей стороны. Я никогда прежде не видел ребенка, который бы так мало интересовался едой, как Зоя. Коробка шоколада по многу дней стояла нетронутой у нее на столе, а самое изысканное блюдо за ланчем или ужином могло оставить ее равнодушной. Если она садилась завтракать, а другой ребенок снаружи звал ее выйти поиграть, она оставляла еду и больше к ней не возвращалась. Но поскольку ее отличало прекрасное физическое состояние, нам не о чем было беспокоиться.

Естественно, большинство родителей составляют меню семьи в соответствии со своими предпочтениями и идеями в отношении диеты. Если родители — вегетарианцы, они будут кормить ребенка вегетарианской едой. Я часто замечаю, однако, что дети из вегетарианских семей поглощают порции мясных блюд с волчьим аппетитом.

Как обыкновенный человек, не изощренный в диетологии, я полагаю, что не имеет никакого значения, ест ребенок мясо или нет. Если диета сбалансирована, его здоровье, вероятно, будет хорошим. Я никогда не слышал в Саммерхилле о поносах и очень редко о запорах. У нас всегда много сырых овощей, но иногда новые дети отказываются их есть. Обычно с течением времени дети привыкают к ним и даже начинают их любить. Во всяком случае в Саммерхилле дети довольно мало внимания обращают на еду, как оно и должно быть.

Поскольку в детстве еда доставляет такое большое удовольствие, жизненно важно не нагружать процесс ее поглощения правилами поведения за столом. Грустная истина состоит в том, что в Саммерхилле самые скверные манеры имеют те дети, которых в этом отношении воспитывали особенно строго. Чем более требовательна и непреклонна семья, тем хуже у ребенка застольные (да и все остальные) манеры, как только ему предоставляется свобода быть самим собой. И тогда ничего не остается делать, кроме как позволить ребенку изжить подавленные тенденции, пока он не разовьет свои собственные естественные манеры поведения — позднее, в подростковом возрасте.

Питание — самая важная вещь в жизни ребенка, гораздо более важная, чем секс. Желудок эгоистичен и эгоцентричен. Детству свойствен эгоизм. Десятилетний мальчик гораздо более жаден в отношении своей тарелки с бараниной, чем вождь первобытного племени к своим женщинам. Когда ребенку предоставлена свобода изжить свой эгоизм, как это сделано в

Саммерхилле, этот эгоизм постепенно превращается в альтруизм, в естественную заботу о других.

Здоровье и сон

Уже более 40 лет у нас в Саммерхилле дети болеют очень редко. Я думаю, причина в том, что мы всегда на стороне жизненного процесса — вообще поощряем плоть. Мы считаем, что счастье важнее диеты. Посетители Саммерхилла неизменно отмечают, что наши дети хорошо выглядят. Я думаю, что счастье делает наших девочек хорошенькими и мальчиков привлекательными.

Питание сырыми овощами может сыграть важную роль при болезни почек, но все овощи мира не помогут излечить душевную болезнь, если она вызвана подавлением. Человек, питающийся вполне сбалансированно, может тем не менее задергать своих детей морализированием, а вот человек, который не является невротиком, не принесет вреда собственным отпрыскам. Мой опыт привел меня к выводу, что задерганные дети гораздо менее здоровы физически, чем свободные.

Я как-то заметил, что многие из наших мальчиков вырастают в Саммерхилле до шести футов, даже в тех случаях, когда их родители — сравнительно небольшого роста. Может быть, в этом ничего и нет, но вполне вероятно, что свобода расти в счастье означает и свободу расти в дюймах. И уж конечно, мне пришлось видеть, как мальчики начинают быстро расти после того, как снят запрет на мастурбацию.

Теперь к вопросу о сне. Не знаю, много ли правды в утверждениях докторов, что ребенку абсолютно необходимо столько-то и столько-то часов сна. С малышами — да. Дайте семилетнему ребенку просидеть до поздней ночи, и его здоровье пострадает, потому что у него часто нет возможности подольше поспать утром. Некоторые дети протестуют, когда их отправляют спать, — они боятся что-то пропустить.

В свободной школе отбой — последний ужас, и не столько с младшими, сколько со старшими. Молодые любят сидеть за полночь, и я им сочувствую, потому что сам ненавижу рано ложиться спать.

Для большинства взрослых эту проблему решает работа: если тебе надо быть на работе к 8 утра, то ты отказываешься от желания бодрствовать за полночь.

Любой недостаток сна может быть компенсирован иными факторами, такими, как счастье и хорошее питание. Ученики Самммерхилла компенсируют свой недосып по утрам в воскресенья, готовые, если случится, даже пропустить ланч.

Что касается связи физического труда и здоровья, то большая

часть работы, которую я делаю, имеет двойственный мотив: я копаю огород под картошку, понимая, что мог бы с большей выгодой потратить это время, если бы писал статьи для газет, а за вскапывание огорода платил рабочему. Однако я копаю сам, потому что хочу сохранить здоровье, мотив для меня более важный, чем доход от публикаций. Один мой друг, который торгует машинами, не раз говорил, что только круглый дурак будет копать руками в век машин, а я ему на это отвечаю, что моторы разрушают здоровье нации, потому что в наши дни уже никто не ходит ногами и не копает руками. И он, и я уже достаточно стары, чтобы учитывать проблему сохранения здоровья.

Ребенок, однако, абсолютно не осознает проблемы здоровья. Ни один мальчик не станет копать, чтобы сохранить стройность. В любой работе у него есть только один мотив — интерес в данный момент. Здоровьем, которым мы наслаждаемся в Саммерхилле, мы обязаны свободе, хорошей пище и свежему воздуху — именно в такой последовательности.

Аккуратность и одежда

Что касается личной чистоплотности, то девочки в целом аккуратнее мальчиков. Мальчики и девочки в Саммерхилле начинают заботиться о своей внешности лет с 15. В то же время девочки нисколько не аккуратнее мальчиков в отношении порядка в комнате — я имею в виду девочек лет до 14. Они одевают кукол, делают театральные костюмы и оставляют пол в комнате покрытым мусором. Но это творческий мусор.

У нас в Саммерхилле редко случается, чтобы девочка не умывалась. Однажды была у нас одна такая — из семьи, где бабушка была помешана на чистоте и, по-видимому, умывала Милдред по десять раз в день. Домоправительница ее группы пришла ко мне однажды и сказала:

Милдред не умывается уже неделю, она не хочет принимать ванну и уже начинает пахнуть. Что мне делать?

Пришли ее ко мне, — сказал я.

Милдред скоро пришла. Ее руки и лицо были очень грязными.

Послушай, — сказал я строго, — так не пойдет.

Но я не хочу умываться, — запротестовала она.

Заткнись, — сказал я, — кто здесь говорит об умывании? Посмотри в зеркало.

Она посмотрела.

Ну, и как тебе твое лицо?

Не такое уж чистое, правда? — спросила она с усмешкой.

Оно слишком чистое, — сказал я. — Я не потерплю в этой школе девочек с такими чистыми лицами. А теперь убирайся.

Она отправилась прямо к ящику с углем и натерла им лицо до черноты. Потом вернулась ко мне с торжествующим видом.

Так годится? — спросила она.

Я исследовал ее лицо с должной тщательностью.

Нет, — сказал я. — Вот на этой щеке еще осталось белое пятно.

В тот же вечер Милдред приняла ванну. Понятия не имею почему.

Вспоминается один семнадцатилетний подросток, который пришел к

нам из частной школы. Через неделю после приезда он познакомился со станционными грузчиками угля и начал помогать им с погрузкой. Когда он приходил в столовую, лицо и руки у него были черными, но никто никогда не сказал ни слова по этому поводу. Никого это не волновало.

Ему потребовалось несколько недель, чтобы изжить школьные и домашние представления о чистоплотности. Когда парень расстался с погрузкой угля, он снова стал чистоплотным и телом, и одеждой, но иначе: чистоплотность перестала быть для него чем-то навязанным извне; он изжил свой комплекс грязи.

Когда Вилли делает пирожки из глины, мать тревожится, как бы соседи не сказали, что ее сын — грязнуля. В таких случаях социальные требования — что подумает общество — должны уступать дорогу индивидуальным требованиям — радости игры и созидания.

Слишком часто родители придают аккуратности чересчур большое значение. Это одна из семи смертных добродетелей. Человек, который гордится своей чистоплотностью, — обычно парень второго сорта, который и в жизни ценит все второсортное. Самый аккуратный внешне

человек нередко имеет самые неаккуратные мысли. Я говорю это со всей беспристрастностью человека, чей письменный стол всегда выглядит, как гора мусора под надписью «Не сорить!» в общественном парке.

В моей собственной семье самая большая трудность в связи с саморегуляцией концентрировалась вокруг проблемы одевания. Зоя была бы счастлива бегать голышом весь день напролет, если бы ей позволили. Родители другого саморегулирующегося ребенка рассказывали мне, что, когда днем холодало, их двухлетняя дочь сама приходила в дом и просила теплую одежду. У нас было не так. Зоя дрожала от холода, пока не синели нос и щеки, но все равно сопротивлялась нашим усилиям надеть на нее хоть какую-нибудь одежду.

Мужественные родители сказали бы: «Ее собственный организм подаст ей необходимые сигналы. Дайте ей немного подрожать, и все будет в порядке». Но нам не хватало мужества, чтобы рискнуть пневмонией, поэтому мы все-таки заставляли ее надеть то, что считали необходимым.

Какую одежду следует носить маленьким детям, должны решать родители. Однако, когда дети становятся подростками, им нужно позволить самим выбирать себе одежду. Миллионы дочерей страдают от того, что их матери присваивают себе право выбирать для них одежду. Мальчиков, как правило, одевать легче. Существует хороший способ (если родители могут себе это позволить) — выдавать мальчику или девочке деньги на одежду. Если они захотят потратить деньги на кино или сладости, это уже их дело.

Но что совершенно не извинительно, так это одевать ребенка так, чтобы одежда отделяла его от друзей. Надевать на

подросшего мальчика шорты, когда все одноклассники носят длинные брюки, — жестоко. Дочери должны быть вольны делать со своими волосами, что им нравится: носить длинные, короткие или заплетенные в косу. Если они хотят пользоваться помадой — почему бы и нет? Лично я ненавижу вид этой гадости, но, если моя дочь считает иначе, я не должен пытаться разубеждать ее.

У маленьких детей нет врожденного интереса к одежде, но ребенок, чьи родители помешаны на ней, вскоре и сам приобретает этот комплекс. Он боится полезть на дерево, чтобы не зацепить брюки.

Нормальные дети разбрасывают одежду где попало. Сняв свитер, забывают, где его оставили. Когда я прогуливаюсь по территории школы воскресным вечером, я всегда могу набрать богатый ассортимент ботинок и кофт.

Дети, которые живут не в интернатах, вынуждены считаться с мнениями соседей. Вы только подумайте о тысячах детей, приносимых в жертву этой мерзости — воскресному костюму! Вы видите, как они торжественно вышагивают в своих тесных воротничках и белых платьях, боясь ударить по мячу или залезть на забор? К счастью, сейчас это идиотство умирает.

В Самммерхилле в жаркий день мальчики и учителя могут сесть за ланч без рубашек — никто не возражает. Саммерхилл отводит маловажным вещам соответствующее место, относясь к ним с полным безразличием.

Именно в вопросе об одежде родители часто проявляют свои комплексы относительно денег. Однажды у нас в Саммерхилле был очень скверный маленький воришка, вылеченный, наконец, по прошествии 4 лет тяжелого труда и бесконечного терпения его учителей. Мальчик уехал от нас, когда ему было 17. Его мать написала: «Билл приехал домой. У него не хватает двух пар носков. Проследите, пожалуйста, чтобы нам их вернули».

Время от времени родители проявляют ревность к домоправительнице, которая заботится об их детях в Саммерхилле. У меня бывали мамаши, которые, приехав, прямо отправлялись к шкафчикам своих детей и там хмурились и цокали языком, выражая тем самым свои подозрения, что домоправительница не слишком добросовестна. Подобные матери обычно вообще испытывают большое беспокойство по поводу своих детей, потому что тревога, касающаяся одежды, всегда означает беспокойство об учении и обо всем остальном.

Игрушки

Если бы я хоть что-нибудь смыслил в бизнесе, то открыл бы магазин игрушек. Каждая детская набита сломанными игрушками, на которые ребенок уже не обращает внимания. У любого ребенка из среднего класса чересчур много игрушек. Честное слово, большинство игрушек, чья стоимость превышает несколько пенсов, — пустая трата денег.

Однажды Зоя получила в подарок от одного из бывших учеников великолепную куклу, которая умела ходить и разговаривать. Это была, очевидно, дорогая игрушка. Примерно в это же время новая ученица подарила Зое маленького дешевого кролика. С большой дорогой куклой она поиграла с полчаса, а вот с дешевым крольчонком — несколько недель. Она даже каждый вечер брала его с собой в постель.

Из всех ее игрушек единственной, к которой Зоя сохранила привязанность, была Бетси-Ветси[44]. Бетси-Ветси — имя голыша, который мог пйсать. Я купил этого голыша, когда ей было полтора года. Устройство для писанья нисколько не интересовало Зою, возможно, потому, что это была пуританская фальшивка: дырочка для писанья располагалась на талии куклы. Только когда Зое исполнилось четыре с половиной года, она однажды утром объявила: «Мне надоела Бетси-Ветси, я хочу ее кому-нибудь отдать».

Несколько лет назад я попробовал опросить детей постарше. Мой вопрос звучал так: «Когда твои маленькие брат или сестра больше всего тебя раздражают?» Практически во всех случаях ответ был один и тот же: «Когда он (она) ломает мои игрушки».

Никогда не следует показывать ребенку, как действует игрушка. На самом деле ребенку вообще никогда не следует ни в чем помогать, если только он уж совсем не в состоянии решить проблему сам.

Саморегулирующиеся дети, похоже, рады развлекать себя сами, подолгу занимаясь своими игрушками и играми. Они не крушат их, подобно детям, которых усиленно формируют.

Нет никаких причин, почему ребенку в частном доме или в доме с достаточно хорошей звукоизоляцией не позволялось бы играть с кухонной утварью, которая в данный момент не используется, например с металлическими крышками от кастрюль или деревянными ложками в качестве барабанных палочек. Дети обычно предпочитают эти вещи обыкновенным, продаваемым в магазине игрушкам. И правда, любая ординарная игрушка вполне годится на роль снотворного, вгоняющего

ребенка в тяжелый сон.

Родители имеют тенденцию покупать лишние игрушки. Ребенок жадно тянет ручонки к какой-нибудь ерундовине — трактору или кивающему головой жирафу, — и родители тут же покупают это. В результате большинство детских полны игрушек, к которым дети никогда не проявляют настоящего интереса.

Что касается игрушек, стимулирующих творческую деятельность, то на рынке их очень мало. Есть много наборов конструкторов, металлических и деревянных, но это не совсем то же, что творческие игрушки. С момента создания конструкторов и головоломок их решение не может считаться вполне оригинальным. Я признаю, что сам не смог изобрести ни одной творческой игрушки, и в этой части мне нечего предложить, но я уверен: мир игрушек еще ждет своего волшебника, который сумеет ближе подойти к сердцу ребенка, чем нынешние изготовители игрушек.

Шум

Дети по природе шумны, и родители должны принять этот факт и научиться с ним жить. Чтобы ребенок вырос здоровым, ему должно быть позволено играть в шумные игры столько, сколько требуется.

Я живу с детским шумом уже 40 лет. Как правило, я не осознаю, что слышу шум. Аналогией может служить жизнь на фабрике, где обрабатывают металл, человек привыкает к постоянному стуку молотков. А те, кто живет на шумных улицах, постепенно перестают слышать шум транспорта. Разница состоит в том, что шум молотков или транспорта более или менее монотонен, в то время как детский шум чрезвычайно разнообразен и пронзителен. Шум, конечно, может действовать человеку на нервы. Я должен признать, что, когда несколько лет назад я переехал из основного здания в коттедж, удалившись от шума 50 детей, самое большое удовольствие мне доставляла вечерняя тишина.

Столовая в Саммерхилле — шумное место. Дети, как и звери, шумят во время еды. Мы приглашаем с собой обедать только тех посетителей, которые не имеют комплекса по поводу шума. Моя жена и я обедаем отдельно, но зато мы проводим около 2 часов в день, подавая детский обед, и нуждаемся в отдыхе от шума. Учителя не особенно любят слишком большой шум, но подростки, похоже, ничуть не возражают против шума младших. И когда кто-нибудь из старших ставит вопрос о шуме малышей в столовой, младшие совершенно справедливо протестуют, утверждая, что старшие шумят ничуть не меньше.

Запреты, касающиеся шума, никогда не создают у ребенка такого сильного подавления, как запреты относительно интереса к функциям тела, ведь шум никогда не называют грязным. Тон, которым папа кричит: «Немедленно прекрати этот грохот!», — открытое прочувствованное выражение нетерпения. А вот тон мамы, когда она говорит: «Фу, грязь!», — тон шокированного высоконравственного человека.

В Саммерхилле некоторые дети играют целыми днями, особенно в солнечную погоду. Их игры обычно шумны. В большинстве школ шум, как и игра, находится под запретом. Один из наших бывших учеников, поступивший в шотландский университет, сказал: «Студенты так ужасно шумят на занятиях, что это становится довольно утомительным. Мы в Саммерхилле пережили эту стадию, когда нам было 10».

Я вспоминаю эпизод в прекрасном романе «Дом с зелеными

ставнями»[45], в котором студенты Эдинбургского университета ногами выстукивали «Тело Джона Брауна», устраивая обструкцию слабому преподавателю. Шум и игра всегда идут рука об руку, но хорошо, когда это происходит в возрасте от 7 до 14 лет.

Манеры

Иметь хорошие манеры — значит думать о других, вернее, чувствовать, что рядом с тобой живут другие люди. Человек должен чувствовать обстановку, уметь поставить себя на место другого. Умение себя вести не позволяет задеть кого-нибудь. Уметь себя вести значит иметь естественный хороший вкус. Этому нельзя научить, такое поведение принадлежит бессознательному.

Этикету, напротив, можно научить, потому что он принадлежит сознанию. Этикет — видимость манер. Этикет не мешает человеку разговаривать во время концерта, этикет допускает сплетни и скандалы. Этикет требует переодеться к обеду, встать, когда дама подходит к нашему столу, сказать «извините», вставая из-за стола. Все это — сознательное, внешнее, бессмысленное поведение.

Плохие манеры всегда вырастают из неупорядоченной психики. Склонность к клевете, скандалам, сплетням и действиям исподтишка — это все субъективные нарушения, в них проявляется ненависть человека к себе. Они показывают, что сплетник несчастлив. Если бы мы могли забрать детей в мир, где они были бы счастливы, мы автоматически освободили их от всякого желания ненавидеть. Иначе говоря, у этих детей были бы хорошие манеры в самом глубоком смысле этого слова, т. е. они всегда с этого момента проявляли бы любовь и доброту.

Если дети едят горох с ножа, то совсем не обязательно они станут разговаривать во время исполнения бетховенской симфонии. Если они проходят мимо миссис Браун, не срывая с головы шапок, из этого вовсе не следует, что повсюду начнут болтать о миссис Браун, что она пьет бренди в одиночку.

Однажды во время моей лекции встал пожилой человек и пожаловался на манеры нынешних детей.

Вот, например, в прошлую субботу, — сказал он запальчиво, — я гулял в парке. Мимо проходили двое маленьких детей, и один из них поприветствовал меня: «Здравствуйте, дядя!»

Я спросил его:

Что плохого в «Здравствуйте, дядя!»? Вам бы больше понравилось, если бы он сказал: «Здравствуйте, сэр!»? Все дело в том, что вы обиделись. Ваше достоинство было задето. Вы хотите от детей раболепства, а не хороших манер.

Подобное справедливо для многих взрослых. И это — чистое чванство. Это такое обращение с детьми, как будто они вассалы при феодализме. Это эгоизм, тот его род, который гораздо менее

оправдан, чем эгоизм детей. Дети должны быть эгоистичны, а взрослым следовало бы направить свой эгоизм на вещи, а не на людей.

Я вижу, как дети корректируют друг друга. Один из моих учеников ел ужасно шумно, пока другие не приструнили его. В то же время, когда один из мальчишек попробовал есть фарш с ножа, другие сочли, что это неплохая идея. Они спрашивали друг у друга: «А почему, собственно, нельзя есть с ножа?» Ответ «Можно порезать рот» был отметен на том основании, что большинство ножей чересчур тупы.

Дети могут совершенно свободно ставить под сомнение правила этикета, потому что есть или не есть горох с ножа — личное дело каждого. Но у них не должно быть свободы ставить под сомнения правила поведения по отношению к другим. Если дети входят в нашу гостиную в грязных ботинках, мы на них кричим, потому что гостиная принадлежит взрослым и взрослые имеют право устанавливать, кто и в чем будет туда входить.

Когда один из мальчиков надерзил нашему мяснику, я сказал ученикам на общем собрании школы, что мясник мне пожаловался, но полагаю, что было бы лучше, если бы он просто отодрал мальчишку за уши. Тому, что люди обычно называют манерами, учить не стоит. Они в лучшем случае пережитки традиции. Снимать шляпу в присутствии дам — обычай бессмысленный. Будучи мальчиком, я снимал шляпу перед женой священника, но не делал этого перед матерью и сестрами. Думаю, я смутно понимал, что в их присутствии мне не надо притворяться. Тем не менее обычаи вроде снимания шляпы по крайней мере безвредны. Позднее мальчик примиряется с ними. В 10 лет, однако, все, что хоть как-то связано с притворством, следует держать подальше от него.

Никогда не следует учить манерам. Если семилетний мальчик хочет есть руками, он должен иметь право так поступать. Никогда не следует просить ребенка вести себя так, чтобы его поведение одобрила тет Мэри. Пожертвуйте лучше отношениями с любыми соседями в мире, чем задерживать на всю жизнь развитие ребенка, заставляя его вести себя неискренне. Манеры приходят сами собой. У бывших саммерхиллцев превосходные манеры, даже если некоторые из них, когда им было по 12 лет, вылизывали свои тарелки. Ребенка никогда не следует заставлять говорить «спасибо» и даже побуждать его к этому.

Большинство людей — родителей и посетителей — поразились бы, увидев, насколько поверхностны хорошие, сформированные по принятым образцам манеры у обычных мальчиков и девочек, которые приезжают в Саммерхилл. Дети

приходят к нам с прекрасными на вид манерами, но вскоре полностью их отбрасывают, потому что понимают: их неискренность в Саммерхилле неуместна. Постепенное освобождение от неискренности в тоне, в манерах и в поведении является нормой. Ученикам закрытых частных школ обычно требуется самое большое время, чтобы избавиться от неискренности и слащавости. Свободные дети никогда не бывают дерзкими.

Для меня требование уважения к школьному учителю — искусственность и неправда, заставляющие человека быть неискренним. Когда один человек действительно уважает другого человека, он делает это неосознанно. Мои ученики могут называть меня глупым ослом, когда бы им этого ни захотелось; они уважают меня, отвечая тем самым на мое уважение к их юным жизням, а не потому, что я директор школы и стою на пьедестале как величественный оловянный истукан. Мои ученики и я испытываем взаимное уважение друг к другу, потому что принимаем друг друга.

Однажды одна мамаша спросила меня: «Но если я отправлю сюда моего сына, не будет ли он вести себя как дикарь, когда приедет домой на каникулы?» Я ответил: «Будет, если вы уже сделали его дикарем».

Действительно, когда уже испорченного ребенка переводят в Саммерхилл, он по крайней мере в течение первого года, приезжая домой, ведет себя как дикарь. Если прежде его учили хорошим манерам, он будет всякий раз регрессировать к варварству, это доказывает лишь, что искусственно насаждаемые манеры не способны сколько-нибудь глубоко проникнуть в ребенка.

Искусственные манеры, этот поверхностный слой лицемерного внешнего лоска, отбрасываются в условиях свободы в первую очередь. Новые дети обычно демонстрируют прекрасные манеры, т. е. ведут себя неискренне. В Саммерхилле со временем они приобретают хорошие манеры, т. е. настоящее умение себя вести, потому что мы не требуем от них вовсе никаких манер, даже непременных «спасибо» и «пожалуйста». И тем не менее наши гости снова и снова говорят: «Как восхитительны их манеры!»

Питер пробыл с нами с 8 до 19 лет. Окончив школу, он отправился в Южную Африку. Хозяйка дома, где он жил, написала: «Здесь все очарованы его прекрасными манерами». Я же совершенно не представлял себе, были ли у него вообще какие-нибудь манеры, когда он жил с нами в Саммерхилле.

Саммерхилл — бесклассовое общество. Богатство и

положение отцов не имеют значения. Значима личность человека. Самым важным становится его социальная установка, т. е. способность быть хорошим членом сообщества. Наши хорошие манеры вырастают из нашего самоуправления, потому что каждый из нас постоянно вынужден учитывать точку зрения другого. Немыслимо, чтобы кто-нибудь из детей Саммерхилла насмехался над заикой или глумился над хромым. А мальчики из приготовительной школы порой делают и то и другое. Мальчики, говорящие «пожалуйста», «спасибо» и «простите, сэр», на самом деле довольно часто совершенно равнодушны к окружающим.

Манеры — вопрос искренности. Когда Джек, покинув Саммерхилл, пошел работать на фабрику, он обнаружил, что человек, выдававший болты и гайки, всегда был в отвратительном настроении. Джек поразмыслил об этом и пришел к выводу, что проблема состояла вот в чем: рабочие подходили к Биллу и кричали: «Эй, Билл, кинь-ка мне несколько полудюймовых гаек». Билл носил пиджак и воротничок, и Джек заключил, что он, вероятно, чувствует себя выше простых рабочих в спецовках, а его плохое настроение вызвано тем, что он не получает того уважения, которого, по его мнению, заслуживает. Поэтому, когда Джеку были нужны болты и гайки, он шел к Биллу и говорил: «Простите, мистер Браун, мне нужны гайки и болты».

Джек рассказывал: «Это не было с моей стороны подхалимством, я просто использовал психологию. Мне было жалко человека».

«И каков результат?» — спросил я. «О, — сказал Джек, — я — единственный парень на фабрике, с кем он любезен».

Я считаю это превосходным примером манер, которые дает мальчикам жизнь в сообществе, привычка думать о других и сочувствовать им.

Я никогда не замечаю плохих манер у малышей, несомненно, потому, что не ищу их. Хотя мне не доводилось видеть ребенка, который попытался бы проскочить между двумя разговаривающими друг с другом посетителями. Дети никогда не стучат в дверь моей гостиной, но, если у меня посетители, они просто тихонько уходят, зачастую говоря при этом «извините».

Хороший комплимент их манерам недавно сделал один торговец. Он мне сказал: «Последние три года я приезжаю сюда на машине, и ни разу ни один ребенок не поцарапал крыло и не попытался влезть в машину. И это в школе, где, как считают, дети целыми днями бьют окна».

Я уже упоминал о приветливости саммерхиллских детей к посетителям. Эту приветливость тоже можно отнести к хорошим манерам, потому что я никогда не слышал, чтобы посетитель,

даже заранее настроенный против нашей школы, жаловался на то, что ему чем-то досадил кто-нибудь из учеников, уже проведших в нашей школе хотя бы полгода.

На наших театральных представлениях аудитория всегда ведет себя прекрасно. Даже неудачное исполнение или слабая пьеса встречаются — естественно, возможно, чуть менее — громкими аплодисментами, обычно все уверены, что исполнитель или драматург сделали все, что могли, и их не следует осуждать или поправлять.

Для некоторых родителей вопрос манер ужасно важен. Десятилетний мальчик из хорошей семьи приехал в Саммерхилл. Он стучал в дверь гостиной, когда входил, и всегда закрывал за собой дверь, выходя. Я сказал: «Это продлится неделю» — и ошибся. Это продлилось два дня.

Разумеется, я кричу ребенку: «Закрой дверь!», но вовсе не потому, что пытаюсь учить его манерам, а просто я не хочу вставать и закрывать ее сам. Это взрослые считают, что хорошие манеры необходимы. Дети же, независимо от того, профессор их отец или грузчик, манерами не интересуются.

Развитие цивилизации состоит в избавлении мира от фальши и неискренности. Мы должны дать нашим детям возможность уйти хотя бы на шаг вперед от нашей насквозь фальшивой цивилизации. Избавляя детей от страхов и ненависти, мы прокладываем дорогу новой цивилизации хороших манер.

Деньги

Для большинства детей деньги являются символом любви: «Дядя Билл дает мне два с половиной шиллинга, а тетя Маргарет — пять; следовательно, тетушка любит меня больше, чем дядя Билл». Родители подсознательно чувствуют это и слишком часто портят ребенка, давая ему чересчур много денег. Нелюбимый ребенок нередко получает карманных денег больше, чем другие дети, как своего рода компенсацию.

Избежать признания роли денег в жизни невозможно, оно навязывается нам отовсюду. Наши места — либо в партере, либо на галерке, наши дети проводят лето, либо отдыхая в дорогих частных лагерях, либо болтаясь в городских парках. В огромном значении денег таится опасность для каждого из нас. Мать может воскликнуть полушутя: «Я бы не отдала никому своего ребенка за все золото мира!», а 5 минут спустя отшлепать этого ребенка за то, что он разбил чашку ценой в шиллинг. Именно материальная, денежная ценность лежит в основе насаждения дисциплины в семье. Не трогай это — оно стоило денег.

Дети порой имеют для нас меньшее значение, чем деньги, — но только дети, не взрослые. Моя мать обычно била нас, если мы разбивали тарелки, но когда такое случалось с отцом, то это был несчастный случай.

Именно в связи с деньгами родители нередко создают у детей массу страхов. Бессчетное число раз приходилось мне слышать, как плачущий ребенок в ужасе повторял: «Я уронил часы и разбил их, что скажет мама, я боюсь ей сказать».

Иногда приходится видеть противоположную картину. Мне доводилось быть свидетелем того, как мальчики или девочки умышленно ломали вещи, выражая таким образом свою ненависть к семье: «Я заставлю родителей, которые меня не любят, заплатить за это. Вот они рассвирепеют, когда Нилл пришлет им счет».

Одни саммерхиллские родители присылают своим детям слишком много денег, другие — очень мало. Это всегда было для меня проблемой, которую я не мог решить. По понедельникам в Саммерхилле ученикам раздают положенные им карманные деньги: каждый получает столько двухпенсовиков, сколько ему лет; но некоторым приходят еще дополнительные деньги по почте.

На общем собрании школы я не раз предлагал объединить все карманные деньги в общий фонд, говоря, что это несправедливо, когда один мальчик получает 30 шиллингов в неделю, а другой

— только 2,5. Несмотря на то что ученики с большими доходами всегда составляют ничтожное меньшинство, мои предложения при общем голосовании никогда не проходили. Дети, имеющие шиллинг в неделю, горячо возражали против любого предложения ограничить доход их более состоятельных соучеников.

Лучше давать ребенку слишком мало, чем слишком много. Родитель, который сует в карман одиннадцатилетнему мальчику пару фунтов, ведет себя немудро, если только этот дар не предназначен для специальной цели — вроде покупки фонаря для велосипеда. Излишние деньги разрушают ценности ребенка. Ребенок получает красивый дорогой велосипед или радиоприемник, о которых он не заботится, или дорогую, но совершенно не творческую игрушку.

Слишком большие деньги обедняют детскую фантазию. Дать ребенку игрушечную лодку ценой в пять фунтов значит ограбить его, лишить всех творческих радостей, связанных с изготовлением лодки из куска дерева. Маленькая девочка часто высоко ценит тряпичную куклу, которую она сделала сама, и презрительно относится к изящной, дорогой, хорошо одетой фабричной кукле, умеющей закрывать глаза или разговаривать.

Я заметил, что маленькие дети не ценят деньги. Наши пятилетние часто теряют, а иногда и выбрасывают свои двухпенсовики. Это показывает, что учить детей экономить — неправильно. Семейный банк сбережений требует от ребенка слишком много, он говорит ему: «Подумай о завтрашнем дне» — в то время, когда для него значение имеет только сегодняшний день. Лежащие на его счету 9 фунтов и 15 шиллингов ничего не значат для семилетнего ребенка, особенно если он подозревает, что родители в любой момент могут взять их и купить ему нечто такое, чего он вовсе не хочет.

Юмор

И в наших школах, и, уж конечно, в наших педагогических журналах слишком мало юмора. Я вполне отчетливо осознаю подводные камни юмора и то, что есть люди, которые прячутся за шутками от серьезных жизненных проблем, поскольку им легче посмеяться над чем-то, вместо того чтобы смело посмотреть этому в лицо. Дети не пользуются юмором для этой цели. Для них юмор и забава означают приветливость и товарищество. Понимая это, суровые учителя изгоняют юмор из своих классов.

Встает вопрос: может ли строгий учитель вообще иметь чувство юмора? Я сомневаюсь. Я знаю, что сам я в своей повседневной работе не могу обойтись без юмора. Я шучу целый день и с каждым ребенком, но все они знают, что, если понадобится, я могу быть крайне серьезным.

Будь вы родитель или учитель, чтобы успешно ладить с детьми, вы обязаны уметь понимать их мысли и чувства. И вы непременно должны иметь чувство юмора — детского юмора. Шутить с ребенком означает давать ему почувствовать, что вы его любите. Юмор, следовательно, никогда не может быть оскорбительным или затрагивающим личность.

Наблюдать, как развивается у ребенка чувство юмора, — восхитительно. Скорее это следует называть чувством веселого, потому что сначала у ребенка есть только ощущение веселья, юмор развивается позже. Дэвид Бартон практически родился в Саммерхилле.

Когда ему было 3 года, я говорил ему:

Я — посетитель и хочу найти Нилла. Где он?

Дэвид смотрел на меня презрительно:

Глупый осел, он — это ты.

Когда Дэвиду было 7 лет, я однажды остановил его в саду.

Скажи Дэвиду Бартону, что я хочу его видеть, — произнес я серьезно. — Я думаю, что он где-то возле дома.

Дэвид широко ухмыльнулся.

Ладно, — ответил он и пошел к коттеджу.

Через пару минут он вернулся.

Он сказал, что не придет, — передал он с озорной улыбкой.

А он сказал — почему?

Да, он сказал, что кормит своего тигра.

Дэвид дорос до таких шуток к 7 годам, но, когда я сказал девятилетнему Раймонду, что он оштрафован на половину своих карманных денег за кражу входной двери, мальчик заплакал, и я понял, что совершил большую ошибку. Впрочем, уже 2 года

спустя он видел мои шутки насквозь.

Трехлетняя Салли хихикает, когда я встречаю ее на дороге в город и спрашиваю, как пройти к Саммерхиллу, а семи- и восьмилетние девочки показывают мне неправильную дорогу.

Когда я вожу по школе посетителей, то обычно представляю детей из коттеджа как «хрюшек», и они, соответственно, хрюкают. Но однажды я был сильно смущен, когда вновь представил их как поросят, а восьмилетняя девочка надменно поинтересовалась: «Не слишком ли избита эта шутка?» Мне пришлось признать, что она права.

Чувство юмора у девочек развито не слабее, чем у мальчиков, но они, в отличие от последних, редко пользуются им для самозащиты. Некоторые мальчики защищаются таким способом очень успешно. Я наблюдал, как судили Дэвида за какой-то антиобщественный поступок. Давая свои показания шутливым тоном, он завоевал признание всей шайки и умудрился получить самое незначительное наказание. Девочка никогда так не поступит, она слишком готова оказаться неправой. Даже в самых просвещенных семьях девочки страдают от той неполноценности, которую наше общество навязывает всем женщинам.

Никогда не лезьте к ребенку с шутками в неподходящее время и не задевайте его достоинство. Если он чем-то опечален, к этому надо отнестись серьезно. Шутить с ребенком, у которого температура под 40, — ошибка. Но когда он выздоравливает, вы можете прикинуться доктором или даже владельцем похоронного бюро, и ребенок оценит шутку. Наверное, дети любят шутливое обращение с ними потому, что юмор включает в себя дружелюбие и смех. Даже старшие, изощряющиеся в остроумии, не пользуются шутками, которые ранят. Саммерхилл многими своими успехами обязан духу веселья.

Часть 3. СЕКС

Отношение людей к сексу

У меня еще не было ученика, который не принес бы в Саммерхилл болезненного отношения к сексуальности и телесным функциям. Дети современных родителей, которым говорили правду о том, откуда берутся дети, по большей части так же полуподпольно относятся к сексу, как и дети религиозных фанатиков. Найти новое отношение к вопросам пола — труднейшая задача родителя и учителя.

Мы настолько мало знаем о причинах сексуальных табу, что можем лишь догадываться об их происхождении. Меня сейчас не слишком интересует, почему, собственно, возник сексуальный запрет, однако то, что он действительно существует, — предмет серьезной заботы человека, которому доверено лечить невротических детей.

Мы, взрослые, были испорчены в младенчестве, и уже не можем стать свободными в вопросах пола. Осознанно мы принимаем свободу; даже становимся членами общества за сексуальное образование для детей, но боюсь, что подсознательно мы остаемся в большой степени такими, какими нас сформировали еще в младенчестве: людьми, ненавидящими секс и боящимися его.

Я вполне готов верить, что мое бессознательное отношение к сексу — это то кальвинистское отношение, которое сформировала во мне жизнь в первые годы в шотландской деревне. Для взрослых, вероятно, от этого нет спасения; но у детей есть все шансы спастись, если мы не будем навязывать им те ужасные представления о половых вопросах, с которыми выросли сами.

В самом раннем детстве ребенок узнает, что секс — это великий грех. Родители строжайшим образом наказывают всякое нарушение сексуальных запретов. Люди, которые бранят Фрейда за то, что он «во всем видит секс», — именно они рассказывают сексуальные анекдоты, слушают их и смеются над ними. Всякий, кто побывал в армии, знает, что ее язык — сексуальный язык. Чуть ли не все любят читать скабрезные отчеты о разводах или преступлениях на сексуальной почве в воскресных газетах, и большинство мужчин с удовольствием пересказывают своим женам истории, услышанные в мужских клубах.

Так что увлечение сексуальными анекдотами вырастает из нашего собственного нездорового образования в вопросах пола. Нездоровый сексуальный интерес обязан своим происхождением подавлению.

Анекдот, как говорил Фрейд, выпускает кошку из мешка.

Осуждение взрослыми сексуального интереса в ребенке лицемерно и притворно. Это осуждение — проекция, перебрасывание своей вины на других. Родители строго наказывают за сексуальные проступки, потому что сами насущно, если не сказать — нездорово, заинтересованы в таких проступках.

Почему умерщвление плоти так популярно? Религиозные люди верят, что плоть тянет человека вниз. Тело называют сосудом греха: оно склоняет человека к пороку. Именно ненависть к телу делает в школе вопрос о деторождении предметом шушуканья по укромным углам, а в приличной беседе заставляет избегать открытого обсуждения обыденных событий повседневной жизни.

Фрейд видел в сексе величайшую силу, направляющую человеческое поведение. Любой честный наблюдатель вынужден с ним согласиться. И все же нравственное воспитание придает вопросам пола чересчур большое значение. Уже первый исходящий от матери запрет относительно прикосновения ребенка к своему половому органу делает секс самой притягательной и таинственной вещью в мире. Запретить что-то — значит сделать это прелестным и соблазнительным. Сексуальное табу — вот корень зла в подавлении детей. Я не свожу слово «секс» только к генитальному сексу. Возможно, даже грудной ребенок чувствует себя несчастным, если его мать неприязненно относится к своему телу или пресекает удовольствия младенца от его тела.

Секс лежит в основе всех негативных отношений в жизни. Дети, не имеющие чувства вины в отношении секса, никогда не обращаются ни к религии, ни к какой-либо мистике. И хотя секс и считается великим грехом, дети, свободные от сексуального страха или стыда, не нуждаются в Боге, которого можно было бы просить о прощении или милости, потому что они не чувствуют себя виноватыми.

Когда мне было 6 лет, мы с сестрой обнаружили друг у друга гениталии и, естественно, играли друг с другом. Застигнутые матерью, мы были жестоко выпороты. Меня к тому же на долгие часы заперли в темной комнате, а потом заставили встать на колени и просить прощения у Бога.

На преодоление последствий этого детского потрясения у меня ушли десятилетия. И я даже сейчас порой сомневаюсь, что мне действительно вполне удалось преодолеть их.

Сколько из сегодняшних взрослых имели похожий опыт? У скольких из нынешних детей вся их естественная любовь к жизни превращается в ненависть и агрессию вследствие такого обращения? Им говорят, что прикосновение к гениталиям скверно

или греховно, а естественные отправления тела отвратительны.

У каждого ребенка, страдающего от подавления в вопросах пола, живот — как доска. Понаблюдайте за дыханием подавляемого ребенка, а потом взгляните на прелестную грацию, с которой дышит котенок. Ни у какого животного нет скованного живота. Ни одно из них не имеет чувства вины в отношении секса или дефекации.

В своей известной работе «Анализ характера» Вильгельм Райх показал, что воспитатель-моралист мешает не только интеллектуальному развитию ребенка, но и физическому. Такое воспитание закрепощает осанку и создает напряжение в области таза. Я согласен с Райхом. Много лет наблюдая самых разных детей в Саммерхилле, я заметил, что, когда страх не сковывает мускулатуру, дети замечательно грациозны в беге, прыжках и играх.

Так что же мы можем сделать, чтобы предотвратить подавление детей в вопросах пола? Ну, прежде всего, ребенку с самого начала должна быть предоставлена полная свобода прикасаться к любой и всякой части своего тела.

Одному моему другу, психологу, пришлось сказать своему четырехлетнему сыну: «Боб, ты не должен играть со своей пипиской на виду у посторонних людей, потому что они думают, что это плохо. Ты можешь делать это только дома или на участке».

Обсуждая этот случай, мы пришли к выводу, что ребенка невозможно полностью оградить от всех жизнеотрицающих ненавистников секса. Единственное утешение состоит в том, что, когда родители искренне верят в жизнь, ребенок воспримет в целом такое родительское отношение и скорее всего отвергнет ханжескую стыдливость. Но все равно, уже одного того, что пятилетнему ребенку не позволяют купаться в море без плавок, достаточно, чтобы сформировать у него определенную — и хорошо, если незначительную — подозрительность к сексу.

Сегодня многие родители уже не налагают запрета на мастурбацию. Они считают ее естественной и знают, что запрещать ее опасно. Отлично. Просто прекрасно. Но некоторые из этих просвещенных родителей останавливаются перед следующим шагом. Они не возражают, если их маленькие сыновья играют в сексуальную игру со своими сверстниками, но их охватывает тревога, если в сексуальную игру играют маленькие мальчик и девочка.

Если бы моя добрая и добра желавшая мать проигнорировала нашу с сестрой, которая была на год младше меня, сексуальную

игру, у нас были бы неплохие шансы вырасти людьми, более или менее здоровыми в отношении секса.

Не знаю, сколько случаев импотенции и фригидности у взрослых началось с первого вмешательства в гетеросексуальные отношения раннего детства. И интересно, в какой мере гомосексуальность восходит к терпимости в отношении гомосексуальной игры и запрету на гетеросексуальную игру.

Гетеросексуальная игра в детстве, я полагаю, — столбовая дорога к здоровой, уравновешенной взрослой сексуальной жизни. Дети, не испытавшие напыщенных нравоучений в отношении секса, достигают здорового отрочества, а не отрочества беспорядочных связей.

Я не знаю ни одного аргумента против любовной жизни юных, который выдерживал бы критику. Практически всякий такой аргумент основан на подавленной эмоции или на ненависти к жизни — я имею в виду религиозные, морализаторские, традиционалистские и рационалистические аргументы. Ни один из них не отвечает на вопрос, зачем природа дала человеку такой сильный сексуальный инстинкт, если молодым запрещается пользоваться им до тех пор, пока это не санкционируют старейшины общества. Старейшинам — во всяком случае некоторым из них — принадлежат акции компаний, которые ставят фильмы, полные сексуального призыва. Или компаний, которые продают всякого рода косметические средства, делающие девочек более привлекательными для мальчиков. Или компаний, которые издают журналы, приманивающие читателей садистскими рисунками и историями.

Я знаю, что сегодня не может быть и речи о нормальной сексуальной жизни подростков, но я уверен, что это правильный путь к завтрашнему здоровью. Я могу это написать, но, если бы у себя в Саммерхилле я позволил моим ученикам-подросткам спать вместе, власти немедленно закрыли бы мою школу. Я думаю о далеком завтра, когда общество, наконец, поймет, как опасно подавление в сексуальных вопросах.

Я вовсе не ожидаю, что тогда в Саммерхилле вообще не будет детей-невротиков, потому что кто же может быть свободен от комплексов в современном обществе? Однако я надеюсь, что этот призыв к свободе от искусственных сексуальных табу все-таки позволит создать жизнелюбивый мир для будущих поколений.

Изобретение противозачаточных средств должно со временем привести к новой морали в сфере секса, если иметь в виду, что страх последствий едва ли не сильнее всего определяет сексуальное поведение. Чтобы быть свободной, любовь должна чувствовать себя безопасной. У молодых сегодня мало

возможностей для любви в прямом смысле слова. Родители не позволяют своим сыновьям или дочерям жить в грехе, как они это называют, так что юным любовникам приходится искать убежища в густом лесу, в парке или в машине. Таким образом, всё против наших молодых. Обстоятельства вынуждают их превращать то, что должно быть приятным и радостным, в нечто скверное и греховное, в грязь и хитрость, в стыдливые смешки.

Те же табу и страхи, которые формируют сексуальное поведение, создают и извращенцев, насилующих маленьких девочек в парках, и садистов, пытающих евреев и негров.

Сексуальные запреты ограничивают сексуальные помыслы собственной семьей. Запрет на мастурбацию побуждает ребенка заинтересоваться действиями родителей. Всякий раз, когда мать ударяет ребенка по ручкам за то, что он трогает свои гениталии, сексуальные побуждения бессознательно связываются с матерью, и тайное отношение к ней обретает формы желания и сопротивления, любви и ненависти. В несвободной семье процветает подавление. Оно помогает взрослым сохранять власть, но достигается это ценой множества разнообразных неврозов.

Если бы сексуальному интересу было позволено перешагнуть через ограду участка к мальчику или девочке из соседнего дома, власть семьи оказалась бы под угрозой; связь с отцом или матерью ослабла, и ребенок эмоционально оторвался бы от семьи. Возможно, мои слова прозвучат абсурдно, но связь ребенка с родителями — непременная опора авторитарного государства, так же как проституция необходима для того, чтобы сберечь нравственность примерных девочек из хороших семей. Отмените сексуальное подавление, и молодежь будет потеряна для власти.

Отцы и матери повторяют то, что делали их родители: они воспитывают почтительных и целомудренных детей, забывая ради собственного спокойствия все потаенные сексуальные игры и порнографические истории своего собственного детства и горький протест против родителей, который приходилось непрестанно подавлять с чувством вины. Отцы и матери не понимают, что создают у детей то же чувство вины, которое делало их самих многие годы назад несчастными.

Серьезные неврозы у человека берут начало с самого раннего генитального запрета: не прикасайся! Импотенция, фригидность, тревожность в дальнейшей жизни начинаются со связывания рук или их отодвигания, как правило сопровождаемых шлепком. Ребенок, которому не мешают касаться своих гениталий, имеет все шансы вырасти с естественным, счастливым отношением к сексу. Сексуальная игра среди маленьких детей — естественное здоровое действие, на которое не нужно смотреть косо. Напротив,

ее следует поощрять как прелюдию к здоровым отрочеству и взрослой жизни. Если родители не отдают себе отчета в том, что их дети все равно предаются сексуальной игре в укромных уголках, то они просто страусы, прячущие головы в песок. Такого рода подпольные, тайные игры создают чувство вины, которое сохраняется на всю последующую жизнь и, когда эти дети становятся родителями, обычно выдает себя неприятием сексуальной игры их детей. Вывести сексуальную игру из укромных уголков — вот то единственно здоровое, что следует сделать. В мире было бы бесконечно меньше преступлений на сексуальной почве, если бы сексуальная игра детей принималась как норма. Именно этого и не видят высоконравственные родители, они не могут или не смеют признать, что сексуальные преступления и аномалии всякого рода являются прямым результатом неприятия секса в раннем детстве.

Знаменитый антрополог Малиновский рассказывает, что у жителей островов Тробриан не существовало гомосексуализма до тех пор, пока шокированные миссионеры не разделили мальчиков и девочек по отдельным помещениям. У них не было ни насилия, ни сексуальных преступлений. Почему? Потому что маленьким детям было неведомо подавление секса.

Для родителей сегодня вопрос стоит так: хотим ли мы, чтобы наши дети были похожи на нас? Если да, то должно ли общество продолжать жить так, как оно живет сейчас — с насилием, с убийствами на сексуальной почве, несчастливыми браками и невротичными детьми? Если ответ на первый вопрос — «да», то и на второй следует ответить так же. И оба ответа — прелюдия к атомному уничтожению, поскольку они требуют продолжения ненависти, которая неизбежно будет выплескиваться в войнах.

Я спрашиваю высоконравственных родителей: так ли уж будет вас беспокоить сексуальная игра детей, когда начнут падать атомные бомбы? Будет ли для вас все так же важна девственность ваших дочерей, когда облака атомного взрыва сделают саму жизнь невозможной? Когда ваши сыновья окажутся призванными на военную службу ради Великой Смерти, неужели вы все еще будете лелеять свой маленький храмик веры в необходимость подавления всего, что есть хорошего в детстве? А бог, которому вы кощунственно молитесь, спасет ли он тогда ваши жизни и жизни ваших детей?

Некоторые могут ответить, что земная жизнь — это только начало и в ином мире не будет ни ненависти, ни войны, ни секса. В таком случае закройте эту книгу — у нас с вами нет ничего общего.

Для меня вечная жизнь — это мечта, вполне понятная,

впрочем, потому что человек потерпел неудачу практически во всем, кроме механических изобретений, но мечта не столь уж прекрасная. Я хочу увидеть рай на земле, а не в облаках. И очень трогательно, что большинство людей стремятся к тому же. Они хотят, но не имеют воли добиваться этого, воли, которая была изуродована первым же шлепком, первым сексуальным запретом.

У родителей нет никакой возможности отсидеться в сторонке. Они должны сделать выбор между виновато-тайным сексом и открытым, здоровым, счастливым. Если родители выбирают общепринятый стандарт морали, им не следует жаловаться на убожество сексуально извращенного общества, потому что оно есть продукт этой самой морали. Родители тогда не должны ненавидеть войну, потому что ненависть к себе, которую они взращивают у своих детей, будет выражаться в войне. Человечество больно, духовно больно из-за тревоги и вины, приобретенных в детстве. Это просто бич нашего общества.

Когда Зое было 6 лет, она пришла ко мне и сказала: «У Вилли самый большой петушок среди малышей, но миссис Х (посетительница) сказала, что говорить петушок — неприлично». Я, конечно, сразу уверил ее, что ничего неприличного здесь нет. А про себя я обругал эту женщину за невежество и узость взгляда на детей. Я еще могу сносить пропаганду в области политики или манер, но, когда кто-нибудь нападает на ребенка, заставляя его чувствовать себя виноватым по поводу секса, я решительно даю сдачи.

Все наше плотоядное отношение к сексу, наш хамский гогот в мю- зик-холлах, царапанье непристойностей на стенах туалетов и тому подобное вырастают из чувства вины, созданного подавлением мастурбации в младенчестве, и из загнанной в укромные уголки детской сексуальной игры. Тайная сексуальная игра есть в каждой семье. Именно из-за таинственности и связанной с ней вины возникает так много фиксаций на братьях и сестрах, фиксации растягиваются на всю жизнь и делают невозможными счастливые браки. Если бы сексуальная игра между пятилетними братом и сестрой принималась как нечто естественное, каждый из них со временем свободно перенес бы свой сексуальный интерес на объекты за пределами семьи.

Крайние формы ненависти к сексу обнаруживаются в садизме. Ни один человек с благополучной сексуальной жизнью не смог бы мучить животное, пытать человека или отстаивать существование тюрем. Ни одна сексуально удовлетворенная женщина никогда не осудила бы мать незаконнорожденного ребенка.

Конечно, я подставляюсь под обычное обвинение: у этого

человека только секс на уме. Секс — еще не всё в жизни, есть дружба, работа, радость и печаль. Почему все время только о сексе?

Отвечаю. Секс — источник величайшего удовольствия в жизни. Когда есть любовь, секс приносит наибольшее наслаждение, потому что он — высшая форма, в которой человек может отдавать и получать. И все же совершенно очевидно, что люди ненавидят секс, иначе ни одна мать не запрещала бы мастурбацию и ни один отец не запрещал бы сексуальные связи вне брака, иначе не было бы непристойных шуток в мюзик-холлах, не было бы такой потери общественного времени на просмотр любовных фильмов и чтение любовных романов. Люди просто занимались бы любовью.

Почти все наши фильмы связаны с любовью, и это доказывает, что секс — самый важный фактор в жизни человека. Интерес к подобным фильмам в основном невротический, это интерес людей, испытывающих в связи с сексом чувство вины и фрустрации. Не способные вследствие чувства сексуальной вины любить естественно, они толпой идут на фильмы, изображающие любовь романтической и даже красивой. Люди с подавленной сексуальной жизнью изживают свой интерес к сексу, перенося его на других. Ни одному мужчине, ни одной женщине с полноценной любовной жизнью не пришло бы в голову сидеть дважды в неделю в кинотеатре, глядя на дрянные картинки, являющиеся лишь имитацией реальной жизни.

Точно так же обстоят дела и с популярными романами. Речь в них обычно идет либо о сексе, либо о преступлении, а как правило, о сочетании того и другого. Очень популярный роман «Унесенные ветром» был здесь на первом месте не потому, что действие разворачивается на фоне трагедии гражданской войны и рабства, а из-за того, что в центре этой истории была скучная эгоцентричная девица и ее любовные похождения.

Журналы мод, косметика, полуголые шоу, утонченные изощренные ревю, сексуальные анекдоты — все это прямые свидетельства того, что секс — важнейшая вещь в жизни. И в то же время все эти книги, фильмы и голоногие шоу показывают только одобренные обществом внешние стороны секса.

Один только Лоуренс[46] показал всю неправду сексуальных фильмов, изобразив, как сексуально подавленный юноша, полный страха перед девушками своего круга, изливает все свои сексуальные чувства на голливудскую звезду, а потом отправляется домой мастурбировать. Лоуренс, конечно, не имел в виду, что мастурбировать нельзя, он продемонстрировал, что именно нездоровая сексуальная жизнь вынуждает прибегать к

мастурбации в сочетании с фантазиями о кинозвездах. Здоровый секс наверняка искал бы себе партнера поближе.

Подумайте об огромных прибылях, которые извлекают из подавленного секса люди, занятые в индустрии моды, торговцы помадой, церковь, театр и кинематограф, авторы бестселлеров и производители чулок.

Было бы глупо говорить, что сексуально свободное общество отменило бы красивую одежду, конечно нет. Всякая женщина хочет выглядеть как можно лучше перед мужчиной, которого она любит, любой мужчина желает выглядеть элегантным, отправляясь на свидание с девушкой, но исчез бы фетишизм, преувеличенная оценка видимости в связи с запретностью реальности. Сексуально подавленные мужчины перестали бы глазеть на женское белье в витринах магазинов. Ужасно жаль, что сексуальный интерес загнан в подполье. Величайшему наслаждению в мире люди предаются с чувством вины. Это подавление вторгается в каждый аспект человеческой жизни, делая ее узкой, несчастливой, полной ненависти.

Возненавидьте секс — и вы возненавидите жизнь. Возненавидьте секс — и вы не сможете любить своего ближнего. Если вы ненавидите секс, ваша сексуальная жизнь будет в лучшем случае неполной, в худшем вас ждут импотенция или фригидность. Именно поэтому рожавшие женщины так часто говорят, что секс — чересчур дорогое удовольствие. Если сексуальное желание не удовлетворяется, оно должно во что-то перелиться, потому что это слишком сильная потребность, чтобы ее можно было просто уничтожить. И обычно она превращается в тревогу и ненависть.

Мало кто из взрослых смотрит на половой акт как на отдачу, иначе доля людей, страдающих от импотенции и фригидности, не была бы, как утверждают некоторые специалисты, около 70 %. Для многих мужчин совокупление есть вежливое насилие; для многих женщин это утомительный обряд, который надо вытерпеть. Тысячи замужних женщин никогда в жизни не испытывали оргазма; и даже среди образованных мужчин есть такие, кто не знает, что женщина способна его испытывать. При подобном положении вещей потребность отдавать в сексуальных отношениях, естественно, становится крайне редкой, эти отношения обречены быть более или менее жестокими и непотребными. Извращенцы, которые требуют, чтобы их хлестали кнутами или, наоборот, позволили бить женщину веревками, — просто крайние случаи: эти люди благодаря неверному сексуальному воспитанию не способны предлагать любовь, кроме как в скрытой форме ненависти.

Каждый из старших учеников Саммерхилла знает из разговоров со мной и из моих книг, что я одобряю полноценную сексуальную жизнь для всех, кто этого хочет, вне зависимости от возраста. А на лекциях меня часто спрашивают, обеспечиваются ли воспитанники Саммерхилла противозачаточными средствами и если нет, то почему. Старый и досадный вопрос, задевающий глубокие эмоции в каждом из нас. То, что я этого не делаю, постоянно тревожит мою совесть, потому что компромиссы для меня трудны, они лишают меня покоя. В то же время предоставить противозачаточные средства детям — независимо от того, достигли они совершеннолетия или нет, — было бы прямой дорогой к закрытию моей школы. Человек не может пойти в своей практике дальше, чем разрешает закон.

Известный вопрос, задаваемый критиками детской свободы, таков: а почему бы тогда не позволить маленьким детям наблюдать сексуальные акты? Ответ, что это может причинить травму, жестокое нервное потрясение, неверен. У жителей островов Тробриан, по Малиновскому, дети видят не только сексуальные акты родителей, но рождение и смерть и относятся ко всему происходящему как к чему-то обыденному, и это не причиняет им никакого вреда. Не думаю, что наблюдение сексуального совокупления причинило бы какой-нибудь вред эмоциональной сфере саморегулирующегося ребенка. Единственно честный ответ на этот вопрос состоит в том, что любовь в нашей культуре не является публичным делом.

Я не забываю о том, что многие родители по религиозным или иным соображениям отрицательно относятся к сексу, считают его греховным. С ними ничего не поделаешь. Их нельзя обратить в нашу веру. Но мы должны бороться, когда они покушаются на право наших собственных детей на свободу — генитальную или любую другую.

Остальным родителям я говорю: вас ждут нелегкие дни, когда ваша шестнадцатилетняя дочь захочет жить собственной жизнью. Она будет возвращаться домой в полночь. Ни в коем случае не спрашивайте ее, где она была. Если она не росла в условиях саморегуляции, она солжет вам точно так же, как лгали вы и как лгал я своим родителям.

Когда моей дочери будет 16, случись мне обнаружить, что она влюблена в какого-нибудь бесчувственного типа, у меня тоже будет о чем поволноваться. Я знаю, что буду бессилен что-либо сделать. Надеюсь, мне хватит ума и не пытаться. Поскольку она росла саморегулирующимся ребенком, я надеюсь, что она не влюбится в неподходящего парня, но наверняка знать это нельзя.

Я уверен, что многие нежелательные связи в своей основе

являются протестом против родительской власти. Мои родители мне не доверяют, ну и пусть. Я буду делать что хочу, а если им это не нравится, пусть подавятся.

Вы будете бояться, как бы вашу дочь не совратили, но девушек, как правило, не соблазняют, они — равноправные участницы взаимного обольщения. Шестнадцатилетие не должно быть слишком трудным рубежом, если раньше ваша дочь была вам другом, а не подчиненной. Вам придется признать, что нельзя прожить чужую жизнь и невозможно передать другому свой опыт в таких сущностных вещах, как чувства.

В конце концов ключевым вопросом является отношение к сексу в семье. Если оно — здоровое, вы можете спокойно выделить дочери отдельную комнату и выдать ей ключ от нее. Если же оно — нездоровое, дочь будет искать дурного секса — и, возможно, с дурными людьми, и вы ничего не сможете с этим поделать.

То же и с вашим сыном. Вы не будете беспокоиться о нем так же сильно, как о дочери, потому что он не может забеременеть, и все же при неверном отношении к сексу он легко может разрушить свою жизнь.

Счастливых браков совсем немного. Учитывая характер раннего воспитания, которое получило большинство людей, поразительно, что счастливые браки вообще встречаются. Если секс грязен в детской, то он не может быть особенно чистым и в супружеской постели.

Если сексуальные отношения не сложились, в браке не складывается ничего. Двое несчастных, воспитанных в ненависти к сексу, обречены ненавидеть друг друга. Ничего не получается и с детьми, потому что им не хватает семейного тепла, необходимого для того, чтобы они смогли потом наполнить теплом и свою взрослую жизнь. Сексуальная подавленность родителей бессознательно передается и им. Самые трудные дети — дети именно таких родителей.

Половое воспитание

Если родители не только не запрещают детям задавать любые вопросы, но и честно отвечают на них, половое воспитание становится естественной частью детства. Очень вредны псевдонаучные объяснения. Я знаю юношу, который получил именно такое воспитание и жалуется, что краснеет всякий раз, когда кто-то произносит слово «опылять». Фактическая сторона вопроса, конечно, существенна, но эмоциональное содержание гораздо важнее. Доктора знают все об анатомии секса, но как любовники они не лучше папуасов, а скорее всего гораздо хуже.

Ребенка интересует не столько само сообщение отца о том, что тот вкладывает свою пипиську в мамину пипиську, сколько то, зачем папа это делает. Ребенок, которому позволена его собственная сексуальная игра, не станет спрашивать, зачем это нужно.

Обучение сексу не нужно саморегулирующемуся ребенку, потому что сам термин «обучение» предполагает предыдущее невежество в предмете. Если естественное любопытство ребенка всегда удовлетворяется открытыми и бесстрастными ответами на все его вопросы, секс не окажется чем-то таким, чему надо специально обучать. В конце концов мы ведь не даем ребенку уроков по перевариванию пищи или по его экскреторным функциям. Сам термин «сексуальное обучение» порожден запретностью и таинственностью секса.

Включение сексуального обучения в программы закрытых частных школ создает опасную возможность усиления сексуального подавления посредством морализирования. Термин «сексуальное обучение» предполагает формальный, неуклюжий урок по анатомии и физиологии, когда испуганный учитель все время опасается, что предмет разговора может соскользнуть на запретную территорию.

В большинстве частных школ сказать детям полную правду о любви и деторождении означало бы увольнение. Общественное мнение, представленное матерями, не потерпело бы этого. Мне известны случаи, когда разгневанная мать угрожала страшными карами учительнице, якобы развратившей ее ребенка своим «лживым, безбожным, непристойным преподаванием».

В то же время единственное, что мешает нам дать свободному ребенку то знание о сексе, которое его интересует, — наше неумение делать вещи понятными. Ребенок спрашивает, почему не каждый конь — жеребец и почему не каждый баран — производитель. Ответ предполагает использование понятий,

выходящих за пределы понимания четырехлетнего малыша, потому что кастрацию невозможно объяснить в простых словах. Здесь каждый родитель должен постараться объяснить все как можно лучше, избегая, однако, лжи или искажения сути.

Пятилетний мальчик обнаружил презерватив в кармане отца и, естественно, спросил, что это такое. Он выслушал ясное и простое объяснение отца без каких-либо видимых эмоций.

В определенных случаях, однако, я не вижу ничего дурного в том, чтобы сказать ребенку, что предмет этот слишком труден для него и ему надо подождать. В конце концов мы часто говорим это в других ситуациях. Например, когда ребенок спрашивает, как работает двигатель или кто сделал бога, родители говорят ведь, что ответ слишком сложен для его возраста.

Гораздо лучше и безопаснее отложить разговор, чем, подобно некоторым глупым родителям, говорить ребенку слишком много. Я вспоминаю одну ученицу, пятнадцатилетнюю швейцарскую девочку, которая говорила: «Ирмгард (которой было 10 лет) думает, что детей приносит доктор. Я знаю, откуда берутся дети, давным-давно. Мне мама рассказала. Она мне много рассказала». Я спросил ее, что еще она знает, и она рассказала мне все о гомосексуализме и извращениях. Это был как раз тот случай, когда говорить ребенку правду — столько правды — глупо. Матери следовало ответить только на тот вопрос, который ребенок задавал. Непонимание сущности детства заставило ее рассказать ребенку гораздо больше того, что он мог усвоить. В результате девочка — невротик. И все же в главном, я думаю, эта немудрая мать была мудрее, чем та, которая умышленно лжет своему ребенку, когда он спрашивает о тайне деторождения. Потому что ребенок вскоре выяснит, что мать солгала. Когда ребенок узнает правду, а вернее, как правило, грязно рассказанную приятелями полуправду, ему покажется, что он понимает, почему мать солгала ему: не могла же мама рассказывать мне про эту мерзость!

Таково сегодня отношение общества к деторождению. Это — дело грязное и стыдное. Одного того, что беременная женщина старается одеваться так, чтобы скрыть свое состояние, достаточно, чтобы проклясть то, что мы называем нашей моралью.

Есть матери, которые рассказывают своим детям правду о деторождении, но даже среди них многие лгут о сексе. Они не смеют сказать своим детям, что сексуальное взаимодействие приносит огромное удовольствие.

Ни моей жене, ни мне никогда не приходилось задумываться о сексуальном образовании Зои. Все это казалось таким простым,

очевидным и очаровательным, даже если и случались иногда какие-то неловкие моменты, как в тот раз, когда Зоя проинформировала незамужнюю посетительницу, что она, Зоя, появилась на свет в результате того, что папа оплодотворил маму, добавив с интересом: «А кто оплодотворяет тебя?»

Между прочим, мы обнаружили, что саморегулирующийся ребенок очень рано научается такту. Так Зоя могла разговаривать в 3,5 года, но к 5 годам наша дочь уже начала понимать, что некоторые вещи некоторым людям говорить не следует. Подобную искушенность в житейских делах я наблюдал и у других детей, которые, в отличие от Зои, не росли в условиях саморегуляции с самого начала.

С тех пор как Фрейд доказал существование сексуальности у маленьких детей, для изучения ее проявлений было сделано явно недостаточно. О сексуальности младенцев написаны книги, но, насколько мне известно, никто не написал книгу о саморегулирующихся детях. Наша дочь не проявляла никакого сколько-нибудь заметного интереса ни к собственному полу, ни к полу приятелей по играм. Она всегда видела нас обнаженными в ванной и туалете. К моему удовлетворению, она опровергла утверждение некоторых психологов, что существует инстинктивная, бессознательная, врожденная скромность, которая заставляет ребенка смущаться при виде гениталий взрослого или его естественных отправлений. Эта теория, равно как и теория о врожденном чувстве вины по поводу мастурбации, — полная чепуха.

Родители ребенка, который растет в условиях саморегуляции, скорее всего, избегнут опасных и глупых ошибок, сопутствующих сексуальному обучению, тех ошибок, которые связывают секс с чем-то неправильным и греховным. Но я не уверен, что нет опасности с другой стороны, идеалистической. Задолго до того, как возникли какие-либо разговоры о саморегуляции, некоторые родители учили своих детей, что секс — это нечто священное и духовное, к чему следует относиться с восторгом, изумлением и своего рода мистическим почтением. Современные родители, возможно сознательно и не имея никакой склонности следовать учению такого рода, все же иногда соскальзывают в нечто подобное: поклонение сексуальной функции как новонайденному богу. Такое поклонение трудно определить. Возможно, это слишком тонко для определения. Но я прямо чувствую, как сексу придается характер святости, а голос при упоминании о нем чуть-чуть меняется. Такое отношение предполагает страх перед порнографией: боже, если я не буду говорить о сексе с благоговением, могут подумать, что я один из тех, кто считает его

поводом для анекдотов. Я испытываю некоторое замешательство, когда слышу, как искренние молодые родители говорят о сексе почти теми же словами и в том же благоговейном тоне, как старая гвардия говорила о святых мощах. Секс так долго был предметом вульгарных шуток, что появилась тенденция бросаться в другую крайность и делать его не подлежащим упоминанию — не потому, что это слишком скверно, а потому, что слишком возвышенно. Такое отношение непременно приведет к новому страху перед сексом и к его подавлению. Для того чтобы ребенок естественно относился к сексу и в дальнейшем имел здоровую любовную жизнь, секс должен оставаться на земле. Он сам содержит в себе всё, и любые потуги улучшить или возвысить его напоминают пустые попытки раскрашивать живые цветы.

Рассказывать ребенку о том, что секс священен, означает просто использовать новый вариант старой истории о том, что грешники отправятся в ад. Если вы согласны называть еду, питье и смех священными, тогда я с вами, когда вы называете священным секс. Мы можем называть священным всё, но, если мы выбираем для этого только секс, тогда мы обманываем себя и дезориентируем детей. Это ребенок священен, священен в том смысле, что он существо, которое не должно быть испорчено невежественным обучением.

Поскольку религиозная ненависть к сексу постепенно умирает, появляются другие его противники. У нас уже есть энтузиасты сексуального обучения, которые показывают детям диаграммы и рассказывают о пчелах и опылении, тем самым как бы утверждая, что секс — просто наука. Ничего такого уж восхитительного, правда? Нас всех так вышколили по поводу секса, что нам почти невозможно найти срединный, естественный путь. Мы все выступаем слишком резко либо за секс, либо против. Быть за секс хорошо, но быть за секс в знак протеста против собственного антисексуального воспитания в детстве — это скорее всего невроз. Отсюда и необходимость найти здоровое отношение к сексу, отношение, которое возможно только на пути невмешательства в естественную сексуальность ребенка и принятия его отношения к сексу.

Если это звучит туманно или кажется невозможным, я бы предложил молодым родителям: избегайте всякого проявления стыда, отвращения или высоконравственных чувств, воздержитесь от обучения, но и не останавливайте близких, когда они говорят о сексуальных вопросах. Тогда и только тогда сексуальные отношения ребенка будут формироваться без подавления или ненависти к плоти. Для такого ребенка секс никогда не станет предметом обучения, профилактики или чего-нибудь еще в этом

роде, в этом просто не будет необходимости.

Если бы мы смогли сделать так, чтобы ребенок не видел в сексе зло, он вырос бы подлинно нравственным человеком, а не моралистом, поучающим других. Всякий Дон Жуан, по-видимому, сводит секс к удовольствию, отбрасывая его любовную сторону. Но и донжуанство, и мастурбация, и гомосексуализм непродуктивны, поскольку они асоциальны. Человек новой морали поймет, что должен осуществить обе функции секса: он обнаружит, что если не любит, то не находит в сексуальном акте величайшего удовольствия.

Мастурбация

Большинство детей мастурбируют. И все же молодым говорят, что мастурбация — зло. Она сдерживает рост, ведет к болезням и бог знает к чему еще. Если бы матерям хватало мудрости, чтобы не обращать внимания на самые первые движения ребенка по изучению нижней половины своего тела, мастурбация не становилась бы непреодолимой. Именно запрет фиксирует интерес ребенка.

Для маленького ребенка рот в гораздо большей степени является эрогенной зоной, чем гениталии. Если бы матери относились к движениям рта с тем же добродетельным вниманием, какое они проявляют к действиям с гениталиями, предметом нечистой совести стало бы сосание пальцев и поцелуи.

Мастурбация удовлетворяет желание счастья, поскольку в ней разрешается напряжение. Но как только акт завершен, нравственно вышколенное сознание берет верх и кричит: «Ты грешник». Мой опыт показывает, что, когда чувство вины уничтожено, интерес ребенка к мастурбации ослабевает.

Порой кажется, что некоторые родители предпочли бы лучше видеть своих детей преступниками, чем мастурбаторами. А я вижу, что подавленная мастурбация очень часто лежит в основе противоправного поведения.

Трудный одиннадцатилетний мальчик, поступивший в Саммерхилл, кроме всего прочего имел еще и страсть к поджогам. Его били — и отец, и учителя. Что еще хуже, его учили этой усеченной версии религии — религии адского пламени и сердитого бога. Вскоре после прибытия в Саммерхилл он взял бутылку бензина и вылил его в бочку с краской и скипидаром. Затем он поджег эту смесь. Дом был спасен только благодаря энергичным действиям двух горничных. Я привел его к себе.

Что такое огонь? — спросил я.

Он жжется, — ответил он.

О каком огне, ты, собственно, сейчас думаешь?

Об адском.

А бутылка?

Это длинная штука с дыркой на конце. (Долгая пауза.)

Расскажи мне побольше об этой длинной штуке с дыркой на конце, — попросил я.

У моего «Пети» есть дырочка на конце.

Расскажи мне о твоем «Пете», — сказал я мягко. — Ты его когда-нибудь трогаешь?

Теперь нет. Раньше трогал, а теперь нет.

Почему нет?

Потому что мистер X (директор его последней школы) сказал мне, что это величайший грех на свете.

Я решил, что поджог для него был актом, замещающим мастурбацию, и сказал ему, что мистер X был совершенно не прав, что его «Петя» ничем не лучше и не хуже, чем его нос или ухо. С этого дня его интерес к огню пропал.

Если период ранней мастурбации проходит беспроблемно, ребенок в должное время естественным образом переходит к гетеросексуальным отношениям. Многие браки несчастливы, потому что муж и жена страдают от бессознательной ненависти к сексу, выросшей из похороненной на дне души ненависти к себе из-за запрета на мастурбацию, навязанного им, когда они были детьми.

Для образования проблема мастурбации имеет первостепенное значение. Школьные предметы, дисциплина, игры — все это впустую и бесполезно, если проблема мастурбации остается нерешенной. Свобода мастурбации означает радостных, счастливых, живых детей, на самом деле не слишком и заинтересованных в ней. Запрет на мастурбацию означает несчастных и несчастливых детей, подверженных простудам и эпидемиям, ненавидящих себя, а следовательно, и остальных. Я убежден, что одна из коренных причин счастья саммерхиллских детей — уничтожение страха и ненависти к себе, вызываемых сексуальными запретами.

Фрейд познакомил нас с идеей существования секса с самого начала жизни: ребенок получает сексуальное удовольствие от сосания и постепенно рот в качестве эрогенной зоны уступает место гениталиям. Таким образом, мастурбация — непроизвольное открытие ребенка, причем не особенно важное, поскольку гениталии не являются для младенца таким источником удовольствия, как рот или даже кожа, и только родительский запрет превращает мастурбацию в такой великий комплекс. Чем строже запрет, тем глубже чувство вины и непреодолимее желание.

Правильно воспитанный ребенок должен прийти в школу без всякого чувства вины по поводу мастурбации. В Саммерхилле едва ли есть дети дошкольного возраста, испытывающие какой-либо особый интерес к мастурбации. Секс для них не имеет привлекательности чего-то таинственного. С самого начала своего пребывания у нас (если им уже не было рассказано об этом дома) они знают правду о деторождении — не только откуда берутся дети, но и как их делают. В таком раннем возрасте подобная информация принимается без эмоций, отчасти и

потому, что и сообщается без эмоций. Так и получается, что в 15 или 17 лет мальчики и девочки в Саммерхилле могут обсуждать вопросы секса открыто, без ощущения, что делают что-то неподобающее, и без порнографического отношения к этому.

Родители говорят с маленьким ребенком голосом Всемогущего Бога. То, что мать сообщает о сексе, — это как Священное писание. Ребенок целиком принимает ее внушение. Одна мать сказала своему сыну, что мастурбация сделает его глупым дураком. Он принял это внушение и стал не способен чему-нибудь научиться. Когда удалось убедить его мать признаться, что она сказала ему чушь, он автоматически стал более способным мальчиком.

Другая мать пригрозила сыну, что, если он будет мастурбировать, все будут его ненавидеть. И мальчик стал тем, что предписывало материнское внушение, — самым неприятным парнем в школе. Он крал, плевался в людей и ломал вещи в своем достойном жалости стремлении жить в соответствии с материнским внушением. В этом случае не удалось убедить мать признать свою прежнюю ошибку, и мальчик остался ненавистником общества — в большей или меньшей степени.

У нас были мальчики, которым внушили, что они сойдут с ума, если будут мастурбировать, и они предпринимали отчаянные попытки стать сумасшедшими.

Не думаю, что какое-либо более позднее влияние способно полностью компенсировать раннее внушение родителей. Я всегда стараюсь сделать так, чтобы родитель сам исправил ошибку, потому что знаю, что я значу для ребенка очень мало или вовсе ничего. Я обычно прихожу в его жизнь слишком поздно, и, следовательно, когда мальчик слышит от меня, что мастурбация не делает людей сумасшедшими, ему нелегко мне поверить. Отцовский голос, услышанный мальчиком, когда ему было 5 лет, был голосом высшей власти.

Когда ребенок включает в игру свои гениталии, родители оказываются перед великим испытанием. Генитальная игра должна быть принята как хорошая, нормальная и здоровая, всякая попытка пресечь ее опасна. Я имею в виду в том числе и нечестные попытки привлечь внимание ребенка к чему-нибудь другому с помощью подручных средств.

Вспоминаю случай саморегулирующейся маленькой девочки, которую отправили в симпатичный детский сад. Она выглядела несчастной. Девочка называла свою генитальную игру «прижималки». Когда мать спросила, почему ей не нравится детский сад, девочка ответила: «Когда я начинаю играть в прижималки, они не запрещают мне делать это, но говорят:

«Посмотри сюда» или «Подойди и сделай это», так что я там никогда не могу поиграть в прижималки».

Детская генитальная игра становится проблемой, потому что почти все родители были с колыбели настроены против секса и не могут преодолеть чувств стыда, греховности и отвращения. Бывает, что умом родители ясно понимают, что генитальная игра и хороша, и здорова, но в то же самое время интонацией или выражением глаз они дают ребенку понять, что эмоционально не признают его права на гениталь- ное удовлетворение.

Бывает и так, что родители, обычно вполне одобрительно относящиеся к тому, что ребенок трогает свои гениталии, все же испытывают большое беспокойство, когда приходит чопорная тетя Мэри, — ведь ребенок может сделать это и на глазах у гостьи, ненавидящей нормальные проявления жизни. Можно было бы, конечно, сказать такому родителю: «Тетя Мэри — воплощение твоей подавленной антисексуальности», но такое высказывание само по себе никак не помогает ни родителю, ни ребенку.

Существует и другой родительский страх: будто бы детская генитальная игра может привести к преждевременному половому созреванию, страх глубокий и широко распространенный. Это, конечно, рационализация, генитальная игра не ведет к преждевременному половому созреванию. А если бы и вела, то что? Наилучший способ наверняка обеспечить ребенку аномальный интерес к сексу, когда он достигнет отрочества, — с колыбели запрещать ему генитальную игру.

Иногда, наверное, необходимо сказать ребенку, достигшему того возраста, когда он уже способен это понять, что ему не следует играть со своими гениталиями на людях. Совет этот может показаться трусливым и несправедливым по отношению к ребенку, но альтернатива ему опасна по-своему, потому что суровое неодобрение, злобно выраженное шокированными и враждебными взрослыми, может нанести ребенку гораздо больший вред, чем совет любимых родителей.

Когда малышу предоставлена свобода жить полной жизнью без наказаний, поучений и запретов, он обнаруживает, что жизнь слишком полна всякими интересными делами, чтобы ограничивать свою активность манипуляциями с половыми органами.

Я не знаю, как могли бы вести себя по отношению друг к другу в ге- нитальной игре саморегулирующиеся дети. Мальчики, которым было внушено, что секс — это зло, обычно связывают генитальную игру с садизмом. Девочки, получившие аналогичное антисексуальное обучение, похоже, тоже принимают садистическую генитальную игру как норму. Вследствие

отсутствия у саморегулирующегося ребенка агрессивной ненависти генитальная игра между двумя свободными детьми должна бы быть, вероятно, нежной и любящей.

Наше неприятие себя идет в основном из младенчества. В значительной мере оно порождено виной по поводу мастурбации. Я знаю, что несчастливый ребенок — часто тот, чья совесть нечиста из-за мастурбации. Уничтожение этой вины — величайший шаг, который мы можем сделать по пути превращения трудного ребенка в счастливого.

Нагота

Многие супруги, особенно из простонародья, никогда не видят друг друга обнаженными, пока одному из них не придется обряжать тело другого в последний путь. Одна знакомая крестьянка выступала свидетельницей в суде по делу об эксгибиционизме. Она была глубоко шокирована.

Ну что ты, Джин, — упрекал я ее, — ну что ты, ты же родила семерых детей.

Мистер Нилл, — заявила она торжественно, — я никогда не видела Джонов… Я никогда не видела моего мужа голым за всю мою замужнюю жизнь.

Наготу ни в коем случае не следует осуждать. Ребенок с самого начала должен видеть своих родителей обнаженными. Однако следует сказать ему, когда он будет готов это понять, что некоторые люди не любят видеть детей голыми и в присутствии таких людей следует носить одежду.

Я знал одну женщину, которая негодовала по поводу того, что наша дочь купалась в море голышом. В то время Зое был год. В этой истории с купанием проявилось все жизнеотрицание, разлитое в обществе. Всякому знакомо раздражение, которое испытываешь, когда пытаешься раздеться на пляже, не показав окружающим так называемые интимные части тела. Родители саморегулирующихся свободных детей хорошо знают, как трудно объяснить трех- или четырехлетнему ребенку, почему в общественном месте он должен носить купальный костюм.

Сам факт, что закон запрещает обнажать половые органы, неизбежно формирует у ребенка искаженное отношение к человеческому телу. Я ходил голым сам или побуждал кого-нибудь из женщин сделать это, чтобы удовлетворить любопытство малыша, у которого было чувство греховности в отношении наготы. Однако всякая попытка навязывать детям нудизм неправильна. Они живут в одетой цивилизации, и нудизм остается чем-то таким, чего не позволяет закон.

Много лет назад, когда мы только приехали в Лейстон, у нас был бассейн для ныряния. По утрам я любил окунуться. Ко мне присоединялись некоторые педагоги и кое-кто из мальчиков и девочек постарше. Потом к нам поступила группа мальчиков из частных школ. Когда девочки вдруг стали носить купальные костюмы, я спросил одну из них, симпатичную шведку, почему.

«Всё это новые мальчишки, — объяснила она. — Наши старые ребята относились к наготе как к обычной вещи, а эти новички все время хихикают и пялятся, в общем, мне это не нравится». С

тех пор совместные нагие купания происходили только во время вечерних прогулок к морю.

Можно было бы предположить, что воспитанные свободными, сам- мерхиллские дети будут летом постоянно бегать голышом. Но это не так. Девочки лет до 9 иногда ходят голышом в жаркие дни, а маленькие мальчики почти никогда этого не делают. Это удивительно, если принять во внимание утверждение Фрейда о том, что мальчики гордятся наличием пениса, а девочки стыдятся его отсутствия.

Младшие мальчики в Саммерхилле не проявляют никакого желания выставлять себя напоказ, а старшие — и мальчики, и девочки — почти никогда не обнажаются. Летом мальчики и мужчины ходят в одних шортах, без рубашек. Девочки носят купальные костюмы. Никто, принимая ванну, не стремится обеспечить себе при этом надежное уединение, и только новые ученики запирают двери ванных комнат. Некоторые девочки принимают солнечные ванны в поле, но никому из мальчишек не приходит в голову подглядывать за ними.

Однажды я видел, как наш учитель английского языка копал канаву на хоккейном поле вместе с группой помощников обоего пола от 9 до 15 лет. Был жаркий день, и он разделся догола. В другой раз один из мужчин-сотрудников играл голышом в теннис. На школьном собрании ему сказали, чтобы он в следующий раз надел шорты, на случай, если рядом случатся какие-нибудь прохожие или посетители. Это показывает, что в Саммерхилле к наготе относятся вполне здраво.

Порнография

Все дети склонны к порнографии, иногда открыто, иногда тайно. Причем наименее склонны к ней те, кто не испытал моральных запретов в связи с сексом в младенчестве и раннем детстве. Я уверен, что ученики Саммерхилла впоследствии менее интересуются ею, чем дети, воспитанные на бесконечных «фу!». Как сказал мне один из наших мальчиков, когда приехал к нам в гости во время университетских каникул, Саммерхилл в некотором отношении портит человека: ровесники оказываются для него слишком скучными. Они говорят о вещах, из которых ты вырос много лет назад.

Сексуальные анекдоты? — спросил я.

Ну да, более или менее. Я сам люблю хороший сексуальный анекдот, но те, что они рассказывают, вульгарны и бессмысленны. Но тут не только секс, так же обстоят дела и с другими вещами — психология, политика. Смешно, но мне оказалось интереснее разговаривать с парнями, которые лет на десять старше меня.

Один из новых учеников Саммерхилла, не изживший еще своего увлечения непристойностями, вынесенного из приготовительной школы, попытался увести общий разговор в эту сторону. Его быстро заткнули, и не потому, что он говорил непристойности, а просто потому, что он мешал интересному обсуждению.

Несколько лет назад у нас были три девочки, уже прошедшие обычную стадию болтовни о запретных темах. Чуть позже в Саммерхилл поступила новая девочка, которую поместили в комнату вместе с этими тремя. Однажды она пожаловалась мне, что три другие — ужасно скучные в компании. «Когда я вечером в спальне завожу разговор о сексуальных вещах, они говорят, чтобы я заткнулась, потому что им это совсем не интересно».

Это правда. Естественно, у них существовал интерес к сексу, но не к его тайным аспектам. У этих детей было разрушено представление о сексе как о грязном предмете. Новой ученице, еще не остывшей от сексуальных разговоров женской школы, они показались «высоконравственными». Они и в самом деле были высоконравственны, потому что их нравственность основывалась на знании, а не на ложных стандартах добра и зла.

Дети, воспитание которых не связано с сексуальным подавлением, объективно относятся к тому, что принято считать вульгарным. Недавно я слушал одного куплетиста в лондонском «Палладиуме», он балансировал на грани непристойности в лучших традициях елизаветинского времени. Но поразительно то,

что ему удавалось рассмешить аудиторию шутками, которые никогда не имели бы успеха в Саммерхилле. Женщины пронзительно визжали, когда он упоминал женское белье, но саммерхиллским детям такие реплики вовсе не показались бы забавными.

Однажды я написал пьесу для дошкольной группы. Это была довольно вульгарная пьеса о сыне дровосека, который нашел стофунтовую банкноту и в экстазе показывал ее всем членам своей семьи, включая корову. Тупая скотина схватила банкноту и стала ее жевать, причем все усилия семейства заставить корову ее выплюнуть оказались безрезультатными. Тогда мальчика посетила блестящая идея: они откроют павильон на ярмарке и будут брать по шиллингу за каждые две минуты, которые посетитель проведет в нем. При ком корова «обронит» банкноту, тот и возьмет ее себе.

В мюзик-холле Вест-энда эта пьеса имела бы оглушительный успех. Наши дети, однако, отнеслись к ней иначе. Исполнители (в возрасте от 6 до 9 лет) не нашли в ней вообще ничего смешного. Одна из них, восьмилетняя девочка, сказала, что с моей стороны было глупо не использовать в пьесе подходящее слово. Она, конечно, имела в виду то слово, которое другие люди как раз сочли бы неподходящим.

Непохоже, чтобы свободные дети в Саммерхилле страдали от вуайеризма[47]. Наши ученики не ежатся и не испытывают неловкости, когда в фильме показывают туалет или упоминают о рождении детей. Время от времени у нас случаются эпидемии расписывания стен туалета. Для ребенка туалет — самое интересное помещение в любом здании. Туалет, похоже, вдохновлял многих писателей и художников, что естественно, если принять во внимание, что это место и предназначено для созидания.

Считать, что у женщин помыслы чище, чем у мужчин, — заблуждение. И все же порнография скорее встречается в мужских клубах и барах, чем в женских. Популярность скабрезных анекдотов целиком обязана непозволительности прямого упоминания того, о чем идет речь. В обществе, свободном от сексуального подавления, исчезла бы сама неупоминаемость. В Саммерхилле ничто не является неупоминаемым и никого нельзя шокировать. Если вас что-то шокирует, значит, у вас есть непристойный интерес к этому.

Тот, кто в ужасе кричит: «Какое преступление — отбирать у маленьких детей их невинность!», — страус, прячущий голову в песок. Дети никогда не бывают невинными, хотя часто бывают невежественными. Так что эти страусы впадают в истерику по

поводу лишения детей невежества.

Даже самый подавленный ребенок в действительности во многих вопросах не так уж невежествен. Его общение с другими детьми дает ему то отвратительное «знание», которым несчастные маленькие дети делятся друг с другом в темных углах. Для тех, кто живет в Саммерхилле с раннего возраста, темных углов не существует. Они интересуются вопросами пола, но это здоровый интерес. И отношение к жизни у этих детей по-настоящему чистое.

Гомосексуализм

В Саммерхилле нет гомосексуализма. Однако, как и во всякой группе детей, среди тех, кто поступает в Саммерхилл, на определенной стадии развития существует неосознанная гомосексуальность.

Наши девяти- и десятилетние мальчики вообще не видят в девочках никакого прока. Они их презирают. Они сбиваются в шайки, в которых нет места противоположному полу. Им гораздо интереснее орать: «Руки вверх!» Девочкам этого возраста точно так же интересны только подружки, и они образуют собственные группки. И даже в начале пубертатного периода они не бегают за мальчишками. Неосознанная гомосексуальность у девочек продолжается дольше, чем у мальчиков. И хотя они могут вполне дружелюбно задирать и поддразнивать мальчишек, все же они придерживаются своей компании. Но девочки в этом возрасте ревностно стоят на страже своих прав. Превосходство мальчиков в силе и их грубость раздражают их. Это возраст их протеста против маскулинности[48].

Вообще говоря, мальчики и девочки не особенно интересуются друг другом, пока им не исполнится лет 15 или 16. До этого времени они не склонны разделяться на пары и их интерес к противоположному полу проявляется почти исключительно в агрессивной форме.

Благодаря тому что в Саммерхилле дети не страдают от комплекса вины по поводу мастурбации, у них нет и нездоровых реакций на фазу скрытой гомосексуальности. Несколько лет назад один новичок, еще не остывший от строгой частной школы, попытался вовлечь ребят в содомский грех[49]. Успеха он не достиг. Он был изумлен и встревожен, когда случайно обнаружил, что о его попытках знала вся школа.

Гомосексуальность некоторым образом связана с мастурбацией. Ты мастурбируешь с другим парнем, и он как бы разделяет с тобой вину, тем самым облегчая ее бремя. Но если мастурбация не считается грехом, не возникает и необходимости делить вину.

Я не знаю, какие именно запреты ведут к гомосексуальности, но совершенно ясно, что они возникают в очень раннем детстве. Сейчас Саммерхилл не принимает детей младше 5 лет, и поэтому мы часто имеем дело с теми, кто с младенчества подвергался неправильному воспитанию. Тем не менее за более чем 40 лет школа не выпустила ни единого гомосексуалиста. Причина в том, что свобода взращивает здоровых детей.

Неразборчивость в связях, внебрачные дети, аборты

Неразборчивость в сексуальных связях по своей природе невротич- на. Это постоянная смена партнеров в надежде найти в конце концов подходящего, но подходящий партнер не находится никогда, и виновато в этом бессильное невротическое отношение к сексу самого Дона Жуана или его женской ипостаси. Если термин свободная любовь и имеет негативный смысл, то лишь потому, что он описывает невротический секс. Беспорядочный секс — прямой результат подавления, он всегда — несчастливый и стыдный. У свободного народа наша «свободная» любовь не могла бы существовать.

Подавленная сексуальность может направиться на любой предмет: перчатку, носовой платок — все что угодно, связанное с телом. Потому свободная любовь и неразборчива, что она есть похоть без нежности, теплоты и подлинной привязанности.

Одна молодая женщина сказала мне, когда вышла из периода беспорядочных связей: «С Биллом я впервые испытываю оргазм». Я спросил, почему впервые. «Потому что его я люблю, а других не любила».

У детей, поступающих в Саммерхилл поздно (в 13 лет и старше), есть тенденция к беспорядочным связям, если не на практике, то в желании. Корни неразборчивости в связях уходят далеко назад, в глубь детской жизни. Главное, что мы об этом знаем, состоит в том, что это нездоровые корни. Такое поведение приносит, конечно, разнообразие, но редко — удовлетворение и почти никогда — счастье.

Подлинная свобода в любви не ведет к беспорядочным связям. Любовь не может длиться вечно, однако у здоровых людей, пока любовь есть, она настоящая, верная и счастливая.

Внебрачного ребенка часто ждет трудная жизнь. Говорить ему, как это делают некоторые матери, что отец был убит на войне или умер от болезни, совершенно неправильно. Это вызывает у него чувство несправедливости, ведь он постоянно видит других мальчиков, у которых есть отцы. В то же время он не может не почувствовать — раньше или позже, — что общество неодобрительно относится к внебрачным детям. У нас в Саммерхилле было несколько детей незамужних матерей, но никому не было никакого дела до их происхождения. В условиях свободы такие дети растут так же счастливо, как и дети, рожденные в законном браке.

В обычной жизни внебрачный ребенок порой считает свою мать виноватой и ведет себя по отношению к ней скверно. Но он может и обожать свою мать и бояться, что однажды она выйдет замуж за человека, который не является его отцом.

Что за странный мир! Аборты противозаконны, но внебрачный ребенок тоже нередко подвергается остракизму. Обнадеживает то, что сегодня уже многие женщины готовы пренебречь неодобрительным отношением общества к внебрачным детям. Они открыто носят детей своей любви, гордятся ими, трудятся ради них, воспитывают их хорошо и счастливо. Насколько мне приходилось видеть, их дети — уравновешенные и искренние человеческие существа.

Ни одна учительница в государственной школе не могла бы родить внебрачного ребенка и сохранить работу. И не раз приходилось мне слышать о женах священников, выгонявших за дверь своих забеременевших служанок.

Один из наиболее явных симптомов нездоровья человечества — проблема абортов, к которым общество относится с поразительным лицемерием. Едва ли найдется судья, священник, врач, учитель или кто-нибудь еще среди так называемых столпов общества, кто ради чести своей семьи не предпочел бы, чтобы его дочь сделала аборт, но только не родила бы внебрачного ребенка.

Все это заставляет вспомнить о непристойных надписях на стенах общественного туалета. Таковы характерные черты нашей цивилизации, достойной той цены, которую ей приходится платить за свою злобную мораль: болезни, которым подвержена плоть, несчастье, безнадежность.

Часть 4. РЕЛИГИЯ И МОРАЛЬ

Религия

Недавно одна посетительница спросила меня: «Почему вы не преподаете своим ученикам жизнь Иисуса, чтобы им захотелось следовать ему?» Я ответил ей, что человек учится жить, не слушая о жизни других, но живя', ибо слова бесконечно менее важны, чем поступки. Многие называют Саммерхилл религиозным местом, потому что здесь исповедуют любовь к детям.

Может быть, в этом и есть какая-то правда, только все равно это определение мне не нравится, потому что понятие «религия» означает то, чем она сегодня, в общем, и является — антипод естественной жизни. Религия, как я ее помню, — мужчины и женщины в темной одежде распевают печальные гимны под третьесортную музыку и просят прощения за свои грехи — совсем не то, с чем я хотел бы иметь что-то общее.

Я лично ничего не имею против человека, который верит в бога, — неважно в какого. Но я не желаю мириться с человеком, который утверждает, что его бог уполномочил его налагать ограничения на человеческое развитие и счастье. Сражение идет не между верующими и не верующими в закон божий, борются между собой верующие в человеческую свободу и в ее подавление.

Когда-нибудь у нас будет новая религия. Вы можете изумиться и воскликнуть: «Что? Новая религия?» Христианин вскочит, протестуя: «Разве христианство не вечно?» Запротестует и иудей: «Разве иудаизм не вечен?»

Нет, религии не более вечны, чем народности. Религия — любая религия — рождается, расцветает, ветшает и умирает. Сотни религий пришли и ушли. После того как миллионы египтян чуть ли не четыре тысячи лет верили в Амона-Ра, сегодня вы не найдете ни единого приверженца этой религии. Идея бога меняется с изменением культуры. В мирное время бог бывает добрый пастырь, в воинственное — олицетворение битвы. Когда процветала торговля, он был богом справедливости, распределяющим блага. Сегодня, когда человек так утилитарно изобретателен, бог — это уэлссовский Великий Отсутствующий, поскольку созидающий бог-творец не нужен веку, который сам способен создавать атомные бомбы.

Когда-нибудь новое поколение откажется от нашей устаревшей религии и обветшалых мифов. Новая религия отринет представление о том, что человек рожден в грехе. Новая религия будет служить богу, стараясь сделать людей счастливыми.

Новая религия откажется от противопоставления тела и духа.

Она признает, что плоть не греховна. Новая религия будет считать, что поплавать в воскресное утро благочестивее, чем проводить его за пением гимнов, — как будто богу нужны гимны, чтобы быть довольным нами. Новая религия найдет бога в лугах, а не в небесах. Вообразите, что можно создать, если бы лишь 10 % времени, потраченного на молитвы и хождение в церковь, было посвящено добрым делам, благотворительности и реальной помощи ближним.

Моя газета каждый день подтверждает, что наша нынешняя религия мертва. Мы сажаем людей в тюрьмы, поддерживаем мнения, с которыми сами не согласны, притесняем бедных, вооружаемся для войны. Как организация церковь бессильна: она не может прекратить войны, она практически ничего не делает для смягчения нашего варварского уголовного кодекса, она редко встает на сторону эксплуатируемых.

Нельзя служить одновременно и богу, и мамоне. Используя современный парафраз, нельзя ходить в церковь по воскресеньям, а по понедельникам драться штыками. Я не знаю более злостного богохульства, чем исходящее из церквей во время войны, когда каждая из них утверждает, что всемогущий на ее стороне. Бог не может считать правыми одновременно обе стороны, бог не может быть Любовью и одновременно одобрять газовые атаки.

Для многих официальная, принятая обществом религия — это путь к простому решению личных проблем. Согрешив, католик признается в этом своему священнику, и священник отпускает ему грех.

Религиозный человек перекладывает свое бремя на Господа. Он верует, и, значит, пропуск в рай ему обеспечен. Так акцент смещается с личной добродетели и собственного поведения на веру. «Верьте в Господа, и спасены будете» — ведь это по сути дела означает: вы только объявите, что веруете, и ваши духовные проблемы разрешатся, а билет в рай вам будет гарантирован.

Религия, по существу, боится жизни, она есть бегство от жизни. Религия пренебрежительно относится к жизни здесь и теперь как к чему-то предварительному — предваряющему более полную жизнь вне этого мира. Мистицизм и религия считают, что пребывание здесь, на земле, — лишь краткий миг вечной жизни, а независимый человек недостаточно хорош, чтобы достичь спасения. Но свободные дети не воспринимают жизнь как краткий миг, потому что никто не учил их говорить жизни «нет».

Религия и мистицизм формируют нереалистичное мышление и нереалистичное поведение. Дело в том, что мы со всеми нашими телевизорами и реактивными самолетами гораздо дальше от реальной жизни, чем уроженец Африки. Конечно, и у

аборигена есть своя религия, порожденная страхом, но он не бессилен в любви, не гомосексуален, не задавлен запретами. Его жизнь примитивна, но он говорит ей «да» во многих ее сущностных аспектах.

Как и дикари, мы устремляемся к религии от страха. Но, в отличие от дикарей, мы — кастрированное племя. Нам удается обучить своих детей религии только после того, как мы навсегда лишили их мужественности и сломили их дух страхом.

Мне довелось повидать немало детей, изуродованных религиозным обучением. Приводить эти случаи не имеет смысла, это никому не поможет. Да и потом, всякий религиозный человек, со своей стороны, тоже мог бы привести кучу примеров спасения в результате раскаяния. Если принять в качестве постулата, что человек — грешник и нуждается в исправлении, тогда приверженцы религии правы.

Но я прошу родителей взглянуть на жизнь шире, выглянуть за пределы своего непосредственного окружения. Я прошу родителей помочь возникновению такой цивилизации, которая не будет с рождения нести клеймо греха. Я прошу родителей уничтожить всякую необходимость исправления, сказав ребенку, что он рожден хорошим, т. е. не рожден плохим. Я прошу родителей сказать детям, что этот мир можно и должно сделать лучше, и направить свою энергию на то, что происходит здесь и сейчас, а не на мифическую вечную Жизнь, которая когда-то настанет.

Нельзя забивать детям головы религиозным мистицизмом. Мистицизм предлагает ребенку бегство от реальности — и в опасной форме. Мы все иногда испытываем потребность убежать от реальности, иначе никто никогда не прочел бы ни одного романа, не ходил в кино, не пропустил ни одного стаканчика виски. Но мы убегаем с открытыми глазами и очень скоро возвращаемся обратно. Мистик же склонен постоянно жить в таком отрыве от реальности, вкладывая все свое либидо[50] в теософию, спиритуализм, католицизм или иудаизм.

Ни один ребенок по своей природе не является мистиком. Вот случай, происшедший в Саммерхилле однажды вечером во время спонтанной театрализации. Он хорошо показывает, что если ребенок не запуган, то сохраняет естественное чувство реальности.

Как-то вечером я уселся на стул и сказал: «Я — святой Петр у золотых ворот. Вы — люди, пытающиеся войти. Вперед».

Они стали подходить, выдвигая разного рода причины, по которым я должен был впустить их. Одна из девочек сделала все наоборот и молила выпустить ее оттуда. Но подлинной звездой

оказался четырнадцатилетний мальчик, который спокойно прошел мимо меня, посвистывая и держа руки в карманах.

Эй, — закричал я, — ты куда пошел?

Он повернулся и взглянул на меня: «А, — сказал он, — ты ведь тот самый новый работник?»

Что, собственно, ты имеешь в виду? — спросил я.

А ты что, не знаешь, кто я такой?

А кто ты?

Бог, — ответил он и, насвистывая, пошел в рай.

На самом деле дети и молиться не хотят. У детей молитва — это притворство. Я спрашивал десятки детей: «О чем ты думаешь, когда читаешь молитвы?» Все рассказывают одну и ту же историю — они неизменно думают о других вещах. Ребенок и должен думать о «других вещах», потому что молитва ничего не значит для него. Она навязана ему извне.

Из миллиона людей, которые каждый день возносят благодарение богу перед едой, 999 999 делают это механически, точно так же, как мы говорим «извините» или «простите», когда хотим пройти мимо кого-то в лифт. Но зачем передавать наши механические молитвы и наши заученные манеры новому поколению? Это нечестно. Нечестно и навязывать религию беспомощному ребенку. Ему надо предоставить полную свободу самому принять решение, когда он достигнет возраста выбора.

Однако опасность сделать ребенка жизнененавистником гораздо страшнее, чем мистицизм. Если ребенка учат, что определенные вещи греховны, его любовь к жизни должна превратиться в ненависть. Когда дети свободны, они не думают о других как о грешниках. В Саммерхилле, если ребенок украдет и предстанет перед судом своих товарищей, его никогда не наказывают за кражу. Все, что может случиться, — его заставят выплатить долг. Дети подсознательно понимают, что воровство — это болезнь. Они — маленькие реалисты и слишком разумны, чтобы верить в сердитого бога или соблазняющего дьявола. Порабощенный человек создал бога по своему собственному образу и подобию, но у свободных детей, которые смотрят в лицо жизни радостно и смело, нет необходимости создавать себе каких бы то ни было богов.

Если мы хотим сохранить детям душевное здоровье, то должны оградить их отложных ценностей. Многие, сами не слишком твердые, в вере, не колеблясь прививают своим детям убеждения, в которых сами сомневаются. Сколько матерей буквально верят в огнедышащий ад и верят в золотые арфы рая? Тем не менее тысячи неверующих матерей уродуют души своих детей, подавая им на тарелочке эти древние примитивные

истории.

Религия процветает, потому что человек не хочет, не может взглянуть в лицо своему бессознательному. Религия делает бессознательное дьяволом и уговаривает человека бежать от его соблазнов, но осознайте бессознательное, и религия окажется не у дел.

Для ребенка религия почти всегда означает один только страх. Бог для него — это могущественный человек с дырочками в веках: он способен видеть тебя, где бы ты ни был. Ребенок часто думает, что бог может видеть и то, что делается под одеялом. А вселить в жизнь ребенка страх — наихудшее из всех преступлений. Такой ребенок навсегда говорит жизни «нет». Он на всю свою жизнь становится неполноценным, трусом.

Никто из людей, запуганных в детстве ужасами загробной жизни в аду, не может в этой жизни освободиться от невротического беспокойства о безопасности. Это так, даже если такой человек разумом понимает, что рай и ад — детские фантазии, основанные на человеческих надеждах и страхах. Эмоциональное уродство, приобретенное в младенчестве, почти всегда сохраняется на всю жизнь. Суровый бог, который награждает тебя райской арфой или сжигает адским пламенем, — это бог, которого человек создал по своему образу и подобию. Он есть сверхпроекция. Бог становится воплощением желаний, а сатана — воплощением страха.

Тогда то, что приносит удовольствие, начинает означать зло. Игра в карты, поход в театр и танцы проходят по ведомству дьявола. Слишком часто быть религиозным означает не знать радости. Тесная воскресная одежда, которую детей принуждают носить в большинстве провинциальных городков, — свидетельство склонности религии к аскетизму и наказаниям. Священная музыка тоже чаще всего печальна. Для огромного множества людей ходить в церковь — усилие, долг. Для огромного множества людей быть религиозными — значит выглядеть несчастными и быть несчастными.

Новая религия будет основываться на знании и принятии себя. В ней предпосылкой любви к другим станет подлинная любовь к себе. В такой религии не останется места воспитанию под знаком первородного греха, которое может приводить лишь к ненависти к себе, а следовательно, и к другим. «Тот лучше всех молится, кто больше всех любит все сущее, великое и малое» — так Колридж[51] выразил суть новой религии. В новой религии человек будет лучше всего молиться, когда он полюбит все — и великое, и малое в себе\

Нравственное воспитание

Большинство родителей полагают, что они погубят ребенка, если не сформируют у него нравственные ценности, не будут постоянно указывать, что хорошо и что плохо. Практически каждые мать и отец считают, что помимо заботы о физических потребностях ребенка их главный долг — внедрить в него нравственные ценности. Они думают, что без такого обучения ребенок вырастет дикарем, с неуправляемым поведением и не умеющим заботиться о других. Это представление в значительной мере связано с тем, что большинство людей в нашей культуре разделяют или, во всяком случае, пассивно принимают утверждение — человек от рождения грешен, он по природе плох, если его не учить быть хорошим, он станет хищным, жестоким и даже убийцей.

Христианская церковь прямо так и утверждает: мы — несчастные темные грешники. Поэтому местный священник и директор школы полагают, что ребенка надо вывести к свету. И неважно, к какому свету — Креста или Этической Культуры, потому что в обоих случаях цель одна и та же — облагородить.

Поскольку и церковь, и школа согласны в том, что ребенок рожден в грехе, трудно было бы ожидать от матерей и отцов несогласия со столь великими авторитетами. Церковь провозглашает: если ты согрешишь, то будешь в будущем наказан. Родитель развивает эту мысль и провозглашает: если ты снова это сделаешь, я накажу тебя прямо сейчас. И все стараются возвысить, вселяя страх.

Библия утверждает: страх перед богом есть начало мудрости. Гораздо чаще он является началом психических расстройств, потому что для ребенка любой страх — зло.

Сколько раз родители говорили мне: «Я не понимаю, почему мой мальчик стал плохим, ведь я его строго наказывал и уверен, что мы не подавали ему дома плохих примеров». В моей работе мне слишком часто приходилось сталкиваться с изуродованными детьми, которых воспитывали под страхом либо ремня, либо бога, т. е. с детьми, которых принуждали быть хорошими.

Родители редко понимают, какое ужасное влияние оказал на их ребенка непрерывный поток запретов, наставлений, нравоучений и навязывания ему всей системы нравственного поведения, до которой маленький ребенок еще не дорос, которую он не мог понять, а поэтому не мог и с желанием принять.

Измученным родителям трудного ребенка никогда не приходит в голову усомниться в своде собственных нравственных

правил, родители по большей части вполне уверены, что сами-то они точно знают, что хорошо, а что плохо, а правильные образцы раз и навсегда авторитетно установлены в Писании. Им редко приходит в голову поставить под вопрос наставления собственных родителей, поучения своих учителей или принятый в обществе моральный кодекс. Они склонны принимать все убеждения своей культуры как нечто само собой разумеющееся. Осмысление этих убеждений, анализ их требуют напряженной умственной работы, а сомнение в них грозит слишком сильным потрясением.

Поэтому измученный родитель решает, что вся вина лежит на его сыне. Он полагает, что мальчик умышленно ведет себя плохо. Решительно заявляю: я твердо убежден в том, что мальчик никогда не бывает виноват. Любой такой мальчик из тех, с кем мне пришлось иметь дело, — результат ошибок раннего воспитания и обучения. Когда ребенку пытаются с самого раннего детства навязывать нравственные правила, при этом обычно пренебрегают фундаментальными принципами психологии.

Начнем с почти всеобщей веры в то, что человек — существо, наделенное волей, т. е. он может сделать то, что хочет сделать. С этим не согласится ни один психолог. Психиатрия доказала, что действиями любого человека в большой степени управляет его бессознательное. Большинство людей сказали бы, что Криппен мог бы не быть убийцей, соверши он необходимое волевое усилие. Уголовное право построено на ошибочном предположении, что всякий человек — ответственная личность, способная желать зла или добра. Так, совсем недавно в Лондоне был посажен в тюрьму мужчина, который на улице брызгал чернила женщинам на платья. Для общества этот брызгальщик — злостный хулиган, который мог бы быть хорошим, если бы постарался. Для психолога он — бедный больной невротик, исполняющий символический акт, значение которого ему не ведомо. В просвещенном обществе его тихонько отвели бы к врачу.

Психология бессознательного показала, что большинство наших действий имеет скрытый источник, которого мы не можем достичь иначе, кроме как путем длительного и сложного анализа. Но и психоанализ не может добраться до самых глубинных слоев бессознательного. Мы действуем определенным образом, но не знаем, почему действуем именно так.

Некоторое время назад я отложил в сторону все свои книжки по психологии и взялся за укладку черепицы. Я не знаю почему. Если бы вместо этого я начал обливать людей чернилами, я тоже не знал бы почему. Поскольку укладка черепицы — деятельность, которую общество признает и одобряет, я — уважаемый

гражданин. А так как обливать людей чернилами на улицах антиобщественно, тот другой парень — презренный преступник. Впрочем, между разбрызгивателем чернил и моей возней с черепицей есть одна разница: я осознаю свою любовь к ручному труду, а преступник не имеет осознанной склонности к разбрызгиванию чернил. Мое сознание и мое бессознательное в ручном труде работают в унисон, а в разбрызгивании чернил сознание и бессознательное враждуют. Асоциальное действие — всегда результат такого конфликта.

Несколько лет назад у нас в Саммерхилле был ученик, одиннадцатилетний мальчик, способный, умный, милый. Он мог тихо сидеть и читать, а потом вдруг вскочить, броситься вон из комнаты и попытаться поджечь дом. Мальчик чувствовал импульс, с которым он был не в состоянии справиться. Его прежние учителя старались побудить его — кто советом, а кто и палкой — совершить волевое усилие, чтобы справиться с этим импульсом. Но бессознательный порыв разжечь огонь был слишком силен, чтобы поддаться контролю, он был гораздо сильнее сознательного стремления не считаться плохим. Мальчик не был плохим, это был больной мальчик. Какие влияния сделали его больным? Какие влияния превращают нормальных мальчиков и девочек в больных детей с отклоняющимся поведением? Попробую объяснить.

Когда мы смотрим на младенца, мы понимаем, что злобы в нем не больше, чем в кочане капусты или в тигренке, т. е. в нем вовсе нет злобы. Новорожденное дитя несет в себе только жизненную силу, его воля, его бессознательное стремление — жить. Жизненная сила толкает его есть, исследовать свое тело, удовлетворять свои желания. Он действует так, как задумала Природа, так, как он создан действовать. Но взрослый воспринимает волю Природы в ребенке как волю дьявола.

Практически все взрослые полагают, что природа ребенка должна быть улучшена. В результате каждый родитель начинает учить маленького ребенка, как надо жить.

Ребенок вскоре наталкивается на целую систему запретов. Это — скверно, а то— грязно, а так-то и так-то — эгоистично. Природный голос жизненной силы ребенка звучит диссонансом голосам обучающих. Церковь назвала бы голос природы наущением дьявола, а голос нравственного поучения — заветом бога, я же убежден, что имена надо поменять местами.

Я полагаю, что именно нравственное воспитание делает ребенка плохим. Я обнаружил, что, когда я разрушаю нравственное воспитание, которое получил плохой мальчик, он становится хорошим мальчиком.

Возможно, для нравственного воспитания взрослых и могут быть какие-то основания, хотя я в этом сомневаюсь, однако для нравственного воспитания детей не может быть никаких оправданий, оно психологически неверно. Просить ребенка быть бескорыстным неверно. Всякий ребенок — эгоист, и мир принадлежит ему. Когда у него есть яблоко, его единственное желание — съесть это яблоко. Главным результатом материнских призывов поделиться яблоком с маленьким братом станет ненависть к маленькому брату. Альтруизм приходит позднее и возникает естественно, если ребенка не учили быть неэгоистичным. Но он, похоже, никогда не приходит, если ребенка заставляли быть щедрым. Подавляя эгоизм ребенка, мать закрепляет его эгоизм навсегда.

Как же это происходит? Психиатрия показала и доказала, что неисполненное желание продолжает жить в подсознании. Ребенок, которого учат быть неэгоистичным, подчинится требованиям матери, чтобы угодить ей. Он похоронит в подсознании свои подлинные желания — эгоистичные желания — и благодаря этому сохранит их и останется эгоистичным на всю жизнь. Так нравственное воспитание достигает цели, прямо противоположной той, которую ставило.

Аналогично обстоят дела и в сексуальной сфере. Нравственные запреты детства закрепляют инфантильный интерес к сексу. Несчастные парни, которых арестовывают за инфантильные сексуальные действия — показ школьницам непристойных фотографий или игру со своими гениталиями на публике, — это люди, у которых были высоконравственные матери. Совершенно безобидный интерес детства был заклеймен как ужасный, отвратительный грех. Ребенок подавил детское желание, но оно продолжало жить в бессознательном и позднее нашло себе выход в своей изначальной или — чаще — символической форме. Так, женщина, ворующая сумочки в универмаге, совершает символические действия, которые диктуются репрессией, возникшей вследствие нравственного воспитания в детстве. Сущность ее поведения на самом деле состоит в стремлении удовлетворить запретное инфантильное сексуальное желание.

Все эти бедные люди несчастливы. Украсть — значит утратить одобрение коллектива, а инстинкт принадлежности к нему очень силен. Хорошие отношения с ближними — естественная цель в человеческой жизни, человеку по природе несвойственно быть асоциальным. Одного лишь эгоизма достаточно, чтобы нормальные люди вели себя в соответствии с социальными нормами, только еще более сильный фактор, чем

эгоизм, может сделать человека асоциальным.

Что же это за фактор? Если конфликт между двумя Я — созданным природой и сформированным в процессе нравственного воспитания — слишком болезнен и горек, эгоизм снова принимает инфантильную форму. Тогда мнение толпы становится второстепенным. Так, клептоман понимает, какой это ужасный стыд — появиться в суде или оказаться ославленным в газетах, но страх перед общественным мнением все же не так силен, как инфантильное желание. Клептомания в конечном счете означает желание найти счастье, но, поскольку символическое осуществление никогда не может по-настоящему удовлетворить исходное желание, жертва продолжает повторять свои попытки.

Конкретный пример может прояснить процесс возникновения неудовлетворенного желания и его последующее существование. Когда семилетний Билли прибыл в Саммерхилл, его родители сообщили мне, что он — вор. Он пробыл в школе неделю, когда один из педагогов пришел ко мне и сообщил, что в спальне со столика пропали его золотые часы. Я спросил домоправительницу группы, не известно ли ей что-нибудь.

Я видела, как Билли возился с часами, — ответила она. — Когда я спросила его, где он их взял, он сказал, что нашел их дома в очень-очень глубокой ямке в саду.

Я знал, что Билли запирал свой чемодан с пожитками на ключ. Я попробовал открыть замок одним из своих ключей, и мне удалось это сделать. В чемодане лежали обломки золотых часов — явный результат штурма с помощью молотка и долота. Я запер чемодан и позвал Бил-

Ты не видел часы мистера Андерсона? — спросил я.

Он посмотрел на меня большими невинными глазами.

Нет, — отозвался он и добавил: — А какие часы?

Я посмотрел на него с полминуты.

Билли, ты знаешь, откуда берутся дети?

Он взглянул на меня с интересом.

Да, — сказал он. — С неба.

Ну, нет, — улыбнулся я. — Ты рос у мамы внутри, а когда стал достаточно большим, вышел наружу.

Не говоря ни слова, он пошел к своему чемодану, открыл его и протянул мне разбитые часы. Его воровство было излечено, потому что единственное, что он пытался украсть, была истина. Его лицо потеряло свое озадаченное беспокойное выражение, и он стал счастливее.

Здесь у читателя может возникнуть соблазн увидеть в эффектном излечении Билли нечто магическое. Но ничего

подобного тут нет. Когда ребенок говорит о глубокой ямке у него дома, очень возможно, что он неосознанно думает о той глубокой полости, в которой началась его жизнь. К тому же я знал, что отец мальчика держал нескольких собак. Билли не мог. не знать, откуда берутся щенки, и он должен был сложить два и два и догадаться о происхождении детей. Трусливая материнская ложь побудила ребенка подавить свои догадки, и его стремление выяснить правду приобрело символическую форму. Символически он как бы крал матерей и открывал их, чтобы посмотреть, что там внутри. У меня был еще один ученик, который — по той же причине — постоянно открывал всякие ящики.

Родители должны понять, что они не в силах заставить ребенка перейти на ту стадию развития, к которой он еще не готов. Люди, не желающие дать своему ребенку естественно перейти от ползания к хождению и слишком рано ставящие малыша на его маленькие ножки, достигают лишь того печального результата, что ребенок становится кривоногим. Поскольку ножки еще недостаточно сильны, чтобы поддерживать вес ребенка, это требование преждевременно. А результат катастрофичен. Подожди родители, пока ребенок будет естественно готов ходить, он, конечно, прекрасно пошел бы сам по себе. Аналогичным образом преждевременные усилия приучить ребенка к горшку должны приносить печальные результаты.

Подобные соображения справедливы и для нравственного воспитания. Родительское стремление заставить ребенка принять ценности, до которых он еще не дорос, приводит не только к тому, что эти ценности не формируются должным образом и в должное время, но и к неврозам.

Просить шестилетнего мальчика четырежды подтянуться подбородком до перекладины — значит предъявлять к малышу чрезмерные требования. Его мускулы еще недостаточно сильны для такого упражнения. Если же предоставить мальчику возможность развиваться естественно, в 18 лет он легко выполнит такое упражнение. Аналогично не следует пытаться ускорять развитие нравственных чувств у детей. Родитель должен проявлять терпение, сохраняя в душе уверенность, что ребенок рожден хорошим и он неизбежно превратится в хорошего человека, если его не подгонять и не устрашать, не искажать его естественное развитие внешними воздействиями.

Мой многолетний опыт общения с детьми в Саммерхилле убеждает меня в том, что нет никакой необходимости учить ребенка, как себя вести, он в свое время сам узнает, что хорошо и

что плохо, если на него не будут давить.

Учение — процесс приобретения ценностей из своего окружения. Если родители сами честны и нравственны, их дети в должное время пойдут тем же путем.

Воспитательное влияние

Родители и учителя считают своим долгом оказывать влияние на детей, поскольку полагают, что им известно, что дети должны иметь, чему должны учиться, какими должны быть. Я не согласен с этим. Я никогда не пытаюсь заставить детей разделять мои представления или предрассудки. Я не религиозен, но я никогда ни одним словом не настраивал против религии; по аналогичным соображениям я никогда не пытался настроить их против нашего варварского уголовного права, антисемитизма или империализма. Я бы никогда осознанно не стал пытаться сделать детей пацифистами, вегетарианцами, реформаторами или кем-нибудь еще. Я знаю, что проповедь до детей не доходит. Я верю, что свобода способна укрепить молодых противостоять обману, фанатизму и разным другим измам.

Любое навязанное ребенку мнение — грех перед ребенком. Ребенок — не маленький взрослый, и вряд ли он в состоянии увидеть вещи со взрослой точки зрения.

Приведу пример. Однажды вечером я сказал пятерым мальчикам в возрасте от 7 до 11 лет: «У мисс У. грипп, и она плохо себя чувствует. Постарайтесь не шуметь, когда пойдете спать». Они пообещали вести себя тихо. Пять минут спустя шумная подушечная баталия разгорелась у них в полную силу. Если сбросить со счетов неосознанное желание показать мисс У., почем фунт лиха, придется заключить, что дело здесь в их возрасте. Конечно, строгий голос и ремень могли бы обеспечить тишину для мисс У., но лишь ценой внедрения страха в жизнь этих детей. Общепринятый метод обращения с детьми состоит в том, чтобы научить их приспосабливаться к нам и нашим потребностям. Этот метод неверен.

Очень немногие родители и педагоги способны понять, что говорить что-нибудь маленькому ребенку — это попросту терять время. Ни один когда-либо живший на земле ребенок никогда не извлек никакого урока из освященной веками родительской реакции на таскание кошки за хвост: «Тебе бы понравилось, если бы кто-нибудь таскал тебя за ухо?» Более того, ни один ребенок в действительности не понимает, что имеют в виду его родители, когда говорят: «Значит, ты ткнул малыша булавкой? Чтобы показать тебе, что булавка больно колет, я сейчас… (визг). Больше ты не будешь этого делать». Он, возможно, не будет, но конечные результаты подобных родительских действий переполняют наши психиатрические клиники.

Я пытаюсь убедить родителей в том, что ребенок не в

состоянии видеть причины и следствия. Бессмысленно и неверно говорить ребенку: «Ты так плохо себя вел, что не получишь в субботу свои 6 пенсов». Когда настанет суббота и ему напомнят о проступке и наказании, он самым естественным образом рассердится и огорчится. Потому что то, что произошло, скажем, в понедельник, — дело давным-давно минувших дней, не имеющее никакого отношения к нынешней субботе и полагающимся 6 пенсам. Он нисколько не чувствует себя виноватым, но очень озлоблен против власти, лишившей его законных 6 пенсов.

Родителю всякий раз следует подумать, не продиктованы ли указания, которые он дает ребенку, его собственным стремлением к власти и потребностью удовлетворить это стремление, формируя кого-то другого по своему усмотрению. Каждый стремится к тому, чтобы ближние думали о нем хорошо. Ребенок будет естественно хотеть делать то, что может вызывать к нему хорошее отношение, если только какие-то силы не вытолкнут его в стихию асоциального поведения. Но стремление делать приятное другим возникает лишь на определенной стадии его развития. Попытка родителей и учителей ускорить наступление этой стадии наносит ребенку непоправимый вред.

Мне пришлось побывать в одной современной школе, где больше сотни мальчиков и девочек собрались утром, чтобы выслушать обращение священника. Он говорил горячо, призывая их быть готовыми услышать зов Христа. Директор спросил меня, что я думаю об этом обращении. Я ответил, что считаю его преступным. Там были десятки детей, каждый со своими проблемами по поводу секса и других вещей, проповедь же просто усиливала чувство вины в каждом ребенке.

Другая прогрессивная школа заставляет всех своих учеников полчаса перед завтраком слушать Баха. Такая попытка воспитывать вкус, задавая извне высокие стандарты, психологически оказывает на ребенка то же действие, что и старое кальвинистское запугивание адом. Она заставляет ребенка вытеснять все то, что взрослые считают предметами низкого вкуса. Когда директор школы говорит мне, что его ученики любят Бетховена и не желают слушать джаз, я убежден, что это он постарался повлиять на детей, потому что мои ученики в подавляющем большинстве предпочитают джаз. Я лично ненавижу этот квакающий шум, но уверен, что тот директор не прав, хотя он, возможно, добрый и честный человек.

Когда мать учит ребенка быть хорошим, она подавляет его естественные инстинкты. Она тем самым говорит ребенку: «То, что ты хочешь делать, скверно». Это равносильно тому, чтобы

учить ребенка ненавидеть себя. Любить других при том, что ты ненавидишь себя, невозможно. Мы можем любить других, только если любим самих себя.

Мать, наказывающая своего ребенка за незначительную сексуальную привычку, всегда сама грязно относится к сексу. Так эксплуататор, сидящий на судейской скамье[52], честно негодует по поводу обвиняемого, укравшего кошелек. Мы становимся моралистами только потому, что нам не хватает мужества взглянуть в лицо собственной обнаженной душе. Наше руководство детьми субъективно есть руководство самими собой. Мы подсознательно идентифицируем себя с детьми. Ребенок, который нам более всего неприятен, всегда похож на нас самих. Мы ненавидим в других то, что ненавидим в себе. А поскольку каждый из нас самоненавистник, дети получают плоды этой ненависти — тычки, ругань, запреты и моральные наставления. Почему же мы так ненавидим себя? Это порочный круг. Наши родители тоже пытались улучшить то, что дала нам природа.

Имея дело с нарушителем нравственных правил, родителю, учителю или судье приходится взглянуть в лицо собственным эмоциональным побуждениям — не моралист ли он, не ненавистник ли, садист или приверженец жесткой дисциплины? Не сторонник ли он сексуального подавления молодых? Есть ли у него хоть какое-то представление о глубинной психологии? Не являются ли его поступки следствиями привычных предрассудков и условностей? Короче говоря, насколько свободен он сам?

Никто из нас полностью не свободен в эмоциональном отношении, поскольку все мы были вышколены еще в колыбели. Вероятно, правильнее было бы спросить так: достаточно ли мы свободны, чтобы удержаться от вмешательства в жизнь другого, каким бы молодым этот другой ни был? Достаточно ли мы свободны, чтобы быть объективными?

Сквернословие

Одно из постоянных критических замечаний в адрес Саммерхилла состоит в том, что дети там ругаются. Что правда, то правда — они ругаются, если, конечно, произнесение старинных английских слов — ругань. Правда и то, что всякий новый ученик ругается гораздо больше, чем нужно.

Однажды на общем собрании школы были выдвинуты обвинения против тринадцатилетней девочки, пришедшей к нам из монастырской школы. Обвинения состояли в том, что она выкрикивает «сукин сын», когда купается в море. Основной мотив обвинения — девочка ругалась только на общественном пляже, когда вокруг были посторонние, т. е. она выставлялась напоказ. Один мальчик сказал ей: «Ты просто маленькая глупая гусыня, ты ругаешься, чтобы выставиться перед другими людьми, и еще утверждаешь, будто гордишься тем, что Саммерхилл — свободная школа, а сама поступаешь прямо наоборот: заставляешь других смотреть на нашу школу сверху вниз».

Я объяснил ей, что она действительно пытается причинить школе вред, потому что ненавидит ее. «Но я вовсе не ненавижу Саммерхилл, — воскликнула она, — это потрясающее место!»

«Да, — сказал я, — это, говоря твоими словами, потрясающее место, но тебя пока здесь нет, ты все еще живешь в своем монастыре и принесла сюда всю свою ненависть к монастырю и монахиням. Ты все еще отождествляешь Саммерхилл с ненавистным тебе монастырем. В действительности ты пытаешься повредить не Саммерхиллу, а монастырю». Но она продолжала выкрикивать свое любимое выражение, пока Саммерхилл не стал для нее реальным местом, а не символом. После этого она перестала ругаться.

Ругательства бывают трех видов: они связаны либо с сексом, либо с религией, либо с экскрементами. Богохульство в Саммерхилле не составляет проблемы, потому что детей не обучают религии. Сейчас ругаются и большинство детей, и большинство взрослых. Армия знаменита тем, что персонаж Киплинга называл «эпитетами». В большинстве университетов и клубов студенты постоянно поминают половые органы и экскременты. Школьники сквернословят потихоньку и тайно рассказывают скабрезные анекдоты. Различие между Саммерхиллом и обычной школой состоит в том, что в одной дети ругаются открыто, а в другой — тайно.

В Саммерхилле сквернословие становится проблемой только в связи с новыми учениками. И дело не в том, что у старых

учеников безгрешные языки, просто старички ругаются, так сказать, вовремя и к месту. Они сознательно контролируют себя и стараются не шокировать посторонних.

Наших малышей больше всего привлекает старое английское слово, обозначающее испражнения. Они им широко пользуются, в том числе и дети из хороших семей. Я имею в виду семьи, где принято говорить «по-маленькому» и «по-большому». Дети предпочитают старые англосаксонские слова. Не раз наши ученики спрашивали меня, почему нельзя при людях произносить shit (дерьмо), но можно сказать экскременты или стул. Понятия не имею.

Словарь дошкольников, если они не подвергаются формированию, в значительной степени экскрементальный. Саммерхиллские малыши в возрасте от 4 до 7 лет получают большое удовольствие, выкрикивая «дерьмо» и «писька». Я понимаю, что большинство детей, когда они были совсем маленькими, сурово приучали к горшку, и поэтому, вероятно, у них есть комплексы в отношении естественных функций. Среди наших малышей есть, однако, один или двое, воспитывавшиеся в условиях саморегуляции и не прошедшие строгую школу чистоплотности, запретов или слов вроде «скверный» или «грязный», не испытавших чувства таинственности в отношении ни наготы взрослых, ни туалетных дел. Так вот, эти саморегулирующиеся дети, похоже, испытывают тот же восторг, выкрикивая старые саксонские слова, что и их подвергшиеся строгому воспитанию друзья. Так что свобода ругаться, кажется, не уничтожает автоматически привлекательности неприличных слов. Наши малыши произносят эти слова обильно и вне подходящего контекста, тогда как старшие мальчики или девочки если ругаются, то используют эти слова так же, как взрослые, т. е. вовремя и к месту.

Сексуальные слова применяются более широко, чем экскрементальные. Наши дети не считают, что туалет — это что-то смешное. Отсутствие подавления в связи с экскрементами делает упоминания о них скучными и просто констатирующими. Другое дело — секс. Секс — настолько важная часть жизни, что его словарь пронизывает всю жизнь. В своей упоминаемой форме он встречается практически в каждой песне или танце, будь то «Моя рыжая страстная мамочка» или «Когда я застану тебя сегодня вечером одну».

Дети принимают сквернословие как естественный язык. Взрослые порицают его, потому что их собственная непристойность гораздо обширнее, чем детская. Только непристойный человек осуждает непристойность. Я думаю, что,

если бы родитель научил ребенка считать нос чем-то грязным и греховным, ребенок шептал бы слово «нос» по темным углам.

Родители должны задать себе вопрос: «Позволю ли я моим детям ругаться открыто или я допущу, чтобы они вели себя непристойно по темным углам?» Среднего пути нет, шиканье и замалчивание в детстве закладывают основу для скучных анекдотов из жизни коммивояжеров во взрослом возрасте. Открытый путь ведет к ясному, чистому интересу ко всему в жизни. Я рискну сказать, что наши бывшие ученики имеют самые чистые помыслы в Англии.

Тем не менее детям так или иначе придется столкнуться с людьми, настроенными против жизни, с родственниками и соседями, осуждающими сквернословие. В случае с Зоей мы обнаружили, что она готова принимать разумное объяснение поведения посторонних. Кто-то из детей научил ее слову, которое закон не позволяет здесь напечатать. Как-то, когда мы беседовали с родителем нашего будущего ученика, приличным бизнесменом, она безуспешно пыталась наладить игрушку и при каждой неудаче восклицала: «О, е..!» Позже мы сказали ей (и были совершенно не правы, как я теперь думаю), что некоторым людям это слово не нравится и она не должна им пользоваться в присутствии посетителей. Она сказала: «Ладно».

Неделю спустя она занималась чем-то таким, что давалось ей с трудом. Она подняла глаза и спросила учительницу: «Ты посетитель?» Женщина ответила: «Конечно нет». Зоя вздохнула с облегчением и вскричала: «О, е..!»

Мне много раз приходилось видеть, как дети, которым дома позволялось говорить все, что им нравится, подвергались остракизму со стороны других семей. Мы не приглашаем Томми на праздник, потому что не можем допустить, чтобы он портил наших детей своим ужасным языком. Быть отвергнутым — тяжелое наказание, поэтому приходится иметь в виду запреты внешнего мира и направлять ребенка соответствующим образом, но это не должно превращаться в карательную цензуру.

Цензура

Насколько позволительно подвергать цензуре чтение ребенка? На книжных полках у меня в кабинете стоят разные книги по психологии и о сексе. Каждый ребенок может свободно брать их оттуда в любое время. Тем не менее я сомневаюсь, что к ним когда-нибудь проявили какой-нибудь интерес больше, чем один или двое детей. Никто из детей ни разу не просил у меня «Любовника леди Чаттерлей», «Улисса» или книги Крафт-Эббинга. Лишь один или двое старших брали энциклопедию сексуальных знаний.

Однажды новая ученица, четырнадцатилетняя девочка, взяла из моей библиотеки «Дневник молодой девушки». Я видел, как она читала ее и хихикала. Шесть месяцев спустя она прочла ее второй раз и сказала, что это довольно скучное чтение. То чтение, которое для невежества представлялось острым, стало для знания вполне обыкновенным. Эта девочка пришла в Саммерхиллл с грязным невежеством, нашептанным по темным углам. Конечно, я просветил ее по сексуальным вопросам. Запрет всегда заставляет детей читать книги тайком.

Когда мы были детьми, наше чтение строго контролировали, и поэтому нам ужасно хотелось добраться до «Тесс из рода д'Эрбервиллей», Рабле или переводов французских бульварных романов. Иначе говоря, цензура использовалась в качестве критерия для отбора наиболее интересных книг.

Цензура бессильна в том смысле, что она никого ни от чего не защищает. Возьмите, например, «Улисса» Джеймса Джойса, книгу, когда-то запрещенную к изданию в Англии и Соединенных Штатах, но доступную в Париже или Вене. В нем есть слова, которые принято считать непристойными. Наивный читатель этих слов не понял бы, а искушенного, уже знакомого с ними, они не смогли бы испортить. Я помню, как меня критиковал один директор школы за то, что я поставил в школьную библиотеку «Пленника Зенды». Я удивленно спросил почему. Он сказал, что в первой главе речь идет о внебрачных детях. Я эту книжку прочел дважды и ни разу не заметил этого факта.

Мысли детей, похоже, чище, чем у взрослых. Мальчик может прочесть «Тома Джонса» и не заметить непристойных пассажей. Если мы освобождаем ребенка от невежества в отношении секса, мы делаем любую книгу безопасной. Я категорически против цензуры книг в любом возрасте.

Однако вопрос о цензуре чтения становится более трудным, если речь идет не о сексе, а о страхе. Такая страшная книга, как

«Дракула» Брема Стоукера, может произвести тяжелое впечатление на нервного ребенка, и умышленно я не стал бы оставлять эту книгу у такого ребенка на виду. Тем не менее, поскольку моя работа состоит в том, чтобы попытаться выявить корни страхов, я не стал бы и запрещать ребенку прочесть ее, скорее я направил свое внимание на симптомы, порожденные чтением этой книги.

Я вспоминаю, как, будучи ребенком, был ужасно напуган библейской историей о детях, съеденных медведицами, но никто же не предлагает подвергать Библию цензуре. Многие дети читают Библию в поисках неприличных пассажей. Мальчиком я знал их все с номерами стихов и глав. Сейчас мне пришло в голову, что мой испуг в связи с медведицами мог быть результатом укоров совести в отношении других частей Библии.

Мы склонны преувеличивать влияние кровожадных историй на детей. Большинство их способны получать удовольствие от самых садистских рассказов. Воскресными вечерами, когда я рассказываю ученикам приключенческие истории, в которых они в последний момент с трудом спасаются из котла людоеда, они прыгают от восторга.

Испугать скорее может какая-нибудь история о сверхъестественном. Большинство детей боятся призраков, особенно дети из религиозных семей. Здесь, как и в вопросах секса, правильный метод состоит в уничтожении страха, а не в цензуре книг. Я признаю, что убить призраков, живущих в душе, трудно, но учитель или врач должен попытаться это сделать. Долг родителей состоит в том, чтобы не позволить призракам забраться в душу ребенка.

Родители никогда не должны читать своим детям сказки о жестоких великанах и злобных ведьмах. Некоторые сомневаются, читать ли такую сказку, как «Золушка», на том основании, что в ней неправильная мораль: чисть кухонные котлы с утра до ночи, сидя на золе, и волшебница-фея приведет тебе принца в мужья. Но какое вредное влияние, скажите, может оказать «Золушка» на здорового ребенка?

В каждом железнодорожном книжном ларьке полно книжек о преступлениях. Когда шестнадцатилетний мальчик стреляет в полицейского, миллионы читателей этих книжек не понимают, что так он изживает фантазии, знакомые и им. Увлечение триллерами разоблачает нашу неспособность играть, фантазировать, творить. В сущности, триллер обращен к нашей подавленной ненависти и желанию причинять вред и убивать.

Походы в кино и чтение книг — это разные вещи. Написанное не так пугает, как то, что видно и слышно. Некоторые фильмы

пугают детей очень сильно. Нельзя знать заранее, где и когда в фильме появится что-нибудь страшное. На экране очень много жестокости. Мужчины дерутся, а иногда даже бьют женщин. Киножурналы показывают соревнования по боксу и борьбе. Довершают весь этот экранный садизм фильмы, посвященные бою быков. Я видел, как маленькие дети пугались крокодилов или пиратов из «Питера Пэна»[53]. Очаровательная история Бэмби[54] полна любви и человечности, и я не могу понять, как, посмотрев этот фильм, кто-нибудь сможет убить оленя просто ради спорта. Дети любят этот фильм, хотя некоторые из них и кричат от страха, когда на Бэмби нападают охотничьи собаки. Думаю, что в связи со всем этим можно понять родителей, не позволяющих маленьким детям смотреть некоторые фильмы.

Вредны ли фильмы о сексе для большинства детей, остается вопросом. Свободным детям такие фильмы определенно не наносят никакого вреда. Мои ученики посмотрели французский фильм «Пышка»[55] без особых эмоций и каких-либо скверных последствий. Это происходит потому, что дети обычно видят то, что они хотят видеть.

Картина без секса не станет кассовой, порнофильмы приносят в казну дохода больше, чем книги или музыка, косметика продается лучше, чем билеты на концерты. Но мы должны помнить, что под упоминаемой формой секса всегда живет неупоминаемая. За свадебной повозкой, старым башмаком и рисом всегда скрывается то неназывае- мое, что эти вещи символизируют.

Каждому из нас порой хочется ненадолго убежать от себя, поэтому кино так популярно. Продюсеры почти всегда заботятся о том, чтобы в картине было побольше роскошных вещей и великолепных нарядов. И посреди всей этой роскоши отрицательные персонажи получают по заслугам, а добродетельные обретают счастье.

' Недавно мы смотрели фильм о человеке, продавшем душу дьяволу. Дети единодушно согласились, что дьявол очень похож на меня. Мальчики, которых учили, что секс — грех против Святого Духа, всегда видят во мне дьявола. Когда я говорю им, что в теле нет ничего греховного, они смотрят на меня как на дьявола-искусителя. Невротичные дети видят во мне и бога, и дьявола. Один маленький парнишка однажды взялся за молоток, чтобы убить этого дьявола. Помогать невротикам иногда довольно опасно.

Управлять тем, как ваш ребенок выбирает себе приятелей, в большинстве случаев очень и очень трудно. Я думаю, что это вообще следует делать только в том случае, если кто-то из них

отличается жестокостью или драчливостью. К счастью, большинство детей от природы разборчивы и раньше или позже находят себе подходящих приятелей.

Часть 5. ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕЙ

Жестокость и садизм

Жестокость — это извращенная любовь, поэтому крайние случаи садизма — всегда извращенная сексуальность. Жестокий человек не может отдавать, потому что давать означает проявлять любовь.

Инстинкта жестокости не существует. Животные не жестоки. Кошка играет с мышью не потому, что она жестока, в ее игре нет никакой умышленной жестокости.

Мотивы жестокости у людей, как правило, неосознанны. За долгие годы работы с детьми в Саммерхилле мне почти не встречались дети, которым хотелось бы мучить животных. Один такой исключительный случай произошел несколько лет назад. Тринадцатилетнему Джону подарили на день рождения щенка. Его мать написала: «Он очень любит животных». Когда Джон начал выводить маленького Спота на прогулки, сразу стало видно, что он скверно обращается с собакой. Я предположил, что парень идентифицирует Спота со своим младшим братом Джимом, любимцем матери.

Однажды я увидел, как Джон бьет Спота. Я подошел к щенку, погладил его и сказал: «Привет, Джим». Таким образом я заставил Джона осознать, что он вымещает на бедном щенке свою ненависть к брату-сопернику. С тех пор он перестал проявлять жестокость по отношению к Споту, но я лишь прикоснулся к его симптому, а не излечил его садизм.

Свободные счастливые дети не склонны быть жестокими. Жестокость многих детей вырастает из жестокости, которую проявляли по отношению к ним взрослые. Когда вас бьют, вы не можете не захотеть тоже побить кого-нибудь. Как и в случае с учителями, вы выбираете для этого кого-то, кто физически слабее вас. Мальчики в строгих школах более жестоки друг к другу, чем дети в Саммерхилле.

Жестокость неизменно рационализируется: мне еще больнее, чем тебе. Редко какой-нибудь садист прямо говорит: «Я избиваю людей, потому что я получаю от этого удовольствие», хотя именно это и было бы правдой. Они оправдывают свой садизм нравственными побуждениями, говоря: «Я не желаю, чтобы мой мальчик был слишком мягким, я хочу, чтобы он смог приспособиться к миру, который нанесет ему немало тяжелых ударов. Я бью своего сына, потому что меня били, когда я был мальчиком, и это принесло мне чертовски много пользы».

У родителей, которые бьют своих детей, подобные бойкие объяснения всегда наготове. Я еще не встречал родителя, который

бы честно признался: «Я бью моего ребенка, потому что ненавижу его, ненавижу себя, ненавижу жену, работу, родственников, фактически я ненавижу жизнь как таковую. Я бью моего сына, потому что он маленький и не может дать мне сдачи. Я бью его, потому что боюсь своего начальника. Когда на работе мне попадает от начальника, я дома вымещаю это на ребенке».

Если бы родителям хватило честности, чтобы сказать себе все это, они бы почувствовали, что на самом деле нет никакой необходимости в жестокости к детям. Жестокость рождается из невежества и ненависти к себе. Жестокость защищает садиста от осознания извращенности его собственной природы.

В гитлеровской Германии людей пытали сексуальные извращенцы вроде Юлиуса Штрайхера[56]; его статья «Штурмовик» была полна злобного извращенного секса задолго до того, как были созданы концентрационные лагеря. Тем не менее многие отцы, готовые с негодованием осудить сексуальную извращенность тюремного садиста, не рассматривают с той же точки зрения собственные маленькие садистические выходки. Бить ребенка дома или в школе — это, по сути, то же самое, что пытать евреев в Бельзене. Если в Бельзене садизм имел сексуальную природу, то такую же подоплёку он имеет в школе или в семье. Я слышу протестующий голос какой-нибудь матери: «Ерунда! Уж не хотите ли вы сказать, что, когда я сегодня шлепнула Джимми по руке за то, что он трогал вазу, подаренную бабушкой, я проявляла сексуальное извращение?!»

Мой ответ — да, пусть и в слабой степени. Если ваш брак счастливый и ваша сексуальная жизнь вас полностью удовлетворяет, вы не станете шлепать Джимми. Шлепанье — проявление ненависти к плоти, а плоть означает тело со всеми его требованиями и стремлениями. Если вы любите свою собственную плоть, вы не захотите причинить боль плоти Джимми.

Родители вольны бить своих детей, сколько им заблагорассудится, если только они при этом не оставляют следов, которые могут быть обнаружены в местном суде. Наш уголовный кодекс — это длинный список жестокостей, маскирующихся под справедливость.

С психологической жестокостью справиться еще труднее, чем с физической. Телесные наказания в школах можно отменить муниципальным законом, но человек, проявляющий психологическую жестокость, недосягаем ни для какого закона. Циничный или злобный родительский язык способен нанести ребенку невообразимый вред. Все мы знаем отцов, которые глумятся над своими детьми. «Безрукий, ты ничего не можешь

сделать, чтобы не испортить». Аналогичным образом такие мужчины выказывают и свою ненависть к женам, постоянно критикуя их. Встречаются и жены, правящие своими мужьями и детьми с помощью запугивания и потоков оскорблений.

Особая форма психологической жестокости — жестокость отца, вымещающего на детях свою ненависть к жене.

Жестокость учителей иногда принимает форму высокомерия и сарказма. Такие учителя рассчитывают услышать хохот учеников, когда они подобным образом истязают какого-нибудь несчастного запуганного ребенка.

Дети никогда не бывают жестокими, если только их не вынуждают подавить какое-нибудь сильное чувство. У свободных детей нет или почти нет ненависти к себе, которая искала бы выхода. Нет у них и ненависти к другим, так что они не жестоки.

У каждого маленького задиры жизнь каким-то образом изуродована. Часто он просто совершает по отношению к другим буквально то же самое, что делали с ним. Каждая порка превращает ребенка в садиста — в мечтах или на практике.

Подавленные дети жестоки в своих шутках. Мне почти никогда не приходилось сталкиваться в Саммерхилле с жестокими розыгрышами, а все те, что я видел, были обычно выдуманы новоприбывшими из других школ. Иногда в начале семестра, когда дети возвращаются из-под значительно более сильного подавления дома, случаются вспышки этой болезни школ-интернатов — прячут велосипеды или что-нибудь еще в этом роде, но это продолжается не более недели. В основном юмор Саммерхилла доброжелателен. И дело здесь в том, что дети пользуются признанием и любовью учителей, а когда необходимость ненавидеть и бояться уничтожена, дети становятся хорошими.

Истоки правонарушений

Многие психологи считают, что ребенок не рождается хорошим или плохим, но имеет врожденные задатки как добропорядочности, так и криминальности. Я считаю, что никакого криминального инстинкта не существует, равно как нет у ребенка и какой-либо природной склонности к плохому поведению. Криминальность проявляется у ребенка как извращенная форма любви. Это — открытое проявление жестокости, и, так же как и жестокость, криминальность возникает из-за недостатка любви.

Однажды один из моих учеников, девятилетний мальчик, играя, с удовольствием бормотал себе под нос: «Я хочу убить маму». Это было вполне бессознательное поведение, потому что мальчик занимался изготовлением лодки и весь его сознательный интерес был сосредоточен на этом. А дело было в том, что его мать жила своей жизнью и виделась с ним редко. Она не любила его, и он подсознательно знал это.

Но ведь этот мальчик — один из самых симпатичных детей в Саммерхилле — не начинал свой путь в жизни с преступными мыслями. Это старая история: Если я не могу получить любовь, то могу получить ненависть. Каждый случай детской преступности, и это всегда можно проследить, имеет в своей основе недостаток любви.

У другого девятилетнего ученика была фобия: он боялся, что мать отравит его. Когда она поднималась из-за стола, он следил за каждым ее движением и нередко говорил: «Я знаю, ты пошла за ядом, ты хочешь отравить меня». Я заподозрил, что это был случай проекции. Мать, похоже, больше любила другого сына, и возможно, что невро- тичный мальчик в своих фантазиях готов был отравить и брата, и мать. Его страхи, вероятно, были страхами возмездия: «Яхочу отравить ее, а она может в отместку отравить меня».

Преступление — очевидное выражение ненависти. Изучение детской преступности неизбежно превращается в изучение причин, приведших ребенка к ненависти. Это проблема травмированного Я.

Мы не можем игнорировать тот факт, что ребенок в первую очередь эгоист. Все остальное не имеет для него никакого значения. Когда его Я удовлетворено, мы имеем дело с тем, что обычно называем добротой, а когда Я истощено, мы сталкиваемся с преступностью. Преступник мстит за себя обществу, мстит за то, что общество не сумело оценить его Я, не проявило любви к нему.

Если бы люди рождались с преступными склонностями, хорошие семьи из среднего класса давали бы столько же преступников, сколько семьи из трущоб. Но обеспеченные люди имеют больше возможностей для выражения своего Я. Удовольствия, которые можно купить за деньги, изящная обстановка, культура и фамильная гордость — все это льстит Я. У бедняков Я голодает. Очень немногие мальчики из бедных семей достигают каких-либо отличий. Стать преступником, гангстером, просто забиякой — это один из способов отличиться.

Немало людей полагают, что преступниками людей делают плохие фильмы. Такой взгляд представляется мне близоруким. Я очень сомневаюсь в том, что какой-нибудь фильм когда-нибудь кого-нибудь испортил. Конечно, фильм может подсказать подростку способ действия, но только в том случае, если преступный мотив возник еще до появления этой картины. Фильм может сделать преступление более искусным, но он не может внушить преступный замысел никому, кто бы его уже не имел.

Преступление — дело в первую очередь семейное и лишь во вторую — общественное. Большинство из нас, те, кто будут честны, признают, что убивали своих близких в фантазиях. У меня была одна ученица, которая придумывала для членов своей семьи, особенно для матери, самые ужасные способы смерти.

За многими сообщениями об убийствах видны власть и ревность. Власть для любого ребенка нестерпима, и я еще удивляюсь, что в мире так мало убийц, когда думаю о том, скольких детей в возрасте от 4 до 16 лет постоянно бьют.

У ребенка стремление к власти — это желание быть любимым и вызывать восхищение. Ребенок обычно старается вызвать восхищение собой и внимание к себе. Поэтому преступные мысли чаще обнаруживаются у детей-интровертов — робких детей, не имеющих дара общительности. Невзрачная маленькая девочка, чья очаровательная сестренка танцует соло перед гостями, может лелеять ужасные фантазии о внезапной смерти сестры.

У экстраверта нет таких поводов для ненависти, он смеется, танцует и разговаривает, признание аудитории удовлетворяет его потребность в восхищении. А интроверт сидит в углу и мечтает о том, как все должно было бы быть. Самый интровертированный мальчик в моей школе не принимает участия в общих вечеринках. Он никогда не танцует, не поет, не участвует в шутливой возне. Во время личных уроков он рассказывает мне о прекрасном волшебнике, который ему служит. Ему достаточно сказать одно только слово, и волшебник подарит ему роллс-ройс. Однажды я рассказал ему историю, в которой все ребята Саммерхилла

оказались заброшенными на необитаемый остров. История, как я понял, ему не понравилась. Я предложил ему попробовать изменить ее к лучшему. «Сделай так, чтобы я был единственным, кто спасся», — сказал он.

Нам всем знаком этот механизм карабкания наверх путем сталкивания другого вниз. Такова, например, психология ябедника. «Извините, сэр, но Томми ругается» означает «Я не ругаюсь, я — хороший мальчик».

Различие между человеком, убивающим соперников в воображении, и преступником, который делает это в действительности, — различие в степени. Поскольку все мы в большей или меньшей степени испытываем голод любви, мы все — потенциальные преступники. Раньше я тешил себя мыслью о том, что излечиваю детей от криминальных фантазий своими психологическими методами. Но теперь я думаю, что первенство должно быть отдано любви. Утверждать, что я люблю всякого нового ученика, было бы глупостью, тем не менее ребенок чувствует, что я люблю его, потому что уважаю его Я.

Предоставить ребенку свободу быть самим собой — настоящее лекарство от криминальности. Я понял это много лет назад, когда познакомился с «Маленьким содружеством» Гомера Лейна. Он предоставлял детям-правонарушителям свободу быть самими собой, и они становились хорошими. В трущобах у таких детей есть один лишь способ удовлетворить свое Я — привлечь к себе внимание асоциальным поведением. Лейн рассказал мне, что видел, как во время судебных разбирательств некоторые подростки-преступники с гордостью поглядывали на суд и зал. В сельскохозяйственной общине у Лейна эти мальчики нашли новые общественно приемлемые ценности, т. е. хорошие ценности. То, что я увидел на этой ферме в Дорсете, убедительно доказывало, что врожденной склонности к преступлению не существует.

Я вспоминаю историю о том, как один из новых подопечных Лейна сбежал. Лейн выследил его и поймал. Мальчик, привыкший к тычкам, поднял руку, защищаясь. Лейн улыбнулся и сунул ему в руку какие-то деньги.

Зачем это? — оторопел мальчишка.

Поезжай домой на поезде, парень, не иди пешком, — сказал Лейн.

Той же ночью мальчик вернулся в «Содружество».

Я думаю об этом способе и о суровых методах большинства исправительных школ. Преступления создает закон. В семье закон, провозглашаемый отцовскими запрещающими приказами, ограничивает Я ребенка и тем самым делает ребенка плохим.

Государственный закон лишь оживляет хранящуюся в подсознании память о домашних ограничениях.

Подавление вызывает протест, а протест, естественно, ищет мести. Преступление — это месть. Чтобы уничтожить преступность, мы должны уничтожить то, что делает ребенка ищущим мщения, мы должны проявлять уважение к ребенку.

Воровство

Следует различать два детского вида воровства: воровство нормального ребенка и невротичного ребенка.

Нормальный здоровый ребенок может украсть — он просто хочет удовлетворить свою жажду приобретения или вместе с друзьями ищет приключений. Он еще не провел черты между своим и чужим. Многие дети в Саммерхилле до определенного возраста подвержены такого рода воровству. Им предоставлена свобода изжить эту склонность.

Когда в разговорах с директорами школ речь заходит о школьных фруктовых садах, часто приходится слышать, что ученики растаскивают большую часть урожая. У нас в Саммерхилле сейчас большой сад, полный плодовых деревьев и кустарников. Но наши дети редко воруют плоды. Некоторое время назад двое новеньких были оштрафованы общим собранием школы за кражу фруктов из сада. Когда их тревоги исчезли, у мальчиков пропал и интерес к краже фруктов.

Школьное воровство — дело по большей части групповое. Когда случается групповая кража, всегда есть основания считать, что здесь важную роль сыграла страсть к приключениям. И не только она, но еще и возможность покрасоваться, проявить предприимчивость и лидерские качества.

Мошенник-одиночка встречается очень редко. И всегда им оказывается застенчивый мальчик с ангельской невинностью на лице, которому часто удаются его проделки, потому что в Саммерхилле не найдется стукача, который его выдал бы. Нет, вам никогда не удастся определить юного воришку по лицу. У меня есть мальчик с невинной улыбкой и ясными бесхитростными голубыми глазами, и я сильно сомневаюсь, что он так уж совершенно ничего и не знает о местонахождении некоей банки фруктов, которая исчезла из школьной кладовой прошлой ночью.

Мне, однако, пришлось повидать немало детей, которые в возрасте 13 лет воровали, а выросли честными гражданами. Похоже, правда состоит в том, 4то детям нужно гораздо больше времени, чтобы повзрослеть, чем мы привыкли думать. Когда я говорю «повзрослеть», я имею в виду «стать социально ответственным существом».

Ребенок в первую очередь эгоист — обычно вплоть до начала пубертатного периода. И до этих пор он, как правило, не способен идентифицировать себя как автономную личность. «Мое» и «чужое» — взрослые понятия. У ребенка оно сформируется, когда

он для этого созреет.

Если дети любимы и свободны, они в свое время станут хорошими и честными. Звучит просто, но я отдаю себе отчет в том, сколько препятствий возникает на этом пути.

У себя в Саммерхилле я не могу оставлять незапертыми ни холодильник, ни ящик с деньгами. На наших школьных собраниях одни дети обвиняют других во взламывании их чемоданов. Даже один вор способен заставить все сообщество озаботиться замками и ключами, и немного найдется детских сообществ, которые были бы совершенно свободны от этого. Пятьдесят пять лет назад я не решался оставить кошелек в кармане пальто в студенческой раздевалке университета. А недавно мне рассказали, что некоторые члены парламента опасаются оставлять ценные вещи в своих пальто или сумках.

Похоже, что честность — как свойство человека — возникла довольно поздно; ее появление, возможно, было связано с приходом частной собственности. Вполне вероятно, что честность диктуется прежде всего страхом. От мошенничества с налогами меня удерживает не абстрактная честность, а страх, что игра может не стоить свеч и осуждение, которое последует, если этот обман обнаружится, может разрушить и репутацию, и работу, и семью.

Если есть закон, направленный против каких-то конкретных действий, само собой разумеется, что он был создан из-за того, что существуют люди, склонные к их совершению. Если бы в какой-нибудь стране вообще все запретили, то там не было бы нужды в отдельном законе против вождения автомобиля в нетрезвом виде. Множество законов, принятых во всех странах против воровства, грабежа, мошенничества и т. п., объясняется тем, что человек крадет, если может. Это — правда.

В конце концов большинство взрослых более или менее нечестны. Мало найдется людей, которые не протащили что-нибудь через таможню, еще меньше тех, кто не жульничает с подоходным налогом. И тем не менее почти всякий глубоко огорчается, если его сын украдет пенс.

В то же время в обращении друг с другом большинство людей вполне честны. Совсем нетрудно, будучи в гостях, опустить одну из хозяйских серебряных ложек себе в карман, если бы вам это пришло в голову. Подобная мысль не приходит вам в голову, но вполне вероятно, что вы воспользуетесь обратным билетом, который контролер забыл прокомпостировать. Взрослые различают индивидуальную собственность и собственность организации, будь то государственная организация или частная. Надуть страховую компанию — нормально, а надуть бакалейщика

— предосудительно. Дети такого различия не делают. Они без разбора тянут вещи у товарищей по комнате, у учителей, из магазинов. Конечно, так поступают не все дети, однако в разделе украденного согласны участвовать многие. Это значит, что у свободных и счастливых детей среднего класса обнаруживается та же нечестность, что и у их менее состоятельных товарищей.

Я думаю, что многие дети готовы украсть, если предоставится такая возможность. Будучи мальчиком, я не крал потому, что был ужасно запуган. Украсть означало бы схлопотать хорошую порку, если бы кража обнаружилась, и вечно гореть в адском огне. Но дети, не столь запуганные, как я, естественно, будут красть. Тем не менее я настаиваю, что со временем и при условии, что ребенок воспитывается в любви, он перерастет эту стадию воровства и превратится в честного человека.

Другой вид воровства — привычное непреодолимое воровство — свидетельство наличия у ребенка невроза. Воровство невротичного ребенка обычно означает, что ему не хватает любви. Мотив этот не осознается. Почти в каждом доказанном случае подросткового воровства ребенок чувствует себя нелюбимым. Его воровство — символическая попытка добыть что-то, имеющее большую ценность. Что бы ни было украдено — деньги, драгоценности или что-то еще, бессознательное желание состоит в том, чтобы украсть любовь. Этот род воровства может быть излечен только любовью к ребенку. Следовательно, когда я даю мальчику деньги за кражу моего табака, я обращаюсь к его неосознанным чувствам, а не к сознательным мыслям. Он может считать меня дураком, но то, что он думает, значения не имеет, важно то, что он чувствует. А чувствует он, что я — его друг, что я его принимаю, что я — человек, дающий ему любовь вместо ненависти. Рано или поздно воровство прекращается, потому что любовь, которую он символически крал в виде денег или вещей, теперь дается ему свободно, поэтому уже нет нужды ее красть.

В связи с этим вспоминается мальчик, все время катавшийся на велосипедах других детей. На общем собрании школы он был обвинен в постоянном нарушении правила личной собственности — использовании чужих велосипедов. Приговор: виновен. Наказание: сообщество просят принять участие в сборе денег на покупку ему велосипеда. Деньги были собраны.

Использование этого приема — вознаграждения за воровство — требует, однако, некоторого уточнения. Если интеллект воришки невысок или, что еще хуже, он эмоционально неразвит, вознаграждение не дает желаемого эффекта. Он не извлечет пользы из символического дара и в том случае, если у него завышенное мнение о себе. В работе с трудными детьми я

обнаружил, что почти все юные воры хорошо реагировали на мое вознаграждение за воровство. Немногие неудачи были связаны с теми, кого можно было бы назвать сознательными мошенниками, не доступными терапии, или, во всяком случае, такой скрытой терапии вознаграждением.

Положение, однако, усложняется, когда за воровством скрываются одновременно и недостаток родительской любви, и чрезмерные запреты в отношении секса. К этой категории принадлежит клептомания — неконтролируемое протягивание руки за чем-то запретным (мастурбация). Наилучший прогноз по этому виду воровства существует в том случае, если родители осознают свою ошибку и начинают все сначала, причем начинают с того, что честно говорят ребенку: мы были не правы в своих запретах. Учитель, лишенный помощи родителей, вряд ли может излечить клептоманию[57]. Лучше всего для снятия запрета подходит тот, кто его первоначально и наложил.

Однажды у меня был шестнадцатилетний мальчик, присланный в Саммерхилл из-за злостного воровства. По приезде он отдал мне льготный билет, купленный родителями в Лондоне, — детский билет, который ему уже не полагался. Я хотел бы убедить родителей привычно нечестных детей сначала посмотреть на себя, постараться выяснить, что именно в их обращении с ребенком сделало его нечестным.

Родители сильно ошибаются, когда возлагают вину за привычную нечестность своего ребенка на плохих товарищей, гангстерские фильмы, недостаток родительского контроля (папа служил в армии) и т. п. Сами по себе перечисленные факторы едва ли могли существенно повлиять на ребенка, если бы он воспитывался без подавления в отношении секса и чувствовал себя любимым и принятым.

Я не знаю, скольким юным воришкам идут на пользу ежедневные или еженедельные визиты в детскую социальную клинику. Однако уверен, что методы в таких клиниках не грубые и не злые, а социальные работники очень стараются понять ребенка, не читают ему нотации и не распекают его. Впрочем, усилия детского психолога и инспектора по делам малолетних правонарушителей сводятся на нет семьей, в которой живет психически нездоровый ребенок. Я утверждаю, что успех приходит только тогда, когда психологу или инспектору удается убедить родителей изменить свое обращение с ребенком. Потому что юные воришки подобны юношеским прыщам, внешним признакам болезни тела, больного тела нашего общества. Никакой объем индивидуальной терапии не может компенсировать зло, которое наносят плохая семья, жизнь в

трущобах и нищета.

К несчастью, большинство детей от 5 до 15 лет получают образование, адресованное только разуму. При этом их эмоциональной жизни не уделяется практически никакого внимания. Но именно эмоциональные нарушения у невротичного ребенка ответственны за его непреодолимую тягу к кражам. А все знания по школьным предметам или их отсутствие никакого отношения к его воровству не имеют.

Совершенно очевидно, что ни один счастливый человек не ворует непреодолимо и постоянно. В случае привычного воровства надо прежде всего выяснить: в какой семье рос ребенок? Было ли его детство счастливым? Всегда ли его родители говорили ему правду? Испытывал ли он чувство вины по поводу мастурбации? Чувствовал ли он себя виноватым в связи с религией? Почему он вел себя неуважительно по отношению к родителям? Не чувствовал ли он, что они не любят его? Что-то ужасное должно было случиться с его душой, чтобы он превратился в вора. И почти наверняка тот ад, в который его готовы послать некоторые наши судьи, не сможет преодолеть ад, завладевший его душой.

Курс терапии вовсе не обязательно решает проблемы юного вора. Конечно, он мог бы сильно помочь ребенку, возможно, отчасти избавил его от страхов и ненависти, дал немного самоуважения, но, пока в окружении сохраняются изначальные истоки ненависти, воришка в любой момент может скатиться на прежний уровень. Так что терапия его родителей представляется куда более полезной.

У меня однажды был здоровенный парень, чей психологический возраст был года 3 или 4. Он воровал из магазинов. Я решил пойти с ним вместе в магазин и украсть что-нибудь у него на глазах (сговорившись предварительно с хозяином). Для этого мальчика я был Отцом и Богом. Я был склонен думать, что причиной воровства было неодобрительное отношение к сыну его настоящего отца. Мне казалось, что если он увидит своего нового Отца и Бога крадущим, то будет вынужден пересмотреть свои представления о воровстве. Я вполне определенно ожидал, что он резко воспротивится этому.

В лечении невротичного ребенка от воровства я не вижу никакого другого способа, кроме одобрения. Невроз — результат конфликта между тем, что человеку предписано не делать, и тем, что он на самом деле хочет делать. Я неизменно обнаруживаю, что ослабление этого ложного противопоставления делает ребенка счастливее и лучше. Освободите ребенка от угрызений совести — и вы излечите его от воровства.

Правонарушители

В наши дни диких столкновений с применением оружия и кастетов власти не знают, что делать с юношеской преступностью, и, видимо, готовы прибегнуть к любым средствам, чтобы обуздать ее. Об одном новом способе рассказали газеты. Способ суров: подростков приговором суда направляют в исправительные школы, в которых установлена система тяжелых работ со строгими наказаниями. В газете напечатана фотография мальчиков с огромными бревнами на плечах. В репрессивных учреждениях, кажется, не существует никаких послаблений.

Я допускаю, что несколько месяцев в подобном аду могут удержать нескольких потенциальных правонарушителей. Но такое обращение никогда не уничтожает истинные корни правонарушений. И что гораздо хуже, оно убеждает большинство подростков в ненависти общества к ним. Суровость обречена постоянно создавать людей, ненавидящих общество.

Более 30 лет назад Гомер Лейн доказал своей работой в исправительном лагере «Маленькое содружество», что малолетние правонарушители могут быть излечены любовью и такой властью, которая встает на сторону ребенка. Лейн забирал из лондонских судов самых трудных мальчиков и девочек, асоциальных крутых подростков, известных своей репутацией головорезов, воров и бандитов. Эти «неисправимые» приезжали в «Маленькое содружество» и сталкивались с самоуправлением, любовью и принятием. Постепенно молодые люди становились порядочными, честными гражданами, многие из которых давно стали моими друзьями.

Лейн был гением понимания детей-правонарушителей и взаимодействия с ними. Он излечивал их, потому что постоянно давал им любовь и понимание. Убежденный в том, что за каждым преступлением скрывается побуждение, которое изначально было хорошим, он всегда искал в правонарушении скрытый мотив. Он обнаружил, что разговоры с детьми бесполезны, а значение имеют только поступки. Лейн утверждал, что ребенок перестанет вести себя скверно или асоциально, если предоставить ему возможность изжить свои желания. Однажды, когда один из его юных подопечных — Джейбетс, разозлившись, захотел перебить чашки и блюдца на чайном столе, Лейн протянул ему железную кочергу и скомандовал: «Валяй!» Джейбетс сделал то, что хотел, но уже на следующий день он пришел к Лейну и попросил перевести его на более ответственную и лучше оплачиваемую работу, чем та, которую он делал до этого. Лейн спросил, зачем ему нужна лучше

оплачиваемая работа. «Потому что я хочу заплатить за те чашки и блюдца», — ответил Джейбетс. Лейн объяснял это так: действие разбивания чашек сбросило груз его запретов и конфликтов. Тот факт, что в первый раз в жизни он был поддержан властью в желании что-то разбить, освободил его от злости и произвел на него благотворное эмоциональное действие.

Правонарушители из «Маленького содружества» Гомера Лейна были выходцами из ужасных городских трущоб. Тем не менее я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из них вернулся в старую компанию. Я называю метод Лейна методом любви. А создание ада-для-правонару- шителей я называю методом ненависти. И поскольку ненависть еще ни разу никого и ни от чего не излечила, я убежден, что этот адский метод никогда не поможет ни одному подростку стать на путь общественно приемлемого поведения.

И все же я очень хорошо представляю себе, что, будь я мировым судьей и мне было бы надо принять решение в отношении грубого и угрюмого правонарушителя, я бы совершенно не знал, что с ним делать. Ибо сегодня в Англии нет исправительной школы, похожей на «Маленькое содружество», куда можно было бы его направить. Я говорю это со стыдом. Лейн умер в 1925 году, и наши английские власти ничему не научились у этого потрясающего человека.

В последние годы, однако, замечательные люди из числа чиновников по надзору за условно осужденными искренне стремятся понять правонарушителей. Психиатры тоже, несмотря на неодобрительное отношение юристов, довольно далеко продвинулись, объясняя общественности, что правонарушение не плод злого умысла, а скорее вид болезни, требующий сочувствия и понимания. Течение повернуло в сторону любви, а не ненависти, понимания, а не нетерпимого морального осуждения. Это — слабое течение, но даже такое уносит хоть немного грязи, а со временем это течение должно набрать силу.

Я не знаю ни одного доказательства в пользу того, что человека можно сделать хорошим при помощи насилия, жестокости или ненависти. За мою долгую карьеру я имел дело со многими трудными детьми, часто правонарушителями. Я видел, как они несчастны и злобны, неполноценны, эмоционально дезориентированы. Они грубят мне и относятся ко мне неуважительно, потому что я — учитель, замена отца, враг. Мне приходилось жить с их напряженной ненавистью и подозрительностью. Но в Саммерхилле потенциальные правонарушители управляют собой сами в самоуправляющемся сообществе. Они свободны учиться и свободны играть. Когда они

крадут, их даже могут наградить. Им никогда не читают нотаций, не заставляют бояться власти, земной или небесной.

Через несколько коротких лет эти самые ненавистники уходят в мир счастливыми существами, нормальными членами общества. Насколько мне известно, ни один правонарушитель, проведший 7 лет в Саммерхилле, никогда не попадал в тюрьму, никого не насиловал, не совершал антиобщественных поступков. И это не я их излечил. Их излечила среда, потому что среда Саммерхилла обеспечивает доверие, безопасность, сочувствие, отсутствие обвинителей и судей.

После Саммерхилла дети не возвращаются к правонарушениям, потому что им позволено было изжить свою склонность к преступлению без страха наказаний и моральных поучений. Им позволено было вырасти из одной стадии своего развития и естественно перейти на следующую.

Что касается взрослых преступников, то я просто не знаю, как такой человек реагировал бы на любовь. Я полагаю, что награждение за кражу не излечит вора, но одновременно я вполне уверен, что его не излечивает и тюремное заключение. Лечение дает наибольшую надежду на благоприятный исход только с очень молодыми людьми. Тем не менее, даже будучи примененным к пятнадцатилетнему подростку, что, конечно, очень поздно, лечение свободой часто превращает правонарушителей в хороших граждан.

Однажды у нас в Саммерхилле появился двенадцатилетний мальчик, которого исключили уже из нескольких школ за антиобщественное поведение. В нашей школе он стал счастливым, общительным мальчиком с явными творческими способностями. Авторитарность исправительной школы прикончила бы его. Если свобода спасает педагогически запущенного трудного ребенка, что же она могла бы сделать для миллионов так называемых нормальных детей, которых уродуют авторитарные семьи?

Тринадцатилетний Томми был очень трудным. Он крал и разрушал. Как-то он не мог поехать домой на каникулы и остался с нами в школе. В течение двух месяцев он был единственным ребенком в Саммерхилле. И все это время он был абсолютно нормальным членом общества. Мы не запирали ни еду, ни деньги. Но как только его шайка вернулась, он повел парней в набег на кладовую, что лишь доказывает, что ребенок как отдельное существо и ребенок в группе — два разных человека.

Педагоги исправительных школ рассказывали мне, что асоциальные подростки часто отстают от нормы по интеллекту. Я бы добавил, что они отстают и в эмоциональном развитии. Одно

время я считал, что дети-правонарушители — способные, одаренные дети с творческой энергией, которую они выражают асоциальными способами, поскольку не владеют позитивными. Освободите такого ребенка от запретов и принуждения, думал я, и он скорее всего окажется умным, способным к творчеству, даже блестящим. Я был не прав, печально не прав. Годы жизни и взаимодействия с разного рода правонарушителями доказали мне, что они в большинстве своем неполноценны. Я могу вспомнить только об одном мальчике, который как-то отличился в дальнейшей жизни. Несколько человек излечились от асоциального поведения и нечестности и позднее занимались обычной нормальной работой. Однако никто не сумел стать известным ученым, выдающимся художником, умелым инженером или талантливой актрисой. Когда асоциальный порыв уничтожен, большинству из этих сбившихся с пути детей остается, похоже, на долю лишь смертельная скучная жизнь, лишенная амбиций.

Когда подросток вынужден оставаться в скверном окружении и с невежественными родителями, у него нет ни малейшего шанса изжить свою асоциальность. Уничтожение нищеты и трущоб в сочетании с преодолением родительского невежества автоматически уменьшило бы контингент исправительных школ.

Кардинальный способ преодоления подростковой преступности лежит в излечении общества от нравственных отклонений и сопутствующего безнравственного равнодушия. Мы просто обязаны принять ту или другую сторону. Обе они у нас перед глазами: либо мы будем исправлять подростка-нарушителя адскими ненавистническими способами, либо прибегнем к любви.

Позвольте мне вообразить на несколько минут, что я — министр образования с неограниченными полномочиями в этой области. Давайте я набросаю общую программу, ориентировочный «пятилетний план» для школ.

Будучи министром, я уничтожил бы все так называемые исправительные школы и вместо них создал бы колонии совместного обучения по всей стране. Одновременно я сразу организовал бы специальные центры подготовки, чтобы обеспечить колонии педагогами и вспомогательным персоналом. Каждая колония имела бы полное самоуправление. Персоналу не предоставлялись бы никакие особые привилегии. У них были бы те же еда и жилищные условия, что и у учеников. Ученики получали бы плату за выполнение любой общественно полезной работы. Девизом колоний служила бы свобода. Там не допускались бы ни религия, ни морализаторство, ни произвол власти.

Я бы исключил религию, потому что религиозная проповедь, пытаясь возвысить человека, на деле подавляет его. Религия видит грех там, где его нет, она верит в то, что человек волен в своих поступках, тогда как у некоторых детей, порабощенных собственными порывами, нет никакой свободной воли.

В воспитании чувств должна доминировать любовь, а не религиозное принуждение, не оставляя места никакой жестокости или несправедливости. Достижение этого идеала в колонии возможно только одним способом — предоставить молодых людей самим себе, освободив их от внешнего принуждения, ненависти и наказаний. Из опыта я знаю, что это единственный путь.

Педагогов учили бы быть на равных с учениками, не ставить себя выше их. Тогда педагоги избавились бы от ложного чувства собственного превосходства. Они бы исключили из методов воздействия на учеников сарказм, запугивание и были бы мужчинами и женщинами, наделенными бесконечным терпением, способными видеть далеко вперед, готовыми верить в конечный результат.

И даже несмотря на то, что нынешнее общество не позволило бы колонистам иметь полноценную интимную жизнь, совместное обучение юношей и девушек дало бы много ценного: привело бы к мягкости, естественным хорошим манерам, необходимому знанию противоположного пола, уменьшило бы интерес к порнографии и похотливое хихиканье.

Персонал характеризовала бы способность верить в учеников, обращаться с ними как с людьми, достойными уважения, а не как с ворами и разрушителями. В то же время сотрудники обладали бы развитым чувством реальности и не предлагали бы человеку «откусить больше, чем он может проглотить». Например, не назначали бы вора казначеем рождественского фонда колонии. Сотрудники всячески избегали бы соблазна читать нотации, понимая, что поступки значат гораздо больше, чем разговоры. Они обязаны были бы знать историю каждого правонарушителя, все его прошлое.

Интеллектуальному тестированию было бы отведено в колонии скромное место. Тесты не раскрывают жизненно важных возможностей ребенка и не способны правильно оценить его эмоциональность, творческие способности, оригинальность и воображение.

Общая атмосфера скорее напоминала бы лечебное, чем исправительное, учреждение. Подобно тому как ни один медик не морализирует с пациентом, больным сифилисом, так же и наши сотрудники не морализировали бы по поводу недуга, который мы

называем правонарушением. Колония отличалась бы от больницы только тем, что в ней, как правило, не раздавали бы лекарств, даже и психотропных. Лечение достигалось бы только присутствием подлинной любви в окружающей среде. Персонал также должен был бы проявлять подлинную веру в человеческую природу. Конечно, там встречались бы и неудачи, и неизлечимые правонарушители, обществу по-прежнему приходилось бы бороться с ними, но они составили бы ничтожное меньшинство, в то время как большинство правонарушителей откликнулись бы на любовь, терпимость и доверие.

Скептикам я бы всегда напоминал рассказ Гомера Лейна о мальчике-правонарушителе, с которым он беседовал в суде по делам несовершеннолетних. Лейн дал ему банкноту в один фунт, из этих денег тот должен был оплатить свой проезд до соседнего городка. Лейн был абсолютно уверен, что мальчик привезет ему сдачу полностью. Так и случилось.

Я бы напомнил и об одном американском начальнике тюрьмы, который отправил заключенного, осужденного за воровство, в Нью-Йорк купить новое оборудование для тюремной обувной мастерской. Тот вернулся с полным отчетом о новых станках, которые он купил. Начальник спросил: «Почему ты не воспользовался возможностью сбежать в Нью-Йорке?» Преступник поскреб затылок: «Не знаю, начальник, наверное, потому, что вы поверили мне».

Тюрьмы и наказания никогда не смогут заменить веру в человека, способную творить чудеса. Для человека, оказавшегося в беде, такая вера означает, что кто-то относится к нему с любовью, а не с ненавистью.

Лечение ребенка

Излечение больше зависит от пациента, чем от терапевта. Среди тех, кто приходит к психотерапевтам, многие не излечиваются потому, что на поход к врачу их подвигли родственники. Если, например, мужу и удается убедить сопротивляющуюся жену обратиться к психоаналитику, она, вполне естественно, отправляется туда с неудовольствием. Мой муж считает, что я недостаточно хороша. Он хочет, чтобы меня изменили, и мне это не нравится.

Аналогичная трудность возникает и с молодыми преступниками, когда под угрозой заключения их заставляют пройти терапию. Пациент должен хотеть вылечиться — это справедливо для всякой терапии, как со взрослыми, так и с подростками.

Большинство отклонений у детей способна излечить одна только свобода, без всякой дополнительной терапии. Но свобода, а не вседозволенность и не сентиментальность. Однако патологические случаи только свободой не излечиваются. Она едва ли поможет и при задержке развития. Но свобода обязательно будет работать в детских школах-интернатах при условии, что она поддерживается там постоянно.

Несколько лет назад ко мне прислали подростка, который был настоящим мошенником, воровавшим очень умно. Через неделю после его приезда мне позвонили из Ливерпуля.

Это говорит мистер Х (хорошо известный в Англии человек). У меня в вашей школе племянник. Он написал мне письмо, спрашивая, может ли он на несколько дней приехать в Ливерпуль. Вы не возражаете?

Нисколько, — ответил я, — но у него нет денег. Кто оплатит его дорогу? Вы бы лучше связались с его родителями.

На следующий день мне позвонила мать мальчика и сказала, что ей звонил дядя Дик. Что касается их с мужем, то они не возражают, чтобы Артур поехал в Ливерпуль. Они проверили стоимость билета — она составляет двадцать восемь шиллингов. Не мог ли бы я дать Артуру эти деньги?

Оба звонка Артур сделал из телефонной будки рядом со школой. Ему удалось превосходно сымитировать голоса — и старого дяди, и матери. Он разыграл меня, и я дал ему денег, прежде чем осознал, что меня провели.

Мы с женой обсудили ситуацию и решили, что требовать вернуть деньги назад было бы неправильно, потому что именно к этому обращению парень привык. Жена предложила наградить

его. Поздно вечером я вошел к нему в спальню.

Тебе сегодня повезло, — сказал я весело.

Еще бы! — отозвался он.

Да, но тебе повезло даже больше, чем ты думаешь, — продолжал я.

Ты о чем это?

А, твоя мать только что снова звонила, — ответил я непринужденно, — оказывается, она ошиблась насчет билета, он стоит не 28, а 38 шиллингов. Так что она просила добавить тебе десять.

Я беззаботно бросил десятишиллинговую банкноту ему на кровать и вышел прежде, чем он успел что-нибудь сказать.

На следующее утро он отправился в Ливерпуль, оставив письмо, которое мне должны были передать после того, как отойдет его поезд.

Оно начиналось так: «Дорогой Нилл! Ты лучший актер, чем я». А потом много недель он приставал ко мне с вопросом, зачем я дал ему эти десять шиллингов.

Наконец я ему ответил: «Что ты почувствовал, когда я дал их тебе?» На минуту он глубоко задумался, а потом медленно сказал: «Знаешь, это было самое большое потрясение в моей жизни. Я подумал, что ты первый человек в моей жизни, который стал на мою сторону». Я встретился с мальчиком, который понимал, что любовь есть принятие. Обычно такое понимание достигается не скоро. Объект терапии может лишь смутно осознать лечебный эффект и то лишь месяцы спустя.

Раньше, когда мне гораздо чаще приходилось иметь дело с тяжелыми отклонениями, я снова и снова вознаграждал таких детей за кражи. Но должно было пройти несколько лет, и только после того, как ребенок излечивался, он мог в какой-то мере осознать тот факт, что именно мое одобрение ему помогло.

Работая с детьми, приходится проникать в глубины психики, искать скрытые мотивы поведения. Мальчик асоциален. Почему? Естественно, его антиобщественные проявления бросаются в глаза и раздражают. Он вырос задирой, вором или садистом, но почему он стал таким? Раздражение может заставить учителя кричать, мстить и презирать ребенка, однако проблема этим не решается. Сейчас в обществе усиливается тенденция, требующая возврата к строгому дисциплинарному воспитанию, но оно воздействует лишь на симптомы и в конечном счете не дает никакого результата.

Родители привозят в Саммерхилл девочку — лгунью, воровку и злюку. Они вручают мне длинное описание ее прегрешений. Было бы роковой ошибкой с моей стороны дать ребенку понять,

что мне все о ней рассказали. Я должен подождать, пока эта информация поступит от самой девочки, выявится из ее поведения по отношению ко мне и другим в школе.

Много лет назад у меня был очень трудный ребенок. Его родители настаивали на обследовании у психиатра, так что я повез его к известному доктору на Харли-стрит. С полчаса я рассказывал специалисту все, что знал об этом случае, а затем мы позвали мальчика. «Мистер Нилл говорит, что ты очень плохой мальчик». Такова была его версия психотерапии.

Тысячи раз приходилось мне встречаться с подобным неправильным и невежественным обращением с детьми. «Что-то ты маловат для своего возраста», — приветствует гость мальчика, испытывающего комплекс неполноценности в связи с ростом.

Другой посетитель спрашивает у девочки: «Твоя сестра очень умная, правда?» Искусство обращения с детьми можно определить как знание того, чего не следует говорить.

В то же время необходимо показывать ребенку, что ему не удалось вас обмануть. Бесполезно просто позволить продолжать красть ваши марки, надо всякий раз давать ребенку понять, что вы знаете об этом. Однако совершенно непозволительно говорить: «Твоя мать предупреждала меня, что ты воруешь марки». Совсем другое дело заметить: «Я знаю, что ты взял мои марки».

Я всегда немного нервничаю, когда пишу родителям, опасаясь, что они могут оставить мое письмо где-нибудь на виду и ребенок наткнется на него, когда приедет домой на каникулы. Более того, я боюсь, что они могут написать своим детям что-нибудь вроде: «Нилл говорит, что ты не ходишь на занятия и вообще в этом семестре от тебя одни неприятности». Если бы такое случилось, ребенок навсегда потерял бы доверие ко мне. Так что обычно я стараюсь рассказывать родителям как можно меньше, если только не уверен, что они заслуживают абсолютного доверия.

Обычно я поступаю с ребенком правильно, потому что мой долгий опыт показал мне верный путь. Тут нет никакого особого ума, никакого особого дара, просто практика… И, возможно, еще способность не замечать несущественное.

Билл, новый ученик, украл деньги у другого ребенка. Жертва кражи спрашивает у меня: «Должен ли я обвинить его на нашем следующем общем собрании?»

Не задумываясь, отвечаю: «Нет, предоставь это мне». Позже я смогу это обосновать. Свобода Биллу в новинку, ему нелегко освоиться в новой среде, он так старался стать популярным и принятым среди новых приятелей, так чванился и выставлялся, что обнародовать его кражу значило бы предать его позору и

страху, за которыми, возможно, последовали бы открытое пренебрежение и взрыв антисоциального поведения. Или все сработало бы совершенно иначе, потому что, если, например, в своей последней школе он был предводителем шайки, который гордился тайными разрушительными выходками против педагогов, публичное обвинение позволило бы ему погордиться и покрасоваться в роли крутого парня.

В другой раз кто-то из детей сообщает: «Я собираюсь обвинить Мэри в том, что она украла мои карандаши». И я не проявляю никакого интереса. Я не размышляю — просто знаю, что Мэри в школе уже два года и справится с ситуацией.

Новый ученик, тринадцатилетний мальчик, всю жизнь ненавидевший уроки, поступает в Саммерхилл и бездельничает неделями. Наконец ему становится скучно, он приходит ко мне и спрашивает: «Мне пойти на уроки?» Я отвечаю: «Это меня совершенно не касается». Потому что он должен сам понять свои внутренние побуждения. Но другому ребенку я мог бы ответить: «Конечно, это хорошая идея», если мне известно, что домашняя жизнь и жизнь по расписанию в школе сделали его не способным принимать какие-либо решения и теперь нужно подождать, пока он постепенно научится полагаться на себя. Но, отвечая, я даже не думаю об этих его индивидуальных особенностях.

Любить — значит быть на стороне другого человека. Любить — значит принимать. Я знаю, что дети медленно учатся тому, что свобода — нечто совершенно отличное от вседозволенности. Но они способны научиться и научаются этой истине. В конце концов это срабатывает — почти всегда.

Путь к счастью

Фрейд показал, что всякий невроз основан на сексуальном подавлении. Я сказал себе: я создам школу, в которой не будет сексуального подавления. Фрейд показал, что бессознательное бесконечно более важно и могущественно, чем сознание. Я сказал себе: в моей школе не будет цензуры, наказаний, морализаторства, мы позволим каждому ребенку жить в соответствии с его глубинными импульсами.

Постепенно до меня дошло, что большинство фрейдистов не понимали, что такое свобода для ребенка, или не верили в ее необходимость. Они путали свободу со вседозволенностью. Они имели дело с детьми, которые никогда не обладали свободой быть самими собой, и поэтому у них не было естественного уважения к свободе других. Я убежден, что фрейдисты основывали свою теорию детской психологии на ущербных детях.

Фрейдисты обнаружили много анального эротизма у младенцев, но я не нашел подтверждения этому у саморегулирующихся детей. Не обнаруживается у них, похоже, и найденная фрейдистами детская антиобщественная агрессивность.

Постепенно я начал понимать, что моя территория — профилактика, а не лечение. У меня ушли годы на то, чтобы понять значение этого факта, т. е. осознать: в Саммерхилле трудным детям помогает свобода, а не терапия. Я нахожу, что моя главная работа состоит в том, чтобы сидеть тихо и одобрять все, что ребенок не любит в себе. Иными словами, я пытаюсь разрушить ненависть к себе, навязанную ребенку извне.

Новый ученик сквернословит. Я улыбаюсь и говорю: «Давай, ничего в этом нет плохого». То же с мастурбацией, ложью, воровством и другими общественно осуждаемыми действиями. Некоторое время назад у меня был маленький мальчик, который изводил меня вопросами: «Сколько ты заплатил за эти часы? Сколько сейчас времени? Когда кончается семестр?» Он вечно хотел что-то узнать и никогда не слушал моих ответов. Я понял, что он избегает главного вопроса, на который хотел бы получить ответ.

Однажды он вошел ко мне в комнату и, как всегда, задал кучу вопросов. Я не отвечал и продолжал читать свою книгу. После дюжины вопросов я посмотрел на него рассеянно и спросил: «О чем это ты спрашивал? Откуда дети берутся?» Он вскочил, покраснев. «Я не желаю знать, откуда берутся дети», — отрезал он, вышел, хлопнув дверью.

Десять минут спустя мальчик вернулся. «Где ты взял свою пишущую машинку? А что на этой неделе крутят в кино? Сколько тебе лет? (Пауза.) Ну ладно, черт с ним со всем… откуда берутся дети?»

Я ответил — честно. Больше он никогда не приходил ко мне с вопросами.

Уборка мусора — всегда тяжелый труд, и ничего больше. И только удовольствие видеть, как несчастный ребенок становится счастливым и свободным, позволяет мириться с этим занятием.

У этой медали есть и другая сторона — ты долго и утомительно изучаешь ребенка, а успеха не видно. Можно работать с ребенком год и к концу этого года порадоваться мысли, что мальчик излечился от воровства, но однажды он снова срывается, и педагог впадает в отчаяние. Случалось, что я уже одобрительно похлопывал себя по плечу в связи с конкретным учеником, а через пять минут ко мне врывался учитель и сообщал: «Томми опять украл».

И все же психология чем-то похожа на гольф. Вы можете пройти поле, сделав 200 ударов, выругаться и сломать свои клюшки, но в следующее солнечное утро снова отправитесь к площадке у первой лунки с новой надеждой в сердце[58].

Если вы говорите ребенку какую-то жизненно важную правду или он поверяет вам свои беды, у него формируется перенос, т. е. он вверяет вам все свои чувства. Когда я просвещаю маленького ребенка в отношении деторождения и мастурбации, этот перенос особенно силен. На каком-то этапе он может принять и негативную форму, перенесения ненависти, но у нормального ребенка негативная фаза длится недолго, за ней быстро наступает позитивное, любовное перенесение. Последнее у детей проходит легко, ребенок быстро обо мне забывает, его чувства направляются на других детей и на иные вещи. Поскольку я выступаю заменой отца, девочки, естественно, развивают более сильное перенесение в отношении меня, чем мальчики, но я не могу сказать, что у девочек всегда формируется позитивное перенесение, а у мальчиков непременно негативное. Напротив, у меня бывали девочки, которые в течение какого-то времени проявляли по отношению ко мне довольно свирепую ненависть.

Поначалу в Саммерхилле я был и учителем, и психологом, но постепенно обнаружил, что нельзя играть обе роли одновременно. Мне пришлось отказаться от роли психиатра, потому что большинство детей не могут заниматься повседневными делами с человеком, который для них — отец-исповедник. Они становятся раздражительными и постоянно опасаются критики с моей стороны. Более того, если я хвалю

рисунок какого-нибудь ребенка, я вызываю жгучую ревность у других детей. Психотерапевт вообще не должен жить в школе, дети не должны иметь к нему «светского» интереса.

Теперь уже все школы в психологии признают гипотезу о бессознательном, идею о том, что у всех нас есть потаенные желания, привязанности и неприязни, которых мы не осознаем. Характер — сочетание сознательного и бессознательного поведения.

Подросток, забравшийся в чужой дом, осознает, что хочет поживиться деньгами или вещами, однако он не знает глубинного мотива, который заставляет его избрать именно такой способ добывания денег вместо принятого в обществе способа зарабатывать их. Мотив скрыт от сознания, поэтому нравоучения, равно как и наказания, никогда не излечат его. Поучения слышны только его ушам, а наказания чувствительны лишь для его тела, но ни то, ни другое никогда не добирается до бессознательного мотива, управляющего его поведением.

Именно поэтому и религия своими проповедями не может достучаться до бессознательного в ребенке, но, если бы однажды священник отправился вместе с ним воровать, такой поступок мог бы положить начало размыванию в ребенке той ненависти к себе, которая и ответственна за его асоциальное поведение. Сочувственная поддержка помогла бы мальчику взглянуть на вещи по-другому. В моей практике излечение юного вора не раз начиналось с того, что я вместе с ним отправлялся воровать соседских кур или помогал ему ограбить школьный ящик с карманными деньгами. Поступок пробивается к бессознательному там, где словам это не под силу. Вот почему любовь и принятие так часто избавляют ребенка от проблем. Я не говорю, что любовью можно излечить острую клаустрофобию или открытый садизм, но в общем любовь излечивает большинство юных воров, лжецов и разрушителей. Я на практике доказал, что свобода и отсутствие моральной дисциплины излечили многих детей, чье будущее виделось как сплошная тюрьма.

Подлинная свобода, существующая в совместной жизни, похоже, делает в Саммерхилле для многих то, что психоанализ делает для отдельного человека. Она высвобождает скрытое. Она, как дуновение свежего воздуха, проветривает душу, чтобы очистить ее от ненависти к себе и к другим.

Сражение за молодежь — это драка без перчаток. Никто из нас не может оставаться в стороне. Мы должны принять ту или другую сторону: власть или свобода, дисциплина или самоуправление. Никакие половинчатые меры не годятся — положение слишком критическое.

Свободная душа, способность быть счастливым в работе, дружбе и любви или скопище внутренних конфликтов, делающих человека несчастным и заставляющих его ненавидеть и себя, и все человечество: либо то, либо другое наследство оставляют родители и учителя каждому ребенку.

Как можно взрастить счастье? Мой ответ таков: отмените власть. Дайте ребенку быть самим собой. Не подталкивайте его все время. Не учите его. Не читайте ему нотаций. Не пытайтесь его возвысить. Не заставляйте его делать что бы то ни было. Возможно, этот ответ вам не подходит, но, отвергая мой, вы обязаны найти лучший.

Часть 6. ПРОБЛЕМЫ РОДИТЕЛЕЙ

Любовь и ненависть

Ребенок приобретает совесть в результате усилий матери, отца, учителя, священника, — в общем, своего окружения. Несчастливость — результат конфликта между совестью и человеческой природой ребенка, или, говоря языком Фрейда, между его сверх-Я и Оно.

Совесть способна одержать столь полную победу, что мальчик станет монахом, полностью отказавшимся от мира и плоти. В большинстве случаев наблюдается компромисс, отчасти выраженный поговоркой «служить дьяволу по будням и богу по воскресеньям».

Любовь и ненависть на самом деле не полярны друг другу, настоящая противоположность любви — безразличие. Ненависть — это любовь, превращенная в свою противоположность препятствиями на ее пути. Ненависть всегда содержит элемент страха. Мы видим это на примере ребенка, который ненавидит младшего брата, — ненависть старшего вызвана страхом потерять любовь матери, а также боязнью собственных мстительных мыслей.

Когда Энеи, строптивая шведская девочка 14 лет, приехала в Саммерхилл, она начала с того, что пнула меня, чтобы разозлить. Я был для нее не слишком удачной заменой отца, которого девочка ненавидела и боялась. Энеи никогда не разрешалось посидеть у отца на коленях, он вообще никак не показывал дочери своей любви. Ее чувство к отцу превратилось в ненависть из-за того, что он никак не откликался на ее любовь. В Саммерхилле она неожиданно нашла нового отца, который не был с ней строг и не вызывал страха. Вот тогда вся ее ненависть и выплеснулась. То, что на следующий день она держалась по отношению ко мне чрезвычайно мило и нежно, доказывает: ее ненависть была просто извращенной любовью.

Для того чтобы вполне осознать смысл выходки Энеи, нужно прежде всего знать и понимать историю ее извращенного отношения к сексу. Она пришла к нам из женской школы, где ученицы грязно обсуждали секс по темным углам. Ненависть к отцу содержала многое от той ненависти, которая сформировалась в ней из-за подавления в сексуальных вопросах. Ненависть к матери, которая часто наказывала Энеи, была не менее сильной.

Мало кто из родителей понимает, что, наказывая ребенка, они превращают его любовь к себе в ненависть. Ненависть в ребенке разглядеть очень трудно. Матери, замечающие, что дети

после того, как их отшлепают, становятся нежными, не осознают, что вызванная этим шлепаньем ненависть была тут же подавлена. Но подавленные чувства не умирают, они всего лишь спят.

Есть маленькая книжка Маркуса, которая называется «Нравоучения для юных детей». Я часто провожу эксперименты, читая детям стихи из нее. Вот одно из стихотворений:

Видит Томми — дом его горит,
Видит — мать охвачена огнем,
Кирпичом отец его убит, —
И от смеха чуть не лопнул Том.

Этот стишок нравится детям больше всех остальных. Некоторые дети смеются очень громко, когда слушают, как его читают. Громко смеются даже те дети, которые любят своих родителей. Смех вызван тем, что подавленная ненависть к родителям, вскормленная шлепками, замечаниями, наказаниями, присутствует у всех.

Обычно такого рода ненависть находит выход в фантазиях, которые на первый взгляд не имеют отношения к родителям. Одному из младших учеников, мальчику, который очень любил своего отца, нравилось воображать, что он стреляет в льва. Когда я попросил ребенка описать льва, то быстро обнаружилось, что у зверя было нечто общее с отцом.

Однажды утром я по одному приглашал к себе учеников и рассказывал им историю о моей смерти. Все лица прояснялись, когда дело доходило до похорон. В тот день в группе царило особое веселье. Рассказы об убийстве великанов всегда весьма популярны у детей, потому что великан очень похож на папу.

Нет ничего чрезмерно потрясающего в том, что ребенок ненавидит родителей. Эта ненависть всегда берет начало из того времени, когда ребенок был абсолютным эгоистом. Маленький ребенок ищет любви и могущества. Всякое сердитое слово, каждый шлепок, любая несправедливость — лишение любви и могущества. Каждое неодобрительное слово, сказанное матерью, означает для ребенка: «Мама меня не любит». Любое «Не трогай это!» из уст отца означает: «Он стоит у меня на пути. Если бы только я был такого же роста, как он!»

Да, в ребенке есть ненависть к родителям, но она далеко не так страшна, как страшна ненависть родителей к ребенку. Придирки, вспышки ярости, шлепки и нотации родителей — все это проявления ненависти. У ребенка, чьи мама и папа не любят друг друга, очень мало шансов для нормального развития, потому что такие родители имеют обыкновение вымещать на ребенке свое несчастье.

Когда ребенок не находит любви, он ищет вместо нее

ненависть.

«Мама не обращает на меня внимания. Она меня не любит. Она любит мою младшую сестру. Я заставлю ее заметить меня. Заставлю!» И он крушит мебель. Все проблемы, связанные с поведением детей, в основе своей возникают из-за недостатка любви. Все наказания и нравственные поучения только увеличивают ненависть, они никогда не решают проблем.

Другая ситуация, чреватая ненавистью, — родители, считающие, что ребенок принадлежит им душой и телом. В таком случае ребенок ненавидит свои оковы и в то же время желает их. Этот конфликт иногда проявляется в жестокости. Ненависть к властной матери подавляется, но, поскольку чувство всегда должно найти себе выход, ребенок пинает кошку или бьет сестру, поскольку это легче, чем бунтовать против матери.

Стало общим местом говорить, что мы ненавидим в других то, что ненавидим в себе. Банально это или нет, но такова правда. Ненавистью, приобретенной в младенчестве, мы награждаем потом собственных детей, несмотря на все усилия передать им только свою любовь.

Говорят, что если вы не умеете ненавидеть, то не умеете и любить. Возможно. Я нахожу, что ненавидеть трудно. И я никогда не был способен проявлять персональную любовь к кому-то из детей и, уж конечно, не испытывал к ним сентиментальной любви. Понятие сентиментальный определить трудно, я вижу в сентиментальности приписывание гусю свойств лебедя.

Когда я занимался Робертом, поджигателем и вором с характером потенциального убийцы, я, естественно, перевел на себя всю его ненависть и всю любовь к отцу. Однажды после разговора со мной он выскочил на улицу и раздавил каблуком большую улитку. Роберт рассказал мне об этом, я попросил его описать улитку и услышал: «Длинное, отвратительное, скользкое животное».

Я протянул ему лист бумаги и попросил написать слово «улитка». Он написал. «А теперь посмотри на то, что ты написал», — сказал я. Он посмотрел и расхохотался. Потом взял карандаш и написал ниже: «Правильно будет Нилл, а не улитка»[59].

«Ты ведь не понимал, что длинное, отвратительное, скользкое существо, которое тебе так хотелось раздавить, — это я», — заметил я с улыбкой.

С этого момента мальчик стал абсолютно безопасен. Ему было полезно осознать, что он ненавидит меня. Но предположим, я бы пустился в какие-нибудь рассуждения типа: «Конечно, это я был улиткой, но на самом деле ты ненавидишь не меня. Ты

ненавидишь ту часть самого себя, которую я собой выражаю. Это ты — то самое скользкое существо, которое надо убить. Ты убивал это свойство в самом себе» — и т. д. Это была бы, на мой взгляд, опасная психиатрия. Дело Роберта— играть в шарики и пускать змеев. Все, что я, любой учитель или врач призваны сделать, — освободить его от конфликтов, которые мешают ему пускать змеев.

Всякий родитель, ожидающий от ребенка благодарности, ничего не понимает в его природе. В моем опыте было очень много таких случаев, когда на меня обижались ученики, которых я содержал в Саммерхилле бесплатно или за значительно сниженную плату. Они проявляли больше ненависти ко мне, чем 20 нормально платящих учеников, вместе взятых. Шоу писал: «Мы не можем принести себя в жертву другим, не начав при этом ненавидеть тех, ради кого мы принесли себя в жертву».

Это правда. И обратное — тоже правда: мы не можем принести себя в жертву другим без того, чтобы нас не возненавидели те, ради кого мы пожертвовали собой. Тот, кто отдает с легким сердцем, не ищет благодарности; родители, ожидающие благодарности от своих детей, всегда обречены на разочарование.

Коротко говоря, любой ребенок чувствует, что наказание выражает ненависть к нему, и это, безусловно, так и есть. И каждое наказание заставляет самого ребенка ненавидеть все больше и больше. Поскребите того твердолобого упрямца, который утверждает, что верит в телесные наказания, и вы обязательно обнаружите в нем ненавистника. Ненависть вскармливается ненавистью, а любовь — любовью: эту истину переоценить нельзя, с какой бы силой и решительностью ни подчеркивал я ее справедливость, это всегда будет слишком слабо. Никогда ни один ребенок не был излечен от ненависти ничем, кроме любви.

Испорченные дети

Испорченный ребенок, какой бы смысл мы ни вкладывали в слово «испорченный», — продукт испорченного общества. В таком обществе испорченный ребенок заполняет собой все пространство жизни. Он получил вседозволенность вместо свободы. Он не понимает, что такое подлинная свобода, которая означает любовь к жизни.

Испорченный ребенок — беда и для него самого, и для общества. Вы видите, как в поезде он шагает, налетая на ноги пассажиров, слышите, как он вопит в коридоре, не обращая никакого внимания на неустанные призывы измученных родителей вести себя потише — просьбы, которые он давным-давно перестал слышать. Позднее, по мере того как испорченный ребенок становится старше, его жизнь оказывается даже более скверной, чем жизнь того ребенка, которого слишком много наказывали. Испорченный ребенок чрезвычайно занят собой. Он вырастает человеком, который расшвыривает свои вещи по всей спальне, ожидая, что кто-то их уберет. И уж конечно, выросший испорченный ребенок получает от окружающих немало ответных тычков.

Часто испорченный ребенок — единственный в семье. У него нет рядом никого, близкого ему по возрасту, с кем можно было бы играть или мериться силами, и он, естественно, идентифицирует себя с родителями, стремясь делать то, что и они. Поскольку родители считают свое дитя чудом света, то поощряют его поведение, явно не соответствующее возрасту, потому что боятся потерять любовь ребенка, если хоть как-то возразят ему.

Иногда я сталкиваюсь с таким отношением к детям у учителей, которые балуют своих учеников. Эти учителя пребывают в постоянном страхе утратить популярность у детей. Подобный страх — прямая дорога к тому, чтобы их испортить. Хороший учитель или родитель должен стараться быть объективным. Он обязан держать свои комплексы при себе и не допускать, чтобы они проявлялись в отношениях с ребенком. Это нелегко, я понимаю, мы ведь так слепы именно в отношении собственных комплексов. Для несчастливой женщины, например, всегда велика опасность испортить сына, потому что она не может не изливать на него свою неудовлетворенную любовь.

В Саммерхилле испорченный мальчик— всегда подлинное наказание. Он изводит мою жену, потому что она — замена матери. Он пристает к ней с вопросами: «Когда кончится этот

семестр? Сколько сейчас времени? Можно ли мне получить немного денег?» Все эти вопросы имеют один мотив — довести мать до раздражения. А испорченная девочка всегда пытается добиться, чтобы я откликнулся на ее поведение, потому что я — замена отца. Обычно она стремится вызвать реакцию не любви, а ненависти. Испорченная новенькая может спрятать мою ручку или сказать другой девочке: «Ты нужна Ниллу», а на самом деле ее слова и действия означают, что сама она хочет быть нужной Ниллу.

Испорченные мальчики и девочки пинали мою дверь и крали мои вещи только для того, чтобы заставить меня как-то реагировать на это. Когда испорченный ребенок внезапно оказывается в большой семье, он начинает сопротивляться. Он ожидает от меня и моих сотрудников того же попустительского отношения, какое проявляли к нему любящие родители.

Испорченный ребенок обычно расходует слишком много денег. Я всегда испытываю замешательство, когда вижу, что родители прислали своему ребенку фунт на расходы, в то время как я из-за их трудного экономического положения позволил им платить мало или вовсе ничего не платить за обучение. Ребенку не следует давать все, что он ни попросит. Нынешние дети вообще получают слишком много, настолько, что перестают ценить подарки. Часто те родители, которые перебарщивают с дарами, недостаточно любят своих детей. Такие родители пытаются компенсировать нехватку подлинной привязанности шумными изъявлениями любви и дорогими подарками. Это, в сущности, то же самое, что делает муж, когда, изменив жене, покупает ей дорогую меховую шубу, которая вообще-то им не по карману. Я взял себе за правило не всякий раз привозить дочери подарок из Лондона, и в результате Зоя и не ждет его после каждой поездки.

Испорченный ребенок редко что-нибудь ценит. Получив хромированный трехскоростной новый велосипед, он три недели спустя бросает его под дождем на всю ночь.

Очень часто испорченный ребенок воплощает для родителей новый шанс на успех в жизни. Я мало чего добился в жизни, потому что многие люди мешали мне, но мой сын будет иметь все возможности преуспеть там, где я не смог. Именно этот мотив заставляет отца, не получившего музыкального образования, настаивать на том, чтобы его сын учился играть на фортепиано. И он же толкает мать, отказавшуюся ради брака от карьеры, посылать свою дочь на занятия балетом, не обращая внимания на то, что девочка тяжела на ногу. Именно из-за подобных родителей великое множество мальчиков и девочек вынуждены браться за

такие занятия и труды, которые им никогда и не пришли бы в голову, будь они предоставлены самим себе.

Бедный родитель не может справиться со своими чувствами. Человеку, построившему процветающий бизнес по пошиву готового платья, тяжело обнаружить, что сын хочет стать актером или музыкантом. Но такое случается часто. Есть еще испорченные дети, чьи матери не хотят, чтобы они вообще когда-либо вырастали. Материнство, конечно, работа, но не пожизненная. Большинство женщин это понимают, и все же как часто приходится слышать, как мать говорит о своей дочери: «Она слишком быстро растет».

Ребенку нельзя позволять нарушать личные права других. Родители, которые не хотят испортить своих детей, должны различать свободу и вседозволенность.

Власть и могущество

До того, как психология обнаружила важность бессознательного, ребенок считался разумным существом, которое способно по своей воле поступать хорошо или плохо. Его разум считали чистой доской, на которой добросовестному учителю оставалось лишь сделать надлежащую запись.

Теперь мы понимаем, что в ребенке нет ничего статичного, он весь — динамика побуждений. Он стремится выразить свои желания в действии. По своей природе он эгоистичен и всегда старается испытать свою власть. Стремление к власти, как и секс, лежит в основе всего.

Совсем маленький ребенок, вероятно, полагает, что его власть над окружением наилучшим образом выражает производимый им шум. Реакции взрослых на шум могут создать у ребенка преувеличенные представления о собственной значимости. Но очень возможно, что для ребенка шум и сам по себе достаточно важен. Родители, как правило, пресекают шум в детской, но еще раньше возникает другой гнет — подавление, связанное с приучением ребенка к чистоплотности. Мы, конечно, можем только догадываться, но допускаю, что ребенок в своих экскреторных актах чувствует себя могущественным. Похоже, физиологические отправления означают для него многое, поскольку это первые акты созидания. Я говорю, что мы можем об этом лишь догадываться, потому что никто не знает, что думает и чувствует ребенок, когда ему год или два. Но среди детей 7 и 8 лет, безусловно, встречаются такие, кто испытывает сильное чувство могущества в связи с экскреторными актами.

Нормальная женщина боится льва, невротичная — боится мыши. Лев — реальная опасность, а мышь воплощает какой-то подавленный интерес, в котором женщина боится признаться. Так же и детские желания подавлением могут быть превращены в фобии. Многие дети испытывают ночные страхи: боятся привидений, грабителей или злых духов. Часто несведущие родители верят, что в этих страхах виновата сказка, рассказанная няней, но сказка просто придает фобии форму. Страх коренится в подавлении родителями сексуального интереса ребенка. Ребенок боится собственных потаенных интересов подобно тому, как женщина, испытывающая страх перед мышами, боится своих.

Подавление вовсе не обязательно должно быть в первую очередь сексуальным. Сердитый отец, который кричит: «Прекрати этот грохот!», может переключить интерес ребенка к шуму на боязливый интерес к отцу. Когда желания ребенка ограничивают,

он начинает ненавидеть. Если бы я отобрал игрушку у смышленого трехлетнего мальчика, то он, будь у него силы, убил бы меня.

Однажды мы сидели с Билли у меня в кабинете. Я устроился в кресле-качалке в черно-желтую полоску. Для Билли я, конечно, замена отца.

Расскажи мне сказку, — попросил он.

Нет, это ты мне расскажи, — возразил я.

Нет, — настаивал Билли, — я не могу, это ты должен рассказывать сказку.

Ладно, давай сочиним ее вместе, — предложил я. — Когда я остановлюсь, ты мне подскажешь, ладно? Ну, хорошо. Значит, жил-был однажды…

Билли посмотрел на мое полосатое кресло. «Тигр», — сказал он, и я понял, что это полосатое животное — я.

И лежал он на дороге, ведущей к школе. Однажды по этой дороге пошел мальчик. Мальчика звали…

Доналд, — вставил Билли (Доналд — его приятель).

Тогда тигр прыгнул и…

Съел его, — отозвался Билли быстро.

Тогда Деррек сказал: «Я не позволю этому тигру съедать моего брата», зарядил револьвер и отправился по этой дороге. А тигр выпрыгнул и…

Съел его, — весело продолжил Билли.

Тогда Нилл рассвирепел. «Я просто не потерплю, чтобы этот тигр съел всю мою школу». Он нацепил два своих револьвера и отправился в путь. Тигр выскочил и…

Съел его, конечно.

Но тогда Билли сказал, что так дело не пойдет. Он взял два своих револьвера, меч, кинжал, автомат и отправился вниз по дороге. А тигр выпрыгнул, и…

Он убил тигра, — скромно резюмировал Билли.

Отлично! — вскричал я. — Он убил тигра. Он кинжалом пригвоздил его тело к двери, а сам пошел в школу и созвал общее собрание. Тогда один из сотрудников сказал: «Теперь, когда Нилл внутри у тигра, нам понадобится новый директор, и я предлагаю…»

Билли, опустив глаза, молчал.

И я предлагаю…

Ты сам прекрасно знаешь, что предложили меня, — сказал он с досадой.

И вот Билли стал директором школы Саммерхилл, — сказал я. — И как ты думаешь, что он сделал в первую очередь?

Пошел в твою комнату и забрал твой токарный станок и

пишущую машинку, — не колеблясь и не смущаясь, заявил он.

А вот другая история про Билли. Однажды он сообщил мне:

Я знаю, где можно достать собаку больше папиной. (У его отца были два екай-терьера.)

Где? — спросил я, но он покачал головой и не захотел отвечать. — Как ты ее назовешь, Билли?

Шлангом, — ответил он.

Я протянул ему лист бумаги.

Давай-ка посмотрим, как ты нарисуешь свой шланг, — сказал я.

Он нарисовал огромный фаллос. Я вдруг вспомнил о своем старом

велосипедном насосе. Я принес его и показал Билли, как его можно использовать в качестве брызгалки.

— Ну, теперь, — сказал я, — у тебя есть шланг подлиннее, чем у твоего папы.

Он громко рассмеялся. Пару дней он бегал вокруг школы, радостно разбрызгивая воду, а потом потерял интерес к шлангу.

Вопрос такой: случай Билли следует отнести к сексу или к проблеме могущества? Я думаю, что этот случай имеет отношение к могуществу. Его желание убить тигра (т. е. меня) только повторяло то, которое возникло в нем, когда он впервые увидел отца обнаженным. Это не имеет прямого отношения к сексу. Стремление Билли иметь фаллос больше, чем отцовский, тоже было желанием могущества. Его фантазии — мечты о могуществе. Я слышал, как он рассказывал другим мальчикам фантастические истории о том, сколько самолетов он может вести одновременно. Во всем этом — его Я.

В основе фантазии лежит неудовлетворенное желание. Каждый ребенок хочет быть большим, но все в его окружении напоминает ему, что он еще маленький. Ребенок побеждает свое окружение, сбегая из него, он поднимается на крыльях фантазии и живет мечтами. Стремление быть машинистом — это мотив могущества. Управление поездом, мчащимся вперед на огромной скорости, — один из лучших примеров этого мотива.

Питер Пэн популярен среди детей не потому, что не растет, но потому, что он может летать и побеждать пиратов. Он популярен и у взрослых, потому что они хотят быть детьми, у которых нет множества обязанностей и необходимости бороться за существование. На самом деле ни один мальчик не хочет оставаться мальчиком, и стремление к могуществу подталкивает его.

Подавление детского шума и детского любопытства искажает естественное стремление ребенка к могуществу. Так называемые

несовершеннолетние правонарушители, о которых говорят, что они пострадали из-за того, что смотрели слишком много фильмов, пытаются выразить то стремление к могуществу, которое было подавлено. Я обнаружил, что, как правило, мальчик с выраженным антисоциальным поведением, предводитель шайки, бьющей окна, в условиях свободы становится твердым приверженцем закона и порядка.

Энеи была лидером нарушителей распорядка в своей школе, и ее не могли больше там держать. Спустя две ночи после приезда в Саммерхилл она начала драться со мной, сначала как бы в шутку, но очень скоро это перестало быть игрой. На протяжении трех часов она пинала и била меня, все время приговаривая, что заставит меня выйти из себя. Я отказывался выходить из себя и продолжал улыбаться. Это было нелегкое испытание. Наконец, один из учителей сел к роялю и заиграл тихую, медленную музыку. Энеи утихомирилась. Отчасти ее нападение носило сексуальный характер, но, если говорить о власти, я был здесь олицетворением закона и порядка, я был директором.

Жизнь казалась Энеи довольно запутанной. В Саммерхилле она неожиданно обнаружила, что здесь не существует никаких запретов, ей нечего нарушать, и она почувствовала себя как рыба, вытащенная из воды. Энеи попыталась затеять склоку среди других учеников, но преуспела только с самыми младшими. Она пыталась снова обрести привычное могущество, руководя бандой, направленной против законной власти. На самом деле девочка была приверженцем закона и порядка, но в той области закона и порядка, где правили взрослые, у нее не было возможности проявить свое могущество, и наилучшей альтернативой она посчитала бунт против закона и порядка.

Через неделю после приезда она присутствовала на общем собрании школы. Энеи стояла и надо всем насмехалась. «Я буду голосовать за законы, — объявила она, — но только ради удовольствия иметь ка- кие-то законы, которые можно нарушать».

Встала одна из наших домоправительниц: «Энеи, как видно, не хочет, чтобы существовали законы, которые соблюдались бы абсолютно всеми. Я предлагаю, чтобы у нас вообще не было никаких законов. Пусть будет хаос».

Энеи закричала: «Ура!» — и повела учеников с собрания. Ей легко было это сделать, потому что там были младшие дети, еще не достигшие возраста, когда появляется общественное сознание. Она отправилась с ними в мастерскую, где они все вооружились пилами. Дети объявили о своем намерении спилить все фруктовые деревья. Я, как обычно, пошел копаться в огороде.

Десять минут спустя ко мне подошла Энеи. «Что мы должны

сделать, чтобы прекратить хаос и опять иметь законы?» — тихо спросила она.

Ничего не могу тебе посоветовать, — ответил я.

Можем мы собрать другое общее собрание школы? — спросила она.

Конечно, можете, только я на него не пойду. Мы ведь решили иметь хаос.

Она ушла, а я продолжал копать.

Прошло немного времени, и она вернулась.

Мы провели собрание детей, — сказала она, — и проголосовали за то, чтобы провести собрание всей школы. Ты придешь?

Всей школы? — уточнил я. — Да, я приду.

На собрании Энеи была совершенно серьезна, и мы мирно приняли наши законы. Общий ущерб, причиненный в период хаоса, — один бельевой шест, распиленный пополам.

Годами Энеи получала удовольствие, предводительствуя недовольными тамошней властью. Подогревая этот бунт, она делала нечто ей ненавистное. Девочка ненавидела хаос. В глубине души она была законопослушным гражданином. Но у Энеи была огромная жажда власти. Она чувствовала себя счастливой только тогда, когда руководила другими. Бунтуя против учителя, она пыталась сделать себя важнее учителя. Энеи ненавидела законы, потому что ненавидела власть, которая устанавливала законы. Она идентифицировала себя со своей матерью, которая наказывала ее, и проявляла садизм в отношении к другим людям. Мы можем лишь предполагать, что ее ненависть к власти объективно была ненавистью к власти матери, а субъективно ненавистью к той части ее собственной души, которая представляла властную мать. Я нахожу, что гораздо труднее лечить такие случаи, где замешаны отношения власти и подчинения, чем касающиеся секса. Выявить события и поучения, которые формируют у ребенка нечистую совесть в отношении секса, сравнительно легко, но вытащить на свет тысячи причин, которые делают ребенка человеком, садистически склонным к власти, очень трудно.

Тут уместно вспомнить об одной из моих неудач. Когда я преподавал в Германии, ко мне направили Мирославу, тринадцатилетнюю славянскую девочку. Она страшно ненавидела отца. За 6 месяцев девочка сделала жизнь моей школы маленьким адом. Она нападала на меня на школьных собраниях и однажды провела решение, которое гласило, что меня надо выгнать из школы на том основании, что от меня нет никакой пользы. Я получил три выходных и только начал испытывать удовольствие

от писания новой книги, когда, к несчастью, произошло другое школьное собрание, на котором было решено (при одном голосе против, конечно), что меня надо попросить вернуться. Мирослава всегда говорила: я не потерплю в школе никакого начальника. Она была властным человеком с огромным эго. Когда она уезжала (мне пришлось сказать ее матери, что я не могу ее излечить), я пожал ей руку.

Ну что ж, — любезно поинтересовался я, — я не слишком тебе помог, да?

И знаешь почему? — отозвалась она с сухой улыбкой. — Я тебе скажу. В первый день, когда я приехала в твою школу, я делала ящик. А ты сказал, что я беру слишком много гвоздей. И с этого момента я знала, что ты — такой же, как и всякий другой директор школы на свете, ты — начальник. С этого момента ты уже не мог мне помочь.

Ты права, — согласился я. — Прощай.

Ненависть, возможно, чаще представляет собой извращенное стремление к власти, чем извращенную любовь. Ненависть, которую излучала Мирослава, можно было физически ощущать. Стремление к власти — черта, в не меньшей мере женская, чем мужская. Женщина обычно желает власти над людьми, в то время как мужчина стремится к власти над материальными объектами. И Мирослава, и Энеи, вероятнее всего, стремились к власти над людьми.

Ни один ребенок до 8 лет не является подлинным эгоистом, он всего лишь думает только о себе. Шестилетний мальчик, чей отец учит его думать о других и поэтому бьет всякий раз, когда он думает только о себе, поначалу представляет свое положение объективно: я должен делиться сладостями, когда папа видит. Но процесс идентификации начинается. Мальчик хочет быть таким же большим, как отец, — это мотив могущества. Он хочет владеть матерью в такой же мере, как отец. Он идентифицирует себя с отцом, и, делая это, он принимает философию своего отца. Он становится маленьким консерватором или маленьким либералом. Он, как это обычно бывает, поселяет отца в своей душе. Совесть, бывшая прежде отцовским голосом извне, становится отцовским голосом изнутри. Таков процесс, посредством которого определенные люди встают под знамена баптизма, кальвинизма или коммунизма.

Девочки, которых шлепали матери, когда вырастают, сами начинают шлепать детей. Прекрасной иллюстрацией этого является игра детей «в школу»: там учитель все время дерется.

Желание детей быть взрослыми есть стремление к могуществу. Уже одни только размеры взрослых создают у

ребенка ощущение собственной неполноценности. Почему взрослым позволено сидеть допоздна, почему им принадлежат все лучшие вещи: пишущие машинки, автомобили, хорошие инструменты, часы?

Мальчики — мои ученики — с удовольствием намыливают себе лица, когда я бреюсь. Тяга к курению тоже есть главным образом желание быть взрослым. Обычно как раз у единственного ребенка стремление к могуществу наиболее ущемлено, поэтому именно с таким ребенком труднее всего управляться в школе.

Однажды я совершил ошибку: привел маленького мальчика в школу за десять дней до того, как приехали остальные ученики. Он был совершенно счастлив, крутясь среди учителей, сидя в учительской, занимая всю спальню один. Но когда приехали другие дети, он стал вести себя асоциально. Пока он был один, мальчуган помогал изготавливать и чинить многие вещи, когда приехали другие, он начал те же самые вещи ломать. Его гордость была ущемлена. Ему пришлось в одночасье перестать быть взрослым. Он обязан был спать в комнате с четырьмя другими мальчиками и рано ложиться. Его бурный протест заставил меня принять решение никогда больше не давать ребенку такой легкой возможности идентифицировать себя со взрослыми.

Во зло обращается только ущемленное стремление к могуществу.

Человеческие существа изначально хороши, они хотят творить добро, любить и быть любимыми. Ненависть и бунт есть лишь ущемленное стремление к могуществу и ущемленная любовь.

Ревность и зависть

Ревность вырастает из чувства собственности. Если бы половая любовь на самом деле заставляла человека выходить за пределы самого себя, мужчина ликовал бы, видя, как его девушка целует другого мужчину, потому что он был бы рад видеть ее счастливой. Но половая любовь есть обладание, и человек с сильным чувством собственности из ревности совершает преступление.

Отсутствие сколько-нибудь заметной сексуальной ревности среди тробрианских островитян предполагает, что ревность, возможно, является побочным продуктом нашей более сложной цивилизации. Ревность возникает из сочетания любви и чувства собственности в отношении объекта любви. Не раз отмечалось, что ревнивый муж обычно стреляет не в соперника, бегущего с его женой, а в жену. Возможно, он убивает женщину для того, чтобы сделать свое достояние недосягаемым для других, так же как крольчиха может съесть свое потомство, если люди чересчур тискают крольчат. Эго ребенка хочет иметь все или ничего, оно не может ни с кем делиться.

Ревность больше связана с могуществом, чем с сексом. Ревность — реакция на ущемление Я. «Я — не первый, я — не самый любимый, я поставлен в унизительное положение». Такова, безусловно, психология ревности, которую мы обнаруживаем у профессиональных певцов и драматических актеров. В студенческие годы я легко заводил дружбу с обитателями подмостков довольно простым способом — говоря им, что другой исполнитель в спектакле был совершенно ужасен.

В ревности всегда есть вполне определенный страх потери. Оперная дива ненавидит другую примадонну, боясь, что овации, предназначенные ей, будут не такими громкими и долгими. Если сравнивать, то не исключено, что страх потери уважения вносит больший вклад в ревность, чем все соперники в любви на свете.

Поэтому в семье многое зависит от того, насколько старший ребенок чувствует себя оцененным по достоинству. Если саморегуляция дала ребенку такую независимость, что ему не надо постоянно искать родительского одобрения, то его ревность к новому члену семьи будет меньше, чем в том случае, если бы он был несвободным ребенком, навеки привязанным к материнской юбке и никогда не становящимся вполне независимым. Мои слова не означают, что родители должны стоять в стороне и просто наблюдать, как старший ребенок реагирует на младшего. С самого начала следует избегать любых действий, способных

усугубить ревность, например чересчур явной демонстрации младенца посетителям. Дети всех возрастов обладают острым чувством справедливости или, скорее, несправедливости, и мудрые родители постараются, чтобы младшему ребенку не оказывалось никакого предпочтения, хотя той или иной степени этого почти невозможно избежать.

Старшему брату может показаться несправедливым, что младенец получает материнскую грудь, но этого не происходит, если старший чувствует, что он уже естественно прожил свой этап грудного кормления. Для обоснованных выводов по этому вопросу нужно гораздо больше данных. У меня нет опыта наблюдения реакции саморегулирующегося ребенка на появление младшего. Является ли ревность непременной чертой человеческой природы, я не знаю.

За долгие годы работы с детьми я обнаружил: многие люди сохраняют в дальнейшей жизни — со злым чувством — некоторые воспоминания о том, что они считают несправедливостью, испытанной в дошкольном возрасте. Особенно часты воспоминания о случаях, в которых старшего ребенка наказывали за что-то, сделанное младшим. Я всегда оказывался виноват — это боль многих старших братьев и сестер. В любой ссоре, если плачет малыш, автоматическая реакция занятой матери — наброситься на старшего ребенка.

Восьмилетний Джим имел привычку целовать всякого, с кем встречался. Его поцелуи были больше похожи на сосание, чем на целование. Я заключил, что Джим так до сих пор и не перерос свое младенческое влечение к сосанию. Я пошел и купил ему детскую бутылочку. Джим каждый вечер укладывался спать с бутылочкой. Другие мальчики, которые поначалу разражались воплями иронического хохота (таким образом маскируя свой интерес к бутылкам), скоро стали завидовать Джиму. Двое потребовали бутылки. Джим неожиданно превратился в маленького брата, который давным-давно захватил монополию на материнскую грудь. Я купил бутылки для всех. Тот факт, что они тоже захотели получить бутылки, доказывает, что и эти мальчики сохраняли влечение к сосанию.

Зависть особенно ярко проявляется в столовой: даже некоторые сотрудники испытывают ее, когда посетители получают какое-то особое блюдо. И если повар даст какому-то старшему ученику спаржу, остальные начнут бешено возмущаться любимчиками кухни.

Несколько лет назад в школе случилась беда из-за прибытия ящика с инструментами. Дети, чьи отцы не могли купить им хорошие инструменты, испытывали зависть и вели себя в течение

трех недель асоциально. Один из мальчиков, хорошо знавший, как надо обращаться с инструментами, взял из набора рубанок. Он принялся вынимать лезвие, стуча молотком по острию, и, конечно, испортил рубанок.

Мне он сказал, что просто забыл, как надо вынимать эту железку. Осознанно или неосознанно, данный акт разрушения был проявлением зависти.

Иногда невозможно предоставить всем детям по отдельной комнате, но каждый ребенок должен иметь уголок, в котором он может делать все, что захочет. В Саммерхилле у каждого ученика есть личный стол и собственная территория, и он с удовольствием оформляет свой уголок.

Иногда зависть возникала из-за личных уроков. Почему это Мэри получает их, а я — нет? Вдруг какая-нибудь девочка умышленно и сознательно начинала вести себя как трудный ребенок, просто для того, чтобы попасть в список тех, кому необходимы личные уроки. Однажды одна девочка разбила несколько окон, и, когда ее спросили, что она, собственно, имела в виду, она ответила: «Я хочу, чтобы Нилл давал мне личные уроки». Обычно девочка, которая ведет себя подобным образом, считает, что отец не уделял ей достаточного внимания.

Поскольку дети привозят с собой в школу свои семейные проблемы и ревность, больше всего в работе с ними я боюсь писем, которые пишут своим детям родители. Однажды мне пришлось написать одному отцу: «Пожалуйста, не пишите своему сыну. Всякий раз, когда от вас приходит письмо, он становится плохим». Отец мне не ответил, но сыну писать перестал. Пару месяцев спустя я увидел, что мальчик получил письмо от отца. Я забеспокоился, но ничего не сказал. Около полуночи до меня донеслись ужасные вопли из спальни мальчика. Я бросился на шум и поспел как раз во время, чтобы спасти нашего котенка от повешения. На следующий день я пошел в его комнату искать письмо. Среди прочего я прочел: «Тебе, наверное, будет интересно узнать, что у Тома (младший брат) в прошлый понедельник был день рождения и тетя Лиззи подарила ему котенка».

Криминальность фантазий, которые вырастают из ревности, не знает пределов. Ревнивый ребенок в фантазиях убивает своих соперников. Двое братьев собирались из Саммерхилла домой на каникулы. Вдруг на старшего напал ужас. «Я боюсь, что потеряю Фреда по дороге», — повторял он. Он боялся, что его фантазии могут осуществиться.

«Нет, — говорил мне одиннадцатилетний мальчик про своего младшего брата, — нет, я не то чтобы хочу, чтобы он прямо так умер, но если бы он отправился в какое-нибудь долгое-долгое

путешествие в Индию или еще куда-нибудь и вернулся назад уже взрослым, вот этого мне хотелось бы».

Каждому новому ученику в Саммерхилле приходится выдержать 3 месяца бессознательной ненависти со стороны остальных, потому что первая реакция ребенка на нового члена семьи — реакция ненависти. Старшему ребенку обычно кажется, что мама видит только новорожденного, потому что младенец спит с матерью и занимает все ее внимание. Подавленная ненависть ребенка к матери часто маскируется вспышками нежности к ней. Именно старший ребенок в семье ненавидит сильнее всего. Младший никогда не знал, что такое быть «царем горы». Когда я думаю об этом, то понимаю, что с самыми тяжелыми случаями неврозов ко мне поступали либо единственные, либо старшие дети.

Родители неумышленно постоянно вскармливают ненависть старшего ребенка. «Ну ладно, Том, твой младший брат не устраивал бы такого шума по поводу порезанного пальца». Я помню, что, когда я был ребенком, мне без конца ставили в пример другого мальчика. Он был прекрасный ученик, всегда и во всем первый. Он брал все призы в верховой езде. Он умер. Я вспоминаю его похороны как довольно приятное событие.

Учителя часто сталкиваются с ревностью родителей. Я не раз терял учеников из-за того, что родители завидовали привязанности ребенка к Саммерхиллу или ко мне. Это можно понять. В свободной школе детям позволяется делать абсолютно все, если только они не нарушают принятых в семье правил, которые устанавливаются на общих собраниях школы. Ребенок часто даже не хочет ехать домой на каникулы, потому что очутиться дома — значит оказаться в плену ограничений, принятых в семье. Родители, не испытывающие ревности к школе или ее учителям, обращаются со своими детьми дома точно так же, как мы в Саммерхилле: они верят в своих детей и дают им свободу быть самими собой. Эти дети едут домой с восторгом.

Между родителем и учителем не должно быть соперничества. Если родитель превращает любовь ребенка в ненависть тем, что устанавливает строгие правила и отдает приказы, он должен ожидать, что ребенок будет искать любви где-то в другом месте. Ведь учитель — суррогат отца или матери. Именно не нашедшая выхода любовь к родителям выплескивается на учителя потому, что учителя любить легче, чем отца.

Я бы не смог сосчитать всех известных мне отцов, которые из-за ревности ненавидели своих сыновей. Как отец сказочного Питера Пэна, они хотели от своих жен материнской любви, ненавидели юного соперника и часто жестоко избивали его.

Нередко положение мужа усложняется в связи с возникновением семейного треугольника. Когда родился ребенок, вы в какой-то степени становитесь третьим лишним. Некоторые женщины после рождения ребенка теряют всякий интерес к сексуальной жизни. В любом случае вам теперь приходится делиться с ребенком любовью вашей жены. Вы должны отдавать себе отчет в происходящем, иначе окажется, что вы ревнуете к собственному ребенку. У нас в Саммерхилле было множество детей, страдавших либо от материнской, либо от отцовской ревности. По большей части это были случаи, когда ненависть делала отца суровым и даже жестоким по отношению к сыну. Если отец состязается с детьми за любовь матери, дети непременно в большей или меньшей степени вырастут невротиками.

Я встречал матерей, утративших былую привлекательность и с ненавистью смотревших на свежесть и красоту своих дочерей. Обычно это женщины, которым нечем заняться, они живут в прошлом и вспоминают о своих давних победах, одержанных на танцах много лет назад.

Я часто замечал, что раздражаюсь, когда два юных существа влюбляются друг в друга. Когда я рационализировал это чувство[60], то считал, что мое раздражение вызвано страхом неудобных последствий. Как только я осознал, что это было не что иное, как собственническая ревность к молодости, мое раздражение и страх улетучились.

Ревность к молодости — реальная вещь. Семнадцатилетняя девушка рассказывала мне, что в частной школе-интернате, в которой она училась раньше, ее учительница считала, что груди — это такая постыдная вещь, что их необходимо туго бинтовать. Это, несомненно, экстраординарный случай, и все же он содержит в преувеличенной форме истину, которую мы пытаемся забыть, — старость, разочарованная и подавленная, ненавидит юность, потому что завидует ей.

Развод

Что делает ребенка невротиком? Во многих случаях тот факт, что родители не любят друг друга. Невротичный ребенок жаждет любви, а в семье любви нет. Он слышит, как родители рычат друг на друга. Они могут честно пытаться утаить свою тайну от ребенка, но он улавливает атмосферу. Ребенок верит своим глазам больше, чем ушам. Никакого ребенка не обмануть словами вроде «дорогуша» и «миленький». У меня среди прочих были следующие случаи.

Пятнадцатилетняя девочка, воровка. Мать неверна отцу. Девочка знала.

Четырнадцатилетняя девочка, несчастная мечтательница. По словам врача, невроз возник в тот день, когда она увидела отца с любовницей.

Двенадцатилетняя девочка, ненавидела всех. Отец — импотент, мать озлоблена.

Восьмилетний мальчик, вор. Отец и мать открыто скандалили.

Девятилетний мальчик. Жил в фантазиях (в основном анально-эро- тических). Родители усиленно скрывали враждебность друг к другу.

Четырнадцатилетняя девочка мочилась в постель. Родители жили врозь.

Девятилетний мальчик, с которым трудно уживаться дома из-за его вспыльчивого характера. Жил в фантазиях величия. Мать несчастлива в браке.

Я понимаю, как трудно излечить ребенка, когда его семья остается местом безлюбия. Сколько раз я отвечал на материнский вопрос: «Что мне делать с моим ребенком?» — советом: «Сами сходите к психоаналитику».

Отцы и матери нередко говорили мне, что давно развелись, если бы не дети. И часто для детей было бы лучше, если бы не любящие друг друга родители действительно развелись. В тысячу раз лучше! Супружеская жизнь без любви — это несчастная семья. А атмосфера несчастливости — это всегда психическая смерть для ребенка. Мне случалось видеть, как маленький сын несчастливой в браке матери относится к ней с ненавистью. Он мучает мать, как садист. Был мальчик, который кусал и царапал мать. Другие дети мучают мать, постоянно требуя ее внимания. В соответствии с теорией эдипова комплекса все должно быть наоборот. Маленький мальчик смотрит на своего отца как на соперника за любовь матери, и естественно предположить, что в

случае, когда отец очевидным образом сошел с круга, сын, как успешный поклонник, должен был бы проявлять растущую нежность к матери. Я часто вижу, что вместо этого он необычайно жесток к матери.

Несчастливая в браке мать всегда склонна к фаворитизму: поскольку супружеской любви нет, она концентрирует всю свою любовь на каком-нибудь одном ребенке. Любовь жизненно важна для ребенка, но несчастливый в браке родитель не способен давать любовь в должной пропорции: он дает либо слишком мало, либо слишком много любви, и трудно сказать, какое из этих зол больше.

Ребенок, которому досталось мало любви, становится ненавистником, асоциальным и задиристым. Ребенок, перекормленный любовью, становится маменькиным сокровищем с робкой женской душой, который всегда ищет безопасности у матери. Место матери может символически занимать дом (как в случае агорафобии"), Матерь-церковь или Родина-мать.

Меня не интересуют законы о разводе. Советовать взрослым — не мое дело. Однако изучать детей — мое дело. И очень важно внушить родителям, что, если мы хотим дать невротичному ребенку хоть какой-нибудь шанс на выздоровление, необходимо изменить домашнюю атмосферу. Родители, если это необходимо, должны быть достаточно мужественны, чтобы признать: их влияние плохо сказывается на детях. Одна мать сказала мне: «Но если я не увижу моего ребенка в течение двух лет, я потеряю его». — «Вы уже его потеряли», — ответил я, и это было правдой, потому что дома он был несчастлив.

Родительская тревожность

Можно сказать, что тревожный родитель — это тот, кто не способен дать своему ребенку любовь, честь, уважение, доверие.

Недавно мать одного нового ученика приехала в Саммерхилл. На все выходные она отравила жизнь мальчику. Он не был голоден, но она стояла над ним и заставляла его есть ланч. Мальчик перепачкался, строя шалаш, и она погнала его с площадки в дом, чтобы отскрести дочиста. Сын потратил карманные деньги на мороженое, а она прочла ему лекцию о том, как вредно мороженое для желудка. Мать поправляла ребенка, когда тот обращался ко мне по имени, и требовала, чтобы он называл меня «Мистер Нилл».

Я спросил ее: «Какого черта вы записали сына в эту школу, если у вас такое суетливое и беспокойное отношение к нему?»

Она невинно ответила: «Как? Потому что я хочу, чтобы он был свободен и счастлив. Я хочу, чтобы он стал независимым человеком, не испорченным внешними влияниями».

Я сказал: «А-а!» — и зажег сигарету. Женщина нисколько не подозревала, что обращается с сыном глупо и жестоко, передает ему всю ту тревожность, которую породила в ней ее собственная фрустрированная жизнь.

Я спрашиваю: что можно с этим сделать? Ничего! Ничего, разве что дать несколько примеров вреда, наносимого родительским беспокойством, и надеяться на лучшее. Надеяться, что, может быть, хотя бы одна родительница из миллиона скажет: «Я никогда об этом не думала! Я полагала, что поступаю правильно. Возможно, я была не пра-

Расстроенная мать пишет: «Я совершенно не знаю, что делать с моим двенадцатилетним сыном, который вдруг начал воровать вещи в универмаге Вулвортов. Пожалуйста, посоветуйте, что делать». Это примерно то же самое, что испытывает человек, который на протяжении 20 лет ежедневно выпивал бутылку виски и вдруг обнаружил, что его печень совершенно разрушена. На этой стадии ему едва ли принесет пользу совет прекратить пить. Так что обычно я рекомендую напуганной матери, у которой возникла серьезная проблема с поведением ребенка, поговорить с детским психологом или поискать адрес ближайшей детской клиники.

Я мог бы, конечно, написать расстроенной матери: «Милая женщина! Ваш сын начал красть, потому что его дом полон неудовлетворенных желаний и несчастья. Почему бы вам не попытаться сделать вашу семью хорошей?» Поступи я так, ее

замучила бы совесть. Даже имея самые лучшие в мире намерения, она не смогла бы изменить обстановку, в которой живет ее сын, просто потому, что не знает, как это сделать. Более того, даже если бы она знала, то у нее не хватило бы эмоциональных сил, чтобы сделать то, что необходимо.

Конечно, при большом желании и под руководством детского психолога женщина могла бы добиться вполне ощутимых перемен. Психолог, возможно, порекомендовал бы разъехаться с нелюбимым или нелюбящим мужем или отселить бабушку от семьи. Но вряд ли психологу по силам изменить саму внутреннюю сущность этой женщины — моралистки, беспокойной, перепуганной матери, противницы секса и придиры. Простого изменения внешних условий, как правило, недостаточно.

Я говорил о перепуганной матери. Вспоминаю разговор с родителем другого типа — матерью будущей ученицы, семилетней девочки. В каждом вопросе звучала тревожность. Кто-нибудь следит за тем, чтобы они чистили зубы два раза в день? Не случится ли, что она выйдет из школы на панель? Будут ли у нее каждый день уроки? Станет ли кто-нибудь давать ей ее лекарства каждый вечер? Тревожные матери подсознательно делают детей частью своих собственных нерешенных проблем. Одна мать постоянно пребывала в ужасе по поводу здоровья дочери. Она регулярно писала мне длинные письма-инструкции, что девочка должна есть или, скорее, чего она не должна есть, как ей надлежит одеваться. У меня побывало много детей тревожных родителей. Ребенок неизбежно приобретает родительское беспокойство. Частым результатом этого оказывается ипохондрия.

У Марты есть маленький брат. Оба родителя — тревожные люди. Я слышу, как Марта в саду кричит брату: «Не лезь в бассейн, ты промочишь ноги!» Или: «Не играй в песке, ты испачкаешь новые шорты». Я сказал «слышу Марту», но мне следовало сказать «слышал Марту, когда она только прибыла в школу». Сейчас ее совершенно не волнует, что брат выглядит как трубочист. И только в последнюю неделю семестра прежняя тревожность возвращается, потому что девочка понимает, что возвращается домой, в атмосферу постоянной тревоги.

Я иногда думаю, что строгие школы отчасти обязаны своей популярностью тому, что их ученики мечтают о возвращении домой на каникулы. Родители видят на счастливых лицах детей любовь к дому, в то время как с тем же успехом это может означать ненависть к школе. Ненависть ребенка выплескивается на строгих учителей, его любовь щедро отдается родителям. Тот

же психологический механизм использует мать, когда переадресовывает ненависть ребенка отцу, говоря: «Подожди, вот придет папа вечером с работы, уж он-то тебе задаст».

Часто я слышу, как врачи и другие специалисты говорят: «Я посылаю своих мальчиков в дорогую частную школу, чтобы они приобрели хорошую речь и познакомились с людьми, которые могут потом оказаться им полезными». Родители как само собой разумеющееся принимают, что наши социальные ценности из поколения в поколение будут сохраняться в неизменном виде. Бояться будущего вполне обычно для родителей.

Если в семье поддерживается строгая родительская власть, то детей, как правило, стараются отдавать в школы со строгой дисциплиной. Строгая школа сохраняет традицию унижения ребенка, ее идеал — тихий, уважительный, кастрированный ученик. Кроме того, школа обращается исключительно к разуму ребенка. Школа ограничивает его эмоциональную жизнь, творческие стремления. Школа тренирует его в послушании любым диктаторам и начальникам. Страх, возникший еще в детской, усиливается строгими учителями, чьи требования твердой дисциплины объясняются их собственными стремлениями к власти. Средний родитель видит только внешнюю сторону и радуется тому, как успешно обучают его дорогого сына: ребенок в школьной форме, у него превосходные манеры, он увлекается футболом и т. п. Трагично наблюдать, как юная жизнь кладется на допотопный алтарь так называемого образования. Суровая школа требует только подчинения — и напуганный родитель удовлетворен.

Как всякая эгоцентричная власть, эго учителя стремится привлечь ребенка к себе. Только представьте себе, что за оловянный божок этот учитель. Он — центр мироздания. Он приказывает, и ему подчиняются. Он вершит справедливость. Он говорит почти все время один.

В свободной школе все, связанное с властью, уничтожено. В Саммерхилле учительское эго не имеет ни одного шанса покрасоваться. Оно не может состязаться с более явным эгоизмом детей, так что вместо того, чтобы почитать, дети часто называют меня дураком или глупым ослом. В общем-то, это ласкательные слова. В свободной школе единственно важной становится стихия любви. Слова, которые при этом используются, второстепенны.

Мальчик приезжает в Саммерхилл из более или менее строгой и тревожной семьи. Здесь ему предоставляется свобода делать все, что он пожелает. Его никто не оговаривает, никто не напоминает ему о манерах, никто не требует, чтобы его видели, но чтобы слышно его не было. Школа, естественно, оказывается

раем для мальчика, потому что для мальчика рай — место, где он вполне может выразить свое эго. Его восторг от свободы выражать себя довольно скоро связывается со мной. Я — человек, который предоставил ему свободу. Я — такой папа, каким его папе следовало бы быть. В действительности мальчик не любит меня, ребенок вообще никого не любит, он хочет, чтобы любили его. Его невысказанная мысль такова: «Я здесь счастлив, старик Нилл — очень славный малый, он никогда не лезет к тебе и все такое. Он, должно быть, очень любит меня, иначе давно поставил бы меня на место».

Приходят каникулы. Мальчик отправляется домой. Дома он берет отцовский фонарь и, уж конечно, оставляет его на пианино. Отец недоволен. Мальчик понимает, что дом — несвободное место. Один мальчик часто говорил мне: «Мои родители, знаешь, они не современные. Я дома не свободен так, как здесь. Когда я вернусь домой, я научу папу и маму». Полагаю, что он выполнил свою угрозу, потому что его перевели в другую школу.

Многие из моих учеников тяжело страдают от общения с родственниками. В данный момент я испытываю сильное желание крепко поговорить со следующими родственниками моих учеников: двумя дедами (религиозными), четырьмя тетками (религиозными и к тому же ханжами), двумя дядьями (не религиозными, но моралистами). Я строго наказал родителям одного мальчика, чтобы они не пускали его к дедушке, который обожает разглагольствовать об адском пламени. Но они ответили, что для них совершенно невозможно сделать такой решительный шаг. Бедный мальчик!

В свободной школе дети находятся в безопасности от родственников. Сейчас я их просто не пускаю. Два года назад приехал дядя одного из мальчиков и взял девятилетнего племянника на прогулку. Мальчик вернулся и начал бросаться хлебом в столовой.

Прогулка, похоже, огорчила тебя, — заметил я. — О чем говорил твой дядя?

А-а, — ответил он сразу, — он все время говорил о Боге, о Боге и Библии.

Он случайно не цитировал отрывок о разбрасывании хлеба по водам? — спросил я.

Паренек начал смеяться и, конечно, сразу перестал бросаться хлебом. Если этот дядя еще раз сюда заявится, ему скажут, что племянника сейчас нет.

В целом, однако, мне не приходится жаловаться на родителей моих учеников. Мы прекрасно ладим друг с другом. В большинстве своем они со мной до конца. Один или двое

временами сомневаются, но продолжают верить. Я всегда откровенно рассказываю родителям о своих методах. И непременно добавляю, что они должны либо принять их, либо выйти из игры. Те, кто единодушен со мной во всем, не имеют поводов для ревности. Дети чувствуют себя дома так же свободно, как и в школе, они любят ездить домой.

Ученики, чьи родители не вполне верят в Саммерхилл, не любят ездить домой на каникулы. Родители требуют от них слишком многого, не понимая, что восьмилетнему ребенку интересен только он сам. У него нет социальной ответственности, нет и настоящего представления о долге. В Саммерхилле он изживает свой эгоизм и со временем избавится от него, постоянно его проявляя. И однажды он станет настоящим членом общества, потому что уважение к правам и мнению других преобразует его эгоизм.

Для ребенка разногласие между школой и семьей — катастрофа. У него возникает конфликт: кто же прав, семья или школа? Для роста и счастья ребенка чрезвычайно существенно, чтобы семья и школа имели одну цель, согласованную точку зрения.

Одна из главных причин разногласий между родителем и учителем, как я полагаю, — ревность. Пятнадцатилетняя ученица рассказывала мне: «Если я хочу, чтобы папа заорал как резаный, мне достаточно сказать: «Мистер Нилл говорит то-то и то-то». Тревожные родители часто завидуют любому учителю, которого любит их ребенок. Это естественно. В конце концов дети — это имущество, собственность, часть родительского Я. Что касается учителя, то он тоже земной человек. Многие учителя не имеют собственных детей и поэтому бессознательно как бы усыновляют учеников. Они стремятся увести детей у родителей, не понимая, однако, что делают.

Совершенно необходимо, чтобы учитель время от времени проходил курс психоанализа. Анализ не есть панацея от всех болезней, у него ограниченные возможности, но он расчищает почву. Я думаю, что основная заслуга анализа в том, что он помогает человеку лучше понимать других, делает его милосерднее. Одной этой причины достаточно, чтобы рекомендовать анализ учителям, потому что в конечном счете их работа состоит в понимании других. Учитель, прошедший анализ, легко посмотрит в лицо собственному отношению к детям и, поняв, сможет его улучшить.

Если семья порождает страхи и конфликты, это плохая семья. Ребенок, которого беспокойные родители слишком быстро подталкивают вперед, скорее всего, запротестует. Бессознательно

он станет действовать так, чтобы родителям это не удалось. А ребенок, которого не воспитывали в атмосфере, свободной от тревог и конфликтов, будет встречать жизнь как приключение.

Родительское понимание

Понимать значит быть свободным от предрассудков и от инфантилизма, вернее, свободным настолько, насколько это вообще возможно, потому что кто же может освободиться от условных рефлексов, приобретенных в раннем детстве? Понимание предполагает проникновение в глубинную сущность вещей, умение не обращать внимания на внешнее. Родителям это трудно из-за сильной эмоциональной причастности. Какой ужас! Что я натворил с моими детьми! Этот вопль доходит до меня из гор писем. Учитель, не связанный такой сильной эмоциональной привязанностью к своим ученикам, имеет гораздо большую вероятность сохранять понимание, ведя ребенка к свободе.

Сколько раз приходилось мне писать отцам, что их сыновья не будут иметь ни единого шанса решить собственные проблемы, если отец не изменит некоторые свои подходы. Например, я указывал, что, если Томми свободно курит в Саммерхилле, а дома его за курение бьют, это совершенно недопустимая ситуация. Вместо курения можете подставить купание, умывание, отлынивание от занятий, сквернословие и т. д.

Никогда в жизни я не настраивал ребенка против семьи. Эту работу делала свобода и, конечно, сама семья, не понимающая, что происходит. Семья просто оказывалась не способной принять вызов, не могла понять результаты свободного воспитания. Хочу на нескольких примерах продемонстрировать неправильный стиль взаимоотношений между родителем и ребенком. Дети, о которых я собираюсь писать, ни в коей мере не являются ненормальными, они просто жертвы среды, в которой не было понимания подлинных нужд ребенка.

Вот Милдред. Каждый раз после каникул она возвращается злобной, конфликтной, нечестной. Она хлопает дверьми, она недовольна своей комнатой, ей не нравится ее кровать и т. д. Требуется более полусеместра, прежде чем она снова становится достаточно уживчивым человеком. Она провела свои каникулы в постоянных взаимных придирках с матерью — женщиной, которая вышла замуж не за того человека. Вся школьная свобода в мире не может дать этому ребенку постоянной удовлетворенности жизнью. Практически всегда за чрезвычайно скверными каникулами дома следует мелкое воровство в школе. Осознание девочкой ситуации не изменяет домашней среды: все тот же уровень понимания, ненависть и постоянное вмешательство в ее жизнь. Даже в Саммерхилле ребенок порой не может избавиться от скверного домашнего влияния, лишенного

необходимых ценностей, понимания подлинных мыслей и чувств ребенка. Увы! Ценности так легко не усваиваются.

Восьмилетний Джонни возвращается в школу с мрачным видом, он дразнит и задирает более слабых детей. Его мать верит в Саммерхилл, но отец — поборник строгой дисциплины. Мальчик должен всегда поступать так, как велит отец, и ребенок рассказывал мне, что иногда его били. Что можно с этим сделать? Не знаю.

Я пишу одному отцу: «Ни в коем случае не придирайтесь к сыну. Не злитесь на него и прежде всего никогда не наказывайте его». Когда мальчик приезжает домой на каникулы, отец встречает его на станции. И первое, что он говорит мальчику, — это: «Держи голову выше, парень, не сутулься».

Мать Питера пообещала давать ему пенни каждое утро, когда его постель окажется сухой. Я ответил на это, предложив ему три пенса за каждый раз, когда он обмочит постель. Но чтобы предотвратить конфликт между матерью и мной в душе ребенка, я убедил мать повременить с ее наградой, пока я не предложу свою. Теперь Питер гораздо чаще мочит постель дома, чем в школе. Один из элементов его невроза состоит в том, что он хочет остаться младенцем. Он ревнует к своему маленькому брату. Он смутно чувствует, что мать пытается его излечить. Я же пытаюсь показать ему, что мокрая постель не имеет никакого значения. Короче говоря, мое трехпенсовое вознаграждение поощряет его оставаться младенцем, пока он сам не изживет свой невроз и не будет готов отказаться от этого естественным образом. Наличие привычки указывает на что-то неизжитое. Попытки уничтожить ее дисциплинарными мерами или подкупом приводят к тому, что ребенок испытывает ненависть и чувство вины. Лучше мочиться в постель, чем стать высоконравственным занудой.

Маленький Джимми возвращается после каникул и говорит: «Я в этом семестре собираюсь не пропустить ни одного урока». Его родители всячески побуждали его сдавать экзамен «11+»[61]. Он ходит на уроки неделю и потом не показывается на занятия месяц — еще одно доказательство того, что разговоры всегда бесполезны и, хуже того, могут задерживать развитие.

Как я сказал, во всех приведенных случаях речь идет не о трудных детях. При благоприятной обстановке и родительском понимании они были бы совершенно нормальными детьми.

Однажды у меня был трудный мальчик, пострадавший от неправильных методов воспитания, и я сказал его матери, что она должна исправить ошибку. Она пооообещала это сделать. Когда после летних каникул она привезла его обратно, я спросил:

Ну что, вы сняли запрет?

Да, — ответила она, — сняла.

Отлично. Что вы ему сказали?

Я объяснила, что в игре с пенисом нет ничего плохого, но это очень глупо.

Она сняла один запрет и наложила другой. И конечно, бедный ребенок оставался асоциальным, нечестным, злобным и полным тревоги.

Мое обвинение против родителя состоит в том, что он не хочет учиться. Мне кажется, что моя работа в основном сводится к исправлению родительских ошибок. Я испытываю и сочувствие, и восхищение по отношению к родителям, честно признающим ошибки, которые они совершили в прошлом, и пытаются научиться обращаться со своим ребенком лучшие. Но как странно, что другие родители скорее будут держаться за свой бесполезный и даже опасный свод правил, чем попытаются приспособиться к ребенку. Еще более странно то, что они при этом завидуют любви ребенка ко мне.

Дети любят не столько меня, сколько мое невмешательство в их дела. Я для них — тот отец, о котором они мечтали, когда их настоящий отец кричал: «Прекрати этот грохот!» Я никогда не требую от них ни хороших манер, ни вежливых слов. Я никогда не спрашиваю, умывались ли они, я никогда не требую подчинения, уважения или почтения. Короче говоря, я обращаюсь с детьми так, как взрослые желали бы, чтобы обращались с ними. Я понимаю, что в конечном счете не может быть никакого состязания между отцом и мной. Его дело — зарабатывать для семьи на хлеб насущный, мое дело — изучать детей и отдавать им все мое время и все мои интересы. Если родители отказываются изучать психологию ребенка, чтобы лучше понимать развитие своих детей, они должны ожидать, что проиграют соревнование за душу ребенка. Чаще всего так и происходит.

У меня как-то был родитель, приславший ребенку письмо с фразой: «Если ты не можешь писать без ошибок, лучше не пиши мне вовсе». Эти слова были обращены к девочке, в отношении которой мы подозревали, что она, возможно, умственно неполноценна. Не раз приходилось мне рычать на жалующегося родителя: «Ваш мальчик — вор, он мочится в постель, он асоциален, несчастлив и страдает комплексом неполноценности, а вы приходите ко мне с претензиями, что он встретил вас на станции с грязным лицом и грязными руками». Я — человек, не скорый на ярость, но, когда я встречаю отца или мать, которые не желают или не могут обрести понимание того, что важно, а что пустяки в поведении ребенка, я сержусь. Может быть, поэтому и

считают, что я терпеть не могу родителей. И как же я бываю рад, когда мама, приехавшая навестить ребенка, встречает своего замызганного и одетого в тряпье малыша в огороде, сияет и говорит мне: «Не правда ли, он выглядит совершенно счастливым и здоровым?»

И все же я знаю, как это трудно. У всех у нас существуют собственные стандарты ценностей, и мы измеряем других на свой аршин. Возможно, я должен извиниться за то, что я — человек, фанатически относящийся к детям и не имеющий никакой терпимости по отношению к родителям, которые не смотрят на детей моими глазами. Но если бы я на самом деле стал за это извиняться, я был бы лицемером. Правда такова: я знаю, что не заблуждаюсь в отношении ценностей, во всяком случае в том, что касается детей.

Родитель, который искренне хочет изменить свои плохие отношения с ребенком, может начать с того, чтобы задать себе самые простые и приземленные вопросы. Я могу придумать массу вопросов, имеющих отношение к делу: Не потому ли я сержусь на ребенка, что поссорился с женой (поссорилась с мужем) сегодня утром? А может быть, потому, что прошлой ночью секс не принес мне достаточного удовольствия? А может быть, потому, что соседка сказала, что я порчу моего отпрыска? Или потому, что мой брак неудачен? Или потому, что мой начальник отругал меня на работе? Может оказаться очень полезным задать себе такие вопросы. Но по-настоящему глубокие вопросы, определяющие всю жизнь, к сожалению, недоступны сознанию. Очень маловероятно, что раздражительный отец остановится и задаст себе такой каверзный вопрос: Не сержусь ли я на сына за сквернословие потому, что меня воспитывали в строгости, били и поучали, растили в страхе перед богом, в уважении к бесмысленным общественным условностям, в сильном сексуальном подавлении? Возможность получения ответа на этот вопрос предполагает такую степень самоанализа, которая недоступна большинству людей. И очень жаль, потому что ответ мог бы спасти многих детей от неврозов и несчастливости.

Библейская фраза о том, что дети страдают за грехи отцов, на протяжении многих поколений понималась только в ее физическом смысле. Даже необразованный человек мог понять мораль ибсеновских «Привидений», где сын погибает из-за отцовского сифилиса. Но что почти никто не понимает, так это то, что дети гораздо более часто гибнут из-за психологических грехов отцов. Для ребенка существует только одна возможность выскочить из этого порочного круга разрушения характера — раннее руководство со стороны понимающего родителя в

направлении саморегуляции.

Следует подчеркнуть, что саморегуляция требует большей отдачи, чем какая-либо установленная система правил. Родителям придется на протяжении по крайней мере двух лет положить немало времени на это, жертвовать своими интересами, и они не должны притворяться, чтобы добиться любви ребенка или его благодарности. Они не должны смотреть на ребенка как на какого-то вундеркинда, который раздает улыбки и исполняет фокусы, когда в гости приходят родственники. Саморегуляция предполагает большую родительскую самоотверженность. Я подчеркиваю это, потому что мне приходилось видеть молодые пары которые полагали, что они обеспечивают условия саморегуляции, тогда как на деле они заставляли ребенка приспосабливаться к их собственным удобствам — пытались, например, заставить ребенка принять такое время укладывания спать, которое соответствовало бы их желанию время от времени отправиться вечерком в кино. Или позже, давая ребенку для игры мягкие бесшумные игрушки, чтобы он не побеспокоил папу во время его «сорока мгновений» отдыха.

«Перестаньте, — кричат родители, — вы не можете так обращаться с нами, у нас тоже есть собственные права в жизни». А я говорю — нет. Не в первые два года. Или, может быть, в первые четыре года жизни ребенка. В первые годы необходимо проявлять наибольшую осторожность, потому что все окружение направлено против саморегуляции, за ребенка приходится осознанно бороться, причем весьма интенсивно.

У меня есть еще несколько советов родителям, которые жаждут дать своим детям хороший старт в направлении саморегуляции и свободы.

Оставлять ребенка в коляске в саду на целые часы — опасная практика. Никто не знает, какие ужасные чувства страха и одиночества может испытать ребенок, внезапно проснувшись и обнаружив себя одного в необычном месте. Все, кому приходилось слышать вопли ребенка в такой ситуации, имеют некоторое представление о жестокости этого идиотского обычая.

Если вы хотите, чтобы ребенок вырос без неврозов, вы не должны — не смеете — стоять от него в стороне. Вы обязаны играть с ним. Не только играть в его игры, но играть вместе с ним, как если бы вы тоже были ребенком, способным участвовать в его жизни и принимать его интересы. А вы не сможете это сделать из-за дурацкого чувства собственного достоинства или чего-нибудь еще в этом роде.

Всегда лучше, если это возможно, чтобы дедушки и бабушки жили отдельно, а не вместе с детьми. Обычно происходит так, что

дедушки и бабушки настаивают на установлении жестких правил воспитания детей или же портят их другим образом, видя в них либо только хорошее, либо только плохое. В неправильных семьях у детей четыре начальника вместо двух. Даже в хороших семьях существует некоторое напряжение, потому что дедушки и бабушки большую часть времени не оставляют попыток внедрить свои собственные устарелые взгляды на детство. Дедушкам и бабушкам часто свойственно проявлять чересчур собственническую любовь к внукам. Обычно это случается, когда у бабушки нет настоящего интереса в жизни после того, как ее собственные дети выросли. Третье поколение предоставляет ей случай взяться за единственную знакомую ей работу. Под предлогом того, что ее дочь или невестка некомпетентны в качестве матери, бабушка берет дело в свои руки, и ребенка тащат в разные стороны. В результате он отдаляется от обеих сторон. Для ребенка ссоры означают отсутствие любви в доме, будь то ссоры между мамой и бабушкой или родителями. И даже если ссоры тщательно скрываются от ребенка, это никогда его не обманывает. Он неосознанно чувствует, что в доме нет любви.

Вопрос о школе тоже может быть трудным. Ваша жена, например, стремится отправить ребенка в совместную прогрессивную школу, а вы желаете поместить его в закрытую частную школу. В связи с этим может возникнуть конфликт. Вероятно, наихудших результатов следует ожидать в том случае, если кто-то из супругов принадлежит к католической церкви. Для таких ситуаций у меня нет совета. Идеологические или религиозные расхождения слишком часто бывают непреодолимыми. Могу лишь сказать, что некоторые из моих наиболее трудных учеников стали таковыми в результате разногласий в мнениях родителей о школе. Ребенок, чей отец был против Саммерхилла, но сдался ради мира в семье, никогда здесь существенно не менялся к лучшему, потому что знал, что отец на самом деле не одобряет эту школу. Подобная ситуация трагична для любого ребенка. Он никогда не чувствует постоянства в жизни, боясь, что отец в любой момент может перевести его в строгую школу.

Тем не менее определенного антагонизма между родителем и учителем всегда следует ожидать. Учителя это осознают, и некоторые из них много работают, стремясь установить между персоналом и родителями более тесный контакт. Учителя встречаются с родителями в школе. Отлично! Это следует делать повсеместно. Учителя должны понимать, что они не могут столь же существенно влиять на детей, как родители. Именно поэтому безнадежно пытаться излечить трудного ребенка, если в семье

сохраняется та самая атмосфера, которая и сделала его трудным.

Родители должны понимать, что рано или поздно детям необходимо оторваться от них. Естественно, я не имею в виду, что дети должны покинуть своих родителей в том смысле, чтобы никогда больше их не видеть. Я подразумеваю психологический отрыв, избавление от инфантильной зависимости от дома. Для матери естественно пытаться сохранить исключительную привязанность детей. Я знаю много семей, где дочь осталась дома, чтобы ухаживать за престарелыми родителями. В большинстве случаев, как мне кажется, это несчастливые семьи.

Одна часть души дочери побуждает ее выйти в мир и жить своей собственной жизнью. Другая часть, которая отвечает за чувство долга, принуждает ее остаться с родителями. У нее не может не быть постоянного внутреннего конфликта, который проявляется обычно в раздражении: Конечно, я люблю маму, но она порой так меня утомляет!

Сегодня тысячи женщин имеют самую скучную работу на земле — готовить еду, мыть посуду, стирать одежду, гладить, делать уборку. Это бесплатные домработницы, и жизнь их бесцветна. Когда дети покидают гнездо, материнская служба кончается. Гнездо, из которого улетели птенцы, становится одиноким, и следует скорее посочувствовать матери, чем осуждать ее. Материнская тенденция состоит в том, чтобы сохранить свою работу на как можно более долгий срок, даже если она неумышленно причинит этим страдание ребенку. Все это указывает на тот очевидный факт, что замужняя женщина должна бы иметь ремесло или профессию, к которым могла бы снова вернуться, когда ее материнские обязанности будут выполнены.

Родитель — это бог, и к тому же ревнивый бог. Родитель имеет законное право сказать: «Я сделаю из своего ребенка то-то и то-то». Мать и отец могут бить ребенка, терроризировать его, делать его жизнь несчастной. Закон имеет право вмешаться только в том случае, если ребенку нанесены слишком уж большие телесные увечья. Однако он не вправе вмешиваться, какой бы вред ни был причинен душе ребенка. Трагедия заключается в том, что родитель считает, что он всегда действует во благо ребенка.

Великая надежда человечества состоит в том, что родители и впрямь станут действовать во имя добра. Они смогут это сделать, если осознанно примут сторону ребенка в его развитии в направлении к свободе, свободе во всем — в работе, знаниях и любви. Если эта книга помогла хотя бы одному родителю понять, какое огромное влияние, доброе или злое, оказывает родитель, она была написана не напрасно.

Часть 7. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Общие вопросы

Вы называете все человечество жизнеотрицающим. Что, собственно, вы имеете в виду? Я лично не отрицаю жизнь, и мои друзья тоже.

Мне довелось увидеть две ужасные войны, и я вполне могу дожить до еще более чудовищной третьей. Многие миллионы молодых людей полегли на полях этих двух войн. Когда я был мальчиком, мужчины погибали в Южной Африке за Империю. С 1914 по 1916 год они отдавали свои жизни на «войне, которая покончит с войнами». С 1939 по 1945 год они гибли, чтобы уничтожить фашизм. Завтра многие могут умереть, чтобы уничтожить или, наоборот, распространить идеи коммунизма. Это значит, что есть масса людей, готовых сложить собственную голову и головы своих детей по приказу властей за то, что не имеет никакого отношения к их личной жизни. Мы выступаем против жизни и за смерть, если остаемся рабами политиков, торговцев или эксплуататоров. Мы — рабы, потому что нас учили отрицательно относиться к жизни: тупо приспосабливаться к авторитарному обществу и быть готовыми умереть за идеалы наших хозяев. Это только в романтических книжках люди умирают за любовь, в действительности они умирают за ненависть.

Я говорил о том, что касается поведения толпы, но и отдельный человек в своем повседневном существовании отрицает жизнь. Занятия любовью по большей части не приносят ему удовлетворения, его удовольствия в основном вульгарны и убоги, с их помощью он пытается уйти от действительности. Он — моралист, т. е. человек, который считает естественную жизнь неправильной или — в лучшем случае — недостойной высшего образца, и соответственно этому он воспитывает своих детей. Ни одному жизнеутверждающему ребенку не нужны правила, касающиеся секса, уроков, бога или хорошего поведения. Ни один жизнеутверждающий родитель или учитель никогда бы не ударил ребенка. Ни один жизнеутверждающий гражданин не стал бы терпеть наше уголовное право, наши повешения, наказания за гомосексуализм, отношение к незаконнорожденным. Ни один жизнеутверждающий человек не стал бы сидеть в церкви и утверждать, что он — несчастный грешник.

Хотелось бы подчеркнуть, что я вовсе не сторонник распущенности. А тестом на жизнеотрицание может служить такой вопрос: приносит ли кому-нибудь вред то, что делает мистер X? Если ответ — «нет», всякий, кто возражает против того,

что делает мистер X, и есть жизнеотрицатель.

В то же время нельзя не видеть, что молодые люди вроде бы говорят жизни «да»: они танцуют, ходят в походы, играют в игры, бывают в кино, посещают концерты и спектакли. И в этом рассуждении что-то есть, потому что юность стремится ко всему жизнеутверждающему, она так полна жизненных сил и оптимизма, что находит себе удовольствия, даже если задавлена властью. Это стремление сохраняется и впоследствии, так что человек становится амбивалентным, т. е. стремящимся к удовольствию и одновременно боящимся его.

Когда я использую слово «жизнеотрицание», я подразумеваю не желание смерти, а страх перед жизнью — больший, чем перед смертью. Быть против жизни не означает приветствовать смерть. Быть против жизни значит быть за власть, за официальную религию, за подавление, за угнетение — во всяком случае готовность подчиняться всему этому.

Давайте подытожим. Жизнеутверждение — это радость, игры, любовь, интересная работа, хобби, смех, музыка, танцы, сочувствие к другим и вера в человека.

Жизнеотрицание означает долг, послушание, наживу и власть. На протяжении всей истории жизнеотрицание побеждало и будет побеждать до тех пор, пока юных обучают принимать современные взрослые представления.

Верители вы, что большинство проблем человечества исчезли бы, если бы были решены экономические проблемы миллионов людей?

Не слишком приятно отдавать себе отчет в том, что наше семейное и школьное воспитание приводит большинство людей к скучной жизни. Да, конечно, скучная работа в магазинах и офисах неизбежна, но нет никакой необходимости в том, чтобы люди вообще не имели никакой жизни, ненавидели свои письменные столы и прилавки и были вынуждены утолять голод чувств банальными фильмами, собачьими бегами, журналами с комиксами и газетными сообщениями о сенсациях и преступлениях.

По своей внутренней жизни миллионеры в кадиллаках не счастливее железнодорожных грузчиков. Дело в том, что если душа человека отрицает жизнь и любовь, то он не может наслаждаться экономическими удобствами или безопасностью. Богатого и бедного роднит то, что оба они воспитаны в мире, который не одобряет любовь, боится ее, делает любовь объектом непристойных шуток.

Многие, согласные с тем, что люди в большинстве своем несчастливы, говорят, что жизнь начнет приносить

удовлетворение, станет полной и свободной, когда все экономические проблемы будут решены.

Что касается меня, я в это не верю. Кое-какую экономическую свободу мы уже увидели, и я не могу сказать, что она сильно воодушевляет. Экономическая свобода, дающая нам электрифицированную кухню, не ведет к большему счастью, не добавляет мудрости, она лишь предоставляет больше удобств, а это очень быстро начинает приниматься как должное и теряет свою эмоциональную значимость.

Наши методы формирования характера сделали Англию страной, которая добилась успеха в материальной сфере, они дали нам высокий уровень жизни. Но больше никаких успехов у нас нет. В общем и целом люди по-прежнему несчастливы. Нет, одно только решение экономических проблем никогда не освободит мир от ненависти и страданий, преступлений и скандалов, неврозов и болезней.

Как быть, если брак оказался несчастливым?

Некоторые родители из среднего класса ищут решение в психоанализе, что очень часто приводит к распаду семьи. Но даже если бы анализ был более успешным, чем он обычно оказывается, мы же не можем подвергнуть анализу весь мир. Излечение отдельных людей — пустяки, это не в силах в нужной мере повлиять на всех.

Для человечества решением может стать правильное воспитание молодежи, а не лечение неврозов. Я должен признаться, что не могу сказать ничего такого, что помогло бы решить современные проблемы брака. Тяжело так думать, но если мистер и миссис Браун живут вместе несчастливо потому, что были воспитаны в жизнеотрицающей атмосфере, то с этим ничего нельзя поделать.

Мои слова звучат сугубо пессимистично. Однако мы можем позволить себе быть оптимистами, только если стремимся обращаться с детьми так, чтобы у них не было ненависти ни к сексу, ни к жизни. Каждый раз, когда я вижу ребенка, которого шлепают, обманывают, заставляют стыдиться своей наготы, я с тоской думаю о том, что, когда этот ребенок вырастет, он станет злобным мужем или злобной женой.

Считаете ли вы важным, чтобы в'браке оба партнера имели один и тот же интеллектуальный уровень?

В браке интеллектуальная сторона второстепенна. Брак голов — скучное, холодное сожительство, а вот брак сердец дает теплоту и взаимную отдачу. Природа не заставляет мужчину или женщину влюбляться в интеллектуальную мощь. Однако позднее,

когда сексуальное влечение ослабевает, общие интеллектуальные интересы внесут свой вклад в счастье супругов. Одинаковое чувство юмора — вот, возможно, наилучший прогноз для долгой и счастливой семейной жизни.

Почему в наши дни так возросла тревога по поводу работы и почему так много молодых людей совершают самоубийства?

Я сомневаюсь, чтобы какой-нибудь ребенок заранее беспокоился по поводу работы. Наблюдаемое беспокойство имеет более глубокий источник и почти неизменно вырастает из чувства греховности в связи с мастурбацией. Дети, у которых нет чувства вины подобного рода, обычно бывают смышлеными и ловкими в своей работе.

Штекель[62] сказал: самоубийство — последний сексуальный акт. Запрет на мастурбацию заставляет ребенка ненавидеть свои тело и душу, поэтому самоубийство оказывается логичным поступком: если тело столь греховно, то чем скорее от него избавишься, тем лучше.

Каково ваше мнение о социальных работниках?

Я испытываю огромное уважение к социальным работникам, которые приходят в трущобы, в дома, где живут трудные дети. Они делают отличную работу. Но достаточно ли глубокое действие оказывает их работа?

Все знают, что их работа трудна до безнадежности, и никто не ждет, чтобы они проводили психоанализ матерей и отцов. Социальные работники не могут уничтожить трущобы, жизнь в которых делает детей асоциальными. Им не под силу изменить невежественных родителей, которые задерживают рост ребенка плохим питанием и превращают секс в грязное приключение в темном чулане.

Социальные работники — это герои и героини. Они стараются помочь молодым преодолеть зло убогой домашней жизни. Но даже если бы социальный работник абсолютно верил в свободу, как он применил бы этот принцип в трущобных семьях? Можно ли сказать матери: миссис Грин, ваш сын ворует, потому что пьяный отец бьет его, потому что, когда ему было два года, вы шлепали его за то, что он трогал свой пенис, потому что вы никогда не проявляли к нему любви? И поймет ли это миссис Грин?

Я не утверждаю, что такую женщину вообще нельзя изменить, но я уверен, что ее невозможно перевоспитать разговорами социального работника или чьими-нибудь еще. Эта проблема отчасти экономическая. Для начала надо по крайней мере уничтожить трущобы.

О Саммерхилле

Как развивается воля ребенка при той системе, что существует в Саммерхилле? Если ему позволено делать все, что нравится, как может у него сформироваться самоконтроль?

В Саммерхилле ребенку вовсе не позволяется делать все, что ему нравится. Собственные законы окружают его со всех сторон. Ему позволено делать все, что ему нравится, только в том, что касается лично ребенка. Он может играть целый день, если хочет, потому что его собственные труд и учеба касаются только его самого. Но ему не разрешат играть на корнете в классе, потому что он будет мешать другим.

В конце концов что такое воля? Мне по силам бросить курить, но я не могу заставить себя ни влюбиться в кого-то, ни полюбить ботанику. Никто не может заставить себя быть хорошим или плохим.

Тренировка не может выработать у человека сильную волю. Но если вы воспитываете детей в свободе, они будут лучше осознавать себя, потому что свобода позволяет все большему и большему объему бессознательного становиться осознанным. Вот почему большинство детей в Саммерхилле не имеют особых сомнений в отношении своей жизни. Они знают, чего хотят. И я думаю, что они сумеют и добиться этого.

Не будем забывать: то, что называют слабой волей, обычно есть признак отсутствия интереса. Слабовольный человек, которого легко уговорить поиграть в теннис, когда он совершенно не желает этим заниматься, не имеет представления о том, в чем состоят его подлинные интересы. Система рабской дисциплины поощряет такого человека оставаться слабовольным и бесполезным.

Если какой-нибудь ребенок в Саммерхилле подвергает себя серьезной опасности, разрешаете ли вы ему это делать?

Конечно нет. Люди часто никак не могут понять, что предоставить свободу детям вовсе не значит быть идиотом. Мы не разрешаем нашим малышам устанавливать, когда они должны ложиться в постель. Мы оберегаем их от опасностей, исходящих от станков, автомобилей, разбитого стекла или глубокой воды.

Никогда не следует возлагать на ребенка ответственность, к которой он не готов, но всегда следует помнить, что половина опасностей, с которыми сталкиваются дети, связана с тем, что они просто чего-то не знают. Опасность при обращении с огнем грозит тому ребенку, которому было запрещено узнать об огне

правду.

Страдают ли дети в Саммерхилле от тоски по дому?

Я замечаю, что когда несчастливая мать впервые привозит ребенка в Саммерхилл, то он липнет к ней в слезах и скулит, чтобы его забрали домой. Я также замечаю, что, если ребенок скулит недостаточно, мать огорчается. Она хочет, чтобы ее ребенок тосковал по дому. Чем заметнее у него тоска по дому, тем, стало быть, сильнее ребенок ее любит. Часто несчастный ребенок весело играет уже через пять минут после отхода поезда, увозящего мать.

Трудно сказать, почему ребенок из несчастливой семьи тоскует по дому, когда уезжает в школу. Похоже, что этот ребенок из несчастливой семьи испытывает сильное чувство тревоги. Что, думает он, происходит дома в эту минуту? Наиболее вероятное объяснение состоит в том, что несчастливая мать, ущемленная в своей любви к мужу, передает детям слишком много и любви, и ненависти.

Тоска по дому обычно указывает на плохую семью, в которой много ненависти. Ребенок тоскует не по любви, а по семейным раздорам и по защите семейного крова. Это звучит парадоксально, но, если мы понимаем, что ребенок тем больше нуждается в защите, чем несчастливее его семья, это перестает быть парадоксом. У него нет опоры в жизни, и он преувеличивает значение той опоры, которую называет домом. Когда ребенок вне семьи, он идеализирует свой дом. Он тоскует не по тому дому, который знает, а по воображаемому.

Принимаете ли вы в Саммерхилл отстающих детей?

Конечно, все зависит от того, что вы имеете в виду под отставанием. Мы не берем дефективных детей, но ребенок, который отстает в школе, — совершенно другая история. Многие дети отстают в школе, потому что школа для них слишком скучна.

Саммерхиллские критерии отставания не имеют ничего общего с тестами, баллами и отметками. Во многих случаях отставание просто означает, что у ребенка — бессознательный конфликт и больная совесть. Как может он интересоваться арифметикой или историей, если его бессознательно мучает проблема «плохой я или нет»? Мне знакома эта проблема на собственном опыте: когда я был мальчиком, я просто не мог учиться. Мои карманы всегда были набиты всякими железками и медяшками, и, когда глаза смотрели в учебник, мысли улетали к поделкам.

Мне редко приходилось видеть отстающих мальчика или девочку, у которых совсем не было бы способностей к творческой работе. Судить о любом ребенке по его успехам в школьных предметах бессмысленно и даже опасно.

Что будет, если ребенок откажется заплатить штраф, наложенный общим собранием школы?

Дети никогда этого не делают. Я думаю, они могли бы отказаться, если бы чувствовали, что с ними обошлись несправедливо, но наша система обжалования такова, что может удовлетворить самое строгое чувство справедливости.

Вы говорите, что у детей Саммерхилла чистые помыслы. Что вы имеете в виду?

Человека с чистыми помыслами нельзя шокировать. Если вас что-то шокирует, следовательно, у вас есть подавленные чувства, которые заставляют интересоваться именно тем, что шокирует.

Викторианских женщин шокировало слово «нога», потому что они аномально интересовались тем, что соприкасалось с ногами. Все предметы такого рода были сексуальными и запретными. А в атмосфере Саммерхилла, где отсутствуют какие бы то ни было запреты в отношении секса и никто не связывает его с грехом, у детей нет необходимости воспринимать секс как нечто нечистое, перешептываться и хихикать по этому поводу. Они так же искренни по поводу секса, как и по поводу всего остального.

Когда семилетний Вилли вернулся после своего первого семестра в Саммерхилле, его речь была полна такими крепкими выражениями, что соседи не позволяли ему играть со своими детьми. Что мне с этим делать?

Весьма прискорбно, печально и болезненно для Вилли, но какова альтернатива? Если ваших соседей можно шокировать несколькими «черт» и «проклятье», то этим людям с подавленной психикой просто не стоит разрешать общаться с вашим Вилли.

Что думают дети Саммерхилла о кино?

Они смотрят самые разные фильмы. Цензуры у нас нет. В результате к тому времени, когда они уходят из школы, они приобретают способность судить о фильмах здраво. Довольно часто кто-нибудь из старших детей отказывается идти в кино на том основании, что фильм его не привлекает. Старшие ученики, видевшие великие французские, немецкие, итальянские фильмы, очень критически относятся к средней голливудской продукции. Мальчики младше пубертатного возраста скучают на фильмах о

любви.

Что вы делаете с ребенком, который огрызается?

Ни один ребенок в Саммерхилле никогда не огрызается. Ребенок огрызается только тогда, когда кто-то, страдающий повышенным чувством собственного достоинства, обращается с ним как с неполноценным. В Саммерхилле мы говорим на языке детей. Если бы учитель пожаловался мне, что дети огрызаются, я бы решил, что он никуда не годится.

Что вы делаете с ребенком, который не хочет принимать лекарства?

Не знаю. У нас в Саммерхилле никогда не было ребенка, который отказывался бы принимать лекарства. У нас такое сбалансированное питание, что болезни не входят в число проблем нашей школы.

Присматривают ли в Саммерхилле старшие дети за младшими?

Нет, за младшими вовсе не надо присматривать, они слишком заняты своими собственными важными делами.

Были ли у вас когда-нибудь в Саммерхилле цветные ученики?

Да, у нас в Саммерхилле было два цветных ученика, и, насколько я мог видеть, остальные дети не придавали никакого значения цвету их кожи. Один цветной мальчик был задира, его не любили, а другой, очень милый парень, пользовался исключительной популярностью.

Есть ли у вас в Саммерхилле бойскауты?

Нет, я не думаю, что наши мальчишки могли бы переварить одно доброе дело в день. Осознанно делать в день одно доброе дело — это попахивает самодовольством. В бойскаутском движении много хорошего, но мне не слишком нравятся высокопарные моральные рассуждения и буржуазные представления о добре, зле и чистоте. Я у себя в школе никогда не выражал никаких мнений по поводу бойскаутов, но в то же время ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из наших мальчиков проявлял какой-либо интерес к этому движению.

Каков ваш подход к ребенку, воспитанному в искренне религиозной семье? Позволяете ли вы такому ребенку исполнять религиозные обряды в Саммерхилле?

Да, ребенок может исполнять обряды, не боясь никаких

критических замечаний со стороны педагогического персонала или учеников. Но я убедился, что ни один ребенок не хочет исполнять религиозные обряды, если он свободен.

Некоторые новые ученики несколько воскресений ходят в церковь, но потом перестают. В церкви слишком скучно. Я не вижу ни малейших признаков того, что молитва для детей — вещь естественная. Когда утрачено чувство греха, нет нужды и в молитве.

Дети из религиозных семей, как правило, неискренни и подавлены. Это неизбежно при религиозном взгляде на мир, который растерял свою изначальную любовь к жизни и сконцентрировался на страхе смерти. Вы можете поселить в ребенке страх перед богом, но не любовь к нему. Свободным детям не нужна религия, потому что их духовная жизнь полна творчества.

Интересуются ли дети в Саммерхилле политикой?

Нет. Возможно, это происходит потому, что все они — дети представителей среднего класса, никогда не испытывавшие бедности. Я взял за правило удерживать учительский персонал от попыток оказывать политическое влияние на детей. Политика, как и религия, — это дело личного выбора, который должен быть сделан гораздо позднее, когда ребенок вырастет.

Боюсь, однако, что, если бы кто-нибудь из прежних наших учеников стал премьер-министром, я бы посчитал это неудачей Саммерхилла.

Идет ли кто-нибудь из учеников Саммерхилла после школы служить в армию?

До сих пор пошел только один, он вступил в военно-воздушные силы. Возможно, армия чересчур нетворческая организация, чтобы привлекать свободных детей. Война ведь в конце концов разрушение. Саммерхиллские дети стали бы воевать за свою страну с такой же готовностью, как и все остальные, но они, скорее всего, захотели бы точно узнать, за что именно воюют. Наши давние ученики участвовали во второй мировой войне, и несколько человек погибли.

Почему мальчики и девочки спят у вас в разных комнатах?

Потому что Саммерхилл находится в Англии, и мы должны уважать нравы и законы Англии.

О воспитании детей

Считаете ли вы, что каждый родитель, прочитавший ваши книги и прослушавший ваши лекции, станет обращаться со своим ребенком по-другому — лучше, раз уж он знает, что к чему? Может быть, удастся спасти изуродованных детей, распространяя знания среди родителей?

Какая-нибудь властная мать, прочитав эту книгу, может горько воскликнуть, защищаясь: «Я вовсе не хочу уродовать своего ребенка, но я ничего не могу с собой поделать. Хорошо вам ставить диагноз, но где лекарства?»

Она права. Где лекарства? Или, вернее, есть ли лекарства? Не слишком ли много мы просим?

Какое можно предложить лекарство для женщины, чья жизнь скучна и полна страхов? Какое лекарство существует для мужчины, который считает, что его нахальный сын — предел совершенства? Более того, какое существует лекарство для родителей, которые не отдают себе отчета в том, что они делают, и впадают в ярость при малейшем предположении, что в чем-то не правы? Нет, знания сами по себе не помогают, если только родители не готовы эмоционально получать эти знания и у них есть внутренние силы на основе этих новых знаний действовать самостоятельно.

Почему вы так много говорите о том, что ребенок должен быть счастливым? Разве кто-нибудь вообще счастлив?

Это нелегкий вопрос, потому что каждый понимает счастье по-свое- му! Конечно, никто не бывает постоянно счастлив. У всех случаются зубная боль, неудачные романы, скучная работа.

Если слово «счастье» вообще что-нибудь означает, то, скорее всего, это — внутреннее чувство благополучия, равновесия, удовлетворенности жизнью. Все они могут существовать только в том случае, если человек чувствует себя свободным. Дети, которых наказывают, выглядят запуганными, несчастными.

Счастье можно было бы определить как отсутствие подавленности. В доме, где живет счастливая семья, правит любовь, а несчастливая семья постоянно живет в напряжении.

Я отдаю счастью первое место, потому что на то же первое место я ставлю личностный рост. Лучше не иметь никакого представления о том, что такое десятичная дробь, но быть свободным и довольным, чем успешно сдать школьные экзамены и ходить с лицом, покрытым прыщами. Я никогда не видел прыщей на лице счастливого и свободного подростка.

Если ребенку предоставлена абсолютная свобода, то скоро ли он поймет, что самодисциплина есть сущность жизни, и поймет ли он это вообще когда-нибудь? Такой вещи, как абсолютная свобода, не существует. Тот, кто позволяет ребенку все делать по-своему, идет по опасному пути.

Никто не может быть свободен от общества, потому что необходимо уважать права других. Но всякий человек должен иметь личную свободу.

Было бы вполне правильно сказать: никто не имеет права заставлять мальчика учить латынь, потому что учение — дело индивидуального выбора. Но если на уроках латинского языка какой-нибудь парень все время валяет дурака, класс должен вышвырнуть его вон, потому что он нарушает свободу других. Что же касается самодисциплины, то это вещь весьма неопределенная. Слишком часто это означает дисциплину, навязанную ребенку нравственными представлениями взрослых. Подлинная самодисциплина не предполагает подавления человека или навязывания чужих представлений, она учитывает права и счастье других и самым определенным образом приводит человека к стремлению жить в мире с окружающими, в чем-то уступая их точке зрения.

Вы действительно искренне считаете правильным позволять мальчику, по природе ленивому, идти по легкому пути — делать то, что он хочет, напрасно теряя при этом время? Как вы усадите его за работу, если она ему неприятна?

Лени вообще не существует. Ленивый мальчик либо физически болен, либо не имеет интереса к тому, что, как полагают взрослые, он должен делать.

Среди детей, поступивших в Саммерхилл в возрасте до 12 лет, я не видел ни одного ленивого ребенка. Многие якобы ленивые ребята были отправлены в Саммерхилл из строгих школ. Такой мальчик остается «ленивым» довольно долгое время, пока не излечится от своего предыдущего образования. И я не принуждаю его делать работу, которая ему не нравится, потому что он еще не готов к этому. Как вам и мне, позднее ему в жизни придется делать многое такое, что ему ненавистно, но он будет готов встретиться с любой трудностью, если сейчас оставить его в покое и дать прожить свой игровой период. Насколько мне известно, ни одного бывшего саммерхиллца никогда не обвиняли в лени.

Как вы считаете, нужно ли ласкать детей?

Однажды, когда моя дочь Зоя была еще маленькой, она вздрогнула и заплакала от громкого хлопанья двери. Жена взяла ее на руки, нежно обняла, подержала на руках, причем так, чтобы Зоя могла свободно двигать конечностями.

При любом признаке скованности родителям следует играть с ребенком именно так, чтобы он мог свободно работать своими мышцами. Я считаю очень эффективной с детьми 4–5 лет шутливую борьбу, в которой я всегда должен проигрывать. Очень важен для освобождения эмоций и снятия телесного напряжения смех, здоровый ребенок много смеется и часто хихикает. Щекотание обычно вызывает взрывы счастливого смеха и… но здесь я должен упомянуть об одной школе детской психологии, которая не одобряет прикосновения к ребенку, по той причине, что оно якобы приводит к фиксации на матери или отце. Я уверен, что это ерунда. Не существует вообще никаких причин, по которым родители не должны ласкать своих детей — щекотать, гладить, тискать. Не следует слушать тех застенчивых психологов, которые говорят, что никогда не надо брать ребенка к себе в постель, не следует тискать его. За подобными запретами лежит подсознательное представление о том, что всякий телесный контакт может вызывать у ребенка сексуальные эмоции. Такая опасность, возможно, существовала бы, но только в том случае, если бы сам родитель оказался настолько невротичным, что находил эгоистическое удовольствие в физическом контакте с ребенком. Но я пишу все-таки для более или менее нормальных людей, а не для тех родителей, которые сами так и не выросли из младенчества.

Что может поделать прогрессивный родитель с агрессивностью чужих детей?

Если родители отправляют саморегулирующегося Вилли в закрытую школу, где он обречен столкнуться с жестокостью, агрессивностью и злобностью других детей, следует ли им предупредить Вилли, что он может встретиться с ненавистью и жестокостью?

Когда Питеру было 3 года, его отец сказал мне, что научит сына боксировать, чтобы тот сумел противостоять ненависти, исходящей от других детей. Живя в так называемом христианском мире, в котором подставлять другую щеку является знаком вовсе не любви и милосердия, а трусости, этот отец был прав. Если мы не придумаем чего-то по-настоящему позитивного, наши саморегулирующиеся дети будут совершенно беспомощными.

Что вы думаете о телесных наказаниях?

Телесные наказания — это зло, потому что они жестоки и продиктованы ненавистью. Они вызывают ненависть у обоих: и у наказывающего, и у наказываемого. Это — бессознательное сексуальное извращение. В сообществах, где специально подавляется мастурбация, наказание переносится на руку — орудие мастурбации. В закрытых мужских школах, где подавляются гомосексуальные отношения, бьют ниже спины, по объекту желаний. Ненависть к греховной плоти делает телесные наказания распространенными в религиозных районах.

Телесное наказание всегда акт проекции: наказывающий ненавидит себя и проецирует отношение к себе на ребенка. Мать, шлепающая ребенка, ненавидит себя и, как следствие этого, ненавидит своего ребенка.

Если речь идет об учителе, работающем с большим классом, использование ремня — дело не столько ненависти, сколько удобства. Это легкий путь. Наилучшим способом покончить с ремнем в данном случае стало бы уничтожение больших классов. Если бы школа была местом для игры со свободой учиться или не учиться, порка отмерла бы сама собой. В школе, где учителя знают свое дело, они никогда не прибегают к телесным наказаниям.

Вы действительно серьезно считаете, что для того, чтобы уничтожить вредные привычки у детей, нужно разрешить им продолжать свои порочные занятия?

Порочные занятия? Кто, собственно, считает их порочными?

Вредные привычки? Вы, возможно, имеете в виду мастурбацию.

Насильно пресекая привычку, вы ее не исправите. Единственное лечение любой привычки — дозволение ребенку изжить интерес, лежащий в ее основе. Дети, которым позволено мастурбировать, предаются этому занятию гораздо менее интенсивно, чем те, которым это запрещают. Телесные наказания всегда продлевают период пачкания штанов. Связывание рук делает младенца извращенным мастурбато- ром на всю жизнь. Так называемые вредные привычки — вовсе не вредные привычки, а естественные склонности. Определение «вредные привычки» — результат родительского невежества и ненависти.

Способно ли правильное семейное воспитание противодействовать неправильному обучению со стороны школы?

В главном — да. Голос семьи сильнее голоса школы. Если семья свободна от страха и наказаний, ребенок не поверит в то, что права школа. Родители должны честно говорить своим детям,

что они думают о плохой школе. Родители слишком часто до абсурдности лояльны даже к самым дурным из школьных учителей.

Каково ваше отношение к сказкам и Санта-Клаусу?

Дети обожают сказки, и одного этого достаточно, чтобы относиться к ним хорошо. Что касается Санта-Клауса, я не думаю, что нам следует об этом беспокоиться, потому что дети очень быстро узнают о нем правду. Но забавно, что есть связь между этой историей и другой, про аиста. Родители, которые хотят, чтобы их дети верили в Санта-Клауса, обычно как раз те, которые рассказывают своим детям лживые истории о деторождении.

Лично я никогда не рассказываю детям о Санта-Клаусе. Если бы я стал это делать, боюсь, наши четырехлетки засмеяли бы меня.

Вы говорите, что созидание лучше, чем обладание. И все же, когда вы позволяете ребенку что-то создавать, вещь, которую он сделал, становится его достоянием и он очень высоко ее оценивает. Как быть с этим?

Дело в том, что ничего подобного просто не происходит. Ребенок высоко ценит то, что он сделал, один день или одну неделю. Естественное чувство обладания у ребенка — слабое. Он может бросить новый велосипед под дождем, он вообще оставляет свои вещи валяться где попало. Радость состоит в самом делании. Настоящий художник теряет интерес к своей работе, когда она закончена. Никакое произведение искусства никогда не удовлетворяет создателя, потому что его цель — совершенство.

Что бы вы стали делать с ребенком, который ничем всерьез не интересуется? Вот он ненадолго заинтересовался музыкой, потом танцами и т. д.

Я бы ничего не стал делать. Такова жизнь. Я в свое время перешел от фотографии к переплетному делу, затем к работе по дереву, потом к чеканке. Жизнь полна осколков прежних интересов. Многие годы я рисовал пером. Когда я понял, что художник из меня — неважный, я бросил это.

Вкусы ребенка всегда эклектичны. Он пробует всё — так он учится. Наши мальчики проводят целые дни, мастеря лодки, но, если случится, что к нам заедет летчик, эти самые мальчишки бросят свои недоделанные лодки и примутся за самолеты. Мы никогда не считаем, что ребенок обязан непременно доделать начатое. Если его интерес прошел, не следует заставлять его непременно доводить дело до конца.

Можно ли позволять себе сарказм по отношению к детям? Не считаете ли вы, что это помогло бы развить у ребенка чувство юмора?

Нет. Сарказм и юмор не связаны между собой. Юмор — проявление любви, а сарказм — ненависти. Быть саркастичным с ребенком значит заставлять его чувствовать себя неполноценным и униженным. Только скверный учитель или родитель позволяет себе сарказм по отношению к ребенку.

Мой ребенок все время спрашивает меня, что делать и во что играть. Как мне отвечать? Правильно ли подавать ребенку игровые идеи?

Ребенку полезно находиться рядом с кем-то, кто может посоветовать ему, что делать, но это вовсе не обязательно. Те занятия, которые ребенок находит себе сам, для него лучше всего. Так что ни один учитель в Саммерхилле никогда не будет советовать ребенку, что делать. Учитель только поможет ребенку найти необходимую техническую информацию о том, как сделать какую-то вещь.

Одобряете ли вы обычай делать детям подарки в знак любви?

Нет, любви не нужны внешние знаки. Но дети должны получать подарки по обычным случаям: дни рождения, Рождество и так далее, только не следует в связи с этим ни ждать, ни требовать какой-либо благодарности.

Мой сын прогуливает школу. Что я могу с этим поделать?

Осмелюсь предположить, что школа скучна, а ваш мальчик активен.

Вообще говоря, прогуливание означает, что школа недостаточно хороша. Если возможно, попробуйте перевести своего мальчика в такую школу, где больше свободы, творчества, любви.

Следует ли мне начать приучать мою дочь к бережливости, подарив ей копилку?

Нет. Ребенок не в состоянии видеть дальше сегодняшнего дня. Позднее, если она искренне захочет купить что-нибудь дорогое, она накопит деньги без всякой предварительной тренировки.

Позвольте мне еще раз подчеркнуть, что ребенку следует предоставить возможность расти со своей собственной скоростью. Многие родители делают ужасные ошибки, пытаясь ускорить

процесс роста.

Никогда не помогайте ребенку, если ему по силам сделать что-то самому. Когда ребенок пытается вскарабкаться на стул, любвеобильные родители подсаживают его, тем самым отравляя величайшую радость детства — победу над трудностью.

Что я должен делать, когда мой девятилетний сын забивает гвозди в мебель?

Взять у него молоток, сказать ему, что это ваша мебель и что вы не позволите ему разрушать то, что ему не принадлежит.

А если после этого он не прекратит забивать гвозди, тогда, милая дама, продайте свою мебель и на вырученные деньги отправьтесь к какому-нибудь психологу, который поможет понять, как вы сделали своего сына трудным ребенком. Ни один счастливый свободный ребенок не захочет портить мебель, если, конечно, мебель не единственная вещь в доме, в которую можно забивать гвозди.

Чтобы прекратить порчу мебели, можно для начала дать ребенку кусок дерева и гвозди, причем лучше сделать это не в гостиной, а в другом помещении. Если же сынок отказывается от дерева и по-прежнему хочет забивать гвозди именно в мебель, тогда это означает, что он ненавидит вас и пытается разозлить.

Что вы делаете с ребенком, который вечно упрям и угрюм?

Не знаю. Мне, пожалуй, не приходилось видеть таких в Саммерхилле. Когда ребенок свободен, у него просто нет повода для упрямства. Вызывающее поведение ребенка — всегда вина взрослых. Если вы относитесь к ребенку с любовью, вы не сделаете ничего такого, что заставило бы его упрямиться. У упрямого ребенка есть какая-то печаль. Мое дело — выяснить, что лежит в основании этой печали. Я бы предположил, что за ней скрывается чувство, что с ним обошлись несправедливо.

Что мне делать с моим шестилетним ребенком, который рисует непристойные картинки?

Поощрить его, конечно. Но одновременно оглянуться на себя, потому что всякая непристойность в семье исходит от вас, у шестилетнего ребенка нет естественной непристойности.

Вы видите непристойность в его рисунках, потому что у вас у самого именно такое отношение к жизни. Я полагаю, что непристойность его рисунков связана с туалетом и половыми органами. Отнеситесь к этим вещам естественно, без всяких идей о добре и зле, и ребенок переживет свой временный детский интерес к ним точно так же, как со временем он вырастет и из

других детских интересов.

Почему мой маленький сын так много врет?

Возможно, он подражает родителям.

Если двое детей, брат и сестра 5 и 7лет, постоянно ссорятся, каким методом я могу воспользоваться, чтобы они прекратили это? Они так любят друг друга.

Разве? А не получает ли один из них больше материнской любви, чем другой? Не подражают ли они папе и маме? Не внушали ли им чувство вины в отношении тела? Наказывают ли их? Если ответ на все эти вопросы — «нет», тогда их ссоры просто нормальное желание поупражняться во властвовании.

Однако брату и сестре обязательно нужно общаться с другими детьми, не имеющими к ним эмоциональной привязанности. Ребенок должен сравнивать себя с остальными детьми. Он не может сравнивать себя с родными братьями и сестрами, потому что здесь замешаны всевозможные эмоциональные факторы — ревность, фаворитизм и прочие.

Что я могу сделать, чтобы ребенок перестал сосать большой палец?

Даже не пытайтесь. Если вы преуспеете, то, возможно, столкнете ребенка назад, к дососательному интересу. Какое это имеет значение? Многие известные люди сосали палец.

Сосание пальца показывает, что интерес к материнской груди не был естественно прожит. Вы не можете дать грудь восьмилетнему ребенку, однако в ваших силах постараться обеспечить его максимальными возможностями для проявления творческих интересов. Правда, это не всегда помогает. У меня были способные ученики, которые сосали пальцы вплоть до пубертатного возраста.

Оставьте ребенка в покое.

Почему мой двухлетний ребенок всегда ломает игрушки?

Скорее всего, потому что он — мудрый ребенок. Игрушки обычно бывают абсолютно не творческими. Когда он их ломает, он хочет узнать, что там внутри.

Однако я не знаю всех обстоятельств дела. Если шлепками и нотациями ребенка заставляют ненавидеть себя, он, естественно, будет ломать все, что попадется на пути.

Как можно справиться с неаккуратностью ребенка?

А зачем с нею справляться? Большинство творческих людей

неаккуратны. Обычно только у скучного человека комната и рабочий стол являют собой образцы чистоты. Мой опыт показывает, что дети до 9 лет в основном аккуратны, но между 9 и 15 годами они могут быть очень неаккуратны. Мальчишки и девчонки просто не замечают не- прибранности. Позднее они станут аккуратными ровно настолько, насколько им это будет нужно.

Наш двенадцатилетний сын не умывается перед едой. Что нам делать?

Почему вы придаете такое значение умыванию? Вы не думали о том, что умывание может быть для вас символом чего-то? Вы уверены, что ваше беспокойство о его чистоплотности не прикрывает ваш страх, что он нечистоплотен нравственно?

Не придирайтесь к мальчику. Поверьте мне на слово, что комплекс грязи — это ваш субъективный личный интерес. Если вы чувствуете себя нечистым, вы будете придавать преувеличенное значение чистоплотности.

Если вам так уж необходимо, чтобы он непременно вышел к столу умытым, я имею в виду, например, такой случай, когда за столом с вами — тетя Мэри и есть шанс, что умытому племяннику она оставит все свое состояние, что ж, тогда наилучший способ — запретить ему умываться.

Как заставить пятнадцатимесячного ребенка не подходить к плите?

Установите защитный экран. Но лучше предоставьте ребенку возможность узнать правду о плите. Дайте ему чуть-чуть обжечься.

Я придираюсь к маленькой дочери по пустякам, и вы можете сказать, что я ее ненавижу, но это неправда.

Но тогда, должно быть, вы ненавидите себя. Пустяки выступают символами чего-то важного. Если вы действительно придираетесь по пустякам, вы — несчастная женщина.

В каком возрасте родители должны позволить ребенку пить алкогольные напитки?

Здесь у меня нет твердой позиции, потому что у меня есть некий комплекс по поводу алкоголя. Я сам сильно привязан к моей пинте пива и стаканчику виски. Я люблю вина и ликеры. Так что я, уж конечно, не принадлежу к истовым трезвенникам. Тем не менее я боюсь алкоголя, потому что я видел в молодости, какой урон он может причинить, поэтому я не склонен давать

алкоголь детям.

Когда моя маленькая дочь хотела попробовать мои пиво и виски, я позволял ей это сделать. От пива она скорчила гримасу и сказала: «Гадость». По поводу виски она сказала: «Прелесть», но добавки не попросила.

В Дании я видел, как саморегулирующиеся малыши попросили Кюрасао. Каждому был дан стакан, все выпили его досуха, но добавки не попросили. Я вспоминаю фермера, который приезжал забирать своих детей из школы. В холодные сырые дни он всегда приносил с собой фляжку виски и давал каждому по глотку. Мой отец печально покачивал головой. «Запомните мои слова, — говорил он, — они станут пьяницами». Все дети выросли трезвенниками.

Рано или поздно всякий ребенок столкнется с проблемой алкоголя. И только те, кто не может справиться с жизнью, будут склонны пить слишком много.

Когда мои бывшие ученики съезжаются в Саммерхилл, они отправляются в местный бар и отмечают встречу, тем не менее я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь сильно напился.

Это не особенно логично, но я запрещаю в школе крепкие напитки, хотя некоторые могут сказать, что детям надо позволить самим определиться по отношению к ним.

Что делать с ребенком, который плохо ест?

Не знаю. У нас в Саммерхилле таких не было никогда. Если бы такое случилось, я бы сразу заподозрил, что ребенок устраивает демонстрацию своим родителям. У нас была пара детей, которых отправили в Саммерхилл, потому что они отказывались есть, но у нас они никогда не голодали.

В тяжелых случаях я бы рассмотрел и возможность того, что ребенок эмоционально остался на грудной стадии, и попробовал бы кормление из бутылки. Я также подумал бы, что родители придавали кормлению слишком большое значение и настаивали, чтобы ребенок ел то, чего он не хотел.

О сексе

Что в точности означает слово «порнография»?

На этот вопрос ответить нелегко. Я бы определил порнографию как непристойное отношение к сексу и другим естественным функциям, отношение виноватое, что-то вроде того, что испытывают подавленные школьники, шепчущиеся и хихикающие по темным углам и пишущие неприличные слова на стенах.

Большинство сексуальных анекдотов порнографичны, а рассказывающие их часто совершают рационализацию, говоря, что хорошим анекдот делает не грязь, а острота или юмор. Как и многие мужчины, я за жизнь рассказал и выслушал тысячу сексуальных анекдотов, но, оглядываясь назад, могу вспомнить лишь один или два, которые посчитал бы стоящими того, чтобы рассказать их снова.

Я полагаю, что обычно рассказчик сексуальных анекдотов — это человек, чья сексуальная жизнь его не удовлетворяет. Было бы перегибом утверждать, что всякий сексуальный анекдот есть результат подавления, поскольку это повлекло бы за собой предположение, что таков вообще весь юмор. Я умирал от хохота, видя, как Чарли Чаплин в купальном костюме ныряет в два дюйма воды, но у меня нет никакого подавления, связанного с нырянием. Юмор можно усмотреть в любой нелепой ситуации, независимо от того, связана она с сексом или не связана.

В нашем нынешнем обществе никто не сможет четко провести разграничительную линию между тем, что является порнографией, и тем, что ею не является. Когда я был студентом, мне нравились многие так называемые коммивояжерские анекдоты, а сейчас я думаю, что 99 % из них были неприличны до безобразия.

В общем и целом порнография — это просто секс плюс чувство вины. Аудитории, гогочущие над двусмысленными остротами актеров, состоят из людей, которым было внушено нездоровое отношение к сексу. Взрослые, рассказывающие сексуальные анекдоты детям, сами остались на хихикающей, грязной стадии развития.

Если бы все дети были свободными и ориентированными во всем, что касается секса, непристойность взрослых не была бы существенна, но, поскольку миллионы детей невежественны и испытывают чувство вины в этом отношении, взрослый любитель порнографии лишь увеличивает их невежество и чувство вины.

Являются ли определенные формы сексуального поведения недопустимыми?

Любая форма сексуального поведения допустима, если оба участника находят в этом удовольствие. Секс становится аномальным и извращенным лишь тогда, когда он осуществляется таким образом, что не приносит высшего наслаждения обоим участникам.

Брак обычно ассоциируется с приличным, т. е. сдержанным, сексом. Даже те молодые люди обоего пола, которые признают возможность сексуальной жизни своих родителей, были бы, вероятно, шокированы, если бы вообразили, что мать и отец предаются всякого рода сексуальным играм.

Авторитарные столпы общества вытеснили сексуальную игру в область порнографии и непристойности, так поступают и те, кто идет по их стопам и боится предаться сексуальной игре. Если бы они вдруг позволили себе это, то, вероятнее всего, испытали бы сильные чувства агрессии и похотливого восторга, вызванные преимущественно за- претностью такого поведения. Когда секс нежен и пронизан любовью, все допустимо.

Почему дети мастурбируют и как мы можем это прекратить?

Следует различать детскую и взрослую мастурбации. Детская мастурбация на самом деле вовсе и не мастурбация. Она начинается с любопытства. Младенец обнаруживает свои ручки, носик, пальчики на ногах, и мать радостно кудахчет, но, когда он нащупывает свой половой аппарат, мать торопливо отодвигает его руку. Главным результатом становится то, что половые органы оказываются наиболее интересной частью тела.

Эрогенная зона младенца — рот, и, когда маленьким детям не дается никаких моральных запретов в отношении мастурбации, они проявляют очень незначительный интерес к своим половым органам. Если маленький ребенок мастурбирует, то лечение состоит в одобрении привычки, потому что тогда у ребенка не будет болезненного стремления предаваться ей.

С детьми постарше, достигшими пубертатного периода, одобрение ослабит привычку, но надо понимать, что секс должен найти какой-то выход. И поскольку браки заключаются довольно поздно из-за того, что молодые люди не могут позволить себе пожениться, пока не будут иметь возможность устроить свой дом, перед этими половозрелыми существами всего две альтернативы — мастурбация или тайная сексуальная связь. Моралисты осуждают и то, и другое, ничего не предлагая взамен. Ах, да, конечно, они отстаивают воздержание, которое, в сущности, означает умерщвление плоти. Но поскольку лишь немногим

монахам по силам бесконечно умерщвлять свою плоть, остальные не могут не предоставить сексу какой-то выход.

До тех пор пока брак не перестанет зависеть от наличия или отсутствия денег, проблема мастурбации не исчезнет. Наши фильмы и романы возбуждают у молодежи сексуальные желания и ведут к мастурбации, потому что в нормальном сексе молодым отказано. То обстоятельство, что всякий когда-нибудь мастурбировал, не слишком утешает. Вероятно, единственным выходом является гражданский брак, но, поскольку секс так тесно связан с грехом, непохоже, чтобы общество могло принять такое решение.

Но вернемся к вопросу. Скажите ребенку, что в мастурбации нет ничего греховного. Если вы уже наговорили ему всякой лжи о ее возможных последствиях — болезни, сумасшествии и так далее, — имейте достаточно мужества, чтобы сказать ему, что вы солгали. Тогда и только тогда мастурбация станет для него не такой важной.

Моей двенадцатилетней дочери нравится читать грязные книжонки. Что мне с этим делать?

Я бы обеспечил ее всеми грязными книжонками, которые только продаются. Тогда она изживет свой интерес.

Но возникает вопрос: почему она так интересуется этой грязью? Не ищет ли она там той правды о сексе, которую вы ей никогда не рассказывали?

Осудили бы вы четырнадцатилетнего мальчика-подростка, который рассказывает сексуальные анекдоты?

Конечно нет. Я бы рассказал ему анекдоты получше, чем те, которые он знает. Большинство взрослых рассказывают сексуальные анекдоты. Когда я был студентом, я услышал несколько самых лучших от священника. Презирать интерес к сексу — чистое лицемерие и ханжество.

Сексуальный анекдот — прямой результат сексуального подавления. Он выпускает пар из бутылки, заткнутой доктриной греха. В условиях свободы сексуальные анекдоты почти умерли бы естественной смертью. Почти, но не совсем, поскольку интерес к сексу фундаментален.

Кто должен вести половое воспитание, учителя или родители?

Конечно, родители.

О религии

Почему вы настроены против религиозного обучения?

Ну, кроме других причин за годы моей работы с детьми я обнаружил, что наиболее невротичны дети, получившие жесткое религиозное воспитание. Именно жесткое религиозное воспитание придает сексу преувеличенное значение. Религиозное обучение наносит вред детской психике потому, что приверженцы религии по большей части признают идею первородного греха. Как иудейская, так и христианская религия ненавидит плоть. Официальное христианство слишком часто внушает ребенку чувство неудовлетворенности собой. Я рос в Шотландии, и меня с малых лет учили, что мне грозит адское пламя.

Однажды в Саммерхилл приехал девятилетний мальчик, сын приличных английских родителей из среднего класса. Вот мой разговор с ним.

Кто такой Бог?

Не знаю, но если ты — хороший, ты пойдешь в рай, а если плохой, то в ад.

А что это за место такое, ад?

Там везде темно, а дьявол — плохой.

Понятно. А какие люди попадают в ад?

Плохие люди, те, которые ругаются и убивают других.

Когда мы, наконец, поймем абсурдность обучения детей подобным истинам, абсурдность приравнивания невежества к убийству и назначения за то и за другое нескончаемого наказания?

Когда я попросил мальчика описать Бога, он сказал мне, что не имеет представления о том, как он выглядит, но заверил, что любит его. Когда мальчик говорил, что любит Бога, которого не мог описать и никогда не видел, он просто использовал привычный бессмысленный штамп. Настоящая правда состояла в том, что он боялся Бога.

Верите ли вы в Христа?

Несколько лет назад у нас в Саммерхилле жил ребенок одного проповедника. Однажды в воскресенье вечером, когда мы все танцевали, проповедник покачал головой.

Нилл, — сказал он, — здесь такое чудесное место, но почему вы все такие язычники?

Браун, — ответил я, — вы проводите свою жизнь, стоя на импровизированных трибунах и рассказывая людям о том, как им спастись. Вы разговариваете о спасении, а мы спасение

проживаем.

Нет, сознательно мы не следуем христианству, но, говоря более широко, Саммерхилл — это чуть ли не единственная школа в Англии, которая обращается с детьми так, что Иисус это одобрил бы. Кальвинистские священники в Южной Африке бьют своих детей точно так же, как и католики. Мы же в Саммерхилле даем детям любовь и приятие.

Каким образом должны дети получить свои первые представления о Боге?

А кто это — Бог? Я не знаю. Для меня это слово означает доброе начало в каждом из нас. Если убеждать ребенка любить какое-то существо, которое сам не особенно хорошо себе представляешь, то принесешь больше вреда, чем пользы.

Согласитесь ли вы с тем, что сквернословить означает произносить имя Божие всуе?

Детское сквернословие связано с сексом и естественными отправлениями, а не с Богом. Трудно спорить с религиозным человеком, для которого бог священен, а Библия воспринимается буквально. Если бы бога представляли как источник любви, а не страха, никто бы и не подумал упоминать его имя всуе. Если бы можно было сделать наших богов любящими и гуманными, то появилось бы отличное средство от богохульства.

О психологии

Неужели каждый человек неизбежно вырастает невротиком?

Саморегуляция — вот ответ на трудные вопросы, вытекающие из открытия Фрейда. Всякий аналитик должен чувствовать, хотя бы смутно, что часы, проведенные в работе с пациентом, никогда не понадобились бы, если бы он в детстве рос в условиях саморегуляции. Я говорю «смутно», потому что доподлинно мы ни в чем не можем быть уверены. Допускаю, что моей дочери, воспитанной в условиях свободы, придется однажды пойти к аналитику и сказать: «Доктор, мне нужна помощь, я страдаю комплексом отца. Я по горло сыта тем, что меня везде представляют дочерью А. С. Нилла. Люди ожидают от меня слишком многого, похоже, они думают, что я должна быть совершенной. Теперь старика уже нет, но я не в силах простить ему, что он выставил меня напоказ в своих книгах. Ну, что, я лягу на этот диван?»… Никто не знает.

Как проявляется ненависть к себе?

У ребенка ненависть к себе проявляется в асоциальном поведении, ссорах, злобности, плохом настроении, разрушительности. Всякая ненависть к себе стремится стать спроецированной, т. е. направленной на других.

Мать незаконнорожденного ребенка будет осуждать сексуальную свободу у других. Учитель, который годами пытался справиться с мастурбацией, будет бить детей. Старая дева, стремившаяся сублимировать секс, а на самом деле подавившая его, будет проявлять ненависть к себе в сплетнях и горечи. Всякая ненависть есть ненависть к себе.

Евреев уничтожали люди, ненавидевшие себя. Это можно видеть и в сообществах цветных. Наполовину черный житель Южной Африки или наполовину желтый азиат будут гораздо нетерпимее к настоящим аборигенам, чем белые.

Когда вы принимаете сторону ребенка, не является ли это просто вашим способом завладеть ребенком?

Ну и что, если бы даже так и было? Если это помогает ребенку, какое значение имеют мои мотивы?

Я знаю восьмилетнюю девочку, которая заикается в присутствии матери. Почему?

Заикание очень часто является попыткой выиграть время, чтобы не выдать себя в речи. Когда я на лекции получаю трудный

вопрос, я пытаюсь спрятать свое незнание или смущение, начиная с «эээ… нууу… ммммм».

Ребенок, о котором идет речь, похоже, боится матери. Я подозреваю, что мать — моралистка. Однажды я обнаружил, что заикание маленького мальчика было связано с его попытками скрыть тот факт, что он только что мастурбировал. Он чувствовал свою вину в связи с этим. Понадобилось убедить его, что мастурбация не грех. Но вообще-то психология заикания почти неисследованная территория.

Может ли муж подвергать психоанализу свою жену или, наоборот, жена — мужа?

Родственники ни при каких условиях не должны когда-либо пытаться использовать психологию для общения друг с другом. Мне известны случаи, когда муж анализировал жену или жена анализировала мужа. Такой анализ всегда бывал неуспешен, а иногда и решительно вреден. Никакой родитель не смеет подвергать своего ребенка психоанализу, какова бы ни была школа анализа.

Почему так много взрослых выражает благодарность строгим учителям своего детства?

По большей части из самодовольства. Человек, который встает на собрании и говорит: «Меня били, когда я был ребенком, и это принесло мне чертову уйму пользы», на самом деле говорит: «Посмотрите на меня. Я добился успеха, несмотря на то — или даже благодаря тому — что в детстве меня били».

Раб в действительности не хочет свободы. Он не способен ценить свободу. Внешняя дисциплина делает людей рабами, неполноценными, мазохистами. Они целуют свои оковы.

Может ли обычный учитель проводить психоанализ?

Боюсь, что нет. Сначала ему следует пройти анализ самому, потому что, если его собственное бессознательное останется неизведанной территорией, он не сможет сколько-нибудь продвинуться в исследовании неизвестных уголков детской души.

Об учебе

Вы не одобряете ни латыни, ни математики. Как же, по-вашему, следует развивать детский ум?

Я не знаю, что такое «ум». Если специалисты в математике или в латыни имеют великие умы, то я никогда ничего об этом не слышал.

Не ваше ли неодобрительное отношение к изучению математики виновато в том, что саммерхиллские дети ее не изучают?

Я никогда не говорю с детьми о математике. Лично я так люблю математику, что часто решаю геометрические или алгебраические задачки просто ради удовольствия.

Мое обвинение против математики состоит в том, что этот предмет слишком абстрактен для детей. Чуть ли не каждый ребенок ненавидит математику. Любой мальчик понимает, что такое два яблока, однако немногие могут понять, что такое X яблок.

Более того, мои претензии к математике такие же, как к латинскому и греческому языкам. Какой смысл преподавать квадратные уравнения мальчикам, которые будут чинить машины или продавать чулки? Это — безумие.

Верите ли вы в домашние задания?

Я не верю даже в школьные уроки, разве что на них ходят исключительно по доброй воле. Обычай давать домашние задания отвратителен. Дети ненавидят домашние задания, и этого достаточно, чтобы их осудить.

Почему некоторые мальчики учатся только под страхом физической боли?

Я полагаю, что мог бы выучить наизусть Коран, если бы знал, что в противном случае меня выпорют. Одним из результатов, конечно, было бы то, что я навсегда возненавидел Коран, того, кто порет, и себя самого.

Что делать учительнице, если мальчик все время играет своим карандашом в то время, когда она ведет урок?

Карандаш — замена пениса. Мальчику запрещали играть со своим пенисом. Лечение: постарайтесь убедить родителей снять запрет на мастурбацию.

Педагогика Александра Нилла

1. Философские основы педагогики Александра Нилла

Если бы самого Александра Нилла спросили, каковы корни его философии образования, он, вероятно, ответил бы насмешливо резкое, что-нибудь вроде того, что он никогда не читал никаких философов и не считает, что это так уж необходимо для того, чтобы иметь собственную философию образования. Скорее всего, так оно и было — не читал и не считал. Нилл не был профессиональным философом, он хотел создать (и создал) школу, которая решительно противостояла (и до сих пор противостоит, теперь уже под руководством его дочери Зои) традиционной системе образования. Однако тем интереснее становится отыскать философскую традицию, в контекст которой адекватно, без насилия вписывалась бы позиция — философская, жизненная, педагогическая — этого единственного в своем роде автора и деятеля. Слово и дело у Александра Нилла почти неразделимы, но все же текст, слава богу, существует и сам по себе, его можно даже перевести на другой язык, над ним можно думать, извлекать из него уроки и искать исторические и философские соответствия. Вслушаемся еще раз — можно ли найти в истории философии аналог этой совокупности идей и этому стилю высказываний:

Такой, какая она есть, нашу школу создала идея невмешательства в развитие ребенка и отказ от давления на него…

Любовь и ненависть не противоположны друг другу. Противоположностью любви является безразличие.

Я полагаю, что ребенок внутренне мудр и реалистичен. Если его оставить в покое, оставить без всяких внушений со стороны взрослых, он сам разовьется настолько, насколько способен развиться.

Ненависть вскармливается ненавистью, а любовь — любовью.

Так вот, мы взялись создать школу, в которой у детей была бы свобода быть самими собой. Чтобы сделать это, мы должны были отказаться от всякой дисциплины, всякого управления, всякого внушения, всяких моральных поучений, всякого религиозного наставления…

…то, что исправляет и излечивает, — это любовь, приятие и свобода быть самим собой…

…свобода… высвобождает скрытое. Она, как дуновение свежего воздуха, проветривает душу, чтобы очистить ее от

ненависти к себе и к другим.

И стиль, и идеи сначала вызывают в восприятии смутно знакомые (очень смутно) образы древних восточных книг, звучит в ушах что-то вроде «ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она» — это древняя Индия, Махабхарата, так сказал Кришна Арджуне перед тем, как тот принял решение не продолжать войну. Но потом воображение переваливает через Гималаи, мы попадаем в Древний Китай и тут-то находим удивительное соответствие не только идеям и стилю, но даже и тому общественному противостоянию, которое делало жизнь, мысль и деятельность Александра Нилла постоянной проповедью — он ведь, как и Альберт Швейцер, воистину сделал собственную жизнь аргументом своей философии. Мы имеем в виду проповедь ранних даосов и их противостояние с конфуцианцами, которые выражали философию тамошней официальной, традиционной системы, государственной вообще и образования в частности.

Даосы решительно отстаивали примат естественного, природного, натурального начала над культурным, которое у конфуцианцев означало этикет, ритуал, нормы приличного поведения. Даосы призывали к спонтанности, непосредственности, простоте, безыскусности, они отвергали насильственное окультуривание человека (но не саму культуру, разумеется). Для конфуцианцев природный человек — существо дикое, а культурные нормы как раз и необходимы для обуздания дикого природного начала. Сущность человека для конфуцианцев выражал принцип «вэнь» — человечность, гуманность. Но даосы тоже стремились не к дикости, просто для них природное начало как раз и заключало в себе универсальные законы Вселенной, оно было для них началом общекосмическим, существующим в том числе и в человеке, в самой глубине его человеческой сущности.

Наш выдающийся востоковед Николай Иосифович Конрад так писал об этом противостоянии: «Конфуций настаивал на том, что человек живет и действует в организованном коллективе — обществе, государстве. Эта организованность достигается подчинением каждого члена общества определенным правилам — нормам общественной жизни, выработанным самим человечеством в процессе развития цивилизации. Лао-цзы придерживался противоположной концепции: все бедствия человечества, все пороки — и личности, и общества — проистекают именно от этих самых правил. «Правила» есть насилие над человеческой личностью».

Таким образом, по представлениям даосов, социальный порядок достигается только отказом от всяких правил; их должно

заменить следование человеком его «естественной природе». Стремясь подавить эгоцентризм, правила только усиливают его, подвергая личность насилию, от которого она бессознательно обороняется. Даосы считали: «Чем больше становится законов и приказов, тем больше становится воров и разбойников». («Преступления создает закон», — говорит Александр Нилл.)

Даосы призывали забыть нормы и условности, пробиться к своей истинной человеческой сущности, уничтожить конфликт между личностью и сущностью. Если это удается сделать, достигается состояние «великого единения», в котором человек как бы растворяется в других Я. В этом состоянии исчезает необходимость самоутверждения, и человек избавляется от притязаний своего Я на овладение чем бы то ни было. В нем человек не будет делать искусственных усилий, чтобы соответствовать нормам нравственного поведения, но вместе с тем не станет совершать безнравственных поступков по отношению к другим людям, так как его Я находится с ними в единстве.

Ведущие концепции даосизма — естественность (спонтанность) и недеяние. Недеяние — ненарушение закона естественности, спонтанная реализация собственной природы. Недеяние — особый вид деятельности, следующей естественному порядку жизни, сливающейся с ним и оттого одновременно незаметной и достигающей цели. Цель же никогда не может быть сформулирована иначе, как в самом общем виде, например: правильная, хорошая, естественная жизнь. Все совершается само собой, так, как дышит человек, как бьется у него сердце, а отнюдь не по каким-то правилам, которые можно явно сформулировать. Произвольная целеполагающая деятельность, буквальное следование прописям, в том числе и нравственным, отвергается.

В книге Лао-цзы (Учителя Лао), легендарного основателя даосизма, об этом сказано так… Но сначала придется сказать два слова о центральном понятии даосизма — о дао. Слово это, как и логос у древних греков, имеет много значений, и среди них два главных, тоже, кстати, в точности таких же, как у слова логос: «закон» и «слово» (еще одно очень важное — «путь»). Так вот, первая строка книги Лао-цзы «Дао дэ цзин» звучит в стандартном переводе таким образом:

Дао, которое можно выразить словами, — не есть истинное дао, что одновременно означает и

Закон, который можно выразить словами, — не настоящий закон,

и

Слово, которое можно произнести, — не подлинное слово.

В той же книге сказано:

Совершенно мудрый, совершая дела, предпочитает недеяние; осуществляя учение, не прибегает к словам; вызывая изменения, не осуществляет их сам; создавая, не обладает тем, что создано; приводя что-то в движение, не прилагает к этому усилий; успешно завершая что-либо, не гордится. Поскольку он не гордится, его заслуги не могут быть отброшены.

Совершенно мудрый ставит себя позади других, благодаря чему оказывается впереди. Он пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется. Не происходит ли это оттого, что он пренебрегает личными интересами? Напротив, он действует согласно своим личным интересам.

Личный интерес Александра Нилла, которому он следовал в течение всей своей долгой — почти девяностолетней — жизни, состоял в том, чтобы дети, а затем и те взрослые люди, которые из них вырастут, жили естественной, нормальной, т. е. счастливой, жизнью. Свобода, любовь и счастье — вот основные категории философского лексикона Нилла. В атмосфере свободы, которая может быть создана только любовью, ребенок проходит естественный путь (дао) своего развития, приводящий его к счастью. Все усилия родителей, учителей и прочих взрослых, которые стремятся загонять детей в рамки этикета, хороших манер, моральных норм, стандартного школьного образования, приводят к прямо противоположным следствиям: насильственное внедрение культурных норм делает людей злыми и несчастными. Нормальный, т. е. свободный и счастливый, ребенок естественным образом, без всяких специальных внешних усилий приобретает необходимое образование, хорошие манеры и нравственные принципы.

Настало время бросить вызов существующим представлениям о работе школы. Считается само собой разумеющимся, что каждый ребенок должен изучать математику, историю, немного естественных наук, чуть-чуть искусства и, уж конечно, литературу. Пришло время понять, что обычный ребенок не интересуется толком ни одним из этих предметов.

Школа не обращает внимания на самое главное: все на свете греческие языки, математики и истории не помогут сделать семью более любящей, детей — свободными от подавления, а родителей — свободными от неврозов.

Будущее Саммерхилла как такового, вероятно, не имеет большого значения, но будущее идеи Саммерхилла имеет огромное значение для человечества. У новых поколений должен быть шанс вырасти в свободе. Подарить свободу — это подарить любовь, а только любовь может спасти мир.

2. Психологические основы педагогики Александра Нилла

Если философские корни педагогики Александра Нилла пришлось искать в Древнем Китае, то психологические ее истоки предъявлены в книге ясно и определенно: это психоанализ, который Нилл называет просто психологией, в своем восприятии не разделяя на отдельные потоки широкое течение в культуре, занимающееся психической жизнью человека. Это выглядит несколько непривычно для нас — жителей страны, в которой в течение многих десятилетий психоанализ характеризовался как (выписываем из словаря иностранных слов 1954 года издания) «антинаучное, реакционное, субъективно-идеалистическое направление в буржуазной психологии и психотерапии», а также сообщалось, что «психоанализ полностью опровергнут советской наукой», в которой он был специально разрешен лишь в недавнее время указом президента. В западной, т. е. просто в мировой, культуре по крайней мере с середины XX века является общепризнанным, что Зигмунд Фрейд — один из величайших гениев человечества, совершивший открытия, которые радикально изменили понимание человеческой психики и позволили оказать практическую помощь многим людям.

Нилл — подготовленный психоаналитик, он был знаком со многими деятелями этого движения в ту пору, когда оно только разворачивалось в Европе, дружил с Вильгельмом Райхом. Он постоянно использует в качестве основной предпосылки понимания личности представление о бессознательном, которое вмещает инстинкты, побуждения, источники психической энергии — все то, что никогда и не было в сознании, а также то, что было по тем или иным причинам из сознания вытеснено. Столь же постоянно использует он и фрейдовскую модель личности, состоящую из:»

Оно, которое не знает ценностей, добра и зла, не знает морали и нравственности, а только имеет желания и стремится их удовлетворить;

Сверх-Я, которое создает запреты и ограничения, действует как цензура побуждений и мыслей и одновременно как совесть, так что часто человек ведет себя так, как будто он одержим чувством вины, о которой ничего не знает, и, наконец,

Я, которое приспосабливается к миру внешней реальности, накапливая опыт управления бессознательными побуждениями, исходящими из Оно, и приведения их в соответствие с

культурными нормами, диктуемыми Сверх-Я.

Это несчастное Я, жестоко распятое между Оно и Сверх-Я, обычно пытается облегчить чувства вины и неудовлетворенности жизнью — а они возникают неизбежно — при помощи защитных механизмов психики, которые стараются сделать жизнь человека выносимой, приемлемой, защитить его от давления властной цензуры, от строгого навязывания культурных норм, но достигают они этой цели ценой искажения облика внешнего мира и образа самого себя.

Из защитных механизмов наиболее часто в книге упоминается подавление (или репрессия), сущность которого заключается в том, что некие события, образы восприятий, мысли просто удаляются из сознания и держатся от него на расстоянии, все время старательно подавляются (на что тратится значительная энергия), но все же не уничтожаются. Подавленные элементы через неосознаваемые связи влияют на психическую да и вообще всю жизнь человека, они порождают симптомы неврозов и даже таких тяжелых телесных заболеваний, как астма, язва и артрит.

Довольно часто Нилл упоминает и рационализацию: она призвана сделать приемлемыми для Сверх-Я те наши поступки или мысли, которые цензура считает низкими, грязными, постыдными — невозможными в приличном обществе. Достигается это путем нахождения причин и оснований, согласно которым поступать и мыслить таким образом можно или даже нужно, необходимо. Такого рода рациональные ухищрения могли бы казаться забавными, если бы все это не было так, в сущности, печально: эти и другие защитные механизмы не разрешают внутреннее напряжение, они блокируют непосредственное, спонтанное выражение потребностей, уводят человека из реального мира и плодят неврозы.

Возникновение тех или иных комплексов — болезненных психических образований — практически неизбежно, взять хотя бы имеющее большое значение для Нилла представление о комплексе неполноценности, развитое Альфредом Адлером. Нилл говорит об этом почти в тех же выражениях, что и автор идеи, присовокупляя затем, по своему обыкновению, выразительные примеры из собственной практики: «Желание детей быть взрослыми есть желание могущества. Уже одни только размеры взрослых создают у ребенка ощущение неполноценности. Почему взрослым позволено сидеть допоздна, почему им принадлежат все лучшие вещи: пишущие машинки, автомобили, хорошие инструменты, часы?»

Начинающаяся в колыбели работа защитных механизмов

приводит к тому, что человек непременно приобретает ту или иную совокупность комплексов. Вытеснение из сознания неприемлемых для цензуры идей сопровождается зажатостью, мускульной скованностью — первым на это обратил внимание Райх. Нилл подтверждает его наблюдение. Вероятно, лишь единицы из всех людей на этом свете не нуждаются в помощи психоаналитика.

Обычная для психотерапевта-аналитика работа заключается в том, чтобы попытаться помочь Я пациента осознать корни его неврозов и структуру защитных механизмов, помочь Я стать более реалистически приспособленным к миру и гибким. Практическая цель психоанализа — усилить Я, расширить его поле восприятия и усовершенствовать его организацию, сделать его более независимым от Сверх-Я, от давления цензуры.

Работа с детьми имеет важную специфику — ребенок не обладает сформировавшимися структурами личности, в частности развитым самосознанием. Ему вряд ли принесет большую пользу кропотливое исследование корней и рефлексия по этому поводу. Нилл неоднократно подчеркивает это и показывает, что при аналитической работе с детьми он обычно ограничивается указанием на связь между невротическими проявлениями и вытесненными идеями. Однако самое важное состоит в том, что он создавал не лечебницу, а школу, школу-лабораторию, в которой комплексы у детей вообще не должны были образовываться:

«Фрейд показал, что всякий невроз основан на сексуальном подавлении. Я сказал себе: я сделаю школу, в которой сексуального подавления не будет. Фрейд показал, что бессознательное бесконечно более важно и более могущественно, чем сознание. Я сказал себе: в моей школе не будет цензуры, наказаний, морализаторства, мы позволим каждому ребенку жить в соответствии с его глубинными импульсами».

Но поскольку подавление начинается уже в колыбели, практически все поступающие в Саммерхилл нуждались в лечении. Сам Зигмунд Фрейд считал психоанализ естественным процессом, который аналитик, так сказать, налаживает, но происходит он сам по себе, спонтанно, течение его нельзя предсказать: «Психосинтез, таким образом, достигается во время аналитического лечения без нашего вмешательства, автоматически и с необходимостью». После сказанного о философии Александра Нилла легко себе представить, что такое понимание было ему близким. Однако он в своей практике пошел еще дальше: все меньше занимался аналитическим лечением, все меньше давал личных уроков, все больше верил в

терапевтическое воздействие самой атмосферы Саммерхилла: «Я все больше убеждаюсь в том, что, если дети имеют возможность изжить свои комплексы в условиях свободы, в терапии нет необходимости»; «Очень небольшая часть из наших 45 детей получает личные уроки. Я все больше и больше верю в терапевтическое действие творческой работы».

Нилл, таким образом, вносит в психоанализ важные и новые представления: в атмосфере, где нет постоянного внешнего принуждения, комплексы рассасываются сами собой, исчезает необходимость психотерапевтического вмешательства. Беда только в том, что ни в семье, ни в школе нет такой атмосферы. Чтобы создать ее, поддерживать и выращивать в ней детей без комплексов, нужно всего лишь опираться на педагогические принципы, сочетающие в себе философию естественности и недеяния с психологией бессознательного.

3. Педагогические принципы Александра Нилла

Одно время у нас пользовалась очень большой популярностью повесть Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Там была такая симпатичная романтическая метафора о детях, которые бегают во ржи, не зная, что где-то рядом — ужасная пропасть, и юный герой повести чувствует, что его человеческий долг или, возможно, призвание — ловить этих детей, каким-то образом сделать так, чтобы они не свалились в пропасть. Согласно этой метафоре, дети — некая группа риска, они могут по каким-то случайным обстоятельствам свалиться в пропасть, а если обойдется, то и славно, дальше все будет хорошо.

У Нилла совсем другой, далеко не светлый и не романтический взгляд на положение детей в обществе и на их судьбу. По Ниллу, вообще-то «человеческие существа хороши, они хотят творить добро, они хотят любить и быть любимыми», но невежественные доктора, невежественные родители, невежественные учителя практически всегда разрушают все удовольствие и непосредственность жизни своими абсурдными идеями руководства и формирования. Почти невозможно поверить, говорит Нилл, но они смеют покушаться на естественные импульсы и естественное поведение ребенка. «Тоталитаризм всегда начинался и до сих пор начинается в детской. Самое первое вмешательство в природу ребенка есть первое проявление деспотизма». С момента рождения ребенок оказывается опутанным сетью запретов, которые, подавляя его естественное поведение, в частности его естественный интерес к составу, строению и отправлениям собственного тела, вызывают у него многочисленные и многоразличные комплексы. В результате все человечество оказывается больным, те самые человеческие существа, которые хотели любить и быть любимыми, получают вместо любви ненависть и становятся ненавистниками.

Нормальной, т. е. счастливой, жизнью не живет практически никто, собственные родители, учителя и священники превращают здоровых детей в больных взрослых. И делается все это не по злобе, а по невежеству… впрочем, нет, по злобе, точнее, по ненависти тоже, ибо ненависть вскармливает ненависть и в порочный круг вовлекаются все новые поколения. Стремление взрослого — родителя, учителя, священника — к власти требует от ребенка послушания, для взрослого хороший ребенок — это

такой ребенок, который полностью соответствует нашим ожиданиям, выполняет наши указания, принимает наши поучения, дает нам возможность самоутверждаться за его счет и в результате наследует наши комплексы. «Трагедия заключается в том, что родитель считает, что он всегда действует во имя добра». Он, как правило, так и считает, не отдавая себе отчета в том, что этот механизм рационализации так преобразовал его низменные стремления властвовать, самоутверждаться, поучать, вымещать обиды…

Слепота, безответственность, невежество, незрелость — все они вместе (или все это — одно и то же?) порождают преступления, войны, болезни и прочие бедствия. Порождают именно тем, что с младенческого возраста воздействуют на ребенка принуждением, стремясь приобщить его к культурным нормам, которые он не готов ни понять, ни принять. Когда ребенок находит у себя на руках и ногах пальчики, следует буря восторгов, а когда он находит на своем младенческом тельце кое-что другое, взрослые испуганно переглядываются и отводят его ручонку. Разве может младенец это понять? Подавление, которое начинается в колыбели, — вовсе не фигура речи.

Почти все взрослые уверены, что без специального обучения ребенок не научится ни ходить, ни говорить. Хорошо еще, говорит Нилл, что мы не учим ребенка переваривать пищу. Следуя распространенной отечественной шутке, можно сказать, что на вопрос «Кто виноват?» Нилл отвечает вполне определенно: родители, учителя, священники, политические деятели, врачи, — словом, все взрослые, не дающие себе труда задуматься над тем, какой непоправимый вред они наносят детям, когда руководствуются внушениями своих комплексов или дурацкими предрассудками. На другой классический вопрос русской литературы — вопрос «Что делать?» Александр Нилл отвечает так: «Как можно взрастить счастье? Мой ответ таков: отмените власть. Дайте ребенку быть самим собой. Не подталкивайте его все время. Не учите его. Не читайте ему нотаций. Не пытайтесь его возвысить. Не заставляйте его делать что бы то ни было».

Как-то не слишком все это похоже на педагогику. Обычно педагогика старается объяснить, какие усилия следует предпринимать, чтобы приобщить подрастающие поколения к человеческой культуре, сложившейся к данному моменту времени. Здесь же именно эти усилия объявляются вредоносными и на них возлагается ответственность за болезненное состояние человечества. А позитивная программа формулируется преимущественно негативно, посредством указания на то, чего делать ни в коем случае не следует. Так существует ли вообще

педагогика Александра Нилла, если да, то в чем заключается ее сущность, какие ее видовые отличия можно указать и каковы признаки ее принадлежности к этому роду, т. е. к педагогике вообще?

Этот простой, скромный, работящий шотландец, сын строгого директора школы, вооруженного плеткой, любящий копаться в огороде, работать на токарном станке и заниматься чеканкой, по нашему мнению, теоретически разработал основы и практически доказал реальность существования совершенно новой педагогики — педагогики иной, здоровой цивилизации, которая еще не существует, но вполне вероятна. Сама возможность существования этой новой цивилизации зависит от распространения и применения новой педагогики Александра Нилла. Порочный круг разорвать можно, конечно, не сразу, но тем быстрее, чем большее количество людей примет базовые принципы новой педагогики.

Основное теоретическое положение педагогики Александра Нилла состоит в том, что именно педагогические усилия, как профессиональные (учителей и прочих воспитателей), так и непрофессиональные (родителей и близких взрослых), уродуют ребенка и делают его неотъемлемой частью этой больной и несчастной цивилизации. Так далеко не заходила ни так называемая антипедагогика, утверждающая, что мы не имеем возможности практически заниматься педагогикой, поскольку не знаем, что будет нужно для жизни подрастающих ныне поколений в то время, когда они уже подрастут, ни даже то современное течение в философии образования, которое утверждает, что школы как таковые вредны, поскольку воспитывают конформистов.

Основная теоретическая оппозиция вполне отчетливо противопоставляет две концепции, две модели образования — старую и новую. (Мы говорили уже в подстрочных примечаниях, что английское слово «education» охватывает весь процесс формирования личности, и именно в этом смысле употреблено здесь слово «образование». Для Нилла образование в узком — русском — смысле слова есть, по существу, дело только самого образовывающегося человека, в его педагогике дидактики вообще не существует.)

В старой (ныне существующей) цивилизации позиция человека по отношению к жизни определяется Ниллом словом «жизнеотрицание» (antilife); в педагогике соответственно этому существуют такие основные цели и одновременно области деятельности педагога: дисциплина, учебная работа, хорошие манеры. Все это замкнуто на ребенке как на объекте образования

и обозначает главные характеристики объекта на выходе: он должен обладать хорошими манерами, образован в узком смысле, т. е. иметь необходимые, скажем, для поступления в университет знания, умения и навыки, и дисциплинирован — уметь подчиняться и исполнять свой общественный (государственный, политический, идеологический, интернациональный) долг.

В новой (едва прорастающей) цивилизации человек обладает позицией жизнеутверждения (prolife); в педагогике этому соответствуют свобода, игра, открытость. Названные особенности характеризуют не черты человека, которые следует в нем сформировать, а скорее параметры педагогической среды образовательного (в широком — английском — смысле) учреждения, что как раз соответствует духу и букве этой книги, по страницам которой рассыпаны многочисленные утверждения о том, что педагогическое значение имеет сама атмосфера Саммерхилла, что лечит свобода, а не терапия и т. п.

«Давайте подытожим, — говорит Нилл. — Жизнеутверждение означает радость, игры, любовь, интересную работу, хобби, смех, музыку, танцы, сочувствие к другим и веру в человека. Жизнеотрицание означает долг, послушание, выгоду и власть. На протяжении всей истории жизнеотрицание побеждало, и оно будет продолжать побеждать до тех пор, пока юношество обучают встраиваться в современные взрослые представления».

Давайте и мы подытожим, т. е. представим в виде схемы, это противостояние старой и новой педагогик.

Жизнеотрицание > Жизнеутверждение

Дисциплина > Свобода

Учебная работа > Игра

Хорошие манеры > Открытость

По-английски discipline означает одновременно «дисциплина» и «наказание», дисциплинировать (to discipline) — наказывать. И действительно, на каком языке ни говори, дисциплина не может жить без наказаний и поощрений. Но только взрослые до сих пор не поняли, что, «наказывая, они превращают любовь своего ребенка к себе в ненависть». А дальше обыкновенная традиционная школа — строгая школа, как называет ее Нилл, — «сохраняет традицию унижения ребенка; ограничивает его эмоциональную жизнь, его творческие стремления: тренирует его в послушании любым диктаторам и начальникам в его жизни». При этом родители и учителя плохо понимают, «какое ужасное влияние на ребенка оказывает непрерывный поток запретов, наставлений, нравоучений и навязывания ему всей системы нравственного поведения». И Нилл заключает со всей свойственной ему силой и проникновенностью:

«Я полагаю, что именно нравственное воспитание делает ребенка плохим. Я обнаружил, что, когда я разрушаю нравственное воспитание, которое получил плохой мальчик, он становится хорошим мальчиком».

В новой педагогике «нет никакой необходимости учить ребенка, как себя вести, ребенок в свое время сам узнает, что хорошо и что плохо, при условии, что на него не давят».

В новой педагогике нужно просто быть на стороне ребенка. Только не следует думать, что недеяние — это бездействие, дело обстоит как раз наоборот. «Неукоснительная дисциплина — самый простой способ для взрослых добиться тишины и покоя», а более сложные способы требуют постоянного изобретения все новых и новых ходов в этой прекрасной творческой игре взращивания свободного человека. Управление с опорой на самоуправление требует гораздо больших тонкости и гибкости, чутья и таланта, умения и затрат времени. Кроме того, предоставить детям свободу — это вовсе не то же самое, что быть идиотом, отмечает Нилл. Он часто подчеркивает, что свобода отличается от вседозволенности, но на границе дозволенного, там, где свобода человека натыкается на свободу другого человека, в свободной школе действуют не начальственные запреты, а демократические законы. Самоуправление — неотъемлемая часть воспитания свободой, «не может быть свободы, если только дети не чувствуют, что они вполне свободны управлять своей собственной общественной жизнью».

Нилл пишет: «Саммерхилл можно определить как школу, в которой игра имеет первостепенное значение. Я не знаю, почему дети и котята играют». Можно прочесть (или даже написать) несколько книг об игре, но на вопрос, почему они играют, сейчас нельзя дать доказательный ответ. Как сказал один знаменитый физик, понимание атома — это детская игра в сравнении с пониманием детской игры. Нилл, как обычно, и не стремится теоретизировать, он просто принимает это как факт, но факт чрезвычайной важности: «Можно утверждать — и не без основания, — что пороки цивилизации обязаны своим существованием тому факту, что ни одному ребенку никогда еще не удалось вдоволь наиграться». В Саммерхилле играют и дети, и взрослые. Дух игры — это и дух юмора, который так ценит Нилл, это дух антиавторитарности, который позволяет детям выражать свою нежность к Учителю, называя его дурацким дураком или глупым ослом. Нилл постоянно напоминает этим бестолковым родителям и надутым учителям, что, скажем, «малышам надо, чтобы их обнимали и тискали». Что учитель не может ни от кого требовать уважения к себе, что он не должен пытаться

красоваться и самоутверждаться, что в школе и в семье важна только стихия любви, а слова, которые при этом произносятся, второстепенны.

Второстепенны и успехи в учебных предметах. Датская девочка, которая провела в Саммерхилле три года и совершенно свободно говорила по-английски, вернувшись домой, оказалась последней в классе по предмету «английский язык», потому что не знала грамматики. Нилл полагает, что это «едва ли не лучший пример того, что взрослые считают образованием». Какие цели преследует преподавание иностранного языка в школе? Кто из носителей русского языка, читающих сейчас эту книгу, может сказать о себе, что знает грамматику этого языка, даже если в свое время получал по этому предмету — «русский язык» — сплошные пятерки?

Для новой педагогики важны не оценки и даже не знания, а «способность радостно работать и уверенно жить». Если образование (в широком смысле) обеспечивает человеку такую способность, все, что ему понадобится изучить, он сможет изучить сам, пользуясь необходимыми книгами и консультациями. Ребенок не бывает ленивым, если он кому-то кажется ленивым, значит, он либо болен, либо ему неинтересно то, чем его заставляют заниматься, а если заставляют — неинтересно все. Деление в столбик, десятичные дроби и т. п. либо вовсе не понадобятся, либо легко могут быть выучены, когда будет осознана необходимость в этом.

В педагогике Александра Нилла, кажется, действительно, все позитивное формулируется либо от противного, либо предельно широко и не слишком определенно. В самом деле, скажут некоторые родители и учителя, даже если бы мы захотели осознанно принять «сторону ребенка в его развитии в направлении к свободе, свободе во всем — в работе, знаниях и любви», в каком направлении следует действовать, делать то, что надо. Но опять — гораздо важнее понять, чего делать не следует. Нилл даже утверждает, что «искусство обращения с детьми можно определить как знание того, чего не следует говорить». А когда анализирует свои собственные возможности и способности, обнаруживает, что кроме большого опыта у него есть только, «возможно, еще способность не замечать несущественного».

Не замечать несущественного, не пытаться ускорить процесс роста, не помогать ребенку, если он может сделать что-то сам, не давить на него, не говорить про естественные отправления организма «грязь» и «фу» — последняя по перечислению тема представлена в книге широко, глубоко, основательно и серьезно. Кстати, Лайнус Полинг, дважды лауреат Нобелевской премии по

химии, дал гениальное определение грязи: грязь — это химическое соединение, находящееся не на своем месте. В очень чистых образцах кремния или германия грязью считается золото. Нормальные выделения организма совершенно уместны в чистом туалете, нормальная сексуальная жизнь не только не грязна, но и может быть очень возвышенной и романтичной. Подавлению, связанному с этими сторонами жизни, нет места в новой педагогике.

А позитивная программа в ней, конечно, существует. Если вы не хотите, чтобы ребенок унаследовал ваши комплексы, для начала задайте себе все те вопросы, которые предлагает на этот случай Александр Нилл, и попытайтесь честно на них ответить: «Не потому ли я сержусь на ребенка, что поссорился с женой (поссорилась с мужем) сегодня утром? А может быть, потому, что прошлой ночью секс не принес мне достаточного удовольствия? А может быть, потому, что соседка сказала, что я порчу моего отпрыска? Или потому, что мой брак неудачен? Или потому, что мой начальник отругал меня на работе?» А потом все очень просто: не бейте ребенка, не кричите на него, не наказывайте его… Никакая это не негативная программа, а самая что ни на есть позитивная — изменитесь, станьте другим человеком, научитесь ставить себя на место ребенка, глядеть на мир его глазами (конечно, и Карл Роджерс здесь вспоминается).

Нилл написал много книг, и о нем их написали не меньше. Проповедь звучит, только внимают ей не слишком активно. Больное человечество держится за свои болезни, как пьяница за рюмку. Оно выдумывает отговорки: это у них там, в сытой Англии, Америке, Швейцарии… у нас вообще свой путь развития, нам это все не нужно… у нас все это уже было, и есть, и лучше… этот опыт уникален, повторить его нельзя… Ох, коллеги, все это рационализация. Гениальных людей в мире не так много, никто не ждет лично от вас, чтобы вы сделали то же, что сделал он, но — прислушайтесь: человек доказал, что дети могут расти счастливыми.

Э. Н. Гусинский, Ю. И. Турчанинова

notes

1

Лэм, Чарльз (Lamb) — известный английский писатель и критик конца XVIII — начала XIX в. Его произведение «Эссе Элии» входит в программу английских школ по литературе.

2

Слово «hand» имеет в английском языке немало значений, среди которых есть и древняя единица измерения роста лошади, равная приблизительно 10 см. Слово «brass» среди прочего означает медь как металл, мелкую монету, оркестровую группу, а на военном жаргоне — высшие армейские чины.

3

Если говорить по-английски, ученики выглядят более самостоятельными. Буквальный перевод этого места звучал бы так: «…у него были вполне определенные и окончательные представления о необходимости брать уроки, которые ему дают». Аналогичным образом англоговорящие ученики и студенты берут (или не берут) различные курсы и экзамены.

4

См. предыдущую сноску.

5

Ныне существующее положение или положение, которое существовало в некий момент прошлого.

Порядковый номер класса в данном случае обозначает группу, в которую дети объединены по возрасту.

7

То, что принято называть по-русски «трудный ребенок», по-английски обо- жачается как «problem child» — ребенок с проблемами.

То есть очень дорогую краску.

9

Я (Ego) — элемент структуры личности по Фрейду.

Здесь имеет смысл упомянуть, что по-английски обвиняемый — «defendant», т. е. тот, кто защищается. Это существенно изменяет психологическую атмосферу обсуждения.

11

Имеется в виду сотрудник Нилла, взрослый.

12

1 шиллинг = 12 пенсам.

13

Речь, по-видимому, идет о киббуцах — израильских коллективных хозяйствах, созданных еще в начале XX в. евреями-первопереселенцами в Палестине и бывших тогда для них единственным способом выживания в тамошних суровых условиях.

14

Сквош — род игры в мяч наподобие тенниса.

15

Выражение «Вествард Хо» (Westward Ho), буквально означающее «Вперед, на запад!», служит прозвищем главного героя в нескольких крупных произведениях английской литературы. По ряду из них поставлены фильмы.

16

Дж. М. Бэрри (1860–1937) — английский драматург.

17

Серебряная нить» и «Водоворот» («Silver Cord» and «Vortex») — пьесы Сиднея Ховарда и Ноэля Кауарда.

18

Гарвич — портовый город на юго-восточном побережье Британии.

19

Amanuesis (лат.) — личный секретарь, пишущий под диктовку.

20

Маникюрша по-английски — «manicurist». Слова «manicurist» и «amanuesis» действительно однокоренные.

21

Тьютор — педагог, который руководит самостоятельной работой учащихся.

22

Студент, особо отличившийся на экзамене по математике, которая в Кембридже традиционно считается главной наукой, царицей наук.

23

Джон Мильтон (Milton) — великий английский поэт, автор поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай».

24

Фрустрация — психическое состояние, вызываемое непреодолимыми трудностями на пути к достижению цели.

25

Для Нилла психология и психоанализ — синонимы.

26

Подавление, или репрессия, — один из защитных механизмов психики по Фрейду, удаление из сознания того, что вызывает тревогу, является неприемлемым для совести.

27

Понятие «саморегуляция» известно психологии, но существует в ней на уровне здравого смысла и не связано с какими-либо конкретными теоретическими концепциями. Нилл пытается сузить объем этого понятия и связать представление о саморегуляции исключительно с ребенком, который воспитывается в условиях свободы. Фактически он вводит противопоставление «саморегуляция — внешняя регуляция».

28

Зоя Ридхед-Нилл после смерти отца возглавила школу Саммерхилл, она руководит ею и сейчас.

29

Гомер Лейн — выдающийся английский педагоги психоаналитик. «Маленькое содружество» — его исправительная школа.

30

Условия, существовавшие до рождения ребенка, в период его утробного развития.

31

Фобия — навязчивый неадекватный страх, симптом невроза.

32

Эксгибиционизм — половое извращение, при котором субъект демонстрирует свои гениталии лицам противоположного пола.

33

Интровертированность и экстравертированность — характерологические обозначения, введенные К. Г. Юнгом, общая обращенность личности внутрь себя (интро-) или во внешний мир (экстра-).

34

Вильгельм Райх (1897–1957) — психоаналитик, основатель так называемой «ориентированной на тело» психотерапии.

См. сноску на с. 39.

36

Сэр Кристофер Рен (1632–1723) — английский архитектор.

37

См. сноску на с. 101.

38

Биверборд — торговая марка фирмы, выпускающей древесностружечные плиты.

39

Английская идиома «скелет в шкафу» означает факты, порочащие одного из членов семьи, тщательно скрываемые от посторонних.

40

В оригинале игра слов: statesmen и staticmen.

41

Проекция — один из защитных механизмов психики, приписывание другим людям и объектам собственных качеств, чувств или намерений.

42

Копрофилия — интерес к экскрементам.

43

Сублимация по Фрейду — единственный непатологический защитный механизм психики, направляющий сексуальную энергию в другое русло. Репрессия — то же, что подавление, см. сноску на с. 80.

Ветси — от английского слова «wet» — «мочить, мочиться».

45

Роман шотландского писателя Джорджа Брауна (1869–1902).

46

Д. Г. Лоуренс (1885–1930) — известный английский писатель.

47

Человек, страдающий вуайеризмом, удовлетворяется созерцанием эротических сцен.

48

Маскулинность — мужское начало в человеке, феминность — женское.

49

Содомский грех — гомосексуализм.

50

Либидо, по Фрейду, — сексуальная энергия, в принципе способная питать и иные формы активности.

51

С. Т. Колридж (1772–1834) — английский поэт.

Имеются в виду выборные мировые судьи.

53

Знаменитая книга английского писателя Дж. Бэрри, по которой поставлено множество фильмов.

54

Один из самых знаменитых фильмов У. Диснея.

55

Фильм по рассказу Мопассана.

56

Штрайхер — один из идеологов нацизма.

57

По Ниллу, учитель — лечит. Это в высшей степени нетривиально в понимании долга учителя.

200 ударов — очень плохой результат. Приличный игрок делает не более 70.

По-английски улитка — a snail». Это похоже на A. S. Neill — А. С. Нилл, Александр Сазерленд Нилл.

То есть производил рационализацию по Фрейду — искал вымышленную приемлемую причину.

61

Экзамен «11+» сдавали в 11 лет для поступления в грамматическую школу, которая по уровню выше «современных» школ.

62

Вильгельм Штекель (1868–1940) — известный немецкий психоаналитик.